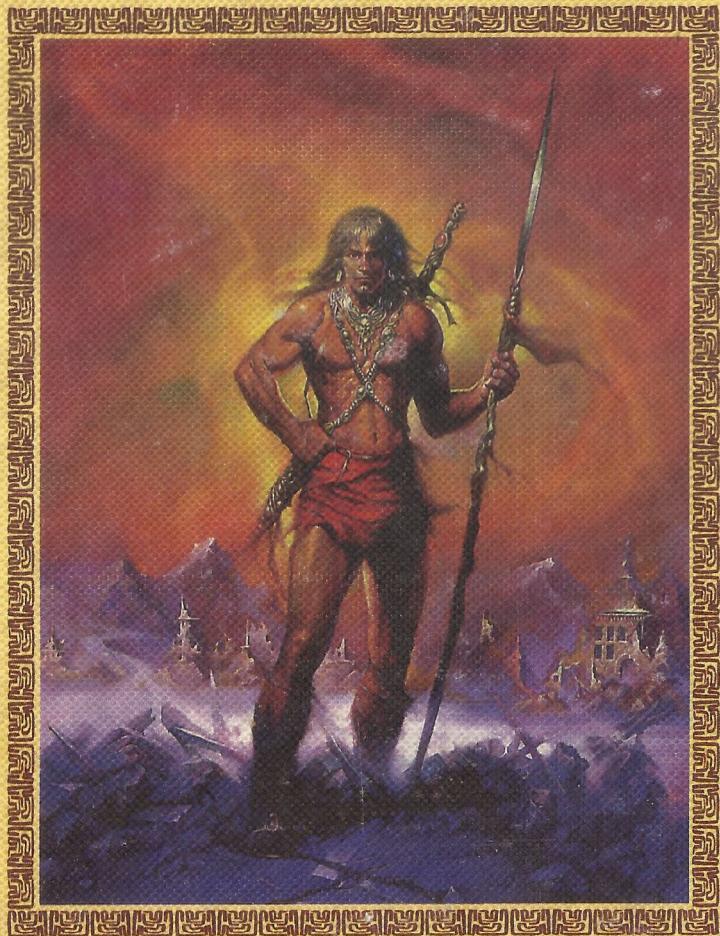


Джон Мэддокс РОБЕРТС

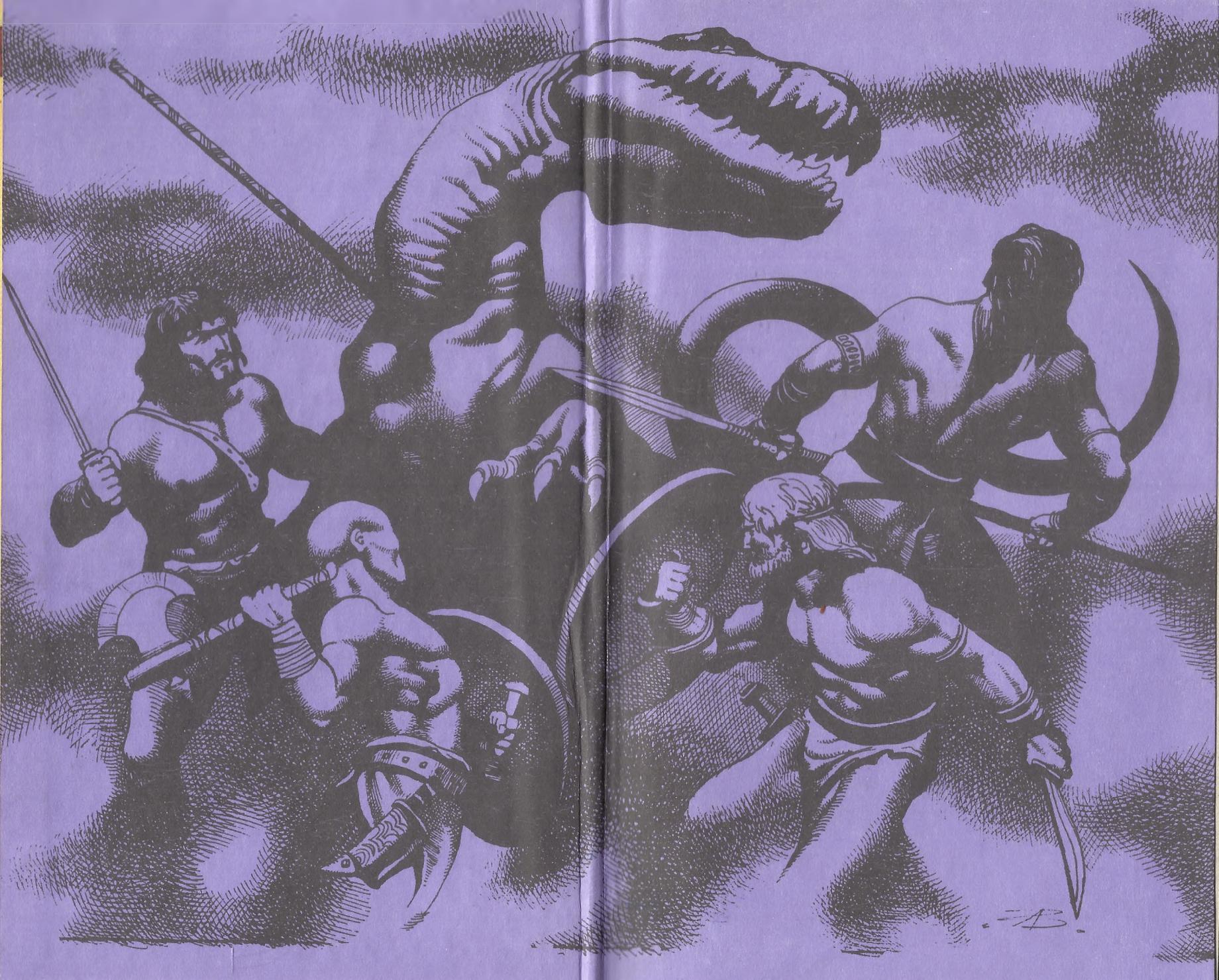
Островитянин



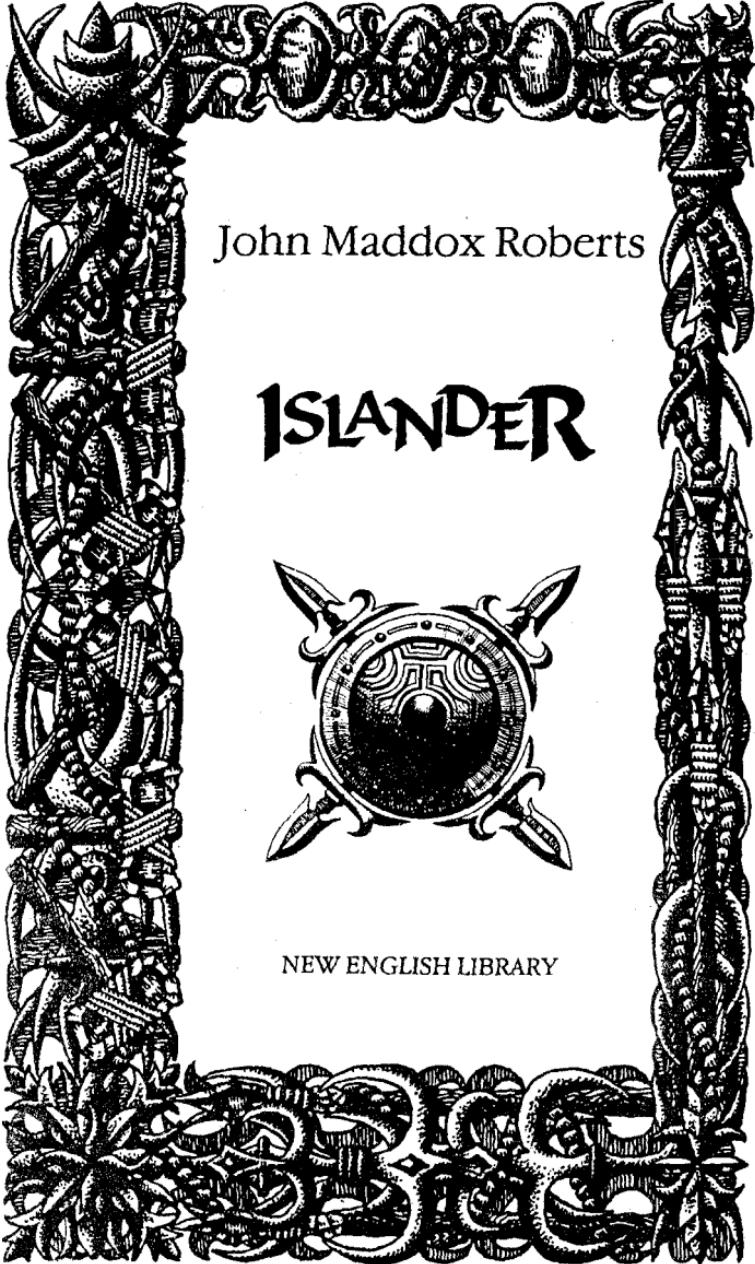
Джон Мэддокс РОБЕРТС



Хроники Грозовых Земель







John Maddox Roberts

ISLANDER



NEW ENGLISH LIBRARY

Джон Мэддокс Робертс

ОСТРОВИТАНИН



"СЕВЕРО-ЗАПАД"
Санкт-Петербург
1999

УДК 820(73)
ББК 84(7США)
Р 58

*Авторские права защищены. Запрещается
воспроизведение этой книги или любой ее части,
в любой форме, в средствах массовой информации.
Любые попытки нарушения закона будут
преследоваться в судебном порядке.*

Робертс Дж. М.

Р 58 Островитянин: Роман / Пер. с англ.— СПб.:
Северо-Запад, 1999.— 460 с.

ISBN 5-7906-0059-X.

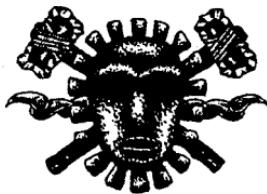
Роман Джона Мэддокса Робертса переносит читателя на
далекую таинственную планету. Некогда тут была наука, а за-
тем, когда на планете истощились запасы металлов, люди вер-
нулись к варварству и колдовству. И только Островитянин —
главный герой романа, прирожденный воин, может противово-
стоять колдунам-ученым, стремящимся поработить весь мир.

УДК 820(73)
ББК 84(7США)

ISBN 5-7906-0059-X

© J. M. Roberts, 1990
© K. Kelly, 1986
© «Северо-Запад», подготовка текста,
серийное оформление, 1997

МЕЧ, МАГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ



Жанр героической фэнтези уходит своими корнями к сагам северных народов, историям *«Тысячи и одной ночи»*, легендам о короле Артуре и *«Одиссее»* Гомера, но как самостоятельный жанр он обрел четкие очертания лишь в двадцатых годах нашего столетия.

В конце девятнадцатого века особую популярность приобрели авантюристо-приключенческие романы. Ж. Верн, М. Рид, Р. Хаггард, Л. Жаколио, Л. Буссенар — романы этих и многих подражающих им писателей насытили книжный рынок. И это естественно. Научно-технический прогресс развивал и укреплял и экономические связи. У людей



появился интерес к романам об экзотических землях. Для них остров Борнео или острова Малайзии были столь же знакомы, как для нас равнинны Луны. Каждый год совершались географические открытия. В газетах печатали фотографии удивительных зверей, и порой неуемная фантазия охотников за сенсациями тесно переплеталась с научными открытиями. Но первоначально интерес читающей публики был чисто познавательным. Фактически существовавшая и ранее приключенческая литература лишь сменила декорации. Теперь отважные и благородные первопроходцы спасали полногрудых красавиц блондинок на фоне экзотических джунглей, где в темных пещерах горели костры дикарей-людоедов. Рыцарские приключения и подробное описание интриг в королевских дворах Европы наскучили читателю. Теперь большая часть книги посвящалась описаниям чудес животного и растительного мира, удивительных и далеких стран, о которых читатель слышал, но где даже не надеялся побывать.

Наступил двадцатый век, а вместе с ним начался и новый, более крутой виток научно-технического прогресса. Теперь каждый достаточно состоятельный человек мог без особого труда отправиться в любую из далеких стран-колоний. Экзотика этих стран стала приедаться. Читатели устали от бесконечных африканских львов и дикарей-людоедов. Да и тема отважных первопроходцев почти изжила себя. Слабые вспышки интереса к приключенческой литературе подарила миру золотая лихорадка на Аляске. Но тут нужно отдать должное и мастерству Джека Лондона, рассказы которого не стареют до сих пор, и актуальности темы. Рассказы о покорении самого северного из американских штатов вкупе с произведениями в духе Фенимора Купера положили начало тому, что в 1921 году на одном из съездов писателей Северной Америки было названо «вестерн»...

И вот где-то на стыке набирающей популярность научной фантастики и наскучивших широкому читателю приключенческих романов стали появляться первые произведения, которые можно было расценивать как преддверие героической фентэзи. Отважным героям-первопроходцам уже не хватало реальности. И на фоне массового увлечения оккультизмом



часть мистического перекочевала на страницы приключенческих романов. Ведь подвиг героя тем «героичнее», чем ужаснее его противник. В конце девятнадцатого века жителю Европы ужасным чудовищем мог показаться, например, огромный лев или громадная горилла, которая непременно хочет похитить молоденькую красавицу. Но если на третьих полосах дешевых газет то и дело публикуют репортажи об отважных охотниках на львов, аллигаторов, слонов и еще бог весть кого, если каждый день приносит новые чудеса прогресса! Если можно на поезде пересечь из конца в конец Индию, а в загадочной стране восходящего солнца открыто английское консульство! Что же делать несчастному герою? Совершать тривиальные подвиги? Бороться с нарастающей волной преступности? Нет. Это задача бравых героев детективов и авантюрных романов Эдгара Уоллеса. Однако представим, что злодей — главный враг героя — способен заглянуть в будущее, напустить порчу или сотворить какое-то колдовство. Тогда его не возьмешь голыми руками. Чтобы вступить с ним в схватку, нужно иметь стальные мускулы и отвагу, какая и не снилась охотнику на каких-то там львов!

Вот здесь, собственно, и зародилась героическая фэнтези.

Наиболее любопытно наблюдать развитие этого жанра на примере творчества Эдгара Райса Берроуза. Если первые книги о Тарзане были написаны в рамках классических приключенческих романов (то есть отважный приемыш обезьян, прыгая с пальмы на пальму, спасал белокурых красоток, крушил черепа чернокожим дикарям и преследовал коварнейшего из шпионов «царской охранки и ЧК России» Николая Рокова), то книги, вышедшие после 1918 года, начиная с романа *«Тарзан в Оларе»* можно считать героической фэнтези. Магия, забытые королевства, отважный герой — все признаки к тому времени еще толком не сложившегося жанра имеются. А чем дальше, тем хлеще. Тут и люди-муравьи, и таинственные белокаменные города Африки и все что угодно, вплоть до путешествия Тарзана в подземную страну Пеллюсиадар, где правят коварные крылатые люди-ящеры, которые всенепременно на манер африканских дикарей питаются человеческим мясом. Естественно, даже ужасам доисторического Пеллюсиадара не устоять



перед могучим кулаком Тарзана. Да и романы Берроуза о Марсе более напоминают романы героической фэнтези, а не научной фантастики. Тут нет ни научообразия, ни избытка научно-фантастических технологий. Отважный герой, американский ковбой по имени Джон Картер, шагает по Марсу с мечом в руке и крошит в капусту всех «некоих» парней, что попадаются ему на пути. А на то, что в повествовании вдруг появляются то неведомые фабрики кислорода, то летающие лодки, можно не обращать внимания. Ведь всех их с легкостью можно заменить на колдовские котлы и летающие корабли, в лучших традициях русских сказок. В отличие от Хьюго Гернсбека, и уж тем более Герберта Уэллса, Берроуз не ломал себе голову над созданием реалистичного мира будущего, описанием космических перелетов или решением каких-то философских, этических проблем. И, немного забегая вперед, надо сказать, что последователи Берроуза продолжили развитие темы, начатой этим классиком приключенческой и фантастической литературы. Так, недавно пролистывая каталог издательства «Dark horse», я наткнулся на замечательную обложку: «Тарзан против Джона Картера». Увы, это пока еще только комикс, на страницах которого отважные герои Берроуза расправляются с «некоими марсианскими парнями» но, я надеюсь, очередной бестселлер не заставит себя ждать.

Однако годом рождения героической фэнтези можно считать 1925 год, когда в одном из номеров популярного американского журнала «Сверхъестественные истории» напечатали первый рассказ девятнадцатилетнего Роберта Говарда — «Копье и клык» о первобытных людях. Это было подражание Джеку Лондону. Первобытный человек спасает свою возлюбленную — в общем-то ничего нового. Но именно этот рассказ, хотя в нем нет никакой магии, во всех справочниках фантастики считается первым произведением героической фэнтези.

Так что же такое героическая фэнтези? Прежде чем продолжить исторический экскурс, попробуем дать определение этому жанру. Первое и необходимое условие — яркий герой, личность. Второе — подвиг. Третье — сказочность обстановки. Наличие в произведении некоего волшебного «ци» (китайский термин, обозначающий внутреннюю энергию чего-либо), пусть



даже в нем нет ни колдовских созданий, ни колдовства как такового. То есть героическая фэнтези — это сказка о подвиге.

Итак, в 1925 году увидел свет первый рассказ Роберта Ирвина Говарда, а вслед за ним и другие. Из-под пера кудесника из Техаса появились удивительные образы, до сих пор пленившие воображение: Бран Мак Морн, король Кулл, Кормак Мак Айт, Соломон Кейн и, конечно же, Конан — поистине «бессмертный герой». Создав Конана, Говард сотворил некую мифологему — он подарил людям, за двадцать лет уставшим от технического прогресса, героя, возвеличивающего варварский образ жизни, в отличие от Тарзана — джентльмена-дикаря. Но Конан не просто герой, а Сверхчеловек, дикарь, герой-варвар с железными мышцами и простой душой. Самую точную характеристику Конану дал другой широко известный автор героической фэнтези Спрэг де Камп в статье «Варвар-герой». Конан жил, любил и воевал в вымышленной Говардом Хайборийской эре, 1200 лет до нашей эры, между погружением в океан Атлантиды и началом известной нам истории. Гигантский варвар-авантюрист из отсталой Киммерии, Конан пересекает реки крови и одолевает любых врагов, чтобы стать наконец правителем цивилизованной Аквилонии... Многие выделяют у варваров такие качества, как непредсказуемость и свобода от цивилизации. Однако похоже, что большинство варваров привержены условностям своего мира... Иногда (а в произведениях героической фэнтези только так и происходит) варвары ведут себя словно литературные герои-авантюристы*. Вот собственно этим и воспользовался Роберт Говард, потому что варвар Конан в глубине души (если, конечно, исключить ряд чисто варварских атрибутов) настоящий рыцарь, подчиняющийся определенному кодексу чести ничуть не хуже вальтерскоттовских рыцарей. Да, он может украдь, может наняться убить кого-то, но он никогда не поднимет руку на беззащитную женщину или голодного старика. Собственно говоря, если бы Конан поступил иначе, действуя в полном соответствии с варварской натурой истинного дикаря, то он не был бы героем, истории которого ныне имеют столь широкую аудиторию.

Остальные герои Говарда во многом похожи на своего самого удачливого «брата». Они все — варвары (рыцари) в



душе. Сражаясь с противником, они придерживаются своеобразного кодекса чести, благородны в меру своего характера и обладают стальной мускулатурой, которая и помогает им справиться с врагами. По большей части они ненавидят магию. В своих рассказах и повестях Роберт Говард не раз перефразирует знаменитое выражение, которое в устах Конана звучит так: «Хороший колдун — мертвый колдун». Во многом рассказы Говарда, особенно его истории о моряке-боксере, напоминают северные рассказы Джека Лондона. Но в отличие от поэтичности Лондона, от его восхищения «диким безмолвием», Роберт Говард в первую очередь певец битв, схваток и поединков. Исключение составляет разве что цикл о Соломоне Кейне — воине-пуританине с библией в руке. В отличие от других герояев Говарда, он не пьет и не гоняется за красавицами. С тем же пылом, что Конан, охотящийся за сокровищами и всеми благами цивилизованных стран Хайбории, Соломон Кейн охотится на Зло в самых различных его воплощениях. Ну а уж наткнувшись на рассадник Зла, он действует обычным способом...

Те, кто захочет получше познакомиться с Соломоном Кейном и другими героями Великого Мастера, могут заглянуть в Собрание сочинений Роберта Говарда, которое вышло в издательстве «Северо-Запад». Хочется лишь сказать, что многие произведения Великого Мастера просты и бесхитрости, но, видимо, эта простота и подкупает читателей, которые хотят узнать о подвигах великих воинов, о прекрасной любви, злом колдовстве и так далее, и тому подобное... И видимо, поэтому книги Роберта Говарда издаются во всем мире и по сей день.

Одновременно с Говардом в «Сверхъестественных историях» публиковались и другие авторы, сформировавшие жанр героики. Один из них — Говард Ф. Лавкрафт — оставил наиболее глубокий след в литературе. Российскому читателю он известен более как автор рассказов ужасов. Мало кто знает, что им создан удивительный фантастический мир снов, где обитают самые невероятные чудовища, а герой, попавший туда, вынужден совершить удивительное путешествие в поисках то одного, то другого артефакта неведомых древних богов Кадаха.



«Атат восседал на троне из слоновой кости в святилище на верху храма. Он разменял четвертую сотню, но был по-прежнему крепок рассудком и памятью. Картер узнал от него, что боги Земли не столь уж могущественны: обитатели мира грез едва ли повинуются им. Да, повинуясь собственной прихоти, они могут внять молитвам человека, но о том, чтобы достичь их ониксовой твердыни на вершине Неведомого Кадаха, нечего и мечтать».

Чуть позже, когда имя Говарда уже было хорошо известно, на страницах того же журнала, появились первые произведения Ли Брекетт, Генри Каттнера и Кэтрин Мур. Эти авторы принесли в героическую фэнтези сказочность, окончательно сформировав ее облик, вытеснив исторические и псевдоисторические декорации (на фоне которых по большей части разывались действия произведений Говарда), умопомрачительными фантастическими пейзажами иных миров. Во многом это была дань научной фантастике, получившей в те годы огромную популярность. И все же элемент мистицизма, сказочности присутствовал в их произведениях, хотя конечно большую часть творений Ли Брекетт, особенно знаменитую сагу об Эрике Джоне Старке, можно отнести и к научной фантастике. Более фэнтезийными получилась сага Генри Каттнера об Элаке из Атлантиды. Мало кто у нас в стране обратил внимания на эту книгу, хотя англоязычные читатели знают ее гораздо лучше, чем, например, полюбившуюся нам серию о мутантах Хобгехах.

На творчестве Кэтрин Мур хочется остановиться чуть подробнее, так как этого автора российскому читателю еще только предстоит открыть. Кэтрин Мур, как известно многим любителям фантастики, была женой Генри Каттнера и соавтором большинства проектов своего мужа, но чаще всего она оставалась в его тени. Однако именно ее именем подписаны два удивительных цикла героической фэнтези, один из которых с натяжкой можно отнести к научной фантастике. Я имею в виду серии повестей и рассказов о приключениях Северозападного Смита и воительницы Джарел.

В 1933 году в «Сверхъестественных историях» вышел первый рассказ о Северозападном Смите — «Шамбло» — история о



том, как отважный стрелок (у нас их почему-то ошибочно называют ковбоями) на Марсе, нарисованном в лучших традициях Дикого Запада, спасает девушку-туземку, при ближайшем рассмотрении оказавшуюся ни много ни мало, местным вариантом Медузы Горгоны. *«Джарел из Джорел»* — повесть Кэтрин Мур, вышедшая в том же журнале в 1934 году, лишь подтвердила появление еще одного удивительного автора нового жанра. Отважная воительница до последнего защищала свой замок от слуг коварного Гийома.

Но вот замок взят, и героине ничего не остается, как через таинственные врата бежать в Мир Зла — мир, созданный в лучших лавкрафтовских традициях, — чтобы там отыскать оружие, которым она может сразить врага. И этим оружием оказывается... поцелуй.

Джарел слишком поздно поняла, что, действуя постепенно, геометрия и магия сделали свое дело — она уже не могла противиться силе, влекущей ее к черной фигуре. Понимая, что поступает против собственной воли, воительница сделала первый шаг под свод храма. Рубеж был перейден. Здесь, под куполом, все таинственные силы притяжения заработали в полную мощь. Шаг за шагом приближалась Джарел к центру храма, и с каждым шагом росло в ее душе ощущение безумия совершаемого ею поступка. Где-то в глубине сознания осталось желание сопротивляться подавляющей волю дьявольской силе, но было уже поздно. Руки Джарел, выпустив меч, легли на плечи черной статуи. Наследница рода Джойри тряхнула головой и, отбросив рыжие локонь с лица, припала к раскрытыму для поцелуя рту безымянного черного бога.

Словно во сне, ощутила Джарел этот поцелуй. У нее закружилась голова, мир, казалось, полетел куда-то в бездну. Холодные, как сталь на морозе, губы статуи затрепетали под ее губами. И через это соединение в поцелуе живой человеческой крови и ледяного напряжения неизвестного камня что-то незнакомое, пугающее вошло в самое сердце, в душу девушки-воина. Эта незнакомая тяжесть ледяной пустотой придавила ее сердце, поселив в нем не выражимые словами ужас и тоску, которые, в свою очередь, были лишь оболочкой для чего-то



еще более горького и страшного, чему нет названия ни в словах, ни в мыслях, ни в чувствах человека.

Поцелуй длился, наверное, какое-то мгновение. Но Джарел он показался нескончаемо долгим. Уже почти потеряв сознание, она почувствовала, как ослабели колдовские силы, притягивающие ее к статуе. Оторвав свои губы от ледяного камня, девушка, словно сомнамбула, на ощупь нашла меч, упавший на каменный пол, подняла его и, не глядя на черную статую, направилась к выходу из храма...

Чуть позже, в конце тридцатых на страницах программного журнала героической фэнтези «Сверхъестественные истории» появляются первые рассказы Фрица Лейбера об искателях приключений Фафхрде и Сером Мышатнике. Совершая неисчислимые подвиги в мрачном мире Невона, эти герои, в отличие от своих предшественников, обладают изрядной долей юмора. Увы, в переводах, опубликованных на русском языке, не передано и малой доли юмора, присущего автору. У героев Лейбера нет рыцарского благородства, присущего героям Говарда. Это циники до мозга костей, готовые потешаться над чем угодно. Хотя, и это естественно, ни один из них не бросит женщину в беде и не пройдет мимо голодного старика. С презрением относящиеся к собственной жизни, Фафхрд и Серый Мышатник напоминают антигероев, тем не менее сохранивших зачатки благородства.

«...Не надо тебе было прекращать платить взносы Цеху Воров.

— Да тут дело не только во взносах,— отозвался коротышка.— У меня начисто выпало из головы, что нужно поделиться с ними добычей, когда я стянул те восемь бриллиантов из храма Паучьего Бога...

— Кстати: вон тот безобразно жирный тип, стоящий между двумя мордоворотами,— не хозяин ли это таверны «Серебряный Угорь»?

— Поднимать такой шорох из-за какого-то паршивого счета за бренди!

— Да уж, тем более что счет этот всего в ярд длиной,— согласился коротышка.— Что из того, что ты вдобавок раскопотил и скжег два бочонка бренди, когда скандалил вчера вечером в «Угре»?..



— Там, кажется, и кузнец Ривис Райтби... и вообще почти все, кому могли задолжать в Ланкмаре два приличных человека...»

Точно таким же оказался и герой серии повестей Джека Вэнса — Кугель Разумник. Но в отличие от Лейбера Джек Вэнс довел ситуацию до абсурда. Его герой — мерзавец, в полном смысле этого слова, и все его деяния можно скорее окрестить не подвигами, а антиподвигами. В дальнейшем эти произведения были объединены в книгу «Глаза другого мира». Тут, забегая чуть вперед, скажу, что ныне Джек Вэнс вернулся к своему персонажу. В конце восьмидесятых увидел свет его роман *«Сага о Кутеле»*.

Но все это было лишь преддверием бума героической фэнтези, начавшегося в конце пятидесятых, когда «Гном-пресс» впервые после войны переиздало все произведения Роберта Говарда о Конане. Первая серия книг о Конане вышла под редакцией Спрэга де Кампа, который не только подчистил и логически завершил ряд неоконченных произведений Говарда, но и снабдил каждое произведение о Конане неким комментарием, соединив все рассказы в подобие саги. Всего в «Гном-пресс» вышло шесть книг, одну из которых Спрэг де Камп написал сам вместе с Бьерном Нибергом.

После этого последовало несколько переизданий саги о Конане, которая постоянно увеличивалась. Кроме де Кампа, произведения о Конане стал писать тогда еще только начинающий автор героической фэнтези Лин Картер. Ну а забегая чуть вперед, можно сказать, что ныне в саге о Конане участвовало множество авторов: Пол Андерсон, Карл Э. Вагнер, Роберт Джордан, Леонард Карпентер, Джон Мэддокс Робертс (книгу которого вы сейчас держите в руках), Шон Мур, Роланд Грин и многие другие.

Но надо отметить, что каждый из авторов саги привносил в историю о Конане нечто новое. Нет, Конан оставался все тем же Бессмертным Воителем, подвиги которого множились не по дням, а по часам, но каждый из авторов, хотя по-видимому, они старались писать примерно в одном ключе, привносил в сагу нечто свое. Роберт Джордан создал наиболее сказочного Конана, Леонард Карпентер превратил свою мини-сагу в ка-



лейдоскоп отдельных эпизодов из жизни Конана. Только читая его романы подряд, в том порядке, как они выходили в американских изданиях, видишь всю картину и только тогда начинаешь удивляться её целостности. В свою очередь, подробно прописывая детали первобытной жизни, Джон Мэддокс Робертс внес в книги о Конане элемент реализма.

Итак, с выходом в пятидесятых Конана, а также первых книг Фрица Лейбера о Фафхрде и Сером Мышатнике (до этого все эти произведения публиковались исключительно в журнальных вариантах) героическая фэнтези заявила о себе в полный голос. И где-то в начале шестидесятых Фриц Лейбер придумал для этого жанра емкий термин «Меч и колдовство». Итак, вокруг проповедников нового жанра Спрэга де Кампа и Лина Картера сформировалась ядро сподвижников. В начале шестидесятых, Лином Картером — одним из самых видных теоретиков героики — было объявлено о создании клуба S. A. G. A., куда принимались только известные писатели-фантасты. Стоит только перечислить их имена, и станет ясно, что клуб S. A. G. A. собрал под свои знамена всех лучших молодых писателей того времени: Пола Андерсона, Эндрю Нортон, начинающих и никому тогда еще не известных Роджера Желязны и Майкла Муркока, Лина Картера и Спрэга де Кампа, Джека Вэнса, Урсулу Ле Гуин, и многих других.

Творчество большинства этих авторов хорошо известно российским читателям. Я бы хотел остановиться лишь на некоторых авторах или сериях, которым в нашей стране почему-то не повезло. Хуже всего пришлось Лину Картеру. Перу этого знаменитого автора принадлежит более десятка различных сериалов героической фэнтези. В англоязычных странах он считается одним из лучших авторов фантастики, патриархом фэнтези, одним из лучших критиков и составителей. Часть написанных им сериалов — поэтические повествования в духе Эдгара Райса Берроуза (например, серии «Калисто», «Зеленая звезда»), часть — саги в духе произведений о Конане (к ним относится и изданная сага о Тонгоре). Одной из наиболее известных работ Картера стала сага «Край Времени», завлекающее гротескно-сказочное повествование, пронизанное тонким юмором, где кроме всего прочего упоминаются все попу-



лярные персонажи героической фэнтези. В одной из книг этого сериала герои Картера попадают в музей великих воителей фэнтези, и дракон — хранитель вечности — проводит что-то вроде экскурсии:

...здесь висит бессмертный Андурил... Серая Палка и Кошачий Коготь... мечи братья Повелитель Бурь и Меч Печали... сабля Ледяное Пламя... Для тех, кто хорошо знает фэнтези, это не просто перечисление названий всевозможных клинков.

Кроме того, очень популярны романы Лина Картера *«Приключения Каджи»*, *«Звезда магов»*, *«Пламя Иридара»*, *«Башня на краю времени»*, *«Черная звезда»* и многие другие.

Но в России его книги не так известны, как на Западе. А все дело в том, что его произведения близки древним сагам и отчасти напоминают стихи в прозе. Великолепные, пышные описания, цветастые сравнения. Приведу лишь один пример из романа *«Приключения Каджи»*:

«Три дня и три ночи великий клан воинов скакал без остановки и отдыха по бескрайним равнинам шелестящих трав, и за все это время всадники не увидели ни одного человеческого жилища.

Но теперь, ближе к вечеру, один из разведчиков, скакавших впереди, повернул назад и помчался, словно ветер, к усталому и окровавленному в битве легиону. Он подъехал к высокому бородатому человеку, завернувшемуся в объемный полосатый ишлак из красной шерсти. Этот воин восседал на прекрасном белом жеребце.

Сильные руки натянули поводья, разведчик заставил своего коня остановиться и выпрыгнул из седла в вихре пыли. Он застыл ожидая, пока седой вождь орды, еще не смывшей боевую раскраску, подъедет к тому месту, где он остановился. И когда белый жеребец вождя приблизился, разведчик взялся за его отделанную серебряными клепками узду, сорвал со своей головы высокую шляпу из красного войлока и склонил темную голову...»

С помощью сочного зрительного ряда Лин Картер придает невероятную завлекательность на первый взгляд самым незамысловатым сюжетам. В отечественных переводах обаяние произведения зачастую теряется, гибнет вся красота языка, и



остается голый сюжет. Соответственно, если автор делает упор именно на язык книги, то получается, что самого Лина Картера российский читатель так и не узнал. Вместо увлекательного красивого повествования он получил упрощенный пересказ сюжета.

Но вернемся к героической фэнтези. Если романы Пола Андерсона и Эндрю Нортон, которые можно отнести к этому жанру, хорошо известны, то гораздо менее известен широкому кругу сериал Роджера Желязны про Дельвиша Проклятого. А ведь именно за эти произведения, а не за «Девять принцев Амбера» Желязны был принят в S. A. G. A. клуб «Волшебник Земноморья» Урсулы Ле Гuin — программное произведение, скорее относящееся к посттолкиеновской фэнтези, знакомо отечественным читателям, точно так же, как «Зачарованное паломничество» Клиффорда Саймака и бесконечная «Сага о Вечном Воителе» Майкла Муркока. Хотя последнюю серию я скорее назвал бы антигероической фэнтези. Все дело в том, что герои Муркока, хоть и подчиняются классическому кодексу чести, почти все убогие и калеченные. Нет у них ни богатырской стати Конана, ни ловкости и мастерства Серого Мышатника.

У одного из героев Муркока нет глаза и кисти, у другого в голову вставлен магический камень, отчего в мозгу его постоянно происходит замыкание, третий и вовсе столь малосилен, что на каждом шагу падает в обморок. Думаешь, еще чуть-чуть и умрет. Не тут-то было! Собрался с силами и нарушил еще десяток другой противников. В этом случае героичность персонажа доведена до абсурда. Несчастные калеки рубят в крошево бессмертных богов, которым ничего не стоит между делом уничтожить шесть-семь миров. Забавная такая компания уродцев. Тем не менее именно им суждено изменить судьбу Вселенной, совершив такие подвиги, о которых Конану и не снилось.

«...Пользуясь тем, что Ралина была у него в руках, колдун заключил с Корумом договор. Он подарил вадагскому принцу-калеке руку Кулла и глаз Рина взамен тех, которые Корум потерял во время жестоких пыток...»

Еще один знаменитый автор фэнтези Джон Джейкс. Его саги о варваре Бреке отнюдь не однородны. Встречаются и



удивительные по своей художественной силе произведения, и откровенная халтура. Герой Джейкса — типичный Конан, сменивший лишь цвет волос. Из приключений Брека наиболее интересен роман *«Знак демона»*. Попав в компанию двух вампиров, герой вынужден вместе с ними путешествовать в караване, идущем через заколдованные земли.

Кроме того, перу Джейкса принадлежит роман-пародия на героическую фэнтези *«Ищите мое имя в Атлантиде»*. Главного героя этой книги зовут Конакс, родом он из Химерии. Кончается же роман тем, что этот герой-варвар, спасая очередную очаровательную принцессу, ни много ни мало, вызвал природный катаклизм, в результате которого погибает не только королевство несчастной принцессы, но и вся Атлантида.

Из малоизвестных авторов хочется остановиться на творчестве Карла Эдварда Вагнера. Это, пожалуй, один из наиболее интеллектуальных авторов фэнтези. Российскому читателю он известен романом о Конане — *«Дорога королей»*, который множество раз переиздавался в нашей стране. Однако сам Вагнер называет свой роман о Конане проходным. Все дело в том, что в свое время Вагнер подписал с одним американским издательством контракт на пять романов о Конане, но сам же его нарушил, написав лишь один. Надо сказать, мало кто знает, что Карл Вагнер является создателем уникального героя, покорившего сердца многих американцев. Именно ему посвятили свои лучшие картины Франк Фразетта и Крис Ахелиос.

Варвар Кейн (прошу не путать с Соломоном Кейном Роберта Говарда) — вечно живущий колдун и воин. Этот персонаж чем-то напоминает Вечного Воителя Муркока. Это непрестанно страдающий герой, но в поступках его нет места слабостям и нерешительности. Словно великий гуру, наблюдает воин-варвар за жизнью обыкновенных людей. Нет, он не стремится к богатствам и славе, а лишь живет в свое удовольствие, только притворяясь варварам.

— Ты меня поражаешь, Кейн. Через тридцать лет ты вновь стоишь передо мной, и — разрази меня гром — ты ничуть не постарел с той самой ночи, когда провел меня тайным ходом в Линортис. Потом ты исчез...



— Клянусь Семью Богами! Это совпадает с рассказами о Кейне, которые я слышал, когда мы вместе сражались под началом Родерика, — воскликнул Джерсен. — Болтали, что он колдун или демон, бессмертный воин, посланник судьбы, воспетый в тысяче легенд...

Говоря об этом периоде развития героической фэнтези, нельзя не упомянуть Эндрю Оффута, написавшего как несколько романов о Конане, так и три самостоятельных достаточно забавных фэнтези-сериалов. Однако наиболее увлекательной у него получилась книга *Ардор с Ароза* — пародия, в чем-то перекликающаяся с романом Дж. Джейкса. Приведу лишь названия глав этого творения: «Ученый, который не был безумным. Планета, которая не была Марсом. Человек, который не был принцем...» А дальше еще хлеще: «Девушка, которая не была Деей Торис (Цея Торис — главная героиня романов Эдгара Райса Берроуза). Девушка, которая была Элизабет Тейлор. Город из Флеша Гордона». И так далее...

К незаслуженно обойденным российскими издателями авторам можно также отнести и Гарднера Фокса. Его варвар Котар, с одной стороны, является одним из многочисленных клонов Конана, с другой стороны, по своей циничности и невезучести отчасти напоминает героев Майкла Муркока и Фрица Лейбера.

Кроме того, на обширной палитре героической фэнтези шестидесятых-семидесятых существовало множество многотомных сериалов, каждый из которых, подобно «Конану», насчитывает более двадцати книг. Наиболее известный у нас сериал — «Гор» Джона Нормана. Начавшись как героико-приключенческое повествование о далекой планете, он постепенно скатился к довольно прозаическим сюжетам, где нет места подвигам, зато есть место садизму и садомазохизму — действу в духе знаменитой *«Истории О»*, но на фоне древней цивилизации иной планеты. Все женщины у Нормана мечтают стать рабынями, а мужчины только и делают, что воспитывают их при помощи кнутов. Так что места чудовищам не осталось, да и героям романов не до них, куда лучше похлестать кнутом очаровательную красотку, тем более что она всю жизнь только об этом и мечтала. Еще одна грань фэнтези! Более отрадное зрелище представляет се-



риал Акерса (Кена Балмера) о приключениях на некой далекой планете, где существует как наука, так и колдовство. Просмотрев первые тридцать томов, в основном вышедших в знаменитом американском издательстве «DAW», диву даешься. Автор честно написал в своих романах все, что знал. В основу сюжета геройской фэнтези вплетены даже звездолеты инопланетных захватчиков. Третий же, один из самых известных сериалов героики, — «Конные кланы». В постъядерном мире вновь появилась магия, и огромные армии конных рыцарей рубятся на просторах Великой Американской равнины.

В конце шестидесятых грянула новая волна фантастики, потом пришли «молодые и сердитые» во главе с Джоном Варли, появились киберпанки... Жанр героической фэнтези на какое-то время был оттеснен на задний план, хотя продолжали тянутуться сериалы и выходить внесерийные романы. Жемчужинами блеснули «Война мечей» Дженифер Робертс, «Мир снов» Брайена Ламли и многочисленные книги Кэролайн Черри и Танит Ли. Но в целом современная героика сменила облик.

Ныне псевдоисторические авантюристо-приключенческие романы с элементами мистики никого не удивляют. Быть может, поэтому была обречена на неудачу новая трилогия Гарри Гаррисона, выпущенная в России безумным тиражом. Современная героическая фэнтези стала более толкиеновской, более объемной. Ее герои уже не картонные варвары, размахивающие колдовскими мечами, это в первую очередь личности, которые не просто готовы совершить тот или иной подвиг, но могут и осмысливать его. Кроме того, сами произведения стали более жестокими, реалистичными. Ведь читая о том, как Конан убил, ну, скажем, человек двадцать, мы не видим всей подоплеки этих событий. Для нас Конан — герой, положительная фигура, объемный образ. Все, кто выступил против него — отрицательные персонажи, — картонные марионетки. Но тем самым мы сводим сюжет произведения к некоему комиксообразному (не комичному!) повествованию. Ведь оборвав чьи-то жизни, Конан прежде всего убил людей, которые были кому-то дороги. Кто-то будет скорбеть об их смерти, но бесстрашный, а на самом деле беспощадный герой идет вперед семимильными шагами. Все в порядке. Он порубил плохих парней.



И если такая схема годилась для шестидесятых-семидесятых годов, то в восемидесятые-девяностые она просто не сработает. Даже у Вагнера Кейн прежде всего человек, отвечающий за последствия своих поступков, а уж потом герой. Если же мы возьмем произведения пограничного времени, такие, как романы Танит Ли и Брайена Ламли, то здесь герои хоть и обладают характерами, но все равно во многом структурны, чуть утрированы. И если Танит Ли компенсирует этот недостаток своих произведений великолепным стилем, то фантазия Брайена Ламли не знает пределов. Она сравнима разве что с полетом фантазии знаменитого «творца миров» Джека Вэнса. Я бы даже назвал Ламли самым фантастичным из нынешних фантастов. На основе миров Лавкрафта он создал удивительную серию о Герое Снов. Персонажи его романов во сне переносятся в волшебный мир, населенный демонами, всевозможными чудовищами и колдунами. Если же человека в этом мире грез убивают, то он всего лишь пробуждается в мире реальном. Но вот герои Ламли попадают в автокатастрофу, они находятся на грани смерти, стоит им проснуться — они умрут. А значит, им, в этот, последний раз, попав в мир снов, предстоит противостоять силам зла, тщательно оберегая свою жизнь. А врагов в мире снов у них много...

Но миновала эпоха киберпанка, научная фантастика вновь отступила, отдавая пальму первенства героической фэнтези. И что тут только не выплеснулось на бедного читателя! В первую очередь TSR — издательство, заполонившее своими нечитаемыми книжками магазины всего мира. *«Сага о копье»*, *«Забытые королевства»*, *«Темная звезда»* и многие-многие другие. Безумные, бесконечные сериалы, написанные различными авторами, большая часть которых — откровенные графоманы. Эти книги обладают только одним недостатком — они никакие. И если берешься их читать, то начинает казаться, что ты попал в некую ролевую игру. Нет, не изобретательный автор ведет тебя к победному, неожиданному финалу, а графоман, который, как и положено для авторов такого сорта, гонит мегабайты текста, описывая всевозможные подробности фантастического мира, а все несуразности и нелепости относит за счет магии. «Почему кошки летают по небу?» — спросите вы у него.



«Какая разница! Ну, если хотите, пусть бегают по земле,— возразит он вам, а чуть подумав, добавит: — Но не все ли равно. Я же пишу роман фэнтези. Быть может, это были волшебные кошки!»

Другим ответвлением современной героической фэнтези стала женская героика. Родоначальница ее — Эндрю Нортон, начала издаваться еще в шестидесятые годы. Маррион Циммер Брэдли присоединилась к ней, а когда в конце семидесятых круто поменялась политика «DAW books», рынки затопила волна героинь, бодро орудующих мечами и страстно мечтающих найти себе достойных возлюбленных. Больше всего эти книги напоминают некую смесь классической героики и женского романа, но, в отличие от большинства «творений» «TSR», нельзя сказать, что это графомания. Пусть женская героика не всем нравится, но это достаточно серьезное ответвление жанра. Обычно это многотомные, пухлые сериалы, в конце которых героиня непременно находит любимого и все заканчивается замечательным хеппи-эндом.

К третьему направлению современной героической фантастики можно отнести жесткую героику, которая только начала зарождаться. Один из ее ярких представителей, пока неизвестный российскому читателю автор Чарльз Сандерс. Именно он в середине восьмидесятых создал Черного Конана — великого воителя Имаро, отказавшись от навязшего в зубах средневеково-европейского колорита. И пожалуй, это наиболее сказочный и удивительный автор из всех. Он принес в свои книги очарование заброшенных городов в сердце джунглей и экзотику пустынь экваториальной Африки. Именно Имаро упомянул Борис Вальеха — знаменитый американский художник, когда его спросили, кого из героев фэнтези он особенно выделяет. Джессика Саломонсон обратила свой взор на Японию, создав воительницу-самурая. Мечи против роботов, удивительная реальность древнекитайских божеств и низвержение основ сито — вот, пожалуй, на чем строятся книги этой писательницы. Кроме того, они пропитаны магией цигуна.

Эти авторы интересны еще и тем, что герои их действуют не сообразно «кодексу варваров», воспетому Робертом Говар-



дом, а согласно кодексу воинов тех стран, где происходит действие произведений. Более традиционными путями — разработкой средневекового европейского фольклора — пошли Деннис МакКарти (известный российскому читателю по нескольким книгам из серии «Звездные воины», о похождениях искателя приключений Хана Соло), Майер Аллан Бреннер, сделавший упор на юмор, Барбара Хэмбли и Джон Мэддокс Робертс. Если МакКарти использует традиционные приемы Говарда, придавая повествованию реалистичность и большую плавность, но не вдаваясь в детали и подробности быта, то мрачную Барбару Хэмбли на страницах «Локуса» не раз называли «поэтессой героики».

Джон Мэддокс Робертс хоть и принадлежит к этому списку, стоит немного в стороне от перечисленных мной авторов. Развивая варварскую традицию героики, он отправился в глубь веков, к первобытному времени, и произведения его носят оттенок некой этнографичности. В чем-то его книги созвучны некоторым рассказам Спрэга де Кампа, но никогда произведения де Кампа не имели такой реалистической глубины, и никогда этот классик фэнтези не рассматривал варваров с точки зрения реальности. Он скорее относился к писателям типа Лина Картера, уповаяшим на поэтику подвига, а не на реалистичность изображаемого действия, хотя так же, как Картер, он обращал на это большое внимание. В реалистичности, в понимании быта миров фэнтези Джон Мэддокс Робертс, пожалуй, не имеет себе равных.

Джон Мэддокс Робертс начал свою литературную карьеру с продолжения саги о Великом Воителе-Конане. Именно здесь впервые проявилась его любовь к этнографическим подробностям и реалистическим деталям. «Да, мир в котором живут ваши герои, может быть фантастическим,— утверждает Джон Мэддокс Робертс,— но при этом он должен оставаться материальным и правдоподобным. Пусть фантастичность не мешает простой логике... И еще, если можно сделать что-то не привлекая на помощь сверхъестественные силы, то нужно именно так и сделать». Читая книги Робертса, поражаешься удивительной внутренней логике этого автора, его вниманию к второстепенным на первый взгляд подробностям.



«Глаза Конана разгорелись от удовольствия. Ваны, надо отдать им должное, мечи делали замечательные. Он взял меч в руки и попробовал, хорошо ли тот сбалансирован. Зеркальная полировка клинка так и вспыхнула на утреннем солнце. Но Ваны никогда не полировали клинки, предпочитая жемчужноматовую поверхность: по их мнению, такая обработка лучше передавала внутренний узор стали. Исполнившись подозрений, Конан провел большим пальцем вдоль клинка, от крестовины до кончика. Потом повернул меч и столь же пристально изучил обратную сторону. Примерно посередине клинка палец ощущил едва заметную неровность металла. Он поднес меч к глазам, повернув его так, чтобы не мешали отблески солнца на полировке. Ага!.. От края до самого серединного желобка тянулась трещина, тонкая как волосок.

Конан разочарованно бросил меч на прилавок».

Или вот:

«Конан показал товарищам, как усадить верблюдов, вырыть рядом углубления и установить одеяла, закрепив их на седле и подперев с другого конца прутом так, чтобы укрыться от солнца в жаркий день. Несколько часов они пролежали, тяжело дыша, под этими навесами, до тех пор пока солнце не коснулось горизонта и воздух не стал прохладнее. Когда жара спала, путники поднялись и продолжали путешествие.

Солнце зашло, и на несколько минут небо залило яркое алое свечение. Затем быстро наступила темнота. Через минуту показалось несколько ярких звезд. Вскоре небо украсили сотни тысяч звезд во всем своем великолепии. Через два часа после заката взошла полная луна, и пустыня осветилась почти так же, как и днем, недоставало лишь цвета, даруемого солнечными лучами.

Под звездным пологом путники двигались в полной тишине, поскольку ноги верблюдов не создают шума, как, например, копыта лошадей. По обычаям пустыни, все металлические детали упряжки обмотали так, чтобы они не звенели, и единственным звуком было тихое урчание верблюдов».

Первые четыре романа, принесшие известность Джону Мэддоксу Роберту, были посвящены приключениям Конана, и потом, начав писать совершенно самостоятельные произведе-



ния, он то и дело возвращался к Великому Воину, приключения которого будоражат воображение уже не одного поколения читателей. Всего же перу Робертса принадлежит восемь романов о Конане: *«В чертоге Крома»* (1985), *«Победитель»* (1987), *«Дикая орда»* (1988), *«Не знающий страха»* (1989), *«Город негодяев»* (1991), *«Сокровища Пифона»* (1993), *«В цитадели мрака»* (1994), *«Степная царица»* (1995). Но, несмотря на, быть может, излишнюю этнографичность, романы Робертса отличаются увлекательным динамизмом. Это некий водоворот событий, в который читатель попадает с первых строк. Порой Конану Джона Мэддокса Робертса приходится слишком тяжело из-за того, что автор ставит перед ним трудновыполнимые задачи и создает слишком суровые условия для осуществления честолюбивых планов. И эта реалистичность, которая в чем-то сродни приключенческим романам начала века, изложенная современным языком, без углубленных описаний в духе Майн Рида, а передающаяся в диалогах, в замечаниях, которые автор разбрасывает по тексту, выделяет творчество Робертса в особую категорию «этнографической героики». Кроме того, Джон Мэддокс Робертс, пожалуй, единственный автор Конана, который пытается подражать стилю Роберта Говарда, но его Конан умнее оригинального персонажа, и меньше похож на варвара. Робертс отыскивает в теме Конана, уж, казалось бы, изъезженной вдоль и поперек, что-то новое, до него не звучавшее. Романы его увлекательны и отличаются неожиданными поворотами сюжета.

Если говорить о магии, Робертс с успехом использует элементарные понятия экстрасенсорики, лишь чуть-чуть меняя названия, чтобы придать повествованию большую фантастичность, хотя и здесь он неумно стремится идти по пути Фразера, расшифровывая многие магические явления, с которыми встречается Конан:

«...Видишь ли, всякий магический предмет окружен особой аурой, которую может обнаружить тот, кто обучен этому искусству. Но аура бывает более сильной или более слабой. Сильная аура может перекрыть слабую — так, мы видим огонек свечи при ярком солнечном свете. Здесь же магические ауры перекрывают одна другую, и различить их трудно. Сигнал,



который исходит от ворот, очень сильный и отчетливый. А всадник... у него очень сильная аура, но она слишком зловещая».

И поэтому совершенно органично вписывается в творчество Джона Мэддокса Робертса серия исторических детектива — «SPQR». Первый роман этой серии вышел в 1990 году. А в 1991 году последовал «SPQR II: Заговор Катилины», потом «Святотатство» (1992) и «Храм Муз» (1992). Самое забавное, что американские читатели с прохладой отнеслись к этой грани творчества Робертса, но, к удивлению автора, он приобрел множество поклонников в... Германии. Быть может, тут сыграла роль знаменитая немецкая методичность, с которой Роберт описывает детали быта далекой древности. Последние же два романа этой серии он написал на немецком языке, по заказу одного из германских издательств: «Сатурналии» (1993), «Никто не любит центурионов» (1994).

Созвучна этим романам и удивительная книга из серии «Сага о копье» — столь редкого в фантастике жанра фэнтези-детектива. К тому же, что и вовсе удивительно, эту книгу можно отнести и к жанру героики. «Убийство в Тарсисе» (1996) — здесь автор удовлетворил свою страсть к обоим жанрам. Группа отважных героев при помощи магии и стальных клинков пытается раскрыть тайну загадочного убийства.

С оскорблением видом бальзамировщик и смотритель морга приподняли Ялмуга за плечи, почти посадив труп.

— Ага! — воскликнул Нистур. — А вот, друзья мои, что мы имеем с этой стороны. Шрам идет по всей окружности шеи и сзади доходит по глубине по кости. Но заметили ли вы разницу?

Ракушка, не желая выглядеть трусливой перед своими приятелями, потянулась в сторону трупа и, с трудом сдерживая тошноту, сказала:

— Словно два шрама. Один заходит за другой.

— Совершенно точно! — согласился Нистур.

— Что же это могло быть? — озадаченно почесал в затылке солдат. — Никогда не видел такой раны.

— А мне доводилось, — сказал Нистур. — В бытность, скажем так, представителем некой профессии, я ознакомился с преимуществами и недостатками множества видов оружия. Эта



рана нанесена не клинком. Я уверен, что тут использовали проволочную удавку. Ну да, просто прочная стальная нить с двумя ручками на концах. Накидываешь такую штуку сзади и тянешь за рукояти крест-накрест, чтобы затянуть петлю. Двойной разрез получается там, где струна перекрещивается на затылке.

Очень похоже на то, как описывают осмотр тела следователи, не правда ли?

К неудачам автора можно отнести его первый роман в жанре научной фантастики. Книгу, вышедшую в 1983 году, никто не заметил, хотя появившись этот роман сейчас, когда книги об альтернативной истории заняли видное место, он бы по достоинству занял место рядом с произведениями Оскара Скотта Карда и Гарри Тотрлдева. Первый роман Джона Мэддокса Робертса «Король леса» (1983) — альтернативная история Северной Америки, где еще в десятом веке нашей эры поселились беженцы из Европы. Они организовали христианское королевство на севере страны и языческое — на юге. А действие самого романа происходит через несколько веков, после образования этих государств. Тут и головокружительные приключения и поединки, но порой автор становится уж слишком дотошен, описывая всевозможные способы выжить в диких американских лесах. Однако «ци-фэнтези» делает роман завлекательным, хотя, как и в романах Оскара Скотта Карда, нужно хотя бы поверхностно знать американскую историю и географию.

Несколько научно-фантастических произведений (романы «Дело божье», «Островки миров», «Меж звезд», «Космический ангел», «Окно в разум»), как это и ни парадоксально, лишь укрепили славу Робертса как автора героической фэнтези, потому что его романы «твёрдой» фантастики несли «ци-героики». И меняя бластеры на мечи, звездолеты на ладьи, а космос на бескрайнее неизведанное море, мы видим книги, где на первое место выдвигут главный герой — яркая личность, воин, решающий проблемы выживания традиционными способами. Кроме вышеперечисленных произведений, перу этого талантливого автора принадлежит трилогия в жанре «спэйс оперы», написанная совместно с Эриком Котани, и роман «Загадочные



изменения» о будущем человечества, попавшего в зависимость от гигантской корпорации, то и дело стирающей людям память.

Но вернемся к героике, потому что серия «Хроники Грозовых Земель» (1990—1994), принесшая Джону Мэддоксу Робертсу мировую известность и окончательно выделившая его творчество в самостоятельную ветвь фэнтези, относится именно к этому жанру. Именно здесь Робертсу удалось соединить лучшие достижения различных жанров, добавив несколько ярких мазков мастера. Первый роман этой серии, «Островитянин», был напечатан в 1990 году, и сразу попал в число бестселлеров. Через сорок лет после смерти Берроуза и через шестьдесят после смерти Говарда талантливейший американский автор создал шедевр — сагу, поистине достойную этих великих мастеров.

Роман переносит вас на далекую таинственную планету, быть может даже на Землю. Некогда тут была развита наука, предки нынешних людей путешествовали по космосу, а затем, когда на планете истощились запасы металлов, люди вернулись к варварству. Вот тут-то автор и показал все свое мастерство. Его герой — островитянин, один из вариантов Конана, но Конан реалистичный, не обладающий утрированной мускулатурой мастера бодибилдинга. Он мыслящий воин, ведущий жизнь дикаря и готовый противостоять коварной магии — производной полузабытой науки — удивительной смеси парапсихологии, физики, химии и верований в духе первобытно-общинного общества. Но не стану рассказывать дальше, иначе книгу будет неинтересно читать.

Помимо первой книги «Островитянин» (1990), которую мы представляем на суд читателей, в серии «Хроники Грозовых Земель» вышли следующие романы: «Черные щиты» (1991), «Отравленные земли» (1992), «Стальные короли» (1994), «Владычица стихий» (1994).

Мне же остается пожелать вам, уважаемый читатель, совершив еще одно удивительное путешествие в страну магии и колдовства.

И... счастливой магии!

Александр ЛИДИН

ОСТРОВИТАНИН







Глава первая



M

альчика звали Хаэль. Правда, сам себя мальчиком он не считал, поскольку уже давно прошел ритуал посвящения и стал младшим воином, а значит, получил право носить оружие и перебраться из отчего дома в лагерь братства. Каждый мальчишка из племени шасиннов мечтал об этом, хотя само посвящение было нелегким и выдержать его удавалось далеко не всем.



Хаэль оперся правой рукой на длинное копье — на обряде посвящения он с гордостью принял его из рук старшего воина, ныне ушедшего на покой, — и замер в обычной позе пастухов, поджав правую ногу и упираясь голой пяткой в колено левой.

Он стоял на краю обрыва молча и неподвижно, точно изваяние, и наблюдал за стадом каггов обчины Ночного Кота. Сотни животных паслись там, внизу, но стоило отдалиться хоть одному из них, как Хаэль немедленно замечал это. Кагги были главным достоянием племени, их ценили и берегли как зеницу ока. Старший пастух знал всех животных по имени и мог перечислить по памяти ближайших предков каждого. Шасинны разводили каггов ради шерсти и молока, а их мясо употребляли в пищу лишь во время самых важных ритуалов либо когда животное погибало от старости или случайной раны. Большинство каггов были пятнистыми, но встречались и одноцветные — черные, бурые, рыжие и белые. Стойную шею животного венчала массивная голова с четырьмя рогами: длинными, витыми у самцов и короткими, прямыми — у самок.

Хаэль был хорош собой — стройный, худощавый и гибкий. Юноше еще предстояло расти и мужать, но мышцы у него уже сейчас были достаточно крепкими — шасиннов с детства учили бороться. Загорелая кожа и темные, коротко остриженные при посвящении волосы отливали бронзой. Когда волосы отрастут, Хаэль будет заплетать их во множество мелких косичек, как подобает мужчине, и не стричь еще лет восемь-девять, пока не достигнет возраста старшего воина. Только тогда он сможет обзавестись семьей и собственным стадом.

Наготу юноши прикрывала лишь набедренная повязка из пестрой шкуры лесного ночного кота.



Щиколотки и запястья обхватывали браслеты из пушистого кошачьего меха, а вокруг головы была повязана меховая лента. Ночной кот был тотемом общины Хаэля. На последнем этапе испытания юного воина отправляли в одиночку в лес охотиться на хищника — уцелеть после этой охоты удавалось немногим. Шасинны занимались скотоводством и убивали животных крайне редко: лишь во время особых обрядов или защищаясь от хищников.

Хаэль был скуластым и синеглазым, как все его соплеменники. Его шею украшало ожерелье из кошачьих клыков и когтей. На плече, скрепленные узким ремешком, висели заплечный мешок и мех для воды.

Кроме одежды, украшений и копья, у Хаэля ничего не было, да ничего другого ему и не требовалось. Самым ценным из своих вещей юноша считал копье — он мог любоваться им часами. Треть длины копья занимал бронзовый наконечник в форме вытянутого листа, острые стальные края которого прикрывал более мягкий блестящий металл золотисто-красноватого цвета. Древко копья, отполированное множеством рук прежних владельцев, приобрело цвет темного золота. Основание представляло собой толстую спираль из бронзы с ромбовидным острием, чтобы оружие можно было воткнуть в землю.

Внизу, близ стада, за каггами приглядывали около дюжины братьев Хаэля по общине. Младшие неподвижно, как и он, стояли вокруг стада, а тем временем старшие бродили среди животных, ласково поглаживали их по спинам, разговаривали с ними и, напевая вполголоса древние песни пастухов, смотрели, нет ли среди их подопечных больных, не пора ли уводить из стада готовых отелиться самок, вытаскивали из кожи каггов клещей.



Склоны горы, на которой стоял юноша, и возвышавшиеся вокруг холмы покрывал густой лес. Хаэль знал, что, кроме животных, птиц, насекомых и древесного народца, в лесу обитают Охотники, пускающие в ход отравленные стрелы. Вдали виднелся берег и хижины Рыбаков. Их длинные лодки поражали воображение шасиннов, хотя они никогда бы себе в этом не признались. В низинах селились люди, которые вскапывали землю изогнутыми палками и высаживали в нее семена или саженцы. Хаэль считал это занятие неподобающим воину.

Далеко на востоке изгибалась серая дуга — море. Оно отделяло Облачные Острова от большого материка. Юноша знал, что его племя обитает на самом большом и самом северном острове — Гэйле и что остров этот служит домом множеству народов. Для Хаэля Гэйл казался целым миром, а материк он представлял себе узкой полоской земли, похожей на очень длинный остров, где-то там, за бескрайним пространством воды.

С материка на берег Гэйла на огромных — раз в десять-двадцать больше, чем у Рыбаков, — лодках приплывали таинственные Люди с Волосатыми Лицами. Они появлялись несколько раз в год и за мясо, сыр, шкуры, вяленую рыбу, перья птиц и жемчуг давали островитянам металлы, одежду и множество других замечательных предметов. Чужеземцы не гнушались похищать детей и молодых красивых женщин, но мужчин живыми не брали, а если такое и случалось, то впоследствии они горько жалели об этом. Земледельцы и Рыбаки не были столь искусными воинами, как Пастухи, но все же считались умелыми бойцами. Заходить же вглубь острова и беспокоить Охотников Люди с Волосатыми Лицами не решались.



Над западными скалами позади Хаэля вот уже который вечер подряд клубились огромные облака. Юноша не мог оторвать взгляд от стада и полюбоваться их великолепием, хотя следить за облаками было куда интересней.

Краски неба потускнели, над водой на востоке показалось бледное пятно Луны. Она медленно, будто преодолевая какое-то препятствие, поднималась над линией горизонта, едва освещая небо, которое на глазах из бирюзового превращалось в пурпурное. Луна казалась раненой. Так оно и было — на ее девственno-белой поверхности явственно проступали глубокие борозды и грязные пятна.

Хаэль поднес руку ко лбу и наклонил голову — это было первое движение, которое он сделал за прошедший час.

— Прости нас, о Луна! — произнес он нараспев. — Мы, неразумные люди, ранили тебя по недомыслию нашему. Не отказывай нам в дожде, не отказывай в приливах, что приносят рыбу, не отказывай в плодовитости самок нашего скота.

Закончив ритуальную песню, Хаэль посмотрел вниз. Его братья тоже глядели на Луну, повторяя слова древней молитвы. Вообще-то Хаэлю казалось странным просить Луну о рыбе, ведь шасинны никогда не употребляли ее в пищу. Однако он знал, что людям приходится жить вместе, хотя зачастую они не любят и не понимают друг друга, и предлагал, что, обращая свои утренние молитвы Солнцу, Рыбаки не забывают о Пастухах и каггах.

Хаэль был молод и неутомим, но все же обрадовался, увидев, что на утес взбирается Данат — ему предстояло простоять на горе всю ночь.

— И везет же тебе, Хаэль! — тяжело дыша, проговорил Данат. — Ты можешь спуститься вниз и



поискать удобного mestечка у огня! Счастливчик! А мне тут стоять всю ночь! — Чтобы не замерзнуть, Данат прихватил с собой одеяло из шерсти кагга, не забыл юноша и об узелке с едой — что-что, а поесть он любил.

— Я не смогу отдохнуть спокойно, буду все время думать, как ты стоишь здесь один, под звездами, — сказал Хаэль. — Ведь я приду сменить тебя, лишь когда Луна пойдет на новый круг.

Данат набросил одеяло на плечи, хотя было еще не холодно.

— Смотри, какие облака. Похоже, сегодня ночью я увижу не так уж много звезд. Будет сильный дождь, брат.

— Без дождя не вырастет трава, и что тогда будут есть наши кагги? — Хаэль не слишком беспокоился за Даната — одеяло из шерсти кагга, подобно перьям водоплавающих птиц, не пропускало влагу.

Все молодые воины племени были братьями — фастанами, но Хаэля с Данатом связывали более тесные узы. В последнюю ночь церемонии посвящения они неумело, тупым кремневым ножом, сделали друг другу обрезание и теперь считались «братьями по крайней плоти» — чабас-фастанами. Это была кровная связь на всю жизнь. Если один стоял на часах ночью, другой сменял его днем; чабас-фастаны выхаживали друг друга, если, на горе, кто-нибудь из них заболевал или был ранен; в бою они всегда сражались бок о бок. Если одного отправляли куда-нибудь с поручением, другой оставался присматривать за стадом. А когда молодые воины обзаводились семьей и у них появлялись дети — они не делили их на своих и чужих, и если один из чабас-фастанов умирал — второй заменял сиротам отца. У шасиннов считалось на редкость недобрый



знаком, если один из «братьев по плоти» погибал в молодости. Это было даже хуже, чем остаться сиротой, поскольку узы такого братства не могли быть заменены ничем. Родители Хаэля умерли, а потому он даже думать боялся, что с Данатом может что-нибудь случиться.

— Ты уверен, что тебе хватит этой еды? — спросил Хаэль, поддев носком объемистый узелок. — Мне бы не хотелось, прия сюда завтра, обнаружить лишь твой иссохший остав...

— Топай вниз, лентяй. Ночная стража — для настоящих мужчин. Пообедай, бездельник, а потом можешь поискать себе женщину, а я, словно жалкий раб, буду исполнять свой долг.

— Это ты здорово придумал, — сухо сказал Хаэль. — Похоже, ты забыл, что женщины на четыре длинные ночи покинут лагерь, чтобы подготовиться к Празднику Появления Телят¹. А уж когда он начнется, нам будет не до ухаживаний.

Данат вздохнул:

— Да помню я, помню. Но и ты не забывай, что мужчина всегда должен держать свое копье готовым к бою... Ладно, малыш, ступай, а то совсем стемнеет, и ты не сможешь найти дорогу к лагерю, а еще того хуже — оступишься и сломаешь ногу. Мне вовсе не хочется пропытывать тебе горло копьем, как покалеченному каггу.

Спускаясь по скалистому склону, Хаэль усмехался последней шутке Даната, хотя от истины тот был недалек — спуск действительно был очень опасным. Впрочем, Хаэлю приходилось преодолевать его каждый день и вскоре он благополучно добрался до лагеря.

¹ Праздник плодовитости.



Внутри круга хижин горели костры. В ноздри юноши ударил запах жарящегося мяса. «Время праздника еще не пришло, значит, погибло какое-то животное», — решил Хаэль. В костры подбрасывали слепленный в комочки и высушенный помет каггов. Топливо собирали, готовили и приносили в лагерь женщины. В свою очередь молодые мужчины помогали им таскать от реки тяжелые кувшины с водой. Несмотря на то что эта обязанность неизменно вызывала недовольство сильной половины, выполняли ее мужчины с немалым рвением, ведь им предоставлялась возможность покрасоваться перед женщинами. Младшие воины обычно не заходили дальше заигрывания, но с возрастом их ухаживания становились все серьезнее.

Хаэль подошел к костру, разожженному близ их с Данатом хижины, и вбил тяжелый наконечник своего копья в землю. У огня сидели три мальчика, один из них протянул Хаэлю чашу с молоком кагга. Юноша сделал несколько глотков и передал чашу сидящему справа от него. Молоко надоили совсем недавно, оно еще не успело остить, и, если бы этой ночью в лагере не жарили мясо, его бы смешали с кровью, взятой из яремной вены теленка.

— Кому мы обязаны этим? — спросил Хаэль, показывая на куски мяса, насаженные на двухфутовые вертелы.

— Мохнатым Змеям, — ответил Рэйба, начищая бронзовый нож, которым он необычайно гордился. — Вчера во время бури молния убила двух годовалых каггов. — Он усмехнулся, демонстрируя широкую щель между передними зубами. — Их несчастье — наша удача.

Мясо погибших животных делилось между членами племени, причем лучшие куски, конечно же,



доставались старшим воинам и старейшинам, а той общине, чье стадо понесло потерю, не причиталось ничего. Теперь общине Мокнатых Змей предстояло носить трехдневный траур — это означало, что они будут поститься, пить только воду и посыпать головы пеплом.

Хаэль поднял вертел, понюхал мясо, но решил, что оно еще не прожарилось. Пастухи пили кровь живых яггов, но есть плохо прожаренное мясо опасались, считая, что в нем могла остаться душа животного. Вдруг душе не понравится, что ее съедят? А мстить она может по-разному: один отделается несварением желудка, а другого ждет мучительная смерть.

Небо стало непроглядно темным, лишь далеко на западе оно временами озарялось вспышками молний. Гроза приближалась. Раскаты грома становились все сильнее, чаще сверкали молнии. В сильную бурю гром напоминал барабанную дробь во время празднества. В сезон дождей ливни приходили с запада почти каждую ночь, и так полгода на-пролет. Иногда они сопровождались чудовищными ветрами. Потому острова и часть материка рядом с ними называли Грозовыми Землями.

Хаэль поднял голову, вдохнул пропитанный дождевой влагой воздух и сказал:

— Западные ветры уйдут лишь через две луны. Значит, до тех пор корабли Волосатых не появятся.

Луо засмеялся и бросил в Хаэля горсть земли.

— Смотрите-ка, Хаэль может беседовать с духами! Он уже прорицает! Он сообщает нам, когда придут восточные ветры, как будто мы сами не могли предугадать это еще в утробе матери. Может, духи открыли тебе еще какую-нибудь тайну, брат?



Хаэль рассмеялся вместе со всеми, хотя ему вовсе не было весело. Чрезмерная серьезность всегда отличала его от сверстников. Товарищи считали, что Хаэль придает большое значение вещам, на которые воины, как правило, вообще не обращают внимания. Порой он и сам думал, что мог бы стать Беседующим с Духами, однако он знал, что ни один Беседующий не имел права взять в ученики мальчика, оставшегося сиротой.

— Кому есть дело до Людей с Волосами Лицами или до иного народа, который не держит домашнего скота? — спросил Рэйба и сам ответил: — Никому, только Хаэлю. Вы не поверите, но однажды я видел, как он разговаривал с Земледельцем, словно с нормальным человеком!

Сидящие у костра сделали вид, что чрезвычайно удивлены.

— Не может быть! — воскликнул Пенду. — Даже Хаэль не опустился бы до такого. Хотя, быть может, у того Земледельца хорошенъкая дочка?

— Мне нужно знать все о наших соседях, — ответил Хаэль. — Потому что когда-нибудь я стану верховным старейшиной и буду управлять всеми вами. А вы к тому времени превратитесь в неповоротливых толстых старцев, и ваши копья достанутся молодым дуракам — точь-в-точь таким, как вы сейчас. Мне придется заботиться о никчемных, ни на что не годных стариках и, возможно, обращаться за помощью к нашим соседям.

Мальчишки громко расхохотались.

— Острое копье — острый язык, — изрек Луо, у которого, как всегда, была наготове подходящая поговорка — он знал их великое множество.

Луо схватил вертел, понюхал мясо, громко вздохнул и впился в него зубами. Остальные не замедлили



последовать его примеру. Шасинны были умеренны в еде, не любили толстых и могли много дней обходиться без пищи. Во время дальних походов они довольствовались лишь водой из ручья, кусками твердого сыра или тонкими полосками жесткого вяленого мяса. Есть слишком много или слишком жадно считалось неприличным; над обжорой Данатом безжалостно насмехались.

Хаэль расправился со своей долей мяса, отошел от костра и посмотрел на небо. Кое-где сквозь пелену облаков проглядывали звезды. Юноша, как и все Пастухи, знал, как зовется каждая из них. Названия эти пришли из далекой древности, а потому некоторые звезды носили имена зверей и существ, которых не видел никто из ныне живущих. Рыбы, Крабы и Скорпионы, конечно, были знакомы всем, но как выглядели Козерог, Овен, Лев или Телец? Говорили, что Телец походил на самца кагга, только двурогого, а Овен — на горного крутогорга, только без острых, способных грызть дерево передних зубов. Лев напоминал кошку, но очень крупную, куда больше ночного кота. Должно быть, он походил на кота, что водится в джунглях юга, а грива у него была как у морских котов, которые во время отлива вылезают из воды на залитые солнцем скалы. Эти странные животные исчезли в Дни Зла. В ту пору люди колдовали, чтобы уничтожить друг друга. Они так возгордились, что посмели напасть даже на Луну. О давно прошедших временах — или вообще о чем-то очень древнем и почти забытом — говорили: «это случилось, когда Луна еще была белой».

Подойдя к своей хижине, Хаэль воткнул копье под навесом справа от входа. Бронзе дождь не страшен, но от воды покрывалась ржавчиной сталь, которой были обиты края навершия, и портилось



древко. Хаэль и Данат вместе строили себе жилище, и, прежде чем в первый раз войти в него, кинули кости. Хаэль выиграл это место. Оно было намного удобнее, копье само ложилось в правую руку, когда он выбирался из хижины.

Хаэль собрался было заползти внутрь, как вдруг начался дождь. Он стащил с себя набедренную повязку и сумку и, забросив их в хижину, несколько минут постоял под проливным теплым дождем, смывая под хлещущими с неба струями налившую за день грязь. Капли дождя шипели на углях костров, а молодежь с радостными воплями и хохотом сгребала их в глиняные горшки, чтобы отнести в Хижину Огня. Утром они получат горшки обратно и не нужно будет заново добывать огонь, до умопомрачения вертя огненную палочку. Магией огня владели немногие. Однажды Хаэль видел, как добывают огонь живущие в горах Охотники. Они делали это так быстро, что юноша не успел бы за это время даже пройти лагерь из конца в конец. Охотники низкими голосами пели какую-то песню, но Хаэлю не удалось расслышать слова, а он был уверен, что магия огня таится именно в них.

Хаэль на четвереньках вполз через низкий лаз в хижину. Внутри пахло дымом — у самого входа в небольшом глиняном горшочке тлел древесный уголь. Дым от угля обладал целебными свойствами и отпугивал самых донучливых насекомых. Хаэль достал из мешка, висевшего на вбитом в стену крючке, еще несколько мелких поблескивающих кусочков угля и бросил их в сосуд. Юноша лег на шкуру, брошенную поверх циновки из пахучих трав, и перевернулся на спину, подложив под голову сплетенные пальцы. Он прислушивался к звукам барабанящего по кровле дождя. Крыша хижины была ку-



полообразной — каркас из выгнутых стволов молодых деревьев покрывал слой спищих друг с другом полосок коры. Жилище было очень удобным, хотя большую часть суток шасинны проводили на воздухе, а в хижины забирались, лишь когда спали, занимались любовью или укрывались от непогоды.

Откуда-то издалека донесся рев крупного зверя. Возможно, тот злился на дождь, испортивший ему охоту. Перекликалисьочные птицы. Наконец веки Хаэля смежились, иочные звуки стали частью его беспокойного сна. Иногда ему снилось знакомое, иногда такое, чего он никогда в жизни не видел. Многие утверждали, что в снах человеку приходит будущее, но Хаэлю не хотелось думать, что когда-нибудь с ним случится то, что он видел во сне.

Проснулся юноша от свиста летучих мышей-рыболовов — те возвращались в пещеры, чтобы проспать там до следующей ночи.

Не утруждая себя одеванием, Хаэль выполз из хижины и направился к большому чану с водой. С востока по небу расползался сероватый жемчужный свет. Хаэль брызнул водой в лицо и прополоскал рот. Чан стоял за сараем, в котором хранились кожаные щиты, барабаны, тренировочные копья, мишени, палки для фехтования и горшки с красками и маслом.

— Эй, Хаэль!

Юноша обернулся — за ним шел Гасам. Хотя все братья в общине считались равными, Гасам был немного старше, а потому признавался всеми вождем. Он был молочным братом Хаэля, однако, несмотря на то что обычай общины заставлял всех вести себя дружелюбно, братья с детства ненавидели друг друга. Гасам вырос в статного сильного мужчину. На его шее и запястьях брякали много-



численные украшения из меди и бронзы. Молодому человеку нравилось раскрашивать лицо и щеголять своим великолепным мечом — таких в общине было всего три.

— Сегодня утром будешь помогать женщинам носить воду, — сказал Гасам. — К стаду вернешься вечером. — Слова были вежливы, однако тон и выражение лица выдавали неприязнь.

— Почему всегда я? — Под притворным недовольством Хаэль пытался скрыть свою радость. Пять дней назад он помогал женщинам у реки и теперь надеялся, что снова встретит Лариссу. — Воины должны сражаться и охранять скот, а не таскать воду!

— Настоящие воины не должны, — отчеканил Гасам. На его счету было не больше набегов, чем у младших членов общины, но ему нравилось выставлять себя сведущим в воинском искусстве. Старшие, которые не по своей воле оставались среди мальчишек, брали тем, что верховодили над ними, а потому им не приходилось выполнять тяжелую работу, они лишь следили, чтоб она была сделана. — На восходе солнца Кампо встретит тебя и остальных у Шеста Духа.

Хаэль поспешил к хижине Луо и Рэйбы. Мальчики только что проснулись и стояли, зевая, потягиваясь и почесываясь. Луо заметил Хаэля первым и сказал:

— Можешь ничего не говорить. Сегодня утром мы с тобой носим воду. Этот славнейший из воинов Гасам уже успел сообщить нам об этом.

— Ты, конечно, хочешь попросить, чтобы я придал твоей внешности блеск, дабы женщины не пришли от твоего вида в ужас, — вступил в разговор Рэйба. — Н-да, вообще-то, ты на редкость бе-



зображен, но я все-таки попробую кое-что подправить.— Пригнувшись, он залез в хижину и вернулся с плоской деревянной коробкой, в которой хранились баночки с красками и несколько маленьких гребешков. Рэйба долго колдовал над лицом Хаэля: искусно подвел глаза черным, нанес несколько си-них линий на щеки. Кончиком пальца поставил вдоль скул ряд красных точек и завершил работу верти-кальной желтой полосой на подбородке. Затем, отступив на шаг назад, он полюбовался на дело своих рук.— Ну, вот. Может, теперь они не испу-гаются.

— Спасибо, Рэйба. Ты здорово меня выручил. За это я не расскажу женщинам, чем ты занимался с самкой кагга.

Хаэль вернулся в свою хижину, надел набедрен-ную повязку и украшения из меха. Завязывая на лбу ленту, он подумал о том дне, когда его волосы снова отрастут и он сможет одеваться иначе. Хаэль снял с копья чехол, спрятал его в сумку и пошел к сараю, где уже собирались младшие воины. Они ог-лушительно хохотали и брызгались водой.

У сарая, рядом со стойкой для копий и грудой метательных палок, стоял горшок с маслом, выжатым из кулачного ореха. Ореховыми деревьями порос весь берег, их плоды очень напоминали человечес-кий кулак. В пищу они не годились, но из них выжимали пахучее масло, которым смазывали ме-талл от ржавчины и наносили на кору, чтоб не пропускала влагу. Хаэль смазал копье, потом натер руки, плечи и грудь, и кожа его стала золотистой.

Легкой походкой, с копьем на плече, Хаэль по-шел к Шесту Духов. Шест толщиной с ногу взрос-лого человека, из бронзового дерева, на котором были вырезаны символы Духа, был защитным тоте-



мом лагеря. Он был увенчан черепом ночного кота. Когда племя переходило на другое пастбище и приходилось вновь разбивать лагерь, шест непременно брали с собой, и нести его было отнюдь не легкой задачей. Это дерево называли бронзовым не за цвет — оно было почти черным,— а за вес и прочность, почти не уступающую металлу.

Солнце еще и на ширину пальца не поднялось над горизонтом, а водоносы уже были в сборе — девять младших воинов и Кампо, юноша постарше, ленивый и добродушный. Почти все шасинны отличались красотой, но Кампо выделялся даже среди них.

На шее он носил множество ярких, вымененных у чужеземцев бус и ожерелье из кованого серебра, которым весьма гордился. Когда все юноши собрались, Кампо махнул копьем, и группа рысью двинулась вперед. Это была их обычная походка, если требовалось пройти более десятка шагов; они могли бежать так часами, даже обремененные тяжелым вооружением.

В излучине мелководной речки Бунда в двух милях от лагеря стояла деревня — беспорядочное скопление около полусотни хижин и нескольких длинных бараков для собраний. Чуть поодаль располагались загоны для скота. Деревню окружал высокой вал, вершина которого была обсажена колючим кустарником. Ограда защищала людей и скот от охотящихся по ночам хищников. С людьми шасинны всегда сражались в открытом поле, никогда не укрываясь за стенами.

Юноши не стали заходить в деревню, а повернули к пруду, вырытому у самого берега реки. Его дно было выложено плоскими камнями, поэтому грязь и ил оседали и не мутили воду.



Спускаясь к реке, юноши увидели, как несколько женщин вышли из деревни и тоже направились к пруду. Спустя несколько минут они встретились.

Наряды шасиннок были весьма просты: пестрые одеяния замужних женщин тщательно прикрывали тело от локтей до коленей, незамужние одевались более свободно — они обворачивали себя длинными кусками ткани, завязывая их концы на одном плече. Самые смелые умудрялись сделать это так, что сбоку, от плеча до бедра, оставался разрез. Носить такое одеяние считалось большим искусством — приходилось внимательно следить, чтобы разрез распахивался лишь настолько, чтобы мужчины думали, будто видели куда больше, чем на самом деле.

Благополучно доставив женщин, старшие воины повернули к деревне. Мальчишки не сомневались, что старики грустят, вспоминая времена, когда были молодыми и, кроме борцовских схваток и заботы о стадах, ни о чем не волновались. Юным воинам и в голову не приходило, что когда-нибудь им самим захочется обзавестись женой, детьми, имуществом и занять достойное положение в племени.

Под смех и непристойные шуточки женщины зашли в воду и стали наполнять высокие узкогорлые кувшины. Мужчины принимали их на берегу и ставили на землю, старательно делая вид, что не прилагают ни малейших усилий, будто громоздкие тяжеленные кувшины легки, как пушинки, — женщин это немало забавляло.

Хаэль восхищался женщинами — они казались ему столь же прекрасными, сколь мужественными он считал старших воинов. Юноша не знал, что для чужеземцев шасинны были самым красивым из всех известных им народов, но его бы ничуть не удивило



подобное мнение. В отличие от мужчин, женщины берегли кожу от солнца — закрывались от палящих лучей платками и головными уборами и не забывали об отварах из трав,— поэтому она была лишь слегка золотистой. Волосы шасинок поражали многообразием оттенков — от цвета темной меди до белого, а глаза неизменно лучились синевой. Все шасинки были стройными и грациозными.

На реке ребяташки загоняли в воду небольшое стадо квилов, упитанных спокойных животных величиной с каггов. Квилам требовался специальный уход — каждый день их следовало не меньше часа купать в проточной воде. Квилы не отличались сообразительностью, а потому становились легкой добычей для любого хищника, и охранять их приходилось не спуская глаз. В брачный период, дважды в год, животные обрастили невероятно длинной красивой шерстью, которая казалась почти невесомой. Когда шерсть выпадала, ее собирали и прода-вали Людям с Волосатыми Лицами, те отвозили шерсть на материк, где ее обрабатывали в специальных мастерских.

Голые ребяташки юркими рыбками плескались в воде, оглашая воздух громкими криками. Они скребли спины квилов, не забывая и свои собственные. Мальчишек и животных надежно охраняли воины из общины Травяного Кота.

Вспомнив о Людях с Волосатыми Лицами, Хаэль машинально провел пальцами по щекам, стараясь не размазать старательно наложенные краски,— кожа была гладкой. Растительность на лицах островитян не была такой обильной, как у людей с материка, но когда приходила пора возмужания, на подбородке и верхней губе мальчиков появлялись редкие тонкие волоски. Их непременно выдергивали, а после



того как подобную процедуру повторяли в течение года или двух, волосы на лице вообще переставали расти.

Сейчас, рядом с Лариссой, Хаэль особенно заботила его внешность. Девушка была очень красива. Тонкие черты лица Лариссы казались несколько экзотичными на фоне скуластых, широкобровых шасиннок. Очень светлые волосы контрастировали с темными, почти черными бровями. Как ни странно, в детстве девочка считалась некрасивой и ей пришлось выслушать немало насмешек, правда, чаще всего добродушных, поскольку ее отец был старейшиной племени, а мать — главной повитухой. Но теперь Ларисса выросла и превратилась в настоящую красавицу.

Хаэль дружил с ней столько, сколько себя помнил. Детьми они вместе играли, купали квилов и занимались всем, чем обычно занимались дети шасиннов. В ту пору они были очень близки, поскольку Лариссу от других детей отталкивала необычная внешность, а Хаэль — сиротство. Мать мальчика умерла при вторых родах, а отца несколькими месяцами позже убили в схватке с воинами враждебного племени. Хаэль воспитывали сестра отца и ее муж, но они взялись за это только потому, что были обязаны принять на себя заботу о племяннике. Эта пара занимала высокое положение в племени, но Хаэль был приемышем и, в отличие от их родного сына Гасама, который был на семь лет старше, никакие привилегии на него не распространялись. Хаэль был почти отверженным, несмотря на то что шасинны отличались сплоченностью и взаимовыручкой.

С течением времени такое положение несколько изменилось. Юноша прошел ритуал посвящения



и был принят в общину младших воинов — это была первая ступень к признанию, это давало надежду на то, что рано или поздно он станет достойным Лариссы. Она считалась одной из первых красавиц, и добрая половина молодых воинов слагали песни и стихи, прославлявшие ее красоту и изящество и пророчившие ей будущее главной женщины племени.

На Лариссе была накидка из красно-белой клетчатой материи, руки ее украшали браслеты из бронзы и серебра, а в ушах сверкали золотые кольца. Эти драгоценности — ее приданое — стоили не меньше, чем небольшое стадо кагтов. Потихоньку оттесняя друзей, Хаэль норовил сам принимать кувшины с водой из рук девушки. Заметив это, Ларисса одарила юношу белозубой улыбкой, и его сердце заколотилось сильнее.

Когда все кувшины наконец были наполнены, воины взяли их за большие петлеобразные ручки и, водрузив на голову, зашагали к деревне. Женщины, как обычно, не упустили случая пообсуждать молодых людей.

— Луо всегда расплескивает воду, — заявила одна. — Наверное, у него голова какая-то не такая.

— Он часто бился головой об землю, когда мы боролись, — подхватил Пенду. — Знаешь, а ведь его голова могла пострадать не меньше, чем другие части тела.

— А мне нравится смотреть на задницу Кампо, когда он несет кувшин, — заметила Биналла, предпочитавшая иметь дело с юношами постарше. — Она так мило покачивается!

Мужчины ехидно поздравили Кампо с тем, что его зад вызывает восторг у женщин.

— Пользуйтесь этим, пока они молоды, — сказала Тинатта. Хотя лицо ее и было изборождено мор-



щинами, она еще не достигла возраста ушедшей на покой матери семейства.— Когда они станут старшими воинами, от них уже никакого толку не добьешься. Каждый день будут пересчитывать свой скот, напиваться гулем да соблазнять чужих жен.— Ее слова вызвали одобрительное хмыканье замужних женщин.

Ларисса шла рядом с Хаэлем, и он лихорадочно думал, какую бы отпустить шутку, чтобы привлечь внимание девушки. Он не простит себе, если так и не скажет ничего подходящего. От девушки сладко пахло маслом кулачного ореха, к этому аромату примешивался запах цветочных лепестков.

— У тебя сегодня очень красиво раскрашено лицо, Хаэль,— сказала вдруг Ларисса и вздохнула.— Мне бы хотелось, чтобы и женщинам позволяли утром наносить краску на лицо.

Немедленно сообразив, какой удобный случай ему предоставился, Хаэль воскликнул:

— Тебе не нужна краска, Ларисса, ни утром, ни вечером! Твоя красота и так совершенна!

Девушка улыбнулась, и на ее щеках появились прелестные ямочки.

— Да ты льстец. Впрочем, меня об этом предупреждали.— Она сделала вид, что ищет кого-то среди младших воинов.— А почему с вами нет Гасама?

Хаэль вспыхнул, почувствовав гнев и унижение, хотя прекрасно знал, что Ларисса спросила о Гасаме нарочно, чтоб побольнее задеть его.

— Он в лагере. Мнит себя великим воином, который не опустится до того, чтобы таскать кувшины. А ты что, предпочитаешь теперь старших, как Биналла?

Видя, что ее укол достиг цели, девушка прямо-таки засияла от удовольствия.



— А почему тебя это удивляет? Гасам красив, к тому же он вождь Ночных Котов, а когда-нибудь станет одним из первых старших воинов.

— У нас нет вождя! — отрезал Хаэль. — Он просто старше нас. Ему не повезло — он был слишком молод, когда проходило прошлое посвящение в старшие воины.

Ларисса принужденно засмеялась и отошла к женщинам. Хаэль не сомневался, что сейчас она рассказывает подругам, как ловко поставила его на место.

— Если бы мужчинам было позволено бороться с женщинами, брат, — сказал Рэйба, — то сейчас ты бы лежал на земле.

— Да разве поймешь этих женщин? — заметил Луо. — А славнейший из воинов, могучий Гасам, вышел победителем в состязании, на котором даже не присутствовал.

Хаэль ничего не ответил. Они подошли к воротам, рядом с которыми стоял деревянный Шест Духа. Древний, покрытый замысловатой резьбой Шест каждый год украшали хвостами приносимых в жертву кагтов. На скамье перед Шестом сидел Беседующий с Духами Тэйта Мал и кивал проходящим мимо. Его морщинистое лицо прикрывала от солнца сплетенная из соломы шляпа.

Взгляд Тэйта Мала задержался на Хаэле. Судьба жестоко обошлась с юношой, сделав его сиротой, — ведь никто из молодых людей племени, кроме Хаэля, не был достоин стать Беседующим с Духами. Однажды, когда все Беседующие с Духами собрались на ежегодный совет, Тэйта Мал просил сделать для Хаэля исключение и сказал, что согласен взять его в ученики. Однако после длительных споров и обсуждений решили, что древнее прави-



ло не будет нарушено. Кто знает, что может случиться, если сирота овладеет искусством Беседующих с Духами?

Тэйта Мал очень переживал, что ему никак не удается найти себе подходящего ученика. Мальчик, которого старику все-таки пришлось обучать, не обладал большими способностями. Тэйта Мал не сомневался, что духов интересует только Хаэль — возможно, именно поэтому юношу преследовал злой рок: гибель родителей, равнодушные опекуны, издевательства молочного брата Гасама... И впрямь Хаэля нельзя было назвать удачливым!

Тэйта Мал не любил вспоминать о Гасаме. Он чувствовал, что этот юноша способен причинить большое зло, хотя до сих пор это проявлялось лишь в чересчур задиристом отношении Гасама к младшим. Ритуал посвящения в воины проходил далеко не каждый год, и поэтому всегда находилось несколько юношей, которые не становились посвященными из-за того, что были моложе определенного возраста — порой таким неудачникам приходилось ждать чуть ли не до двадцати лет, чтобы стать хотя бы младшим воином.

Большинство принимали свою судьбу спокойно — таким, например, был Кампо: он считался еще мальчиком, хотя его ровесники уже собирались жениться. Однако все это было лишь данью традиции — так или иначе ни один мужчина не занимал высокого положения в племени, пока не достигал зрелого возраста. К тому же, когда эти юноши наконец проходили посвящение, они получали множество привилегий за долгое ожидание: младшие воины избирали их своими вождями, по ночам они не стояли на страже, а дни могли проводить совершенствуя боевое искусство или осматривая стада. А



став старшими воинами, они считались самыми опытными мужчинами, были предводителями в набегах и битвах и самыми желанными мужьями.

Однако некоторых столь долгое ожидание портило, и, несомненно, Гасам, был из их числа. Долгие годы он ходил бритоголовым мальчишкой, мечтая заплести волосы в косички воина; носил посох пастуха квилов, зная, что ему уже давно надлежит носить копье; сгорал от зависти, слушая, как юноши, старше его всего на несколько месяцев, с гордостью рассказывают о битвах, хвалятся окровавленными копьями и отнятыми у неприятеля стадами каггов.

Да, Тэйта Мал чувствовал, что в Гасаме таится зло. Старик размышлял о юноше, почесывая колено и глядя на небольшую ямку в земле в нескольких шагах от себя. На поверхности кратера показалась мохнатая головка рогача-землекопа — веря єю по сторонам, зверек внимательно оглядел окрестность. Головка с крошечными любопытными глазками была гладкой и лишенной ушей; на месте носа торчал короткий раздвоенный рог. Вслед за головой появились могучие когти, которыми рогач, не переставая, рыл землю. И вот он уже весь вылез на поверхность, и не один, а в сопровождении своего семейства. Зверьки со шкурками цвета земли, в которой они прорывали многочисленные ходы, немедленно принялись раскапывать почву в поисках семян и орехов.

— Ну, рогачи-землекопы, может, вы мне что-нибудь объясните? — спросил Тэйта Мал. — Почему я ощущаю зло? По-моему, вам нужно побеседовать об этом с подземными духами. — Рогачи-землекопы ничего не ответили старику, впрочем, он, разумеется, и не ждал ответа. Зверьки даже не обратили



внимания на старика, потому что люди их вообще не интересовали. Хищные птицы и дневные летучие мыши заставляли рогачей постоянно следить за небом; змеи, ящерицы и пушистые существа, обладающие острыми зубами,— за травой, человек же казался им всего лишь огромным неуклюжим созданием, не представляющим особой опасности, а значит, и интереса.

Тэйта Мал лениво погремел ожерельем из костей, болтающимся на его иссохшей шее. Он был очень стар и понимал: ему не подобает радоваться тому, что он не доживет до того дня, когда ощущаемое им зло вырвется на свободу. Волосы его стали совершенно седыми, а глаза утратили прежнюю зоркость, но он не испытывал особого сожаления от мысли, что вскоре ему придется покинуть этот мир.

Когда мужчины поставили кувшины под навес, стоявший посреди деревни, к ним подошла женщина средних лет и хлопнула в ладоши, требуя внимания. Это была Амарра, мать Лариссы и главная поивальная бабка деревни.

— Когда Солнце пересечет линию полдня,— объявила она,— мы женщины, удалимся в женские дома для трехдневного уединения перед Праздником Телят. Молодые мужчины должны держаться подальше от нас до тех пор, пока не закончится празднество. Старшие воины и старейшины могут в эти дни питьаться тем, что сумеют приготовить, или же голодать — как пожелают. — Затем, следуя ритуалу, она добавила: — Всякого, кто нарушит эти запреты, ждет наказание — слишком ужасное, чтобы о нем упоминать. Теперь можете идти, вы должны подготовиться — вас ждет много беспокойных ночей. Телята начнут появляться еще до того, как Луна дойдет до половины своей фазы.



— Обязанность не из приятных,— заметил Рэйба, когда юноши направились к деревенским воротам.

Считалось, что обряд уединения очищал женщин, позволяя им присутствовать при отеле самок каггов, тогда как мужчинам это было запрещено. В течение двадцати дней и ночей или даже дольше женщинам надлежало находиться в стаде, а мужчинам стоять на страже, поскольку звуки и запахи, сопровождающие отел, привлекали хищников на расстоянии многих миль окрест.

— Но зато будет возможность отличиться,— заметил Луо.— Можно, не нарушая табу, на виду у всего племени убить какую-нибудь большую кошку или даже длинношея, а потом до конца жизни носить его шкуру.

Хаэль хлопнул Луо по плечу:

— Скажи-ка мне, и часто такое случается? Вот в прошлом году община Копий-Клыков убила громадного кота, который вылез из джунглей во время отела. Тогда многие бросили копья, и что же? Теперь все мужчины общины носят меховые браслеты на запястьях!

— Хаэль опять говорит о мрачном,— сказал Рэйба, призывая в свидетели небо.— Он не может дать человеку помечтать, не полив огни славы своей мочой.

— Перед тобой такие огни пока что не горят,— ответил Хаэль.— Разве что тлеющие угли.

У ворот юношу окликнул Тэйта Мал:

— Задержись немножко, Хаэль, побудь со мной.

Юноша подошел к старику, а его друзья поспешили к лагерю. Бежавший впереди Кампо затянул боевую песню, и ее тут же слаженно подхватили остальные. Хаэль уселся на корточки рядом с Бесе-



дующим с Духами, обеими руками держа перед собой копье. Он почтительно ожидал, когда старик заговорит.

— Тебе нравится жизнь воина, ведь правда, Хаэль?

— Конечно. Кому же она может не нравиться? — удивился юноша.

— Раз уж тебе не суждено стать Беседующим с Духами, хорошо, что ты находишь сносной жизнь, которая тебе предстоит. Похоже, ты ладишь с братьями по общине?

— Да, с большинством из них, — подумав, сказал Хаэль.

— Но не с Гасамом.

— Вряд ли это может кого-нибудь удивить. Он никогда не предлагал мне свою дружбу, а теперь его сдерживают только обычай. — Хаэлю явно не хотелось говорить об этом, казалось, разговор о Гасаме возвращал его к реальности, которую он предпочел бы не замечать.

— Гасам, как и ты, совсем недавно стал воином. Скоро он почувствует себя более уверенно, и вот тогда тебе придется как следует за ним приглядывать. Считается, что все младшие воины равны между собой, но это неверно. Гасам может причинить тебе много зла, и при удобном случае он это сделает.

— Я смогу за себя постоять, — уверенно сказал Хаэль.

— Не думаю, что это будет честный бой, — вздохнул Тэйта Мал. — Он не станет нападать в открытую. У Гасама было больше времени, чтобы изучить людские нравы. Он сможет настроить против тебя других — да так, что они сами того не заметят. Он может навредить тебе здесь, в деревне, пока ты будешь в лагере.



Хаэль недоверчиво взглянул на старика.

— Но почему? — спросил он очень серьезно. — Да, мы никогда не любили друг друга, но ведь я ни разу не угрожал ему. Если он сможет пережить годы воина, то станет уважаемым старейшиной, у него будет много жен и большое стадо. Мне же вполне достаточно одной жены и нескольких каггов. С какой стати ему меня унижать?

— Он видит в тебе что-то особенное — я тоже это вижу, но, в отличие от меня, Гасаму это не нравится. Ты обладаешь качествами, несвойственными другим юношам. Ты серьезен и уравновешен, как старший воин, хоть ты и моложе большинства твоих братьев. Сейчас тебя поддразнивают, но скоро станут уважать и будут обращаться к тебе за советом и даже с просьбой взять на себя предводительство. Гасам не сможет мириться с этим.

Хаэль поднял глаза к небу — ветер гнал облака. Неподалеку паслось стадо ветвисторогих, с виду безмятежных, но на самом деле беспокойных и настороженных животных. Стоит показаться хищнику, как стройные ноги вмиг унесут их прочь.

— Я не могу с ним биться — это запрещено общиной. Когда мы станем старшими воинами, я смогу вызвать Гасама на поединок, но до этого еще так далеко.

— Верно. А пока ты должен следить за ним. Будь бдителен и не стесняйся обращаться ко мне за советом.

— Спасибо тебе, Беседующий с Духами.

— Это мой долг. А еще один совет я дам тебе прямо сейчас, правда, не думаю, что он придется тебе по душе. Молодые люди заигрывают с женщинами и ухаживают за ними, это совершенно естественно. Они должны узнать характер и привычки



друг друга, к тому же немногое на свете доставляет людям большее удовольствие. Но я не советую тебе отдавать свое сердце одной женщине, особенно сверстнице, как Ларисса.

Хаэль почувствовал, как его лицо заливает краска.

— Но мы знаем друг друга с детства! Она единственная из всех женщин деревни не напоминала мне постоянно, что я сирота. Как будто я в этом виноват!

— Ларисса была одиноким ребенком, но теперь она стала прекрасной и желанной для многих женщиной. Дай-ка мне вспомнить... — Старик задумчиво поскреб подбородок. — В следующее полнолуние тебе исполнится шестнадцать лет, верно?

— Да.

— Ей примерно столько же. Женщины в эти годы уже вступают в брачный возраст. А ты не сможешь жениться до следующего посвящения, и это произойдет не раньше чем через семь лет. А возможно, что и через десять, если не наберется нужного числа мальчиков, готовых принять посвящение. Ты думаешь, она будет ждать тебя столько лет?

— Нет, — сказал Хаэль, упав духом и почувствовав себя очень несчастным. Вообще-то подобные мысли приходили ему в голову, но он старался гнать их от себя.

— Хаэль, сейчас я скажу тебе то, что, как мне кажется, должен знать каждый мужчина, хотя немногие задумываются об этом в беззаботные дни юности. Почему у нас такие обычай? Почему мы отделяем молодых мужчин от племени, отправляем их жить в лагеря и не позволяем возвращаться в деревню, обзаводиться имуществом и жениться до достижения зрелого возраста?



— М-м-м... — задумчиво произнес юноша. — Но ведь кто-то должен охранять кагтов и защищать деревню от нападения. И участвовать в набегах...

— Другие племена занимаются тем же, но прекрасно обходятся без воинских общин. Через год или два Ларисса выйдет замуж за старшего воина или даже старейшину, и только потому, что больше ей будет выйти не за кого. Молодые женщины всегда становятся женами тех, кто их старше. У старших больше кагтов и другого скота, они могут поднести богатые свадебные дары. Скажи мне, Хаэль, что бывает, когда вы пригоняете из набега стадо кагтов?

— В деревне устраивают пир, — ответил юноша, уже начиная понимать, чего добивается от него старец. Обычаи существовали испокон веков, им следовали не раздумывая, и Хаэлю даже в голову не приходило размышлять о справедливости исстари установившегося порядка.

— Вот именно. Вы убиваете несколько животных и устраиваете пир для всей деревни, совершая возлияние кровью в благодарность духам. Потом несколько голов скота получают ваши отцы, а остальные кагти делятся между старейшинами. Ты понимаешь меня? Старших воинов всегда значительно меньше, чем младших, а до возраста старейшин доживают лишь единицы. Большая часть наших обычаяев рассчитана на то, чтобы держать вас, молодых смутьянов, подальше от деревни. Потому что почти все добытое вами, почти все вызывающие желание женщины достаются не вам, а старшим — тем, в чьих руках власть.

— Я никогда не задумывался над этим, — признался Хаэль. — Я всегда считал, что мы выполняем свои обязанности, потому что... ну, потому что



должны их выполнять. Потому что так заведено у шасиннов.

Тэйта Мал достал из кожаного мешочка гадальные кости и бросил себе под ноги. Внимательно посмотрев, как легли кости, он подобрал их и кинул вновь. Удовлетворенный увиденным, старик собрал их и снова спрятал в мешочек.

— Наши обычай не так уж плохи,— продолжал он.— Люди должны придерживаться традиций и запретов, иначе жизнь превратится в хаос. Однако вряд ли наши устои подойдут Земледельцам, Охотникам или Рыбакам, и уж никто не знает, как живут люди за морем. Наши обычай делают нас независимыми и даже богатыми. Кстати, в том, что мальчишок в самом опасном возрасте удаляют из деревни, тоже немало пользы.

Хаэль внимательно слушал Беседующего с Духами. За рекой Пастухи завершили утреннее кормление ветвисторогих и погнали их на запад. Зоркие глаза юноши могли разглядеть даже охотящихся птиц-убийц на вершине горы. Крылья этих созданий казались короткими обрубками, но зато огромные когтистые лапы помогали им передвигаться по земле, не уступая в скорости даже ветвисторогим, а длинные кривые клювы разрывали мясо не хуже, чем зубы лесного кота.

— Ты должен запомнить,— сказал Тэйта Мал,— люди поступают так или иначе не только ради воинской славы или уважения товарищей. Они хотят богатства, женщин, положения в племени и, конечно, власти. Чтобы добиться этого, они могут замышлять злое и вступать в тайные сговоры. Чем старше становится юноша — посмотри на Гасама,— тем больше он начинает ценить все это. Помни, Хаэль, Гасам только и ждет того дня, когда станет



старшим воином. Он хитер и найдет способ настроить против тебя старейшин. Будь осторожен и никогда не забывай, что спина даже самого доблестного воина уязвима, как у любого другого.

— Тебе об этом сказали духи? — спросил Хаэль.

— Нет, мой мальчик, духи связаны с явлениями природы. Они могут влиять на плодовитость каггов и принести удачу в охоте, вызвать дождь и предотвратить бурю, даже спасти от пожара им под силу. Но они редко вмешиваются в дела людей. Я очень стар и многое повидал на своем веку, поэтому мне понятны помыслы людей, даже когда они сами еще ни о чем не догадываются. К тому же мне, Беседующему с Духами, многое видно со стороны. Я не могу участвовать в сражении и не имею права владеть каким-либо имуществом, кроме принадлежностей своего ремесла. Моя жена умерла много лет назад, а Беседующий с Духами может жениться только один раз, ему запрещено брать вторую жену или присоединяться к чьему-либо брачному союзу. Я никогда не смогу стать вождем или занять место в совете племени. Я знаю: все это для меня недостижимо — и даже не мечтаю об этом, а потому могу беспристрастно наблюдать за своими собратьями.

Хаэль поднялся на ноги, чувствуя, что старик сказал ему все, что хотел.

— Благодарю тебя за советы, — почтительно произнес юноша. — Теперь мне придется много о чем подумать.

Тэйта Мал усмехнулся.

— Сегодня выдался прекрасный денек, Хаэль. Пусть то, что я сказал, не слишком печалит тебя. В твоем возрасте надо наслаждаться жизнью. Однако не забывай, что на свете существует куда большая



опасность, чем дикие звери и враги, нападающие на племя.

— Я запомню это,— сказал Хаэль, повернулся и побежал к деревне.

Тэйта Мал смотрел вслед удаляющемуся юноше. Он знал, что сделал все возможное, чтобы предупредить Хаэля, однако на сердце старика все равно было неспокойно. Он слегка покривил душой, сказав, что духи не вмешиваются в дела людей,— хотя в большинстве случаев так оно и было. Однако Тэйта Мал не сомневался, что как раз Хаэлем духи интересуются, и даже очень. Но юноше он об этом сказать не мог. Старик и сам не все понимал. Он снова достал кости, кинул их на землю и стал гадать, что судьба сулит Хаэлю.

Хаэль впринципе бежал по мягкой траве. Вокруг царили тишина и спокойствие, ярко светило солнце, однако слова Беседующего с Духами вселили в сердце юноши тревогу. Жизнь стала казаться ему далеко не такой безмятежной, как прежде. Однако день действительно выдался прекрасный, сегодня ему удалось поболтать с Лариссой, хотя сам разговор...

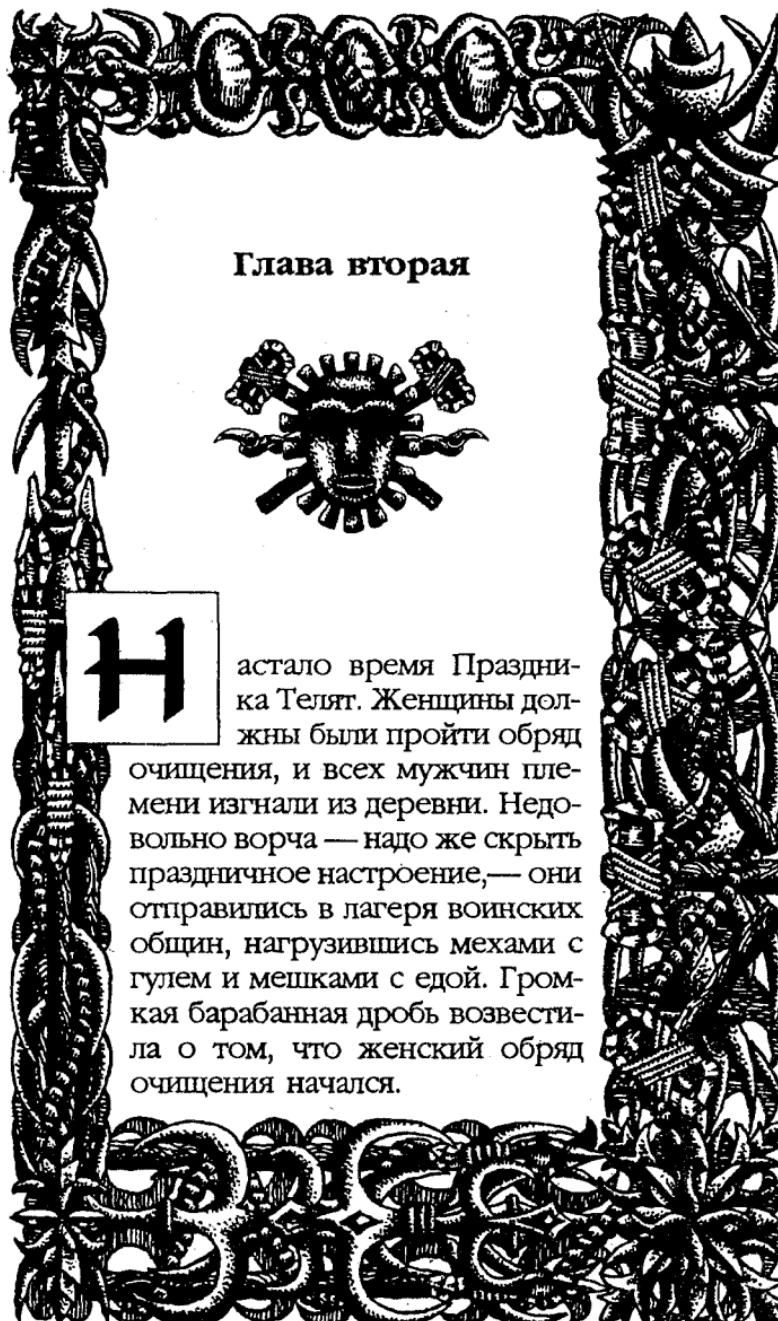
Вдруг юноша заметил какое-то движение в траве и замер, приготовив копье. Там мог затаиться кто угодно — даже травяной кот. Застигнув человека врасплох, этот небольшой хищник мог с легкостью справиться со своей жертвой. Травяные коты обладали удивительной способностью оставаться незамеченными до самого последнего момента, когда взвивались в прыжке над своей добычей. В это время года шкура травяного кота приобретала зеленоватый оттенок, а в сезон засухи она становилась желтовато-коричневой. Увидев большое неуклюжее животное, Хаэль вздохнул с облегчением.



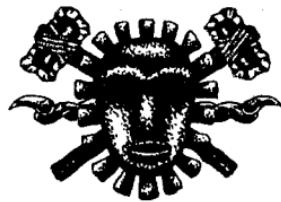
Это был туну, дикий родич квила. Из его морды торчали два кривых, длиной в локоть, бивня. С тунами следовало быть настороже, поскольку они не отличались большим умом и могли разъяриться от любого пустяка. Самка туну подняла на Хаэля крошечные, глубоко посаженные глазки, затем потрясла головой и с громким фырканьем скрылась в траве. Наверное, где-то рядом притаились ее детеныши.

Хаэль продолжил свой путь.





Глава вторая



1

астало время Праздника Телят. Женщины должны были пройти обряд очищения, и всех мужчин племени изгнали из деревни. Недовольно ворча — надо же скрыть праздничное настроение,— они отправились в лагеря воинских общин, нагрузившись мехами с гулем и мешками с едой. Громкая барабанная дробь возвестила о том, что женский обряд очищения начался.



В лагерях молодые люди отдыхали от тяжелой работы: устраивали бои, соревновались в метании копий, танцевали, а заодно выслушивали жалобы старших воинов и старейшин на то, какой невыносимой и скучной может стать жизнь под пятой у жены. Мехи с гулем быстро пустели. Хоть младшим воинам пить гуль и не разрешалось, этот обычай не имел силы запрета, на его нарушение смотрели сквозь пальцы, но лишь до тех пор, пока кто-нибудь из юношей не напивался так, что на ногах не стоял. Для приготовления гуля фруктовую мякоть смешивали с медом и водой и несколько месяцев держали в больших кувшинах, чтобы напиток забродил. Потом его процеживали и около года, а иногда и дольше, хранили в мехах. Следили за гулем сведущие в этом деле женщины, причем считалось, что без заклинаний и ритуальных песен хорошего напитка не получится. Духи очень любили гуль, но, когда они забирались в кувшины попробовать напиток, он тотчас скисал.

Почти все старшие воины отличались надменностью и самоуверенностью, что, в общем-то, было неудивительно для людей, сумевших пережить полные опасности годы юности. Они уже не участвовали в набегах за каггами, но оставались главной силой в боях с другими племенами. Отряд младших воинов, построенный клином, именовался «копьем», а группа старших воинов, располагавшаяся между врагом и деревней, носила название «щит». В больших битвах, когда сражались сразу несколько деревень — такое случалось не чаще, чем раз в десять-двадцать лет, — старшие воины стояли посреди защитной линии, тогда как младшие образовывали изогнутые полумесяцем фланги, окружали врага и сокрушали его перед незыблаемым центром обороны.



Старшие воины собирали длинные волосы в косу на затылке или же в две косицы за ушами. Они носили килты или набедренные повязки или яркие короткие накидки из холста. Самые тщеславные обводили красной краской шрамы на лице и теле.

Старейшины ходили в длинных широких плащах, тяжелый посох служил им оружием. Они коротко стригли тронутые сединой волосы и редко носили украшения. Все они были богаты: имели множество каггов, жен и детей. Старейшины жили в небольших семейных поселках за пределами деревни — там стояли хижины для каждой жены и загоны для скота. Чем больше было хижин, тем богаче считалася старейшина. Дети помогали родителям пасти животных. Хотя для присмотра за стадом и держали рабов-пленников, обычай этот был сравнительно новый, и он до сих пор вызывал споры среди старейшин и Беседующих с Духами. Как правило, до положения старейшины доживал один мужчина из десятка — остальных уносили войны, смерть от когтей хищников и болезни. Пожилых женщин тоже было немного — еще не старыми они умирали при родах или попадали в плен.

Пока пожилые мужчины беседовали, удобно расположившись в тени, молодые упражнялись в военном искусстве. Одни, поднимая облака пыли, занимались борьбой, другие тренировались в метании палок из бронзового дерева. В бою пять или шесть таких палок длиной в локоть воины держали в руке, защищенной щитом, и бросали их с большой точностью и невероятной силой. Тренируясь, юноши по очереди кидали палки друг в друга, причем тот, в кого бросали, должен был либо увернуться, либо отбить удар щитом. Стук при ударе метательной палки о крепкий щит из сырой матней кожи был



слышен за сотни шагов. Самым ловким удавалось поймать палку в полете и кинуть обратно, однако это было довольно опасно, так как летящее с большой скоростью оружие могло раздробить руку. Копья метали в плетенные из прутьев и набитые травой цилиндры величиной в человеческий рост.

Хаэль и несколько юношей метали копья, а стоявшие рядом старшие воины со знанием дела обсуждали каждый бросок. Сейчас юноши кидали копья длиной в пять локтей и весом раза в три меньше, чем у боевого оружия. Эти копья из крепкого дерева с наконечниками литой бронзы тысячами привозились с материка и служили довольно долгое время.

Юноша по имени Саунн выбрал себе копье, покачал им, взвешивая, и направился к линии в пятидесяти локтях от мишени. Оружие полетело в цель. Бросок был неплохой, но Саунн не сумел в нужный момент задержать дыхание, и наконечник, лишь царапнув мишень, соскользнул и воткнулся рядом с ней в землю. Подвыпившие старшие воины встретили промах улюлюканьем и смехом.

— Такие броски не принесли бы нам победы в битве с асаса! — закричал один из них. Многочисленные шрамы говорили о том, что этому воину пришлось участвовать не в одном сражении. Племя асаса тоже занималось скотоводством. Они жили на юге острова и говорили на языке, похожем на язык шасиннов, как, впрочем, и все островитяне. Но обычай у них были другие. Молодой воин, до нельзя смущенный, отошел в сторону. Юноши были вынуждены выслушивать насмешки: они еще не успели проявить себя в бою или — погибнуть.

— Ничего, сейчас Хаэль нам покажет, как нужно метать копье!



Хаэль поднял голову — даже не оборачиваясь, он знал, что кричал Гасам. Он стоял вместе со старшими, будто был одним из них. Теперь, когда Хаэль узнал от Тэйта Мала, чего можно ожидать от Гасама, он был готов к любой выходке названого брата.

— Покажи настоящий бросок, Хаэль, — продолжал подзадоривать Гасам, — а то наши доблестные мужчины подумают, что воины из общины Ночного Кота не смогут постоять за себя в бою. — Он повернулся к старшим, ехидно улыбаясь. — Вы должны быть свидетелями — Хаэль может попасть не только в ближайшую, но и в самую дальнююю мишень.

— Ну же, давай, Хаэль! — икая от выпитого гуля, крикнул воин со свисающими на грудь косами.

Не говоря ни слова, юноша подошел к стойке с копьями. Гасам все рассчитал правильно. Он не стал вызывать Хаэля на рукопашный поединок или на бой на мечах, потому что знал, что юноша пре-восходно владеет этим оружием. А вот метание копья на дальность удавалось Хаэлю хуже — он еще не достиг зрелости и продолжал расти, а это означало, что соотношение между длиной его рук и расстоянием между глазом и ладонями постоянно менялось, мешая сделать точный бросок. Хаэль стал тщательно выбирать метательное копье, следя, чтобы древко было идеально прямым, а наконечник сидел достаточно плотно. Наконец он нашел оружие, показавшееся ему вполне подходящим, и шагнул к линии. На этот раз мужчины молчали — они чувствовали, что юноше брошен серьезный вызов.

Самая дальняя мишень находилась в пятидесяти шагах от Хаэля — ее ничего не стоило поразить стрелой, но для точного броска копья было далековато. Некоторые племена соревновались в метании



копий на дальность, но шасинны считали, что оружие, неспособное поразить цель,— просто игрушка. Поэтому они упражнялись, кидая копья лишь на расстояние, на котором можно нанести смертельный удар.

Хаэль наклонился, взял горсть земли, подбросил ее в воздух и, посмотрев, как падают комки, определил скорость и направление ветра. Заметив легкое волнение травы возле мишени, он понял, что ветер изменчив. Повернувшись, Хаэль не спеша зашагал от линии метания и, отойдя шагов на двадцать, поднял копье.

Первый шаг юноши был скорее похож на прыжок. Каждый следующий — короче и быстрее. Он отвел руку с копьем назад и сделал последний короткий скачок. Когда левая нога Хаэля коснулась земли, почти прямая рука рванулась вперед — мышцы плеча, груди и торса действовали в полной слаженности. Рука достигла верхней точки своего движения, рукоятка скользнула сквозь пальцы, и Хаэль сделал заключительное резкое движение запястьем, чтобы копье летело вперед; вращаясь в воздухе.

Метательный снаряд полетел вверх по пологой дуге, на гранях крутящегося бронзового наконечника играли солнечные блики. Дойдя до верхней точки, копье замедлило полет. Затем наконечник нырнул, и снаряд начал движение вниз, влекомый неумолимой силой земного притяжения. Все затаили дыхание. Преодолев последние тридцать шагов, копье вонзилось в самый центр мишени, примерно на уровне человеческой груди. Если бы копье так метнули в бою, противник смог бы защититься лишь с большим трудом — и то если бы вовремя заметил направленное на него оружие.



Наблюдавшие за Хаэлем воины одобрительно засвистели и застучали по земле копьами. Юноши из общины Ночного Кота ликовали.

— Ну вот,— сказал Гасам, криво улыбаясь,— я же вам говорил!

Продолжая обсуждать великолепный бросок, ветераны отправились за новой порцией гуля. Пройдя мимо Хаэля, один из них сказал:

— Прекрасный бросок, малыш! Когда тебе удастся бросить не хуже, держа в руке щит, можешь считать себя готовым к настоящей битве.

Другой, похлопав юношу по плечу, усмехнулся:

— Не слушай глупцов, парень. Он сам никогда бы не смог так бросить — даже без щита и трезвый!

Гасам, шедший за старшими воинами, не сказал ни слова и даже не попытался согнать с лица выражение враждебности.

К Хаэлю подошли его товарищи. Луо изумленно спросил:

— Когда ты успел так навостриться, Хаэль? Поже, ты тренировался в каком-то другом лагере. Ни разу не видел, чтоб у тебя получались такие великолепные броски!

— Ты что, забыл, как он два дня назад болтал с Беседующим с Духами? — вмешался Пенду. — Должно быть, он выклянчил у Тэйта Мала заклинание, заставляющее оружие лететь точно в цель.

— Не будь таким суеверным,— проворчал Рэйба. — Разве ты не знаешь, что в воинском искусстве никогда не применяют заклинаний? Если бы все было так просто, горстка Беседующих с Духами в два счета одолела бы целое войско.

— Я не использовал заклинаний,— спокойно ответил Хаэль. — Мне они были ни к чему. Я просто не мог промахнуться.



Женский обряд очищения прошел удачно. Как только в сером свете раннего утра замолкли удары барабанов, самки кагга застонали в предродовых муках. Утомленные женщины с покрасневшими от бессонницы глазами вышли к общинному стаду. Здесь уже собралась вся деревня, за исключением нескольких старейшин и их детей, которым нужно было заботиться о собственной скотине.

Всех каггов собрали на одном пастбище, где загодя припасли корм. Каждой воинской общине определили участок для охраны, а старшие воины окружили стадо частой цепью. Наибольшую опасность представляли дикие звери, потому как другие племена скотоводов во время отела каггов не нападали. Этот обычай существовал издавна, а кроме того, соседи были заняты теми же хлопотами. Однако не все племена придерживались добрых традиций, поэтому старшие воины вооружались не только копьями, но и щитами.

В дни отела много работали и мало спали, но все же ощущение праздника не покидало шасиннов. Под бдительным присмотром воинов дети собирали топливо для костров — их жгли вокруг стада, чтобы женщинам было посветлее и чтобы отпугивать хищников. Запах свежей крови, отчаянное мычание самок, тонкое блеянье новорожденных телят привлекали множество пожирателей падали и хищников.

То и дело слышалось рычание больших котов и шипение копьезубых. Птицы-убийцы тоже внимательно следили за стадом, но они не представляли опасности, так как не воспринимали ни звуков, ни запахов. Не было нужды опасаться и земноводных гадов — они никогда не забирались так далеко от воды.



Гонцы переходили из деревни в деревню, предупреждая о появлении диких зверей или сопровождая особо искусных в принятии родов женщин: их звали на помощь, если возникали осложнения. Беседующие с Духами бродили среди животных, исполняя необходимые ритуалы — убеждали духов помочь самкам каггов в разрешении от бремени и отгоняли духов, насылающих болезни. День и ночь, перекрывая невообразимый шум, над стадами животных звучало пение воинов и женщин.

— Даже не знаю, что хуже, — проговорил Луо, в изнеможении обмахиваясь хвостом кагга, — затавившиеся в траве полосатики или мухи. — Небольшие зверьки полосатики обладали непомерно развитыми челюстями и крепкими острыми зубами. Они передвигались стаями и обычно питались падалью, но всегда были готовы напасть на теленка или большое животное. А вот от мух никому не удавалось скрыться. На пятый день отела насекомые толстым слоем облепили всех и все, что находилось близ стада.

— Лично я предпочел бы полосатиков, — сказал Хаэль. — Мухи, конечно, всегда там, где скот, но от этого не легче. Я жду не дождусь, когда стада разделят и мы погоним их на новое пастбище. Здесь уже совсем нечем дышать.

Дюжина молодых воинов охраняла стадо с южной стороны. Здесь буйно разросся дикий кустарник, он мог послужить неплохим укрытием для хищников — как четвероногих, так и двуногих. Юноши подошли к костру, рядом с которым стояли кувшины с молоком и кровью и горшки с медом и пропаренным зерном, на земле лежали груды фруктов.

Молодым воинам не разрешалось есть растительную пищу, поэтому они пустили по кругу кувшины,



в которых к молоку и крови был добавлен мед. Когда совсем стемнело, мухи исчезли, но их сменили ночные насекомые. Люди беспрестанно махали метелками из хвостов каггов, напоминая в отсвете костров каких-то странных животных.

К костру подошли воины в одеждах из темного меха мохнатой змеи.

- Вы видели котов? — спросил один из них.
- Нет, — ответил Хаэль. — А вы?
- На востоке мы учудили место, где мочился травяной кот. Похоже, он довольно большой.
- Коты не слишком опасны, если, конечно, быть начеку, — сказал второй из вновь прибывших. — Две-три человека, вооруженных копьями, справятся с любым котом. Хорошо еще, что мохнатые змеи в это время года впадают в спячку.

Люди из общины Мохнатых Змей никогда не упускали случая напомнить, насколько опасно их тотемное животное, поскольку встречались мохнатые змеи крайне редко. Это действительно были очень опасные твари толщиной в бедро взрослого человека и длиной в три человеческих роста, с узкой пастью и острыми, загнутыми внутрь зубами. Они имели обыкновение прятаться в вырытых подземными животными норах, высунув наружу только чувствительный нос. Одним молниеносным броском мохнатые змеи могли сбить с ног и утащить в нору зазевавшееся животное или даже человека.

— Ну, если ты убил хотя бы одну, значит, их не стоит считать уж такими опасными, — заметил Рэйба. — А вот ночные коты...

Его речь была прервана появлением гонца. Он остановился у костра и согнулся, с трудом переводя дыхание. По всей видимости, гонец бежал очень



долго и так быстро, как только мог. Все молча ждали, пока он придет в себя. Когда гонец выпрямился, юноша из Мохнатых Змей протянул ему мех с водой. Тот прополоскал рот и, сплюнув, сделал два-три небольших глотка. Потом, все еще задыхаясь, гонец проговорил:

— Меня зовут Туса. Я из Лингаса, община Птиц-Убийц.— В волосы молодого человека были воткнуты темные перья этой птицы.— Мы обнаружили след длиношея. Он направляется в эту сторону.

— Я позову вождей,— сказал Луо, стремглав бросившись к деревне.

Все схватили копья и стали напряженно вглядываться в темноту. Юноши старались не подать виду, что перепугались не на шутку.

Длиношер считался самым страшным из всех хищников. Он был в пять-шесть раз крупнее человека, но благодаря коротким ногам мог легко скрываться в траве, оставаясь незамеченным, пока не подходил совсем близко. Треугольная, вооруженная страшной пастью голова зверя моталась из стороны в сторону на длинной гибкой шее. Толстым, похожим на хлыст, хвостом чудовище могло наносить смертельные удары, способные переломить хребет человеку. Длиношер появлялись в округе довольно редко, но примерно раз в десять лет они наносили стадам и близлежащим деревням непоправимый урон. Однако хуже всего было то, что длиношер считались священными животными и убивать их запрещалось. Поскольку ни одному человеку пока что не удалось убить этого зверя, общины Длиношеров не существовало.

В сопровождении старших воинов к костру подошли четверо встревоженных старейшин. Среди них был и Тэйта Мал.



Глава совета вождей, Минда, коснулся плеча Тусы и спросил:

— Скажи нам, что вы видели?

— Сегодня днем, когда солнце прошло полпути от зенита, наши стражи заметили, что трава как-то странно колышется, будто в ней крадется очень большой зверь. Но это был не дикий кот, потому что из травы он не выглядывал, и не полосатик или пятнаш, которые не охотятся по одиночке. Стражи пошли по следу и вскоре наткнулись на помет — никто из нас такого раньше не видел. А еще они почувствовали необыкновенно едкий запах мочи. Следы были очень крупные, с глубокими отметинами от когтей — значит, зверь не мог убирать их, как коты. Стражи догадались, кто это, но все же позвали старого Охотника, что живет в нашей деревне. Он зарабатывает на пропитание огненной магией и тем, что точит наконечники у копий. Охотник подтвердил, что это следы длинношея. Мы послали лучших гонцов, чтобы предупредить людей в ближайших деревнях. В нашей общине я самый быстроногий, и сюда меня послали потому, что длинношой движется в эту сторону.

Туса все еще не мог успокоить дыхание. По его лицу по-прежнему струйками стекал пот.

— Тотем моей общины наделил меня особой легкостью шага. И все же я боялся, что чудовище меня нагонит.

— Ты смелый парень, — сказал Минда и повернулся к Ночным Котам: — Кто из вас бегает быстрее всех? Луо? Немедленно отправляйся на север и предупреди людей мотуга. Их пастище совсем близко. Ты увидишь их огни раньше, чем потеряешь из виду наши костры. Лети, как ветер!

Не сказав ни слова, Луо помчался на север.



Вождь был явно встревожен.

— Как по-твоему, Тэйта Мал, мы справимся с длинношеем здесь? — спросил Минда. — Зверя может взвесить запах крови, и тогда он начнет крушить все вокруг и не успокоится до тех пор, пока не убьет всех.

— Женские обряды завершены, Минда, а отел продолжается. Сейчас нет священных животных. Ни одного зверя не защитит табу, если он попытается напасть на людей или на стадо. Длинношер не исключение.

В любое другое время предложение убить длинношего — даже для спасения собственной жизни — посчитали бы кощунственным. После такого убийства ритуальное очищение могло длиться несколько лет.

— Если длинношер нападет на нас сегодня ночью — или в любой другой день, пока не закончился отел, — его следует убить. И тот, кто сделает это, обретет заслуженную славу.

— Хорошо, — сказал Минда. — Я тоже так думал, но хотел, чтобы все услышали эти слова из твоих уст. Воины! — обратился он к собравшимся. В ответ мужчины ударили по щитам кулаками с зажатыми в них копьями. — Идите и предупредите людей об опасности и проследите, чтобы охранники внешнего круга были начеку. Если длинношер нападет, все должны тотчас поспешить на подмогу. Только пусть не поднимают ложной тревоги — сегодня любая тень покажется длинношером. И предостерегите охотников за славой. В одиночку никто не сможет справиться с этим чудовищем. Когда я был молодым воином, Травяные Коты убили длинношера, напавшего на женщин у пруда. Воинов было пятеро, и удар каждого достиг цели, но, прежде



чем сдохнуть, длинношер успел прикончить двоих. Оставшиеся в живых целый год провели в изгнании, чтобы очиститься от этого убийства.

— Им еще повезло, — добавил Тэйта Мал. — Если б Беседующие с Духами не решили, что большая часть вины может быть возложена на погибших, их ожидало наказание пострашнее, чем год траура.

Старшие воины разбежались, а старейшины продолжали переговариваться негромкими голосами. Гонец уселся на землю, и совсем голый мальчишка с благоговением протянул ему миску молока с кровью. Хотя Туса устал донельзя, у него хватило сил улыбнуться, когда он заметил восхищенный взгляд ребенка. Хаэль кивнул братьям, и они быстрым шагом двинулись в сторону отведенного им участка.

— Надо же, длинношер! — восторгался Пенду. — Даже если для того, чтобы его прикончить, потребуются пять наших копий, все равно шкуры хватит на роскошную накидку каждому!

— Как бы этот зверь не попробовал на вкус твою шкуру, глупец! — заметил Рэйба, причем на этот раз в его словах не было и тени насмешки. — Минда говорил дело — против длинношер не выстоить в одиночку, да и пятерым будет нелегко. Вот двадцать человек одолели бы его без труда. В общем, если я увижу это чудище, я метну в него копье, а потом брошусь бежать и остановлюсь, лишь когда мне скажут, что он уже мертв. Ты согласен со мной, Хаэль?

— Да. При встрече с этим животным самое главное — осторожность. Каждому из нас довелось убить ночного кота, который тоже охотится на людей. Только длинношер против ночного кота то же самое, что ночной кот против маленького древесного кота, который способен разорять лишь птичьи



гнезда. Что касается меня, то я не против славы, но искать ее здесь было бы безрассудно. Любой, кто не поднимет тревогу, пытаясь добиться славы победившего длинношея в одиночку, заслужит уготованной ему участи.

— Хорошо, что сейчас табу снято,— сказал Рэйба.— Было бы обидно получить наказание за то, что защищал свое племя.— Юношой удручал такой порядок вещей, но никому из них и в голову не пришло, что обычай этот попросту несправедлив. Ритуал и не мог быть справедливым. Справедливость существовала для людей, а табу и его законы относились к миру духов. Древние обычай считались неизменными, наказание за их нарушение было суровым.

Когда юноши дошли до своего участка, Хаэль предложил:

— Нам нужно растянуться цепью так, чтобы длинношеею не удалось проскочить между нами. Каждый из нас должен видеть соседа справа и слева.

Никто не стал спорить — Хаэль был их признанным лидером. К тому же сейчас было не до соперничества. Возможность столкновения с большим котом или с каким-нибудь другим хищником всегда приводила охотников в возбуждение, но встреча с длинношеем вызывала только страх.

Юноши расходились в стороны, стараясь двигаться бесшумно. Костры остались далеко позади, но траву серебрил свет израненной Луны. Время от времени ветер приносил слабые отзвуки песен и мычание каггов. Дойдя до границы участка, юноши развернулись и пошли назад. Через несколько минут они, не сговариваясь, остановились как вкопанные.



— При таком свете трудно доверять своим глазам, но мой нос трудно обмануть даже в полной тьме,— проговорил один из них.— Вы чувствуете этот запах? — Вместо привычного запаха дыма и каггов, дуновение ветерка принесло нечто незнакомое и едкое.

— Поскольку этот запах никому из нас неизвестен,— Хаэль говорил достаточно громко, чтобы его слышали все братья,— можно догадаться, кому он принадлежит. Держитесь лицом к ветру. Если кто заметит что-нибудь подозрительное — пусть сразу крикнет.

Судорожно сжимая в руках копья и до предела напрягая зрение и слух, юноши ждали, когда перед ними появится это, казалось бы, живущее лишь в легендах ужасное существо. Запах то усиливался, то пропадал, будто тварь то приближалась, то удалялась, не решаясь напасть.

Хаэль заставил себя расслабиться, он часто это делал, когда стоял на страже, следя за стадом каггов. Юноша как бы стал частью этого луга, он ощутил движение всех созданий, мельтешащих вокруг него в вихре короткой бездумной жизни. Это помогло ему отринуть бесплодные догадки и обманчивые ожидания.

Он узнал, что сегодня ночью на лугу осталось лишь несколько животных — видно, остальные почувствовали приближение хищника и благоразумно скрылись.

Затем Хаэль ощутил его. Совсем недалеко — в пятидесяти шагах впереди и чуть левее. Он не видел движения, не слышал ни единого звука, но ясно чувствовал, что к их шеренге подкрадывается нечто большое и ужасное. Слева шел Пенду — значит, он сейчас совсем рядом с чудовищем. Хаэль тихо



свистнул. Это был сигнал, используемый на войне и в набегах.

Юноша осторожно пошел вперед, туда, где, как он знал, притаился длинношер. Движением копья он дал знак Пенду оставаться на месте, а братьям, стоявшим справа, условным свистом велел вытянуться широкой дугой. Хаэль услышал посвистывание — молодые воины передавали его команду дальше. Когда Хаэль подал знак остановиться тем, кто стоял слева от Пенду, их строй стал похож на огромную рогатину, причем Пенду находился в ее основании, а длинношер — где-то между остриями рогов.

Зверь затаился, видимо, понял, что его заметили. «Неудивительно, что длинношер считается священным животным,— подумал Хаэль, сжимая в поглажневших ладонях копье,— похоже, он способен читать мысли человека». Юноша чувствовал, что зверь совсем рядом, но не мог определить, где именно. Не знал он и того, попытается ли длинношер напасть или же предпочтет скрыться. Внезапно в ноздри ударило резкое зловоние. Зверь испражнялся — это означало, что он готовится к нападению.

— Приготовьтесь! — закричал Хаэль, уже не таясь.— Он идет!

Не успел Хаэль договорить, как трава рядом с ним вздыбилась, и перед юношой выросло нечто невероятно огромное. «Этого не может быть! — подумал Хаэль, увидев тянущуюся к нему голову чудовища.— Такое огромное существо не могло подойти так близко, не выдав себя ни единным звуком!»

Хаэль инстинктивно уклонился вправо и одновременно ударил зверя копьем. Он целился в горло, но наконечник задел твердую кость челюсти, и



оружие едва не вырвалось из руки юноши. Хаэль отчаянно пытался удержать копьем тяжесть наваливающейся на него туши, понимая, что если выпустит древко или упадет, то неминуемо погибнет.

Братья подоспели вовремя. Издавая пронзительные крики, они были чудовище копьями и тут же стремительно отскакивали назад, чтобы увернуться от острых зубов и длинных когтей. Даже теперь, когда Хаэль испытывал невероятные ужас и напряжение, он не мог не почувствовать гордость за своих братьев — никто из них не бросил копье и не уклонился от смертельной схватки. Голова длинношершавой вновь метнулась к Хаэлю. Юноша не мог толком размахнуться для удара, поэтому он перехватил копье как посох и попытался попасть монстру в глаз, но бронзовый наконечник только скользнул по крепкой чешуе. Тогда юноша полоснул мечевидным лезвием по морде твари. Этот удар оказался более удачным. И тут он услышал крики людей — к месту битвы спешили воины.

Мальчик по имени Гота подскочил к длинношершавому сзади. Он собирался ударить его по ногам, чтобы обездвижить, однако забыл о смертоносном хвосте твари. Хаэль услышал отчаянный крик товарища и треск переламываемой кости — хвост длинношершавой взметнулся и ударил, словно огромный хлыст. Чудовище повернулось и вытянуло шею, пытаясь достать упавшего мальчика клыками. Хаэль бросился наперерез, целясь копьем в голову зверя. Но тварь оказалась проворнее — она мотнула головой, и острие, вместо того чтобы поразить незащищенную шею, вонзилось в тяжелую кость челюсти.

Длинношершавый взмахнул тяжелой когтистой лапой — она едва коснулась бедра юноши, но этого хватило,



чтобы тот отлетел в сторону, перевернувшись в воздухе. Хаэль упал на спину, он был оглушен, от удара о землю перехватило дыхание. Оскаленная пасть длинношея надвигалась все ближе и ближе, и юноша понял, что это — смерть. Но тут в бока чудовища вонзилось несколько копий, и оно с оглушительным недовольным ревом отступило.

К месту схватки подбежали воины из общин Ночного Кота и быстроногие гонцы из других общин. Время в сознании Хаэля странно раздвоилось — ему казалось, что ужасная битва длилась вечность, хотя он прекрасно понимал, что с того момента, как появилась страшная тварь, прошло всего несколько минут. Кто-то склонился над ним. Это Гасам с недоброй усмешкой поглядел на лежащего на земле юношу, повернулся и отошел.

«Он надеется, что я умру, — пронеслось в голове Хаэля. — Ну что ж, теперь я постараюсь выжить во что бы то ни стало! Я не допущу, чтоб Гасам одержал верх!» Юноша с усилием приподнялся на локте, пытаясь увидеть, чем же закончится схватка с чудовищем. Теперь длинношея окружало уже по меньшей мере четыре десятка молодых воинов — все они горели желанием побыстрее прикончить монстра, но подходить близко не решались, поскольку опасность исходила и от когтистых лап, и от зубастой пасти, и от смертоносного хвоста. Гасам уверенно отдавал команды, но Хаэль заметил, что сам он старается держаться подальше от чудовища, чтобы не попасть под разящий удар.

Послышались раскаты грома. «Гроза? Странно, — подумал Хаэль, — ведь ночь была ясной...» Затем он понял, что к полю боя приближаются старшие воины — рокочущий звук издавали копья, которыми они стучали по щитам в такт шагам.



В глазах Хаэля потемнело, он тряхнул головой, чтобы отогнать дурноту и тут же зажмурился от ослепительно яркого огня — воины принесли факелы, чтобы осветить поле битвы.

Длинношерстый вертелся на одном месте, издавая пронзительные вопли. Огонь факелов слепил ему глаза, удары копий, сыпавшиеся со всех сторон, причиняли немалую боль. Разозленному и сбитому с толку зверю теперь хотелось лишь одного — убежать. Заметив, что с одной стороны окружившая его цепь людей чуть реже, зверь резко рванулся вперед. Более проворные младшие воины успели отскочить, но троих обремененных тяжелыми щитами старших длинношерстых все-таки сбил. Опытные воины упали на землю, мгновенно подтянув к животу ноги и прикрываясь щитами, — так они всегда поступали, охотясь на котов: один воин подманивал к себе зверя, тот бросался на щит, а остальные охотники пронзали кота копьями.

Когда старшие воины поднялись с земли, длинношерстый уже не было видно — он исчез так же внезапно, как появился.

Несколько мужчин все же метнули свои копья вслед убегавшему чудовищу. Тех, кто порывался броситься в погоню, остановил возглас Минды:

— Стойте! Не вздумайте гнаться за ним в темноте! Мы попробуем отыскать его днем. А сейчас отнесите раненых к кострам.

Ночь огласилась радостными воплями и победной песней воинов. Следуя ее ритму, по щитам застучали копья, а младшие воины, ликуя, запрыгали в танце. Внезапно веселье прервал визгливый женский голос:

— Между прочим, отел еще не закончился, и пока вы тут прыгаете, как последние дурни, нас



могут сожрать коты или полосатики! Даже если вас не беспокоит судьба женщин, могли бы хоть о стадах позаботиться!

Довольно хохоча, разгоряченные схваткой мужчины вернулись на свои сторожевые посты. Рэйба и один из старших воинов подняли Хаэля на ноги. Если сперва шок избавлял юношу от боли, то сейчас, когда возбуждение спало, он едва сдерживался, чтобы не закричать. Особенно сильно болело правое бедро. Боль была настолько мучительной, что, пока они добрались до костра, юноша несколько раз едва не терял сознание. Когда Хаэля усадили возле огня, он с облегчением вздохнул: несмотря на теплую ночь, он дрожал как лист — вероятно, сказывалась большая потеря крови.

Мальчи, поддерживающие огонь, набили травой кожаные мешки, чтобы раненым было удобно сидеть. Пенду вонзил в землю копье.

— По нему мы утром опознаем твоё тело, — сообщил он. — Надо признаться, на тебя уже сейчас страшно смотреть, представляю, что будет завтра.

— Не беспокойся, я еще поразвлечусь с твоими вдовами на твоей могиле, — устало ответил Хаэль.

— Раз он шутит — все будет в порядке. — Пенду расхохотался и пошел прочь.

Хаэль не был уверен в этом. В свете костра он увидел, что его бедро расположено четырьмя глубокими параллельными ранами — следами когтей длинношея. Кровоточили они не очень сильно, но юноша не мог сообразить, плохо это или хорошо. От потери крови он, пожалуй, не умрет, но что, если рана загноится?

Примерно через час появился Тэйта Мал с учеником. Они сходили в деревню и принесли целый мешок снадобий для лечения раненых. Беседующий



с Духами внимательно осмотрел бедро Хаэля и сказал, что сначала займется другими ранеными.

Большинство воинов отделались лишь ушибами и царапинами. Тэйта Мал дал им какое-то питье, и они отправились на свои посты. Но с Готой пришлось повозиться подольше — у него было сломано бедро. Двое крепких мужчин держали юношу, а Тэйта Мал дергал его ногу до тех пор, пока с глухим щелчком не сошлись концы сломанной кости. Гота гримасничал и кусал губы, однако даже не ойкнул.

К костру, утешая и подбадривая раненых, подошли две женщины — это были Ларисса и ее мать. Когда женщины остановились возле Хаэля, юноша окинул их быстрым взглядом и тут же опустил глаза — обе шасинники были почти обнажены и с головы до ног забрызганы кровью. Считалось неразумным портить одежду, когда занимаешься таким грязным делом, как принятие родов у каггов. В такую ночь было принято не плятить глаза на женщин и вести себя так, будто они одеты.

— Говорят, сегодня ты был героем, — сказала Ларисса.

— Сегодня ночью все были героями, — ответил юноша, мысленно добавив про себя: «Кроме Гасама». — Была великая битва, и нам здорово повезло, что все живы. — Хаэль запнулся — ведь его могли подслушать злые духи — и быстро добавил: — По крайней мере, пока еще все живы...

— Это так, — сказала Амарра, — но тебе удалось обнаружить зверя до того, как он напал на вас. И твое копье спасло Готу — если бы не ты, тварь прикончила бы его.

Хаэль не уставал поражаться, с какой скоростью слухи распространяются среди женщин.



— Если тебя не очень сильно мучает рана, расскажи нам, как все было, — попросила Ларисса.

После таких слов юноша не мог отвертеться от рассказа. Гордость воина не позволяла Хаэлю признать, что мучительная — а возможно, даже смертельная — рана способна помешать ему вести разговор или заставить прерываться голос. Стараясь быть кратким, юноша описал события прошедшей ночи. Он объяснил, как ему удалось определить, где притаился длинношер. Хаэль смущался, ему казалось недостойным мужчины хвастаться — в схватке участвовало много воинов, и все они подвергались равной опасности, ни один не попытался уклониться, чтобы спасти свою жизнь. Рассказ Хаэль закончил на том, как свалился от удара длинношеря, сдавшись на то, что после этого он уже почти ничего не видел. На самом деле юноше не хотелось говорить о трусости Гасама.

Удовлетворенные услышанным, женщины поспешили к стаду. Им не терпелось поделиться с измученными тяжелой работой подругами новыми подробностями о ночном происшествии. Хаэля бил озноб. Тэйта Мал вернулся к нему лишь на рассвете, когда восточную часть неба окрасила розовая полоска рассвета. Старик дал юноше какое-то снадобье, потом склонился над его бедром.

— Ты еще легко отделался, Хаэль, — сказал он. — Видишь, раны идут вдоль мускулов. Если бы они прошли поперек, ты бы на всю жизнь остался калекой. — Старик присыпал раны порошком из трав, вызвав этим новую волну боли. Рядом, наблюдая за действиями Беседующего с Духами, стояли два старших воина.

— Красивые раны, парень, — сказал один из них. — Если ты выживешь, то станешь обладателем



великолепных шрамов. А если их еще обвести красивым — будет совсем загляденье. Такие шрамы ничем не хуже тех, что достаются в настоящем бою.

— Мне кажется, что на ноге лучше бы смотрелся синий цвет,— возразил другой.

— Вы тоже сможете получить парочку превосходных шрамов, если будете сегодня ловить длинношея,— заметил Тэйта Мал.

— Да он, наверное, уже сдох,— сказал первый.— Так или иначе он уже далеко отсюда. К тому же, если мы убьем его, то нарушим табу.

Тэйта Мал взглянул на него с раздражением.

— Я думал, вы понятливее,— проворчал он.— Как бы далеко ни находился этот зверь, он продолжает оставаться опасным и для стада, и для людей. А время отела еще не закончилось.

Смущенные воины сочли за лучшее удалиться.

— Каждый дурень воображает, что знает все о запретах и обрядовых ритуалах,— буркнул старик.— Лучше бы они занимались своими делами, а толкование законов оставили мне.

Тэйта Мал приложил к ранам Хаэля комки паутины и осторожно перевязал ногу холщовой тряпкой, а сверху — полосками тонкой кожи.— Повязка не должна быть плотной,— сказал он.— Если нога станет распухать, ослабь ее, но так, чтобы под повязку не могли забраться мухи. Им ни в коем случае нельзя коснуться открытой раны — на крыльях мух живут духи заразы.

На рассвете мужчины собрались, чтобы продолжить охоту на длинношея. На подмогу пришел и старый Охотник из соседней деревни. Пока он изучал место схватки, воины беседовали. К Хаэлю подошел Луо, донельзя удрученный тем, что пропустил все самое интересное.



— Я так и знал: слава досталась всем, кроме меня! Никакой справедливости! А ты еще и умудрился получить такие восхитительные раны!

— Если бы тебе удалось забрать часть моих ран, я бы с тобой с удовольствием поделился, — сказал Хаэль.

К ним присоединился Данат.

— Я слышал, что ты нашел очень ловкий способ увильнуть от обязанности сторожить кагтов. Ты успеешь неплохо отдохнуть, пока отел не закончится. А работать за тебя придется мне.

— И не только — тебе еще придется помогать мне умываться и менять одежду, — усмехнулся Хаэль. Он взглянул на Рэйбу. — Я видел, как ты прокнулся зверю бок. Как по-твоему, этот удар мог быть смертельным?

Рэйба покачал головой.

— У этой твари ребра крепче, чем бронза. Взгляни. — Юноша протянул Хаэлю свое копье — наконечник был сильно погнут. — У остальных тоже самое. Никто не берется утверждать, что его копье серьезно ранило зверя. Так, одни царапины...

— К тому же эти животные обладают большой магической силой, — укладывая лекарские принадлежности, заметил Тэйта Мал.

Минда подал знак, и часть воинов поспешила присоединиться к отряду охотников. Остальным надлежало охранять стадо. Хаэль лежал в полуза�оты, то проваливаясь в дремоту, то вновь вспыливая на поверхность сознания. Но когда днем мужчины вернулись, юноша уже чувствовал себя вполне сносно. Похоже, удача охотникам не улыбнулась.

— Ты что, еще жив? — приветствовал Хаэля Рэйба.



— А вы не нашли зверя? — в ответ спросил юноша.

— Найти-то нашли, — ответил Луо, — но впереди нас шли старшие воины. Они могли его прикончить.

— Зверь выглядел слабым, — подтвердил Пенду. — Не то что ночью. Но старшие не стали к нему приближаться. Похоже, они все-таки боятся запрета, что бы там ни говорил Беседующий с Духами.

— Экие дурни! — воскликнул Тэйта Мал. — Ну, а что длинношней?

— Мы преследовали его больше часа, — сказал Луо. — До тех пор, пока он не полез в болото. Мы слышали, как он шлепает по воде, а затем все стихло. Старый Охотник сказал, что искать его там бесполезно, и мы вернулись назад.

— Мы еще хлебнем горя из-за этой твари, — мрачно заметил Тэйта Мал.

Охотник остался в лагере, чтобы наточить затупившиеся во время схватки копья. Хаэль с интересом наблюдал за ним. Смуглая морщинистая, словно сущеный фрукт, кожа, темные волосы, карие глаза. Как и все Охотники он был невысок, носил одежду из выделанной кожи и костяные украшения.

— Что теперь будет делать длинношней? — спросил его Хаэль.

Охотник бил по краям копья плоским, размером с ладонь, камнем.

— Он спрячется, чтобы залечить свои раны. — Гортанная речь Охотников была почти непонятна шасиннам, но этот человек жил среди них достаточно долго, чтобы научиться их языку. — Они достаточно серьезны. Длинношней будет отлеживаться не один оборот Луны, но он не умрет.

— А как же он будет добывать пищу?



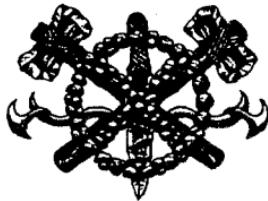
— Как только длинношею станет полегче, он будет выходить по ночам и искать падаль. А потом начнет охотиться сам.

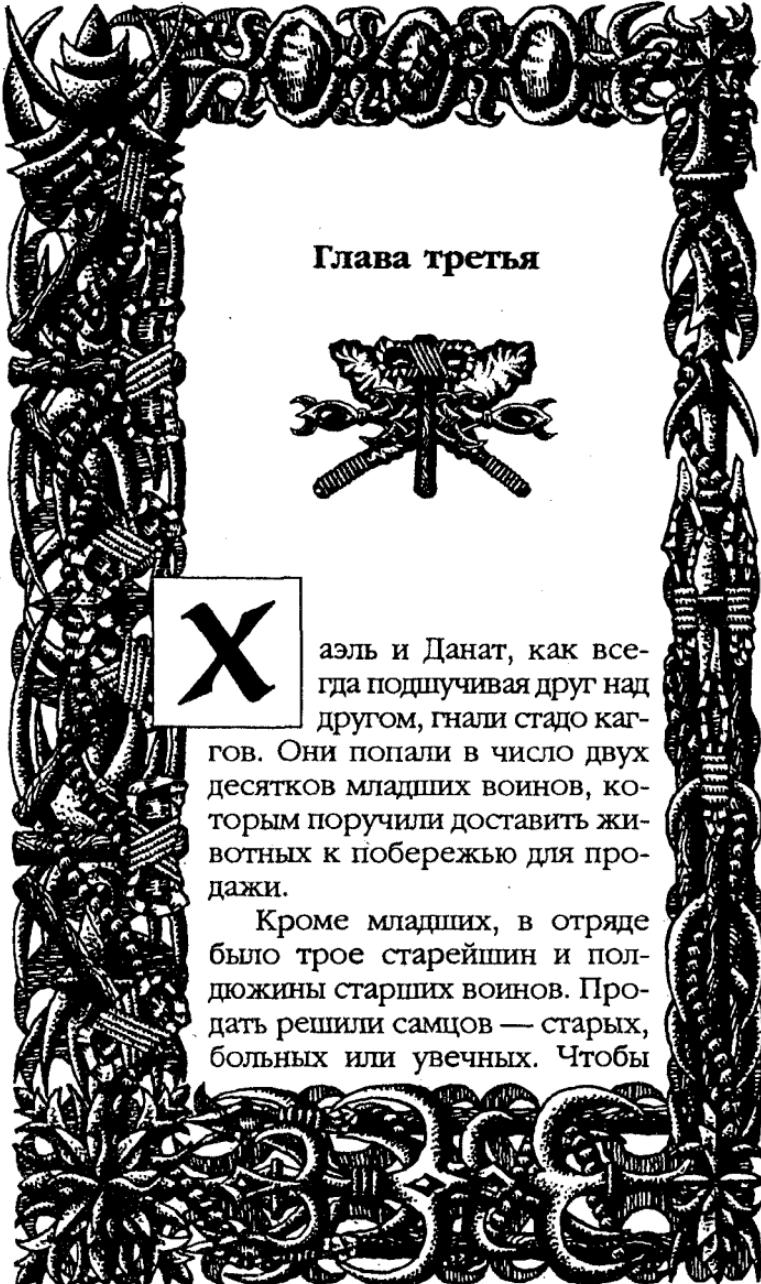
— Он останется в наших краях или вернется на старые места охоты?

Старик пожал плечами:

— Откуда мне знать? — Охотник сидел на корточках, камень в его руках выглаживал стальные края копья, издавая звуки, похожие на стрекот насекомых. — Одно могу сказать — ждите беды.

Хаэль не слышал его последних слов — он снова впал в забытье.





Глава третья



Х

аэль и Данат, как всегда подшучивая друг над другом, гнали стадо кагров. Они попали в число двух десятков младших воинов, которым поручили доставить животных к побережью для продажи.

Кроме младших, в отряде было трое старейшин и полдюжины старших воинов. Продать решили самцов — старых, больных или увечных. Чтобы



животные не воспроизводили себе подобных и поднабрали вес, их оскопили.

Волосы Хаэля отросли, он заплетал их в многочисленные тонкие косички и собирал в узел на затылке. От страшных ран на бедре юноши остались только розовые шрамы, он почти не хромал. Хаэль гордился тем, что его выбрали в этот отряд, это означало, что он добился уважения своих сородичей и стал одним из самых многообещающих молодых воинов племени. Это немало раздражало Гасама, но изменить что-либо было не в его власти.

Поскольку кагги шли чрезвычайно медленно, на дорогу к побережью уходило три дня. Равнинные луга сменялись холмистой местностью, а затем, у моря — песчаными низинами. В деревнях дети Земледельцев провожали шасиннов удивленными взглядами — о свирепых воинах равнин среди оседлых народов ходили легенды.

По мере того, как отряд приближался к морю, все чаще стали попадаться раскидистые пальмы и колючие кусты, выглядевшие крайне непривычно для глаз Пастухов. Огороды и поля злаковых уступили место фруктовым садам и пахучим кустарникам, ветви и плоды которых после измельчения использовались как пряности.

На берегу просторного залива стояла Шевна — большая рыбацкая деревня с причалом, якорной стоянкой, складами и множеством круглых, крытых пальмовыми листьями хижин на низких сваях — главный торговый порт острова. Повсюду вялились связки рыбы, и шасинны морщили нос от неприятного запаха. Сейчас почти все лодки ушли в море, но вечером, когда рыбаки вернутся, берег заполнится десятками суденышек. Хотя пахло в деревне не особо приятно, везде было чисто и сте-



ны хижин сияли свежей побелкой. С берега доносился мерный шум прибоя и мелодичное пение женщин.

Пастухи отвели кагтов в загоны, теперь скот не нуждался в охране, и Хаэль с Данатом были предоставлены самим себе до тех пор, пока старейшины не закончат торг, а на это могло уйти несколько дней. Юноши отправились к причалу — поглязеть, что за лодки стоят в гавани.

Заинтересованные женские взгляды и игривое хихиканье сопровождали молодых воинов на каждом шагу. И, надо сказать, многие женщины были весьма миловидные, хотя, по меркам шасиннов, и чересчур полные. Впрочем, это их не портило, а вот грубые, исколотые плавниками рыб руки и гнилые зубы явно не украшали.

— Эти женщины мне нравятся, — сказал Данат. — По крайней мере те, что помоложе. Хорошо бы попробовать с ними, но не знаю, смогу ли я вынести запах рыбы. Уж больно от них разит!

— Между прочим, — заметил Хаэль, — они тоже морщили носы, когда мы шли мимо.

Данат фыркнул.

— Что плохого, если от настоящего мужчины пахнет потом и кагтами? От женщин тоже должно так пахнуть. Не рыбой же! Наверное, духи этого племени почти ни на что не способны, если позволяют им питаться рыбой и гоняться за ней целыми днями, вместо того чтобы выращивать скот.

Хаэль показал копьем на загон.

— Видишь, у них есть квили, и грязеверты тоже.

— Эти жалкие твари не требуют ухода и кормятся падалью, — презрительно сказал Данат. — Наверное, они нужны Рыбакам только для того, чтобы не захлебнуться в собственных отбросах. А разве



может быть иначе, если они сиднем сидят на одном месте?

В гавани стояло два судна с материка, одно — на якоре далеко от берега, другое — у пирса. Матроны перетаскивали тюки с палубы к одному из складов. Юноши старались держаться с присущей шасинам независимостью — они считали, что им не пристало проявлять слишком большой интерес к жизни низшего народа. Однако они не могли оторвать взгляд от удивительных, более двадцати шагов в длину и семи-восьми в ширину, судов. Нос и корму каждого украшали вырезанные из дерева головы птиц и животных, а на форштевне, у самой воды, были нарисованы глаза. Юноши не могли поверить, что эти большие лодки, способные перевозить на своих спинах людей с острова на остров и даже на материк, созданы человеческими руками.

— Может быть, зайдем? — спросил Данат, указывая на дверь небольшой таверны.

— Нам запрещено пить гуль, — сказал Хаэль. — К тому же у нас нет денег. — У шасиннов деньгами пользовались только старейшины — для заключения сделок с другими племенами. Остальные просто обменивались товаром. — Давай лучше сходим на пирс.

Доски пирса трещали и скрипели под ногами. Молодые воины шагали с гордо поднятой головой, заставляя уступать дорогу всякого, кто попадался им на пути. Их провожали мрачными взглядами, однако дальше этого дела не шло — все знали: шасинны — искусные воины.

Кроме местных Рыбаков, на пирсе работали и моряки с материка. Стройные красивые юноши в набедренных повязках вызывали у них любопытство. Они смотрели на шасиннов во все глаза, тогда



как Рыбаки отводили взгляды. Делая вид, что интересуются лишь судами и их оснасткой, молодые воины украдкой приглядывались к иноземцам.

Одни были высокие и стройные, как шасинны, другие — низкорослые и дородные. Многие носили бороды — потому-то шасинны и называли их Люди с Волосатыми Лицами — правда, кое-кто брил подбородки, а у некоторых лица были гладкими от природы. Их тела украшали искусные татуировки, рисунки и умело подкрашенные шрамы. Несмотря на жару, одежда иноземцев поражала диковинностью и разнообразием.

Большие лодки были сделаны из широких досок, прибитых деревянными гвоздями к каркасу. В палубе лодки, что стояла у берега, зияло отверстие. Хаэль удивился, увидев на дне судна большие отесанные камни. Неужели эти люди плавали в такие страны, где не хватало обыкновенных булыжников?

Моряки не носили оружия, только ножи, но на корме Хаэль увидел стойки с короткими копьями, дубинками, изогнутыми мечами. Рядом лежала груда больших камней и маленькие круглые щиты, сплетенные из веток и обтянутые шкурами.

Судно, что стояло на якоре в гавани, выглядело почти так же, только было выкрашено в красные и синие полосы, а не в желтые и черные, как то, что качалось на волнах у пирса. Паруса на обоих были коричневыми — цвета домотканого полотна. Повсюду валялись веревки и канаты, сплетенные из шкур морских котов или травы.

— Вы — шасинны? — спросил юношей невысокий мускулистый чужеземец в зеленом килте с золотой бахромой. Он стоял на палубе корабля и дружелюбно улыбался.



— Да,— ответил Хаэль.— А раньше ты встречал шасиннов?

— Встречал — и здесь, и на других островах. Обычно в эту гавань приходят ваши старики, про- давать каггов. Я — Малк, хозяин «Пожирателя волн».— Иноземец хлопнул по борту, чтоб никто не сомневался, какой корабль он имеет в виду. Говорил он с акцентом, но юноши без труда поняли его, даже Охотники, что обитали рядом с шасиннами, сильнее коверкали их язык.

— Вы даете имена своим лодкам? — спросил Хаэль. Юношу настолько поразила красота корабля, что он и думать забыл о том, чтоб сохранять подобающее воину высокомерно-презрительное выражение лица.

— Ты назвал мое судно лодкой?! — расхохотался Малк.— «Пожиратель волн» — корабль!

Шасинны впервые услышали это слово.

— А какая разница? — спросил Данат.

Малк легко спрыгнул на пирс.

— Лодки,— объяснил он,— это те суденышки, на которых плавают Рыбаки. Они намного меньше, и у них нет киля. Киль — это хребет корабля.

— Так значит, корабль похож на животное? — изумился Хаэль.— Ты сказал, что у него есть хребет, а я вижу, что есть и ребра, и даже глаза.

— Да,— самодовольно усмехнулся Малк.— И еще крылья — паруса, и весла — ноги. А если ты на него нападешь, корабль покажет зубы и когти.

— Не понимаю, как люди могут жить на спине большого деревянного животного,— сказал Данат.— Мы, шасинны, признаем лишь ту воду, которую можно перейти вброд.

— Не мешало бы вам хоть раз выйти в море матросами,— засмеялся Малк.— Вы бы встретили



шасиннов на всех больших островах Грозовых земель.

Хаэль задумчиво проговорил:

— У нас есть легенда, что когда-то все эти острова были одним большим материком. А потом земля начала медленно опускаться в воду, море затопило низины, а возвышенности превратились в архипелаг.

Малк, разговарившийся с юношами лишь ради того, чтобы убить время, теперь заинтересовался по-настоящему.

— У вас тоже рассказывают эту историю? Я слышал ее почти на каждом острове, и на материке тоже. Я всегда считал, что если в легендах разных племен хоть что-то совпадает, значит, это произошло на самом деле.— Он взглянул на высоко стоящее в небе солнце.— Мне надоело смотреть, как воятся эти деревенщины. Следить за тем, как разгружают мой корабль, я прекрасно могу и из окна вон той жалкой таверны. Если вы составите мне компанию, мы продолжим разговор за гулем.

— Нам не разрешается пить гуль,— смущенно пробормотал Данат.

— А я не раз видел, как ваши старейшины хлестали здесь гуль, не уступая моим матросам,— приподняв косматую бровь, сказал Малк.— Так что большого греха в этом не будет. Но у вас ведь, наверное, нет денег, а? Я совсем забыл, что вы, воины, никогда не пользуетесь деньгами. Так что я приглашаю вас посидеть со мной в таверне, а вы расскажете мне о легендах и обычаях вашего племени. Я люблю слушать. В моем народе считается дурным тоном отказываться от подобного приглашения. А шасинны, как я слышал, славятся безупречными манерами.



— Это так,— ответил Хаэль, которому пришлось по душе предложение нового знакомого.— Мы вежливые люди, и особенно важно показать это тем, кто прибыл издалека. Данат, я думаю, мы окажем нашему племени плохую услугу, если отвергнем столь радушное приглашение этого чужеземца.

Устремив взгляд себе под ноги и ковыряя копьем землю, Данат несколько мгновений старательно делал вид, что предается мучительным раздумьям.

— Я — послушный младший воин и чту обычай нашего племени,— наконец проговорил он.— Несомненно, при других обстоятельствах нам ни в коем случае не следовало бы пить гуль, особенно в этой странной деревне. Но я думаю, ты прав. Гораздо важнее сохранить репутацию нашего племени, и это перевешивает не такой уж серьезный проступок, который мы совершим, отведав здесь гуль.

Малк усмехнулся в бороду.

— Вы всегда произносите такие длинные речи, если собираетесь нарушить какое-нибудь правило?

— Но ведь так значительно веселее! — хохотнул Данат, и они пошли к берегу.

Троица уселись в таверне, которая оказалась чуть больше обычного сарая. На высоком деревянном настиле под крышей из пальмовых веток стояли столы и скамьи. Три стены были сплетены из пальмового лыка, а вместо четвертой открывался вид на гавань. Крытый задний двор служил одновременно кухней и кладовой.

Усевшись, Хаэль испытал ни с чем не сравнимое ощущение — за столом он сидел впервые. Казалось странным, что все предметы, стоящие на этой ровной поверхности, находятся под рукой. Странным, но очень удобным!



Малк подозревал невероятно толстую хозяйку таверны. Из-за жары посетителей было немного, но это ничуть не влияло на ее прекрасное настроение.

Женщина принесла кувшин и чашки, сделанные из скорлупы ореха пухра.

— Не портил бы ты этих пареньков, Малк,— сказала она, расставляя посуду.— Их старейшины голову тебе оторвут и прихватят с собой на память о путешествии к морю.

— Не беспокойся об этом, женщина,— серьезно сказал Хаэль.— Шасинны не наказывают чужих за нарушение обычаев племени.

Хозяйка широко улыбнулась.

— Таких вежливых мальчуганов мне еще не доводилось встречать. Бьюсь об заклад, из них получатся куда лучшие мужья, чем из деревенщин, за которых нам приходится выходить замуж!

Хаэль и Данат покраснели. Заметив их смущение, Малк расхохотался и попросил женщину подать какой-нибудь еды.

— Пить днем и не закусывать — большая глупость,— объяснил он.

— Нам неловко пользоваться твоей щедростью,— сказал Хаэль.— Ведь мы не можем достойно отблагодарить тебя.

— Еще как можете! Морские торговцы ужасно любопытны. Едь от того, насколько хорошо мы будем знать, чего хотят, что нужно и за что готовы платить люди, зависят наши доходы. Правда, я отличаюсь от большинства — вдобавок ко всему мне интересны легенды и обычаи чужеземцев.

Малк взял кувшин и разлил напиток по чашам. Юноши пригубили янтарную жидкость, и она показалась им намного лучше обычного гуляя.



— Как вкусно! — воскликнул Данат. — Что это такое?

— Вино, — ответил Малк. — Оно бывает разным, и чаще всего его делают из фруктов и ягод. — Тут он заметил насмешливые взгляды юношей. — Похоже, я заговорил, как обычный морской торговец. И все же, хорошее вино получается лишь у тех народов, у которых есть большие кувшины или бочонки — ведь его нужно выдерживать в течение многих лун. Вы храните гуль в кожаных мешках, так? — Юноши кивнули. — Однако, что-то я разговорился. Может, теперь вы утолите мое любопытство и расскажете о своем племени? Каким богам вы поклоняетесь?

Это слово молодые воины слышали впервые.

— Богам? — переспросил Данат.

— Или одному богу? — поднял брови Малк. — У некоторых народов всего один бог, у вас тоже?

— Нет, мы хотели спросить, что означает слово «бог», — сказал Хаэль.

— Так, значит, это правда, что у вас их вообще нет? Я слышал об этом раньше, но мне как-то не верилось. — В этот момент Малк походил на человека, обнаружившего сокровище, в существование которого никто не верил. — Но, может, вы верите в какие-нибудь сверхъестественные существа?

— А что такое «сверхъестественные»? — снова не понял Данат. Это слово шасинны тоже не знали.

— Ну... — Малк замялся, пытаясь жестами объяснить, что он имел в виду. — «Сверхъестественные» — значит, невидимые... Невидимые существа, невидимый мир...

— А! — наконец догадался Хаэль. — Ты говоришь про духов? Слово «сверхъестественное» нам незна-



комо. Наши духи, действительно, невидимы, но они столь же естественны, как все вокруг нас. Ветер ведь тоже невидим, но разве от этого он становится ненастоящим?

— Как моряк, с полной уверенностью могу сказать, что ты прав,— согласился Малк.— Но мне все-таки очень любопытно, как же вы обходитесь без богов?

Данат еще раз наполнил свою чашу.

— Ты правильно выбрал собеседника, уважаемый Малк,— сказал юноша.— Мне иногда кажется, что истинное призвание моего чабас-фастана — беседовать с духами. А вот мне их мир кажется невероятно скучным. Но если ты хочешь узнать о наших копьях, об искусстве борьбы или, скажем, о женщинах, тогда смело обращайся ко мне.

— Теперь вы произнесли незнакомое мне слово. Что такое «чабас-фастан»? — спросил Малк.

Хаэль попытался объяснить как можно понятнее. В отличие от многих обрядов, этот не был защищен табу.

— Надо же! — воскликнул Малк, не в силах скрыть изумления.— Вы обрезаете друг другу крайнюю плоть куском кремня? Конечно, такие узы ничто не способно разорвать! Обрезание бытует у многих народов, но обычно этот обряд мальчики проходят еще в младенческом возрасте и совершают его жрец или самый старший мужчина, и уж, несомненно, остро наточенным ножом... Что ж, теперь попробую ответить на твой вопрос. «Бог» — это тот же дух, только куда более могущественный. Разница такая же, как между человеком и каким-нибудь мелким животным, мышью например. Чаще всего боги похожи на мужчин и женщин, и, как и у людей, у них есть свои капризы и причуды. Они



управляют людскими делами. У одних народов богов много, у других — несколько, встречаются и такие, у которых бог один. Люди молятся богам, чтобы те послали им удачу, а если провиняются — просят у богов прощения. Вы ничего такого не делаете? — Малк даже перегнулся через стол, до того ему не терпелось услышать ответ Хаэля.

Из уважения к серьезному собеседнику, перед тем как ответить, Хаэль немножко подумал.

— Тех, кого ты называешь богами, у нас нет. Может, конечно, о богах знают Беседующие с Духами, но они не всегда делятся своими тайнами с остальными. У нас есть духи, они населяют все вокруг и бывают добрыми и злыми. По отдельности они не обладают большой силой. Но если укус одного шершня вызывает только досаду, то от атаки целого роя можно и погибнуть. Духи влияют на всю нашу жизнь, к тому же у них есть свои желания. Нам они не всегда понятны, но духам до этого нет дела. Мы должны быть верны духам, угодждать им — или, по крайней мере, успокаивать. Так у нас принято. То, что ты назвал словом «молиться», мы не делаем. Вряд ли нашиочные заклинания Луне — молитва. Мы обязаны просить у Луны прощения за то, что люди ее ранили, хотя, насколько я знаю, Луна никогда не показывала, что гневается на нас за это. Но мы верим, что от Луны зависят дождь, приливы и плодородие скота, и если мы прекратим молить ее о прощении, наша жизнь может измениться.

— Ты очень необычный юноша, — заметил Малк. — Приятно беседовать с молодым человеком, обладающим столь проницательным умом.

Толстуха-хозяйка принесла два широких плоских блюда и шмякнула их на стол. На одном лежа-



ли фрукты, лепешки, засоленные овощи, печенные яйца и три куска мяса. Второе блюдо прикрывал кусок белой ткани. Женщина сняла тряпку и сказала:

— Это соленая рыба, Малк. Но если ты хочешь еще посидеть в компании этих милых мальчуганов, отдовинься подальше, когда будешь ее есть. А то мальчишек чего доброго стошнит.

Юноши захихикали.

— Обещаем, что нас не стошнит,— сказал Данат.— Рыба, конечно, для нас табу, и нам противен ее запах. Но кому-то могут показаться отвратительными кровь и молоко наших кагтов. Хотя почему — не могу понять. Разве жизненные соки животных можно сравнить с падалью? — С этими словами он взял небольшой кусок мяса и, засунув в рот, принялся сосредоточенно жевать.

— Ты заметил, мясо он падалью не считает,— сказал Хаэль.

— Удивляюсь, людей так волнует, что им есть можно, а что — нельзя,— проговорил Малк, укладывая на лепешку куски рыбы и мяса.— Почти у всех народов есть чистая и нечистая пища. Но моряки, вроде меня, рано или поздно становятся не-привередливыми.

— Смотрите! — воскликнул Данат.— Это же морской кот!

Неподалеку от берега возвышалась плоская скала. На нее с трудом взбиралось похожее на большого слизняка существо — серая, почти бесформенная масса подтягивалась на ластообразных передних ногах с перепонками и длинными костистыми пальцами.

Жирная шея животного переходила в островерхую гладкую голову, на которой выделялись выпук-



лье глаза. Вскоре на скале уже возлежала дюжина котов.

— Похоже, эти зверюги восхищают вас,— сказала толстуха,— а нам они приносят только горе. Они страшные обжоры и успевают слопать массу рыбы до того, как наши мужчины поставят сети. А потом они еще и в сети забираются и сжирают улов. Но и на этом их происки не заканчиваются. Они путают и рвут сети. Вытаскивая невод, мужчины тянут его вместе с этими тварями. Счастливчики отделяются оторванными пальцами, но некоторых ловцов морские коты вместе с сетями перетягивают через борт, и бедолаги тонут.

— Ух, да их почти два десятка! — воскликнул Малк, показывая на собравшуюся на скале стаю.— Но если они уж так вам мешают, почему бы вашим мужчинам не собраться и не поднять их на копья? Они ведь такие неповоротливые, к тому же из них можно что-нибудь сделать. Вы бы неплохо заработали на этом!

Женщина фыркнула, и костяное ожерелье подпрыгнуло на ее пышной груди.

— Не будь дураком, Малк! Страшная участь ждет тех, кто осмелится убить животное на скале Морских Котов. Если кто-нибудь сделает это, мы уже никогда не сможем поймать ни одной рыбы... Глядите-ка, большой бык!

Хаэль первый раз в жизни слышал слово «бык», когда говорили не о скоплении звезд, и приготовился увидеть нечто с двумя рогами. Однако первым делом из воды показалась великолепная золотая грива. Извиваясь всем телом, животное вперевалку добралось до гребня скалы, остановилось и издало такой ужасающий рев, будто бросало вызов всему миру.



— Н-да... Великолепный зверь! — воскликнул Данат. — Я давно мечтал на него посмотреть...

Толстуха нежно похлопала юношу по макушке.

— Стыдись! Восхищаться зверем, который приносит столько вреда тем, у кого ты гостишь! Потом, того и гляди, тебе понравятся пираты, которые уже несколько лет подряд приплывают сюда на длинных кораблях, грабят нас и увозят молодых женщин.

Даната очень интересовало, смогли бы пиратские корабли взять на борт такую дородную женщину, но он решил воздержаться от расспросов и вместо этого окунул хозяйку таверны весьма красноречивым взглядом.

— У нас, шасиннов, принято восхищаться необычными существами. Неважно, что их делает исключительными — когти, шерсть или перья. Ну, а если речь идет о женщинах...

Хозяйка таверны усмехнулась и одним рывком подняла юношу со скамьи.

— Вы двое можете продолжать свои заумные разговоры, — сказала она, — а мы, пожалуй, кое о чем потолкуем на заднем дворе. Еды и вина достаточно, так что не скучайте.

И толстуха потащила глупо улыбающегося Даната за собой.

— Если меня не будет слишком долго — выручай! — крикнул юноша брату.

— Данату нравится все существенное: еда, выпивка, женщины, — заметил Хаэль. — Его не привлекают серьезные беседы.

— Ну, такое времяпрепровождение мало кому по нраву, — сказал Малк. — Большинство моих приятелей-моряков скорее похожи на твоего брата, чем на тебя, но в твоей компании мне куда инте-



ресней. Я много путешествовал и понял, что большинство людей — рабы своих желудков и чресел, головой они пользуются в последнюю очередь... Знаешь, а у моряков есть свои боги и духи, и их много.

— К каким богам или духам вы обращаетесь с просьбами? — заинтересованно спросил Хаэль.

— О хорошей погоде, попутном ветре и о защите от морских чудовищ мы молим богов моря и ветра. Для более мелких дел — таких, как успешная торговля и защита от пиратов, есть боги помельче. А по пустякам мы пытаемся задобрить злобных духов заклинаниями, песнями, амулетами и небольшими жертвоприношениями. Духи, сопровождающие корабль, разозлившись, могут вызвать болезнь или поломку судна. Еще они любят портить продукты и заставлять вино скисать.

У Хаэля из головы не выходило, что Малк назвал корабль **большим животным**.

— Значит, у корабля есть свой собственный дух? — спросил юноша. — Наверное, он смотрит глазами, нарисованными на носу?

— О да, у каждого судна есть свой дух. Он изображен в фигуре, что стоит на носу корабля. А обитает дух в киле судна. Ты видел утолщение, где крепится мачта? — Хаэль кивнул. — Вот там эти духи и живут. Кстати, духи корабля только женского рода.

— А какое колдовство вы используете? — продолжал расспрашивать Хаэль.

Малк слегка нахмурился.

— В цивилизованных землях волшебством занимаются лишь умудренные в этом деле люди — колдуны или жрецы. А вы, Пастухи, часто призываете себе на помощь магию?



Хаэль взглянул на перекатывающиеся бирюзовые волны.

— А я думал, что моряки используют магию ветра и воды. Нам, шасиннам, магия почти неведома, а те крохи, что мы знаем, помогают лишь заботиться о стадах. Охотники, что живут в горах, знают охотничью магию и магию огня, а Земледельцы — магию земли.

— Вообще-то, зачастую в этом волшебстве нет ничего магического, — заметил Малк. — Это просто искусное умение. Хотя способность одного человека почти всегда кажется волшебством для другого, если тот другой ее лишен.

— Недавно ты сказал — «цивилизованные». Что означает это слово?

Малк в очередной раз наполнил чаши. Вина в кувшине осталось на донышке.

— Это довольно сложно объяснить. Многие люди на материке живут в городах. Город — это что-то вроде огромной деревни, но самый маленький город больше, чем все деревни, которые ты когда-либо видел, вместе взятые. Дома в городах строят из дерева, камня или кирпича; горожане не обрабатывают землю, не пасут стада, не ловят рыбу. Некоторые вообще ничего не делают — только рисуют картины, или играют на музыкальных инструментах, или покупают и продают вещи. Есть в городах строители и ремесленники, вроде кузнеца, что выковал наконечник для твоего копья. Главное дело одних — носить оружие, других — заниматься магией, а третьих — управлять всем народом. И еще в городах живут те, кто умеет вкладывать знания в крючочки, которые называются письменами. Они хранят их, как Земледельцы хранят зерно. Вот что такая цивилизация.



Хаэль попытался представить себе все, о чем говорил Малк. Однако получалось плохо. Ему было не с чем сравнивать.

— Мне бы очень хотелось увидеть город, но мы, шасинны, не путешествуем — разве что когда переходим на новые пастища.

— Возможно, когда-нибудь тебе и удастся совершить путешествие. В жизни происходят куда более невероятные вещи. Один из моих матросов родом с гор. Его деревню уничтожила лавина... Ты знаешь, что такое лавина? Это огромное море снега, которое скатывается с гор. Лавины очень опасны, но мой матрос выжил. Он покинул горы и стал моряком, хотя до этого воду видел только в небольших горных озерах. Теперь он ничуть не хуже тех матросов, что родились у моря...

С заднего двора вернулся Данат. По его лицу блуждала все та же глуповатая улыбка.

— Думаю, я не опозорил шасиннов, — доложил он, жадно набросившись на остатки еды.

— Пора возвращаться, пока сюда не явились наши старейшины, — сказал Хаэль.

— Прежде чем вы уйдете, я хотел бы спросить вас еще об одном, — сказал Малк. — Что говорит ваш народ о Великой Катастрофе?

Хаэль задумался, припоминая слышанные в детстве сказки.

— Мы считаем, что когда-то духи были гораздо могущественнее. Может быть, такими, как ваши боги. Они взяли власть над нашими предками и лишили их разума. В те времена люди владели огненной магией и с ее помощью могли убивать друг друга. В конце концов дошло до того, что они метнули огненные копья в Луну и ранили ее так тяжело, что до сих пор видны шрамы. Когда боль-



шинство людей погибло, духи утратили свое могущество, а люди с тех пор стали жить намного более разумнее.

Малк кивнул.

— Я слышал множество преданий о Великой Катастрофе, и почти во всех упоминаются огненные копья. Некоторые легенды повествуют о Великом Море, Годах Жары и об огромных горах, которые падали в море с неба. Этих историй так много, что вряд ли все они правдивы, но я уверен, доля истины есть в каждой. Многие мудрецы говорят о долгом времени Зла, когда одно за другим на мир наваливались страшные несчастья, и я думаю, что так оно и было.

На юге рассказывают легенды о чуме, а истории о сильной жаре и засухе передает из поколения в поколение народ клахомов. Они переселились в королевство Нава много-много лет назад из далеких внутренних земель. Существует множество рассказов о богатой Затонувшей Земле и ее жестоких обитателях. Во многих рассказах говорится, что острова — это высочайшие точки Затонувшей Земли. Это объясняет, почему шасинны оказались на разных островах архипелага, хотя и не путешествуют по морю.

Голова Хаэля гудела от вина и от обилия новых впечатлений.

— Благодарим тебя за гостеприимство, — сказал он, — но теперь нам нужно идти. Может, ты зайдешь к нам в лагерь сегодня вечером, и мы сможем продолжить эту беседу. Мы с радостью увидимся с тобой еще раз.

— Мы обещаем, что не будем заставлять тебя пить молоко, смешанное с кровью, — добавил Дант, слегка покачиваясь из стороны в сторону.



— Возможно, я приду. Правда, если мы быстро загрузимся, я, скорее всего, отчалю с вечерним приливом. Но даже если сегодня не удастся, мы все равно рано или поздно встретимся. «Пожиратель волн» заходит в этот порт каждый месяц... А теперь, перед тем как предстать перед старейшинами, вам следует дойти до берега и хорошенько прополоскать рты морской водой.

Юноши вновь поблагодарили Малка и вышли из таверны. Солнце стояло еще высоко, и, последовав совету нового знакомого, они пошли на берег моря. Там было на что полюбоваться. Кроме морских котов, все еще нежащихся на скале, юноши увидели причудливую рыбу-звезду и странных животных, выглядевших совсем как растения — они плавали в лужах, оставленных отливом. Повсюду валялись кучи дурно пахнущих морских водорослей, над которыми роились тучи мух. На песке под лучами солнца грелись морские черепахи, они были в два раза крупнее, чем самые большие самцы каггов, их панцири возвышались на уровне глаз юношей. В южной части гавани они набрели на побелевший от солнца скелет огромной, шестидесяти шагов в длину, морской змеи. Голову змеи — шести локтей в длину и трех в ширину — украшали шесть коротких, похожих на рога, наростов. Длинными, тонкими и загибающимися внутрь зубами твари было удобно ловить рыбу и удерживать ее в пасти.

Юноши спросили о морской змее женщину, что сидела поодаль и чинила сеть. Оказывается, эти существа встречались очень редко. Почти никто не видел их живыми, хотя мертвых иногда выбрасывало на берег во время шторма. Тревожить останки морских змей считалось плохой приметой, поэтому



скелеты оставались на берегу до тех пор, пока сами собой не рассыпались. Тот остов, что увидели юноши, лежал здесь уже больше года.

Когда на небе появились красные закатные полосы, в гавань стали возвращаться лодки рыбаков. Их треугольные паруса трепал поднявшийся к вечеру ветер.

Хаэль и Данат вернулись в лагерь последними. Старейшины продали каггов и решили сразу же двинуться в обратный путь. Узнав, что надо уходить, Хаэль огорчился — ему не удастся продолжить разговор с Малком. Конечно, оставалась надежда, что они когда-нибудь встретятся, но юноша не особенно в это верил. Конечно, его могут еще раз послать со стадом каггов в Шевну, но кто сказал, что их приход совпадет с тем днем, когда здесь будет стоять «Пожиратель волн»!

Когда они вернулись в деревню шасиннов, Хаэль разыскал Тэйта Мала и пересказал ему разговор с Малком в Шевне.

— Боги? — сказал Беседующий с Духами. — Я слышал о них. У обитателей материка множество богов.

— А они настоящие? — спросил юноша. Они сидели в хижине старика, которая ничем не отличалась от других, разве что была загромождена предметами, необходимыми для ритуалов Беседующего с Духами.

— Настоящие? — Тэйта Мал пожал плечами. — Кто знает, что в мире настоящее, а что — нет? Если боги хотят существовать, значит, они существуют. Не подлежит сомнению лишь то, что в древности люди вели с великими духами торговлю. Иначе как бы они получили огненные копья, которыми поразили Луну?



— Но куда же они делись? Как духи могли потерять свою власть?

— Может быть, они до сих пор существуют рядом с нами. А может, старые могущественные духи сделались богами жителей материка. Для нас это ничего не значит. У каждого народа есть свои духи. Мы, шасинны, научились жить с нашими, и живем так уже много-много поколений. А до чужих духов нам нет никакого дела.

Хаэль был разочарован.

— Но я хочу узнать о них. И мне понравился этот чужеземец, хозяин корабля. Мне интересно, что другие люди думают о мире духов.

— Как бы я хотел, чтобы ты стал Беседующим с Духами,— вздохнул Тэйта Мал.— Никто лучше тебя не подошел бы для этого занятия. Но это невозможно, и ты только накопишь в душе горечь, играя в призвание, которое тебе недоступно.— Старик вытянул большую ногу и потер негнущееся колено.— Ты не единственный, кто ведет бесполезные разговоры с чужеземцами, и твой случай еще далеко не самый опасный.

— Опасный? Что ты хочешь сказать? — Хаэль помахал перед собой метелкой из хвоста кагга — они уже долго стояли лагерем на этом месте, и мух здесь развелось несметное множество. Их не мог выкурить даже плавающий по хижине дым.

— Ты, наверное, помнишь, что за несколько дней до того, как вы отправились в Шевну, другое стадо холощенных каггов погнали в большой речной порт на юге?

— Да, я помню. Мне самому хотелось туда пойти, но, похоже, Гасам убедил Минду не пускать меня на юг, а послать с меньшим стадом.



— Как раз о Гасаме я и веду речь. Он так же, как и ты, говорил с купцами с материка. И уж они-то, можешь быть уверен, беседовали не о мире духов. Гасам интересовался, как они ведут войны, какие у них войска, и еще купцы рассказали ему о королях, которые правят на материке.

— Мне кажется, Малк упоминал нечто подобное, когда говорил о цивилизации. Он сказал, что есть люди, которые ничего не делают — лишь правят остальными. И еще те, главное занятие которых — носить оружие. Он говорил слово «королевство», но я не успел спросить, что это значит.

— Насколько мне известно, этими народами управляют те, кого называют королями. Это не старейшины, которые достигли своего положения благодаря возрасту и мудрости, пришедшей с годами. Человек рождается, чтобы быть королем и становится им, когда умирает его отец. И правит он один.

— Совсем один? — удивился Хаэль. — У него даже нет совета?

— У короля могут быть советники, но его слово — решающее. Под началом короля армия, которую он может отправить на битву с войсками других королей. Или против тех народов, у которых, как у нас, нет правителя. Они совершают набеги не для того, чтобы захватить кагтов или обратить в рабство женщин и детей. Главное для них — навязать другим народам свою волю.

— Не понимаю, какой в этом смысл, — признался Хаэль. — Хотя он наверняка есть. Обычай чужеземцев странны, однако хозяин корабля Малк показался мне разумным человеком.

— Зато Гасам сразу во всем разобрался. Он вернулся два дня назад и теперь только и говорит



о том, что нам, шасиннам, тоже нужен король. И еще, что мы — величайшие в мире воины, и нам нужно создать армию, которая станет самой сильной в мире.

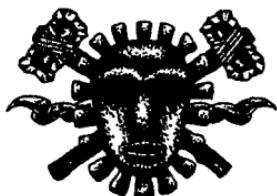
Хаэль недоверчиво рассмеялся.

— И он думает, что кто-нибудь с ним согласится? Если всех воинов заберут в королевскую армию, кто тогда будет ухаживать за кагтами и охранять стада от набегов?

— Разве я сказал, что его речи разумны? — Стариk подбросил в огонь несколько кусочков дерева крис — его дым хорошо отпугивал мух. — Вообще-то, Гасам думает, что нашел решение. Он говорит, что мы обратим в рабство другие, более слабые народы. Рабы будут заботиться о нашем скоте, возделывать для нас землю и вообще — выполнять за нас всю работу. А нам, шасиннам, только и останется, что сражаться и управлять рабами.

— Он сошел с ума! — воскликнул Хаэль. — Шасинны никогда не согласятся подчиняться одному правителю. Вдобавок мы слишком дорожим нашими стадами, чтобы позволить чужакам ухаживать за ними.

— Обезумев, он не стал менее опасным, — тихо проговорил Тэйта Мал.





Глава четвертая



1

ак хорошо снова двинуться в путь! Пастбища, где шасинны пасли скот, полностью истощились, и совет племени решил перенести их в южную часть Острова. Потребуется около пяти лет, пока на прежнем месте снова сможет кормиться скот.

Хаэль поднялся на гребень холма и взглянул вниз. Радующая взгляд картина: жители двух десятков деревень и весь



домашний скот шасиннов снимается с места; кагги растянулись по равнине насколько видно глазу. Чтобы было легче перегонять скот, каггов разделили на небольшие стада, каждое из которых окружили воинами, женщинами и детьми. Большую часть своего имущества люди несли за спиной, остальное нагрузили на огромных выночных животных, называемых нусками. Их у шасиннов было немного, потому что этих косматых, тупых, но очень сильных животных использовали только во время передвижения. По прибытии на новые пастбищные земли большинство нусков продавали обитающим поблизости земледельцам. Когда же приходило время сниматься с места, их выкупали обратно. На следующей стоянке эти крупные животные снова продавались местным племенам, нуждающимся во выночном скоте.

Шасиннов охраняли сильные воины, их вооруженные отряды шли по флангам и с тыла. Шел третий день перехода. Только дней через тридцать они прибудут на новое место. В день удавалось пройти не более четырех-пяти миль — кагги были очень медлительными животными, поверхность Острова вся изрезана многочисленными ручьями и небольшими речками. Они также замедляли движение — не только потому, что их приходилось пересекать вброд, сколько из-за каггов, которых слишком долго уговаривали покинуть приятную прохладную воду, где они обожали плескаться.

Когда племя добралось до новой стоянки, возникла масса хлопот: нужно было определить места пастбищ, построить деревни, разбить воинские лагеря. Шасинны не делали разборных домов, все оставалось на старом месте; они считали более быстрым и удобным строить их заново из подручного



материала. Обустраивались не сразу, с трудом, но все равно настроение людей было возбужденно-приподнятым. Им предстояло заново восстанавливать отношения с обитающими поблизости племенами — ведь шасинны не появлялись в этих местах несколько десятков лет. Иногда случалось, что пастбища, исконно считающиеся принадлежностью шасиннов, занимали другие скотоводческие народы — в таком случае приходилось отбирать их силой.

Молодые воины в душе надеялись, что именно так и произойдет. Для них сражение было возможностью проверить себя — последнее время им явно недоставало серьезных дел. Еще перед тем, как затеять перемещение, они просили Минду, чтобы тот разрешил им сходить в набег за каггами, но старик отказал.

— Набеги устраивать незачем, — сказал он весьма решительно. — Последние три года были изобильными, и нам не нужны лишние животные. Мы и так продали в этом году много голов. Еще одна сотня каггов окончательно истощит пастбища. Нам ведь все равно придется переходить на новое место, а скот будет только помехой в пути. Конечно, вам это все невдомек — вы просто хотите показать себя, — Минда рассмеялся, свысока поглядывая на юношей. — Но вам придется подождать. Если нападение врагов, или чума, или засуха уменьшат количество наших стад и дети начнут страдать от нехватки молока — вот тогда можно будет поговорить о набеге.

Винов сильно разочаровало решение вождя, и утешала их только мысль о переходе к новым пастбищам.

Старое место стоянки — пыльное, с роящимися повсюду мухами — было покинуто с облегчением.



Стоило отойти на сравнительно небольшое расстояние, как травы вокруг сразу стали сочнее, реки — чище, а самое главное, исчезло то огромное количество паразитов, которые непременно появлялись в местах, где селились люди. Исчезли не только насекомые, но и мыши, а также другие грызуны, даже слепые безволосые зверьки, что выходили кормиться лишь по ночам.

Другим приятным моментом переходов была смена привычной пищи. Считалось, что в пути неразумно выдаивать у самок каггов больше молока, чем требуется для питания малышей, а также нельзя ослаблять животных пусканием крови. Зато каждый день какой-нибудь кагг отступался в ямку, вырытую рогачом-копателем, и ломал ногу, либо происходила другая неприятность — кагга приходилось забивать. Так что свежее мясо всегда было в изобилии. Чтобы оно не пропадало, им дополняли пищу молодых воинов.

Большие коты старались не попадаться на пути огромной движущейся массы людей и скота, хотя некоторые старые или увечные животные, неспособные уже ловить добычу, пытались поживиться случайно отбившимся от стада каггом. Однако их легко убивали или прогоняли прочь. Гораздо больше досаждали шасиннам стаи полосатиков и пятнашки-одиночки, питающиеся падалью. Эти животные шли вслед за стадами.

Не в силах поверить, что от них уходит такое огромное количество возможной добычи, они оглашали окрестности мерзкими тявкающими и воющими звуками. Чуть поодаль двигались более мелкие пожиратели падали, а сверху над каггами кружили стаи птиц, надеющихся поживиться мертвичиной. Ночью появлялись огромные летучие



мыши-стервятники, со свистом рассекающие воздух черными крыльями.

По всему пути кочующего народа разбегались в стороны стада травоядных животных, будто удивленных этим явлением. Со своего места наблюдения Хаэль — воин одного из фланговых отрядов — легко мог насчитать около двух десятков видов животных: держащихся большими или более мелкими стаями, увенчанных рогами самой разнообразной формы или лишенных этого украшения. Их шкуры представляли собой все доступные воображению сочетания полос, крапинок или пятен.

Около одного такого стада юноша заметил крадущегося травяного кота — зеленоватого, почти незаметного среди окружающей его травы.

На холм рысцой взобрались еще двое воинов. По их щитам Хаэль понял, что это Луо и Рэйба. Поскольку при переходе в любой момент можно ожидать нападения, воины были вооружены не только копьями, но и щитами. Их делали из прочной кожи, овальными, размером почти в человеческий рост, и разрисовывали яркими красками. Каждый воин украшал свой щит, насколько ему хватало способностей и воображения. Некоторые изображали картины, явившиеся во сне, или силуэты животных, но большинство ограничивались отвлеченными, ничего не выражавшими узорами. Щит Хаэля был разрисован вертикальными желтыми и зелеными полосами. Рэйба украсил свой белый щит пятнами, похожими на цветки, используя все доступные ему краски. На щите Луо были начерчены косые черно-белые линии, как на шкуре трехрога.

— Великолепная картина! — воскликнул Рэйба, подходя к Хаэлю. — Разве может что-нибудь выглядеть более прекрасно? — Юноши поставили щиты



на землю и облокотились на них. Упираясь пяткой одной ноги в колено другой, они приняли привычную для пастухов позу аиста.

— Думаю, что нет,— сказал Хаэль.— Но мне жаль, что мы уходим на юг. Пройдут годы, прежде чем мы сможем вернуться в эти места.

Молодые люди смолкли, наблюдая за кочевьем своего народа. Молчание нарушил Луо.

— Вы тоже заметили, что Гасам с каждым днем ведет себя все более странно?

— Он сам вызвался идти в тыловом отряде,— сказал Рэйба.— А ведь мог бы оказаться в авангарде или на флангах. Старейшины благоволят к нему, и он мог выбрать себе любое место. Он и выбрал — пыль и навоз!

— А что говорит Торбо? — поинтересовался Хаэль. Торбо был чабас-фастаном его молочного брата и лучше других разбирался в непонятном поведении Гасама.

— Он признался, что Гасам стал ему чужим. Ты можешь представить себе что-нибудь более невероятное? — В жестах Луо было крайнее недоумение.— Гасам вроде бы сказал ему, что разговаривает с духами.

— И не просто с духами,— добавил Рэйба,— но с особым духом, имени которого он называть не хочет. Он говорит, что этот дух более могуществен, чем любой известный нам.

— Гасам рассказал, о чем он беседовал с этим духом? — Хаэль всерьез забеспокоился.

— Нет,— сказал Луо.— Он говорит, что время для этого еще не пришло. Сегодня утром я болтал у костра с несколькими воинами, идущими в тыловых отрядах. Они тоже сказали, что Гасам ведет себя странно: он покидает посты и отходит назад.



Похоже, он пытается разыскать что-то в болотах, что лежат на востоке. Может быть, там и живет его дух?

— Он проводил много времени на болотах еще до того, как мы двинулись в путь,— заметил Хаэль.

Подобное поведение действительно было очень странным для шасиннов, которые больше всего на свете любили луга. Они нормально переносили горы и побережья, куда приводили их странствия, но все шасинны испытывали отвращение к болотистым землям с их ядовитыми тварями и злобно жалящими насекомыми, полным смертельных ловушек как для человека, так и для скота. И, без всякого сомнения, в болотах могли обитать только злые духи.

— Беседующие с Духами очень огорчены этим,— сказал Луо.— А Гасам говорит, что они просто завидуют ему, опасаясь за свой авторитет, и не верят, что кто-нибудь, кроме них, способен беседовать с духами.

— Мы хотим, чтобы ты спросил совета у Тэйта Мала,— обратился к Хаэлю Рэйба.— Конечно, это не лучший выход, но ты уже несколько месяцев не разговариваешь с Гасамом, а ни у одного из нас нет твоего чутья. И мы не можем, как ты, доверительно беседовать с Тэйта Малом.

— Вообще-то, мы с ним уже обсуждали это — до того, как Гасам вообразил, что сам может говорить с духами. А он все еще болтает о том, что шасиннам необходимы король и армия?

— Да,— ответил Рэйба, в замешательстве ковыряя землю тупым концом копья.— И нашлись такие — правда, их немного,— кому подобные идеи пришли по вкусу. Гасам собрал вокруг себя группу подхалимов, которые, как и он сам, считают, что их недооценивают и лишают заслуженного ими по-



ложния. Из нашей общиной там почти никого нет, но к его речам прислушивается даже кое-кто из старших воинов. Более того, Гасам, мне кажется, пытается убедить и старейшин. В последнее время его часто видели с Борлином.

Борлин считался старейшиной со средним достатком. Он обладал единственным талантом — был прекрасным оратором. Имея для этого все необходимые качества: звучный голос, выразительные жесты и, кроме того, умение выбирать нужный момент для произнесения речи. Когда требовалось послать кого-нибудь для переговоров с другим племенем, посланником обычно становился Борлин, хотя, что говорить, старейшины ему все подсказывали — особыми умственными способностями он не блестал.

— В самом деле? — задумчиво спросил Хаэль. — Что ж, может, Гасам и сошел с ума, но действия свои он планирует неплохо. Борлин может оказаться для него очень ценным союзником. А если он получит возможность влиять на людей, то...

— Все может быть, — сказал Луо, а затем таинственно добавил: — Подожди, пока сам его не уви-дишь.

В этот же день, прохаживаясь вдоль стада, Хаэль размышлял о природе сумасшествия. Человек, совершающий поступки, которые окружающим кажутся безумными, продолжает пользоваться уважением некоторых из них. Может ли кто-нибудь притворяться сумасшедшим? И если да, то с какой целью? Возможно ли, что Гасам вовсе не безумен, а просто преследует какие-то свои тайные цели и пытается использовать других? По своему опыту Хаэль знал, что младшим воинам привлечь к себе внимание других членов племени крайне сложно. Они проводили большую часть времени вне общи-



ны, обихаживая каггов и пытаясь произвести впечатление на друзей и молодых женщин. Юноши были как будто невидимы для людей, имеющих влияние.

Впервые Хаэль начал понимать, что Гасам — не просто плохо воспитанный молодой воин, но представляет из себя нечто гораздо большее, и это «нечто» таит в себе серьезную опасность. Он стремится привлечь к себе внимание, чтобы влиять на других людей. Зачем ему проводить время с таким тупым стариком, как Борлин? Обучиться искусству производить убедительные речи? Подобная предусмотрительность совсем не характерна для безумца. Но как можно объяснить его заявления о том, что он беседует с духом? Или его блуждания по болотам? Одно было несомненно: ему, Хаэлю, при встречах с Гасамом следует быть еще более осторожным.

Но размышлять над тяжкими проблемами в такой чудесный день совсем непросто. На голубом своде неба громоздились кучевые облака. Над кружащими около стад пожирателями падали парили молотоглавы — крупные птицы размером с человека, с размахом крыльев в два человеческих роста, с длинными тонкими ногами и веерообразным хвостом. Слева над линией деревьев показались листовики. Названные так, поскольку питались древесной листвой, эти птицы имели узкие головы, покачивающиеся на тонких шеях, увенчанные рогами, между которыми были натянуты перепонки. Их верхние губы вытягивались в длинную трубочку, которой они хватались за ветку и быстро обирали с нее листья. Эти создания казались ласковыми и безобидными, однако когтистые передние лапы прекрасно защищали их от нападения — листовики уступали в силе только самым крупным хищникам.



Фланговый отряд состоял из шести десятков воинов разных общин. Среди них несколько старших воинов, которые должны были в случае нападения взять на себя командование отрядом. Основная часть старших воинов находилась в авангарде, и лишь немногих назначили в охрану тыла. Боевой порядок при переходе не соблюдался, воины шли свободно, рассредоточившись по широкой территории — либо по одиночке, как Хаэль, либо парами или мелкими группами.

От стада отошла женщина и направилась к Хаэлю. С внезапно забившимся сердцем он узнал Лариссу, которая несла пастушеский посох и перекинутую через плечо сетчатую сумку с домашним скарбом.

— Почему ты выглядишь таким удрученным, Хаэль? — спросила она. — Тебя огорчает, что мы перебираемся на новое место?

— Вовсе нет. Я не думал, что мой вид покажется тебе мрачным.

— Последнее время ты всегда такой озабоченный. Почему долго не приходил повидаться со мной?

Юноше не хотелось говорить ей о том, что Тэйта Мал предупредил его: скоро она будет просвата на за какого-нибудь старейшину. Все равно с этим ничего нельзя поделать...

— Я обычновенный младший воин, и мне приходится выполнять свои обязанности. Не всегда удается покинуть лагерь и сходить в деревню.

Ларисса одарила его насмешливым взглядом.

— Не замечала, чтобы подобные проблемы беспокоили Гасама. Он-то часто приходит повидать меня. Похоже, он может приходить и уходить, когда ему вздумается.



— В последнее время Гасам совершает и более странные поступки! — Хаэль прямо-таки вскипел от злости. Ларисса слишком хорошо знала, чем можно вызвать его ревность! Но все же он попытался унять свое раздражение.— Ты не единственная, кто обратил внимание на странности в его поведении.

Девушка удовлетворенно улыбнулась, видя, что, как и обычно, ее словесный снаряд достиг цели.

— Верно. Я слышала, что старшие воины и даже старейшины говорят, будто Гасам — необычный юноша. Многие считают, что у него задатки великого вождя.

— В самом деле? — Хаэлю не хотелось верить в это. Может, Ларисса все же преувеличивает? Но в старых легендах часто упоминались люди, бывшие посмешищем в юности, а потом ставшие великими героями, победителями чудовищ, мудрецами или кем-нибудь в этом роде. Если Гасам действительно станет вождем, нынешний период его странного поведения легко объясним.

— Да, это так. Конечно, старейшины не очень-то склонны доверять новым идеям. Однако речи Гасама столь убедительны, что им приходится серьезно задумываться над его словами.

— Ты пришла сюда, чтобы рассказать мне о достоинствах Гасама? Я достаточно слышал о них из его собственных уст. И еще я слышал, что он говорит о тебе.

Увидев, как Ларисса уходит, с трудом сдерживая гнев, Хаэль испытал горькое удовлетворение. Находящиеся поблизости младшие воины хохотали: снова он не смог показать себя достойным любовником. Но молодой человек отвечал на их глумливые выкрики едкими замечаниями, отмечая про себя,



что с друзьями все-таки дело иметь куда проще, чем с женщинами.

Этой ночью он отыскал у костра Тэйта Мала и рассказал ему все, что думал о поведении Гасама.

— Сплетни распространяются так же быстро, как огонь по сухой траве,— заметил старик.— Он приписывает себе некоторую власть над духами. Я могу поклясться годами, которые я прожил как Беседующий с Духами, что в Гасаме не больше духовной природы, чем в камне, и многие со мной согласятся. Однако глупцы ему верят.— В тяжелом раздумье Тэйта Мал глядел на пламя костра.

— Переезд на новые пастбища — нелегкое время. Ломается жизненный уклад. Люди становятся более нервными, впечатлительными, открытыми чужеродным идеям, которые в другое время с презрением бы отвергли. Я пытаюсь сказать ему об этом. Гасам великолепно находит у людей слабые места. Он знает, что и как сказать, чтобы направить их страхи или тайные стремления в нужном ему направлении. Он может задеть в человеке тайную слабость, внутреннее зло и обернуть их к своей пользе.

Хаэль кивнул.

— Я так и думал. Он куда опаснее, чем обыкновенный безумец. У него, несомненно, есть цель. Но какова она? Если он хочет завоевать доверие и уважение племени, зачем он тогда бродит по болотам?

— Я боюсь, что мы узнаем об этом скорее, чем бы нам хотелось,— сказал Тэйта Мал.— И ответ этот вряд ли нас обрадует.

Остаток пути к новым пастбищам проходил спокойно, и никому из младших воинов не хотелось, чтобы этот путь заканчивался. Каждый день был



полон радостных событий, они видели новые земли, новых людей. Многие из них бывали в этих местах только в раннем детстве. Вечерами на берегах рек разбивался лагерь. Юноши не уставали с интересом следить за летучими мышами-рыболовами, которые появлялись с наступлением сумерек. Они парили на кожистых крыльях над водой, то и дело ныряя, чтобы схватить добычу зубастой длинной пастью.

Женщины, напротив, стремились скорее добраться до нового места, обустроиться в деревнях, заняться домашним хозяйством. Обремененные хлопотами о детях и стариках, они не могли разделить беззаботно восторга молодых воинов. Когда юноши выражали, на их взгляд, чрезмерную радость, женщины вслух высказывали свое недовольство.

Но все заканчивается рано или поздно. Закончился и этот переход. На тридцать второй день после того, как шасинны снялись с насиженных мест, они подошли к южным пастбищам. Все кагги были собраны в одно большое стадо, и люди следили, как распределяются места, где будут построены деревни.

Пока велись приготовления, Хаэль бродил по широкому лугу, где собирали каггов. Высокие травы были ростом по пояс, при каждом его шаге из-под ног разлетались мириады насекомых. Страна гор осталась далеко на севере, ее вершины, поднимаясь от низких холмов к высоким пикам, были едва видны отсюда.

Южные земли хорошо орошались, неподалеку тянулись низменные болотистые местности. Хаэль знал, что эта равнина простирается к западу и востоку на несколько дней пути, заканчиваясь обрывистым спуском к узкой прибрежной полосе. На



юге берега соединялись в месте, названном моряками Мысом Отчаяния. Сами шасинны не давали ему никакого названия, поскольку вообще не испытывали к морю особого интереса.

Приятные размышления Хаэля прервал подошедший Гасам. Они не встречались с тех пор, как покинули старый военный лагерь, и Хаэль сразу же понял, что хотел сказать своими загадочными словами Луо. Гасам выкрасил свой щит в черный цвет. Тому, кто привык к ярким рисункам на щитах шасиннов, сплошной черный цвет казался странным, если не пугающим. «Что это может означать? — недоумевал юноша. — И значит ли вообще что-нибудь? Может, это просто очередная уловка, которая должна выделить Гасама среди простых воинов? Что ж, если он желал именно этого, то своего добился».

Хаэлю показалось, что за те несколько недель, что они не виделись, Гасам еще больше повзрослел. Он был на полголовы выше большинства воинов, и даже Хаэля, считавшегося одним из самых высоких в племени. Бронзовая кожа Гасама приобрела от сильного загара коричневый оттенок, на смуглом лице ярко сверкали бледно-голубые глаза. Он больше не носил любимых украшений и не заботился об окраске лица — его внешность и без того производила теперь сильное впечатление строгой внушительностью. Гасам держался уверенно, сурово и бесстрастно.

— Доброго тебе дня, Хаэль, — сказал он. Слова его тоже звучали необычно. Голос Гасама был низким от природы, но теперь он внимательно следил за его звучанием, и от этого каждое слово казалось особенно весомым и значимым. Видно, это участие Борлина в создании нового облика Гасама.



— И тебе,— отозвался Хаэль, тоже стараясь казаться бесстрастным.— Мне нравятся новые земли, которые я вижу вокруг. Как ты думаешь, возникнут ли какие-нибудь трудности с устройством на новом месте?

— Скорее всего, они будут,— ответил Гасам. Он взмахнул копьем: — Там, на юге плотная стена джунглей, где водятся ужасные коты. Еще там обитают изгои — разбойники, изгнанные из племен Земледельцев и Пастухов. А вот там,— его копье указало на запад,— деревни асаса. Думаю, этот народ не сможет удержаться от того, чтобы напасть на наши стада. Нет, жизнь здесь не будет мирной — пока мы не упрочимся как следует и не дадим соседям понять, что шутить с нами опасно.

— Мне кажется, это не так уж и плохо,— сказал Хаэль.— Нам, младшим воинам, необходим боевой опыт, а старшие, по-моему, сильно разленились и только и делают, что хлещут гуль.

— Это верно,— важно кивнул Гасам.— Я думаю, что здесь мы сможем восстановить наш воинский дух. Ну, я должен выбрать место для лагеря Ночных Котов. Доброго тебе дня, Хаэль!

Юноша в растерянности смотрел в спину удаляющегося Гасама. Ни одним словом — или хотя бы жестом — тот не выразил враждебности или обычной презрительной снисходительности. Любой другой поверил бы в его искренность.

Но Хаэль не мог забыть то выражение злобного торжества, которое он увидел на лице склонившегося над ним Гасама, когда его опрокинул длинношерстий. Хаэль был уверен, что изменились лишь поведение и манеры Гасама, а сам он был столь же опасен, как и раньше. А скорее всего — гораздо более опасен.



Следующий день выдался хлопотливым, так как все занимались постройкой деревень. За деревом для строительства домов и сараев ходили к близлежащим холмам. Эту работу старались возложить на людей, которых нанимали в соседних деревнях оседлых народов. Воины шасиннов терпеть не могли тяжелой физической работы, считая ее для себя унизительной. Во время похода им приходилось по очереди тащить тяжелые Шесты Духов, так как эту обязанность мог выполнить только шасинн. Это тоже был изнурительный тяжкий труд, но никто не думал, что он может уронить достоинство воина.

Дома строились из вертикальных столбов, расположенных по кругу и переплетенных, словно бока корзины, гибкими ветками и лозинками, отверстия между которыми залеплялись грязью. Конические крыши покрывали пальмовыми ветвями. На помещения для собрания и складские сараи уходило много строевого леса, поскольку в них делались дощатые полы. Больше всего дерева требовалось для частоколов, которыми окружали деревни. Младшие воины могли приступить к обустройству своих нехитрых лагерей не раньше, чем будут готовы все эти сооружения.

Хаэля и еще нескольких воинов отправили в лес, к низким холмам, протянувшимся на западе. Им полагалось надзирать за наемными рабочими и, самое главное, охранять их от лесных хищников. Люди из деревень оседлого народа знали свою работу, и воинам не приходилось их подгонять.

Путь к холмам занял половину дня, и Хаэль успел познакомиться с жителями близлежащих деревень. Они занимались большей частью земледелием, а также держали небольшие стада кагтов, квилов и



нусков. Это был низкорослый народ с темной кожей и длинными черными, каштановыми или рыжеватыми волосами, с глазами карего цвета; встречались среди них и голубоглазые. Люди эти, веселые и общительные, радовались тому, что несколько дней смогут отдохнуть от обычной нудной работы и, возможно, получат за свой труд отличных каггов — шасинны обычно расплачивались за работу скотом.

Товарищи Хаэля держались довольно отчужденно, но деревенские жители, называвшие себя каны, не обижались. Вообще-то, молодой воин подозревал, что, как ни странно, каны считают горделивое высокомерие шасиннских воинов просто смешным. Жители деревень были крепкими людьми, мускулистыми, с широкими запястьями, руки их огрубели от долгих лет вождения тяжелых плугов. И при всей их мощи они не имели ничего от гибкой подвижности шасиннов, их движения были сильными и уверенными, но совершенно лишенными какой бы то ни было грации.

Как обычно, Хаэль заинтересовался духами местного народа и колдовством. Обычаи каны не показались ему такими уж удивительными. У них были заклинания, чтобы подготовить землю к пахоте, и обряды, которые выполнялись после — от сева до сбора урожая.

Главными в их жизни было две вещи: плодородие земли и дождь. Хаэль спросил, поклоняются ли они каким-либо богам. Кана рассказали ему про главного духа, управляющего почти всеми силами природы. Он находится очень далеко, и они предпочитают обращаться с просьбами к более близким духам. Юноша подумал, что все это очень интересно, но не совсем понятно. Он по-



степенно приходил к выводу, что боги обитают только на материке.

Вечером первого дня, когда лесорубы уселись вокруг лагерного костра, Хаэль спросил у каны об их способах ведения войны. К этому разговору прислушивались и другие воины. Они твердо знали: воины шасиннов — лучшие в мире, и каждый из них стоит десяти других, но им, конечно, не повредит узнать, как сражаются менее искусные народы.

— У нас нет таких больших и прекрасных копий, как у вас, — сказал молодой мужчина с пышной копной черных волос, на щеках которого красовалось несколько глубоких параллельных шрамов. — Но мы неплохо управляемся с нашими. — Он продемонстрировал свое оружие с крепким трехфутовым древком и шестидюймовым бронзовым наконечником шириной с ладонь. — Мы не используем их для метания, а только бьем ими. Наши щиты высокие и узкие, из-за них удобно наносить удары. Мы встаем в один ряд близко друг к другу, чтобы из-за щитов можно было нанести удар копьем.

— Но с такими короткими копьями, — заметил один из шасиннских воинов, — вы беспомощны на расстоянии, превышающем длину вытянутой руки.

— Верно, — свирепо усмехнулся старик каны, — мы любим подходить к врагу поближе.

— Ваши наконечники не кажутся мне особенно опасными, — сказал Гота, пострадавший от тяжелой лапы длинношея. Воин все еще хромал из-за переломанного бедра.

— Взгляни, — длинноволосый протянул ему копье. — Этот наконечник шириной с ладонь и длиной в кисть руки. А намного ли толще тело человека?



Никто не сможет выжить, получив удар в живот этим копьем. Спроси асаса и диких изгоев.

— А вы пользуетесь дротиками или другим метательным орудием? — спросил Хээль.

— Мы бросаем в противника камни, — ответил человек, один глаз которого был затянут молочно-белым бельмом. — Кое-кто из нас умеет метать дротики и пользоваться пращей.

— А луки?

— Только немногим хватает времени, чтобы обучиться как следует владеть луком. Но среди нас есть несколько человек, чья задача — отгонять хищников от скота и охотиться на холмах за животными, чьи шкуры и перья мы используем для обрядов. — Человек с бельмом задумчиво почесался. — Иногда мы едим мясо дичи, хотя многие отказываются от него. По-моему, это глупо: конечно, нам запрещено есть мясо, но какая разница, если поблизости нет Беседующего с Духами?

Остальные кана рассмеялись, и один, совсем еще мальчик, спросил:

— А правда, что вы, шасинны, питаетесь молоком и кровью?

— Да, это так, — ответил Саунн. — Кровь мы высасываем, прокусывая шеи поверженных врагов, а молоко берем от их каггов — если, конечно, нам не хватает молока их кормящих женщин.

Мальчик изумленно открыл рот, но пожилой мужчина хлопнул его по плечу, засмеявшись над его наивностью.

— Это обычная сказка шасиннов, предназначенная для желтогорлого доверчивого молодняка, — сказал человек с бельмом. — Много лет назад, когда я был такой же, как ты, они рассказали ее и мне —



после этого я убегал подальше, едва завидев вдали шасинна.

Хаэль вернулся к прежней теме.

— Мы слышали, что недалеко отсюда обитает народ асаса. Они беспокоят вас набегами?

— Еще как,— сказал человек со шрамами,— почти каждый месяц. Обычно они охотятся за нашими каггами — кроме них, ничего особенно ценного у нас нет.

— Мы никогда не видели асаса,— заметил Саунни.— Когда наше племя останавливалось здесь в прошлый раз, мы были еще детьми. На кого они похожи?

— Они почти такие же высокие, как вы,— ответил седеющий канан.— Но кожа у них гораздо бледнее, и у большинства черные волосы. Они раскрашивают все свое тело и сражаются копьями, похожими на ваши. У многих есть длинные мечи, которыми можно рубить и колоть. Их щиты круглые, из невыделанных шкур нуска. Асаса снимают с поверженных врагов скальпы и носят их у пояса как украшение. Они сражаются с боевой песней.

— Если они осмелятся позариться на наших каггов, им придется петь траурную песню,— сказал Гота.

Следующие два дня Хаэль наблюдал за тем, как канан рубят лес, необыкновенно ловко управляясь с бронзовыми и каменными топорами. Он бродил среди деревьев, с интересом наблюдая за жизнью леса. Время от времени он видел Охотников, которые, прячась, следили за ним. Он крикнул одному из них:

— Мы не причиним вам вреда. Нам просто нужно нарубить леса.



— Убирайтесь отсюда! — выкрикнул тот в ответ. — Вы принесете нам несчастье! Вы тревожите лесных духов!

Хаэлю хотелось поговорить с этими людьми, но никто из них не подходил к нему близко — Охотники известны своей робостью. Юноше было очень интересно бродить по лесу. Не один раз ему удавалось увидеть, как древесный народец — крохотные, чем-то напоминающие людей создания, не обладающие даром речи, стремительно прыгают по веткам, цепляясь за них длинными пушистыми хвостами. Они морщили в яростных гримасах небольшие лица и громко вопили: люди вырубали деревья, на которых они живут. Остальных шасиннов это лишь забавляло, однако Хаэль чувствовал, что маленькие существа имеют большее право на лес, бывший их домом.

Он всегда выбирал себе ночное дежурство. После того как все укладывались спать возле костра, он сидел, облокотившись о ствол большого дерева, задумчиво смотрел на тусклый от свет углей и слушал лесные звуки. Здесь было даже спокойнее, чем в долине. Только иногда тишину нарушал шепот ветра. В эти мгновения, когда его ничто не отвлекало, Хаэлю казалось, что он может чувствовать лес.

Здесь все было не так, как на равнинах. Там в поле его зрения постоянно находились стада крупных животных, а более мелкие создания стремительно разбегались в стороны, подальше от их копыт. Все здешние лесные обитатели очень малы, и мир их какой-то вертикальный, каждый живет на своем уровне. Множество мелких существ копошится под густой листвой, чуть более крупные, хотя и крошечные по сравнению с равнинными, обитают на поверхности земли, объедая низко растущие листья



кустарников. В ветвях деревьев тоже роятся бесчисленные твари. Все они приспособлены к жизни только на своем уровне, а над ними днем реют птицы, а по ночам — летучие мыши. Между ветвей мелькают летающие ящерицы с небольшими кожистыми крыльями, которые редко встречаются в других местах. Их удивительной красоты шкурки сверкают в ярких солнечных лучах словно подброшенные в воздух украшения.

Среди всего этого многообразия жизни Хаэль ощущал и присутствие духов. В лесу была своя жизнь, недоступная пониманию большинства людей, хотя любой человек мог ощутить ее присутствие. Духи леса казались чуждыми пониманию Хаэля. Он знал, что Охотники находятся с ними в куда более тесной связи.

Ни он сам, ни его племя не были им желанны, но и не гневали их. Люди с их разрушениями представляли собой лишь мимолетную случайность, а духи и лес, который они населяют, равнозначны вечности. Они будут существовать и тогда, когда кости тех, кто нарушал когда-либо их покой, уже давным-давно истлеют.

После проведенной в созерцании ночи Хаэль узнал, почему Охотники, живущие в основном убийством, такие мирные и даже кроткие. Но путь созерцания ему не подходил. К счастью или к несчастью, он был рожден воином, и не желал в своей жизни ничего другого.

Когда они вернулись из леса, Хаэль понял, как мало ему было известно о новом месте их обитания. Теперь у него сложилось благоприятное мнение о народе кан. Конечно, никто не мог сравниться с таким прекрасным народом, каким он считал шасиннов. Но и каны обладали многими достоин-



ствами, среди которых была несомненная воинская доблесть. Когда Хаэль подошел к временному лагерю, разбитому воинами за деревней, Луо приветствовал его, потрясая копьем и чуть ли не пританцовывая от восторга.

— Смотрите, кто идет! — закричал он. — Это же наш Хаэль, великий воин и в недалеком будущем Беседующий с Духами! — Он подбежал к Хаэлю и сунул ему под нос свое копье. — Посмотри, что случилось с моим оружием?

Хаэль перехватил копье за древко, чтобы Луо не проткнул ему глаз, и внимательно оглядел длинный клинок. На его поверхности красовались безобразные бурые пятна.

— Что это, ржавчина? Надо быть внимательнее, Луо. Ты владеешь прекрасным оружием, а до тебя оно служило настоящему воину. Бронза не ржавеет, но сталь требует серьезной заботы.

— Пенду, Рэйба! — закричал Луо. — Идите скорей сюда и расскажите этому олуху, который прохладился, следя за каким-то двуногим скотом, чем занимались в его отсутствие настоящие мужчины! — Он повернулся к Хаэлю. — Что ты притащил из своей экспедиции, Хаэль? Дерево? А хочешь знать, что досталось нам?

— Ржавчина? — попытался угадать Хаэль.

— Кровь, вот что! Кровь врагов! — К ним подошли, довольно ухмыляясь, двое их товарищем.

— Теперь вижу, — сказал Хаэль. — На вас напал целый отряд асаса — вооруженные и с ног до головы раскрашенные воины. И вы, конечно, обратили его в бегство голыми руками. Мое восхищение безгранично, Луо! За это тебе даже можно прощить ржавчину на копье.

Луо, фыркнув, повернулся к товарищам.



— Нет, вы только посмотрите на него! Ничему не обученный и ни на что не способный неопытный воин пытается насмехаться над настоящими героями, участниками удачнейшего набега за каггами. Разве такое можно терпеть?

— Пошли с нами, Хаэль,— сказал ему Рэйба.— Мы достали у этих деревенщиков кана немногого гуля. Давай посидим и хорошенко выпьем, а мы обо всем тебе расскажем. Конечно, великой битвы, как пытается втолковать тебе этот олух, не было, однако произошла неплохая драка. И вполне возможно, она — предвестие грядущих великих событий.

Воины вошли в лагерь, и Хаэль услышал о волнующем событии, участником которого ему не довелось стать. Вечером того самого дня, когда он уехал, шасинны заметили небольшую группу дикарей-изгоев, подкрадывающихся к их стаду. На следующую ночь они попытались еще раз напасть на стадо, которое охраняли воины из Ночных Котов. Луо, Пенду и Рэйба стояли в ту ночь на страже. Даната с ними не было.

Напавшие были голодными отчаявшимися людьми, вооруженными грубыми копьями и, как видно, принадлежавшими к различным племенам. Луо разглядел идущего первым тощего жилистого мужчину с бритой головой, который попытался ударить копьем кагга. Когда Луо ринулся к нему с предостерегающим воплем, он повернулся и дико зарычал. Луо прикрылся от удара копья и теперь с гордостью показывал глубокую вмятину на щите. Он успел нанести дикарю серьезную рану в бок, потом подоспели его товарищи и обнаружили остальных незадачливых похитителей каггов. Произошла короткая стычка. Убитых, судя по всему, не было ни с одной стороны, но раненых оказалось немало —



на следующее утро на земле заметили много кровавых пятен. Мальчики, стоявшие на ночной страже, чувствовали теперь себя бывальми рубаками, что сильно забавляло старших воинов.

Хаэль никогда бы себе в этом не признался, но он отчаянно завидовал своим товарищам, принявшим участие в битве с дикарями. В то же время он прекрасно понимал, что это была далеко не последняя возможность отличиться. Или же погибнуть — как повезет. Мысли о смерти, которая все равно неизбежна, мало беспокоили шасиннов. Умрут в конце концов все. А вот способов расстаться с жизнью — огромное множество. И самый лучший из них — быстрая славная смерть на поле боя.

В течение нескольких следующих дней люди каны помогали шасиннам строить деревню, а младшие воины мастерили себе хижины на территории лагеря. Молодые деревца, которые использовались для каркаса хижин, в изобилии росли в болотистой низине неподалеку. Крыши, сшитые из полосок коры, они прихватили из старого лагеря. Когда хижины были готовы, с соответствующей короткой церемонией воздвигнули Шест Духов общины.

Повсюду были враждебные племена — охрана выставлялась и днем, и ночью. Большей частью несение стражи входило в обязанности младших воинов. Они рысью передвигались вдоль границ вверенных им участков, выискивая на горизонте силуэты возможных врагов, а на земле — оставленные ими следы. Однажды они обнаружили в мягкой почве отпечатки ног — узкие, как у шасиннов, но вмятины рядом с ними от воткнутых в землю копий явно отличались от их оружия. С тех пор молодые люди жили в постоянном напряжении, страстно желая принять участие в настоя-



щем бою. Старшие воины, многие из которых помнили прежние схватки с асаса, пребывали в куда более мрачном настроении, ни на миг не теряя бдительности. По ночам их часто можно было видеть стоящими у частокола — облокотившись на щиты, они вглядывались в темноту и шепотом переговаривались друг с другом.

Но столкновение произошло в тот момент, когда его никто не ожидал. Через три часа после заката Хаэль и его товарищи вернулись в лагерь. Их сменил следующий дозор. Сложив щиты в сарай, они отправились к разожженному в центре лагеря костру — поболтать с другими бодрствующими воинами и что-нибудь перекусить.

Дул сильный холодный ветер, гоня на северо-запад тяжелые толщи облаков. Зловеще сверкали молнии. Дождь еще не начался, грозовые тучи находились слишком далеко, и грома не было слышно. Но в прерывистых вспышках молний лица сидящих у костра воинов казались мертвенно-бледными. Поскольку столкновение с асаса многим воинам казалось неминуемым, они постоянно носили на теле боевую раскраску, чтобы выглядеть в момент битвы подобающим образом.

Рядом с Хаэлем, как всегда, были Луо, Пенду и Рэйба. Гасам стоял в дозоре, вместе с Данатом, Саунном и Гота. Старшим среди двух десятков воинов, находящихся в лагере, был Кампо. Из некоторых хижин доносился храп, но многие бодрствовали. Хаэль взял чашу, в которой было разбавленное кровью молоко, но не успел сделать и глотка. Послышались отдаленные крики, сопровождаемые отчаянным мычанием потревоженных кагтов.

В мгновение ока воины вскочили на ноги и бросились к сараю разбирать свои щиты, отчаянно вопя,



чтобы разбудить спящих. Они напряженно вглядывались в темноту, откуда доносились крики. Теперь можно было разобрать отдельные слова, вернее, одно слово: древний призыв шасиннов к битве. «Щиты! Щиты!» — кричали находящиеся в дозоре воины.

— Место сбора — у Шеста Духов, — пытаясь заглушить царящую неразбериху, выкрикнул Кампо.

Хаэль заткнул за пояс три метательные палки и схватил дротик. Его сердце бешено колотилось, он ощущал в теле необыкновенную легкость. Юноше казалось, что сейчас он может бежать со скоростью молнии и увидеть врага даже в темноте. Прошло чуть больше минуты, когда полностью вооруженные воины собрались у Шеста Духов.

— Они там! — крикнул кто-то, указывая в сторону, где паслось самое большое стадо и колебалось пламя зажженных факелов. Несколько молодых воинов рванулись с места.

— Стойте! — закричал Кампо. — Это, должно быть, обманный маневр! Только последние идиоты пойдут в ночной набег, освещая себе путь факелами! Они явно хотят ударить в другом месте. Все здесь? — Послышался нестройный хор голосов. — Тогда — вперед!

Кампо тронулся с места крупной рысью, остальные побежали за ним ровной колонной, с дистанцией в три шага. Кампо затянул военную песню, ее подхватили, сопровождая пение бряцанием щитов и оружия. Вспышки молний отражались в полированной бронзе и тусклой стали. Звуки песни, звон оружия и призрачный свет мгновенно превратили группу беззаботных юнцов во внушающий ужас боевой отряд.

Хаэль бежал вторым в колонне, следом за Кампо. Как и остальные, он напряженно вглядывался в



темноту, пытаясь понять, куда они бегут. Молнии, казалось, освещали все на мили вокруг, однако за тот короткий миг, что они сверкали, глаз успевал поймать только бесцветные волосы колышущейся травы. Потом снова наступала полная тьма.

Где-то впереди послышались возгласы и военные кличи. Дозор подвергся нападению сразу после того, как вышел из лагеря. Кампо пронзительно закричал, и все рванулись к тому месту, чтобы встретить врага, перестраиваясь на ходу в боевую линию.

На сотню шагов вперед Хаэль видел лишь щиты шасиннов, казавшиеся бледными в призрачном свете. Но где же те, кто нападал на них? Казалось, вокруг не было ничего, кроме ровной поверхности травы. Люди асаса вынырнули совсем рядом — раньше, чем кого-либо из них заметили. В тот же миг появилось ощущение, что нападавшие — повсюду.

Перед Хаэлем возник силуэт человека — еще более темный, чем окружавшая его тьма. Юноша понял, почему они не заметили врагов раньше — нападавшие были с ног до головы выкрашены черной краской. Круглый, покрытый шерстью щит выросшего перед ним врага тоже был черным, и лишь сверкающие на черном лице зубы убедили Хаэля, что перед ним не ночной дух в человеческом обличье.

Хаэль поднял щит, отражая удар копья, и ударил нападавшего дротиком со всей силой, на какую был способен. Однако его оружию не хватило ни моцци, ни остроты, чтобы пробить подставленный под удар щит противника. Отпрыгнув назад, для большей свободы маневра, юноша отбросил дротик и переложил копье из левой руки, в которой он также держал щит, в правую.



Вновь прикрываясь щитом от удара копья, он проклял себя за глупость: как он мог забыть, что и метательные палки, и дротики совершенно бесполезны в ночном бою? Здесь ничего не разглядеть даже на расстоянии вытянутой руки! Вокруг него слышались боевые кличи, кто-то выкрикивал имя товарища, кто-то уже стонал от боли, но почти все звуки перекрывала боевая песня асаса. Оружие с грохотом ударяло в щиты или издавало жуткий лязг, сталкиваясь с оружием противника.

Нападавший на него асаса попытался ударить под левый край его щита, но Хаэль отпрыгнул вправо и смог совершить обманное движение. Он завел левый край своего щита за щит врага и с силой дернул в сторону — так, что враг развернулся, представив ему незащищенный бок. Не медля ни секунды, юноша нанес удар копьем и почувствовал, как оно вонзается в тело противника. Тот застонал и рухнул на землю.

Несколько мгновений Хаэль стоял, словно охваченный столбняком, уставившись на тело своего врага, извивающееся в траве. Затем молодой воин подпрыгнул, оглашая воздух победным криком.

Немного прия в себя, он понял, что бой далеко не закончен и радоваться своей победе еще не время. Хаэль обернулся в поисках соперников. Недостатка в них не было.

Почти сразу же к нему подскочил, размахивая огромной дубинкой, еще один асаса. Хаэль обменялся с ним ударами, но тут их разделили отчаянно кричащие в схватке воины. Юноша отступил чуть в сторону, чтобы сообразить, как ему поступить дальше, и увидел рядом с собой стражу ночного дозора, которая сражалась с пытавшимися увести стадо налетчиками. Судя по всему, группа, в которой он



находился, наткнулась на отряд, прикрывающий противника.

Немного поодаль он увидел человека с длинными волосами, собранными в узел на затылке. Человек выкрикивал какие-то слова, заглушаемые звуками приближающегося грома. Хаэль бросился на него, и когда тот обернулся, заметил, что тело его противника разрисовано вертикальными черными полосами.

Оскалив рот в страшном рычании, он двинулся навстречу юноше, размахивая оружием,— Хаэль с удивлением понял, что это очень длинный меч. Он никогда раньше не встречал такого оружия. Когда противник замахнулся, Хаэль прикрылся щитом и нанес удар копьем, которое, пробив вражеский щит, застряло в нем. Асака, злобно ругаясь, пытался освободить щит, дергая его к себе, что заставляло противников топтаться на месте. Резким рывком Хаэлю удалось выдернуть наконечник копья, но противник атаковал его, их щиты с грохотом столкнулись. Юноша, не удержав равновесия, упал наизнечь. Пытаясь подняться на ноги, он прикрывался щитом от яростных ударов асака.

Когда в очередной раз вспыхнула молния, Хаэль увидел, что противник в азарте схватки забыл о собственной защите. При свете следующей вспышки он ударил снизу копьем, целясь в сердце асака. Удар достиг цели — асака застыл на мгновение и упал в траву.

Вскочив на ноги, Хаэль издал еще один победный клич, после чего прислушался к происходящему. Звуки боя стихали. Противник отступал, и поблизости уже не было сражающихся. Среди криков воинов и раскатов приближающейся грозы он услышал голос старейшины: «Воинам оставаться со



стадом! С убитыми разберемся при свете дня! Раненых — в деревню!

Только сейчас юный воин заметил, что его сотрясает крупная дрожь. Он вогнал в землю копье и приставил к нему щит, затем наклонился, чтобы снять трофеи с убитого им врага. Он взял меч — его пришлось выкручивать из плотно сжатых пальцев; ножны свисали на длинном ремне с плеча асаса. Ставив их вместе с поясом, Хаэль надел на себя все вражеское снаряжение, для полноты картины вложив в ножны меч. На мертвом противнике оказалось множество украшений, насколько он мог понять, серебряных, да еще длинный меч — это, возможно, был один из вождей асаса. Хаэль подумал, не поискать ли труп своего первого врага, но потом вспомнил, что ему следует вернуться к стаду; к тому же, в кромешной тьме среди высокой травы невозможно найти мертвое тело. Что ж, поискать его можно будет и утром.

Направляясь к стаду, Хаэль время от времени окликнул своих товарищих, но никто не отозвался. Не успел он подойти к животным, как хлынул проливной дождь, поэтому ему не удалось обменяться подробностями боя с другими воинами, охранявшими стадо. Остаток ночи он провел, расхаживая среди каггов, которых ничуть не беспокоили хлещущие с неба струи.

В голове юноши проносились события прошедшего боя. Он мог теперь считаться настоящим воином, на его счету — двое убитых врагов. Надо будет как можно скорее разыскать Тэйта Мала, чтобы обрести защиту от мстительных духов. Хотя они вряд ли смогут отомстить, поскольку враги не знали его имени. Однако о защите на всякий случай следует позаботиться.



В свете наступившего утра он осмотрел свое новое оружие и поразился его богатством. У меча были широкие стальные края, лишь в центре скрепленные полоской бронзы, по которой змеились причудливые узоры. Короткая гарда изгибалась к клинку, массивная рукоять, обмотанная багрового цвета шнурком, была сделана в форме головы какого-то неизвестного Хаэлю зверя. Ножны и пояс, сработанные из красной кожи, украшали те же узоры, что и меч, и еще — бронзовые и серебряные шишечки.

Украшения, как он и предполагал, оказались из тяжелого серебра, но среди них Хаэль нашел цепь из золотых колец и браслет со вставленными в него жадеитами, топазами и кораллами. Он знал, что и меч, и драгоценности были с материка.

Утром к ним подошли отряд воинов и несколько старейшин. Они подсчитывали потери — как свои, так и противников. С немальным облегчением Хаэль встретил Лую и Даната. Когда Данат заметил своего побратима, его глаза широко раскрылись.

— Похоже, эта ночь не была для тебя неудачной, брат! — с восхищением воскликнул он.

Все остальные также пришли в восторг от трофеев Хаэля, и он отвел их к тому месту, где лежал его поверженный противник. Вокруг уже рыскали пожиратели падали, которые пока не набрались смелости, чтобы подойти к телу. Старейшина удовлетворенно кивнул и сделал еще одну зарубку на счетной палочке.

— С этим будет восемь, — заметил он.

— Я покажу вам еще одного, — сказал Хаэль. Он огляделся вокруг, пытаясь сориентироваться. — Я думаю, он в той стороне — рядом с ним уже кто-то стоит.



Пока они шли к стоящей вдали фигуре, Хаэль спросил о потерях.

— Двое убитых, — ответил старейшина, — и еще трое или даже четверо вряд ли смогут выжить. Но мы, похоже, нанесли асаса куда больший урон. Вряд ли они в скором времени осмелятся к нам сунуться.

Внезапно Хаэля охватило мрачное предчувствие — прежде чем узнать Гасама, он увидел прилоненный к двум копьям черный щит. Гасам стоял и смотрел на приближавшихся соплеменников. В его обычно бесстрастных глазах горел огонь торжества.

— Это один из твоих, Гасам? — спросил старейшина. Хаэль открыл было рот, но Гасам его опередил:

— Да, я убил его. Я прибежал сюда, когда услышал, что отряд Кампо столкнулся с врагом. Мы как раз к этому времени разделались со своими противниками.

По телу Хаэля пробежала ледяная волна. Больше всего ему сейчас хотелось проткнуть Гасама копьем, но что-то удерживало как его руку, так и язык. Ведь Гасам стоит над мертвым телом, он уже успел забрать его оружие и украшения. Если Хаэль назовет его лжецом, кому из них поверят старейшины?

— С этим у тебя будет двое, — сказал старший воин. — Я видел, как ты проткнул копьем налетчика на южной стороне пастбища. Вряд ли кому-то из наших удалось сразить этой ночью двоих.

Хаэль отвернулся и зашагал к деревне — он понял, что еще немного, и он не сможет держать себя в руках. Через несколько минут к нему присоединились Данат и Луо.



— Что с тобой? — требовательно спросил Данат. — Что вообще произошло?

— Ничего, — мертвым голосом ответил юноша.

— Гасам что, присвоил твоего мертвца? — продолжил расспросы Луо. — Знаешь, меня бы это не удивило. Конечно, он захотел стать единственным воином, прикончившим двух противников.

— Я не желаю говорить об этом, — упрямо сказал Хаэль. — Я доволен и тем, что у меня уже есть. — Он любовно погладил висевший на боку великолепный меч. — Никто из наших братьев не убит?

— Нет, — ответил Данат, явно не удовлетворенный ответом Хаэля. — Погибли Бунду из Мохнатых Змей и один старший воин, я даже не знаю точно, кто. Рендил серьезно ранен и может не выкарабкаться.

Рендил принадлежал к общине Ночных Котов, но Хаэль знал его не очень хорошо.

В лагере царило буйное ликование. Воины, не занятые каггами, отбившимися от стада, напропалую хвастали своими подвигами. Шасинны никогда не проявляют чрезмерной печали, когда их соплеменник погибает на поле боя, в их траурных песнях звучит радость, а не скорбь. Рэйба получил тяжелую рану в бок, которую сейчас врачевали, обмазывая горячей смолой. Юноша кривился, от боли, но все же улыбнулся товарищам, а увидев новый меч Хаэля и остальную его добычу, пришел в восторг.

— Тебе здорово повезло, Хаэль! Подумать только, наткнуться на какого-то хилятика, да еще из богатеев! А тот, что наградил меня дыркой в боку, убрался прочь, но я могу побиться об заклад, что он не доберется живым до своей деревни — он шатался от раны куда более тяжелой, чем досталась мне.



Негодование Хаэля уже немного утихло, и он с удовольствием слушал истории, которые рассказывали воины. Все, кто участвовал в бою, но не мог предъявить захваченных трофеев, в один голос заявляли, что смертельно ранили одного или нескольких противников.

— Если бы все смертельные раны, полученные, по их словам, асаса, были нанесены на самом деле,— со смехом сказал Хаэль своим друзьям,— то в их деревне не осталось бы ни одного неискалеченного мужчины.

В ночном бою вместе с людьми, находившимися в дозоре, участвовали в основном младшие воины из Ночных Котов и Мохнатых Змей. Старшие воины подоспели к месту битвы уже к ее завершению. Воины, которым не пришлось принять в ней участие, были серьезно опечалены, громогласно обещая, что уж в следующий-то раз они заставят врага отведать их ударов.

Когда разбрехшийся скот был собран и сосчитан, оказалось, что потеряно не более двух десятков голов. Асаса дорого заплатили за свой набег. Минда созвал совет вождей, после которого для всего племени устроили богатое пиршество, чтобы отпраздновать победу над врагом.

Весь следующий день никто ничего не делал — были всеобщие танцы и еда до отвала, хотя воинов и предупредили, чтобы они особо не злоупотребляли гулем. Вдруг асаса решат отомстить за своих убитых? Хаэль, который убил такого серьезного врага, услышал много восторженных похвал, однако еще больше их получил Гасам, сразивший, по его словам, двоих противников. Теперь Хаэль смог ясно определить небольшую группку тех, кто подпевал Гасаму. С неосознанной тревогой он заметил, что,

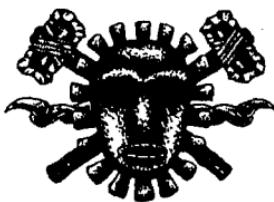


в подражание ему, некоторые из них выкрасили свои щиты в черный цвет. Но больше всего юношу удивляло, что Гасам вел себя с ним как ни в чем не бывало.

Странная мысль пришла в тот день Хаэлю. Может быть, Гасам действительно верил в то, что он убил двух асаса? Ведь он не показал себя трусом в этом бою — одного из своих противников он убил при свидетелях. Хоть многое и говорило о том, что Гасам потерял разум — было ли это так на самом деле?



Глава пятая



бустройство на новом месте проходило спокойно. В первые несколько месяцев шасинны показали, что они способны защитить свои пастбища. Асаса после первого неудачного набега их больше не беспокоили, но поблизости обижали и другие любители легкой наезды, например дикии в джунглях. После нескольких мелких набегов и краж, когда ими были



убиты исподтишка несколько шасиннов, совет вождей принял решение уничтожить постоянно грозящее опасностью осиное гнездо дикарей.

В этом походе участвовала половина воинов из каждой деревни. Другие остались охранять стада. Хаэль обрадовался, когда узнал, что включен в число тех, кто отправится на юг. Воины собрались в самой южной из деревень. Несколько сотен нетерпеливых молодых людей рвались в бой. Разрисованная поющая толпа два дня двигалась на юг. На третье утро воины остановились, достигнув края джунглей.

Их глазам открылось величественное зрелище. Высокие деревья стояли так близко друг к другу, что между стволами почти не пробивались лучи солнца. Доносящиеся из леса пронзительные крики и рычание неизвестных хищников внушили тревогу. Шасинны не привыкли к джунглям, но сейчас им ничего не оставалось, как войти под их своды. Хаэль не чувствовал в этом месте того единения с природой, которое возникло у него в лесу, растущем на склонах гор, где он провел несколько дней с отрядом дровосеков. Время здесь шло по-другому. Казалось, что жизнь протекает слишком быстро: все живое рождалось, плодилось и тут же умирало.

Джунгли тянулись, насколько хватало взгляда, но шасиннам не составило особого труда обнаружить следы каггов. По этим следам и направился отряд стрелков под началом опытного воина. Они довольно быстро наткнулись на дикарей. Завязался бой. Подтянувшись к месту схватки основные силы шасиннов выстроились полумесяцем и, соединяя фланги, загнали дикарей в ощетинившееся остриями копий кольцо. Прорваться сквозь него удалось немногим, остальные пали под ударами шасиннов.



В последующие три дня противника полностью разбили. Среди дикарей оказались представители почти всех народностей Острова, а также других островов и даже кое-кто с материка. Все эти изгои, судя по всему, вынуждены были покинуть свои племена, совершив проступки, карающиеся у них смертью. Большой добычи шасиннам на этот раз не досталось, да и цель похода состояла не в этом. Самое главное, что теперь они надолго были избавлены от набегов дикарей.

Пробираясь через джунгли, воины наткнулись на ужасного кота. Это огромное животное с густой белой гривой достигало длины двадцать футов от усов до кончика хвоста. Его желтую шкуру спереди украшали черные полосы, а сзади — коричневые пятна. Шасиннам повезло — никто из них не стал добычей его жутких когтей. Зверь, обнажив длинные клыки, издал жуткий пронзительный вопль и, повернувшись, удалился, оставив пораженных воинов дрожать от страха.

В лагере дикарей они обнаружили около ста женщин, которые утверждали, что находились в шену. Было решено забрать их с собой и тех, кто не сможет добраться до родных мест, оставить в деревнях шасиннов в качестве прислужниц.

Довольные, они двинулись обратно к своим деревням, гоня перед собой небольшое стадо отбитых каггов. Поход был весьма успешным, а потери — невелики, так как дикари оказались бессильны против умелых шасиннских воинов. Правда, джунгли — весьма нездоровое место, и некоторых одолели неизвестные недуги; ослабевших больных несли на носилках. К несчастью, полученные раны здесь быстро загнаивались. Но эти неприятности казались сравнительно мелкими, и в результате поход получился



удачный. Его участники, кроме всего прочего, имели теперь в запасе множество невероятных историй, которые они смогут рассказывать наочных посиделках у костра.

Успешный поход против дикарей еще более утвердил репутацию шасиннов — вряд ли в ближайшее время кто-нибудь осмелится на них напасть. В последний раз они останавливались в этих местах несколько десятков лет назад и еще тогда напомнили о своем воинском умении тем, кто имел неосторожность о нем забыть. Их соседей, для которых набеги как асаса, так и дикарей-изгоев были немалым бедствием, также вполне устраивал подобный поворот событий. Почти каждый день в деревни шасиннов являлись представители различных племен — выразить свое уважение и восхищение их воинским мастерством.

Шасиннам нравилось такое излияние чувств. Они любили, когда другие народы прославляли их отвагу, мужество и красоту. Если восхваления наполовину были разбавлены лестью, это приводило их в еще больший восторг. Когда обитающие поблизости племена испытывают к ним страх и благоговейный трепет, все идет так, как нужно.

Хаэль, казалось, мог быть вполне доволен сложившимися обстоятельствами. Он стал признанным воином, и вряд ли какой-либо юноша его возраста пользовался в племени большим уважением. Он убил одного из асаса, участвовавших в набеге на кагтов, и прекрасно показал себя во время похода в джунгли. Осталось проявить себя лишь в одном — сражении на кулаках против воина другого племени. Возможность участвовать в таком состязании выпадала не часто — могли пройти годы, но Хаэлю было просто необходимо провес-



ти несколько рукопашных боев до того, как он станет опытным старшим воином и передаст свое копье неоперившемуся юнцу.

На самом деле настроение Хаэля было далеко не радужным. Его по-прежнему беспокоило поведение Гасама. Тот с каждым днем становился все более высокомерным и властным, постоянно выказывая свое честолюбие и тщеславие, упорно пытаясь присвоить себе то, что было сделано другими. Он продолжал втиратся в доверие к влиятельным людям племени, а круг его сторонников все расширялся. Хаэлю казалось, что куда бы он ни бросил взгляд, всюду черные щиты.

В число приспешников Гасама почти не входили воины из его общины — Ночные Коты прекрасно знали этого человека, и их было трудно обмануть показным величием. Однако Хаэль стал замечать, что его братья уже не так часто насмехаются над притязаниями Гасама — кое-кто начинал испытывать перед ним страх. Назло Гасаму, напустившему на себя аскетичный вид, Хаэль демонстративно нацеплял на себя все побрякушки, снятые им с убитого вождя. Не расставался он и с длинным мечом, взятым у асаса, хотя еще не успел научиться как следует с ним обращаться.

Обучиться сражению на таких мечах оказалось довольно сложно, так как почти никто из шасиннов не владел этим искусством. Их обычным оружием были копье, короткий меч, дротик, метательная палка, иногда — топор. Длинными мечами в сражении они не пользовались. Когда-то очень давно это оружие завезли на Острова с материка. Считалось, что обладатель длинного меча, стоявшего баснословно дорого, выглядит как знатный человек, а Хаэль думал, что, кроме всего прочего, если уметь пользо-



ваться этим оружием, оно может обладать огромной смертоносной силой.

Поскольку достойного противника не нашлось, юноша пытался тренироваться с мечом на мишнях. Но ему почти не удавалось точно направить удар клинка, тогда как наконечник копья бил прямо в цель, словно сам знал, где она находится. Когда он упражнялся в режущих ударах, то не мог правильно рассчитать их силу — иногда меч почти застревал в мишени, а иногда едва ее задевал. Не поддающееся его воле оружие сбивало Хаэля с толку, но он снова и снова до седьмого пота тренировался в нанесении ударов — кроме всего прочего, это помогало ему хотя бы на время избавиться от тревожных мыслей. Многие из них были связаны с Лариссой.

Несмотря на совет Тэйта Мала, он так и не смог расстаться с мыслью о ней, особенно во время долгих ночных дежурств. Конечно, они были близки в детстве, но сейчас они уже не дети. С тех пор как поселился в военном лагере, Хаэль редко видел ее. Он подозревал, что совсем не знает ту девушку, которой стала Ларисса, а мечтает о женщине, созданной исключительно его воображением.

В краткие моменты их встреч она ни разу не забывала перевести разговор на Гасама. Юноша не слишком хорошо разбирался в женских уловках и не мог понять, на самом ли деле она сходит с ума по Гасаму или всего лишь пытается вызвать его, Хаэля, ревность. Как бы то ни было, последнего она добивалась с неизменным успехом. Хуже всего то, что Хаэлю не с кем было поделиться своими горестями. Братья безжалостно бы его высмеяли, а Тэйта Мал уже советовал ему забыть эту девушку. Мужская гордость не позволяла Хаэлю искать совета у



старших женщин, хотя это было бы разумнее всего. Так что ему приходилось страдать молча и в одиночку. Он, конечно, не догадывался, что мало кому из молодых людей удается избежать страданий, когда дело касается женщин.

Днем у него хватало дел, чтобы не думать лишь о печальном — нужно было заботиться о каггах, совершенствовать свое воинское мастерство, в конце концов, существовали еще пирушки и праздники. Несколько раз Хаэль участвовал в торговых поездках. После длинного перехода у шасиннов осталось больше телят, чем они рассчитывали. Этот излишек обменяли на товары или разные услуги у племен, населявших южную равнину. В двух днях пути на восток лежал порт Турва, в котором Хаэль был дважды, сопровождая стадо каггов. Место это мало изменилось. Хаэль справился о корабле, носившем имя «Пожиратель волн». Местные жители сказали, что судно регулярно появляется здесь во время навигации, но застать его так и не удалось. Скорее всего, «Пожиратель» зайдет в Турву в ближайшие несколько недель. Юноша не терял надежды еще раз встретиться с Малком. Ему хотелось бы продолжить беседы с этим чрезвычайно заинтересовавшим его человеком.

Обустройство на новом месте уже подходило к концу и впереди, казалось, была спокойная жизнь, но вдруг произошло совершенно невероятное событие.

Как-то вечером Хаэль возвращался с дневного дежурства, беседуя со своими братьями. Молодые люди уже не были такими смешливыми и беззаботными, как несколько месяцев назад. Они не только стали старше, но и гораздо серьезнее, приобретя бесценный опыт сражений. Когда они проходили



мимо Шеста Духов, Хаэль увидел стоявшую около него женщину, которая, похоже, их ждала. Махнув рукой, она окликнула Хаэля.

Неловко извинившись, он отошел от своих спутников, выслушав множество весьма непристойных советов. Ларисса, а это была она, ласково улыбнулась.

— Доброго тебе вечера, Хаэль! — сказала она. — Мы очень долго не виделись с тобой.

— Если бы это зависело только от меня, мы бы встречались куда чаще. — Хаэль недоумевал: Ларисса казалась взволнованной и как будто не уверенной, что совсем не походило на ее обычное поведение. Тщеславие юности заставило Хаэля предположить, что причиной ее волнения был он.

— Через десять дней будет Праздник Третьей Луны. Мне поручили собрать для церемонии травы. Некоторые из них растут только внизу у болота; неплохо, если бы меня кто-нибудь туда проводил. Ты не сможешь сходить со мной завтра утром? Вы, воины, очистили эти места от асаса и разбойников, но там еще рыщут дикие звери.

— Мы пойдем на болота вдвоем? — озадаченно спросил Хаэль. Обычно группу женщин сопровождали несколько воинов.

— Я уже собрала почти все нужные травы, кроме тех, что на болоте. Завтра я успею управиться за час. Конечно, особых причин торопиться у нас не будет...

Если бы Хаэль был постарше или же меньше сходил по ней с ума, он попытался бы найти более разумное объяснение ее поведению. Но сейчас он осознавал только одно: что Ларисса придумала предлог, чтобы провести некоторое время наедине



с ним. Она хотела отправиться с ним на болота, и они не будут особенно торопиться...

— Конечно,— сказал юноша; язык почему-то с трудом ворочался у него во рту.— Я с удовольствием провожу тебя. А Данат не откажется постоять за меня дневную смену.

Потом ему, разумеется, придется рассчитаться с приятелем за эту услугу, однако он готов был ко всему, лишь бы не упустить такую возможность.

— Прекрасно, увидимся на рассвете.— Ларисса повернулась и пошла к деревне. Хаэль был слишком смущен и взволнован, чтобы попросить ее задержаться.

Он сразу же направился к Данату, чтобы договориться с ним. Тот, конечно, излил море жалоб, но это и неудивительно — Данат любил жаловаться по любому поводу. Хаэль никому не сказал, куда именно он собрался, потому что сейчас ему не хотелось выслушивать все эти шуточки и намеки. Ночью юноше мешали заснуть роящиеся в его мозгу странные образы. Проснулся он с тяжелой головой, но полный нетерпения и готовый на любые подвиги.

Ларисса встретила его у Шеста Духов. На ее плечи было накинуто покрывало в красно-зеленую клетку, светлые пепельные волосы развевал утренний ветерок. В руке девушка держала плетеную корзину, где лежали мех с водой и небольшой бронзовый серп. Она улыбнулась и пожелала ему доброго утра — Хаэлю показалось, что голос ее звучит немного неестественно.

Когда они шли мимо пастбищ и воинских лагерей к болоту, дорога опускалась под уклон. Хаэль пытался вести разговор о каких-то незначительных вещах, но Ларисса казалась невеселой и отвечала короткими фразами — если отвечала вообще. Ха-



эль недоумевал, в чем дело, поскольку уже убедил себя в том, что девушка нашла возможность для небольшого развлечения. Однако Ларисса, похоже, была слишком занята собственными мыслями, и он вдруг с горечью почувствовал, что ей все равно, здесь он или нет.

Через два часа впереди показалось болото. Оно почему-то напомнило Хаэлю джунгли, в которых шасинны разыскивали следы дикарей, хотя растильность вокруг была низкая, а в самом болоте он не видел ничего от таинственного величия огромного леса. Когда они подошли поближе, то почувствовали запах гниющих растений и стоячей воды. Несмотря на это, болото очаровывало какой-то странной красотой.

В густой траве, сочетающей в себе множество оттенков зеленого цвета, красовались огромные головки ярких цветков. Голоса здешних птиц не были мелодичными, но их яркое оперение не могло не вызвать восхищения. Над болотом стояло неумолчное гуденье и стрекот многочисленных насекомых; время от времени раздавались пронзительные крики — скорее всего, очередное незадачливое создание делалось добычей своего более удачливого собрата.

— Я думаю, нам нужно пройти вон туда. — Ларисса показала рукой на дерево с крупными пурпурными цветами. — У этого дерева сломана ветка. Рядом с ним — прекрасная поляна, на которой растет голубика.

— Ты была здесь раньше? — спросил Хаэль.

— Нет, — ответила девушка, — мне описали это место. Пошли.

Она стала пробираться к поляне. Хаэль недоумевал, все ли у нее в порядке с головой. Утром она



казалась мрачной и угрюмой, потом явно была чем-то смущена, а теперь по напряжению ее выпрямленной спины и быстрым коротким шагам юноша ясно видел, что она боится. Но чего?

Когда они подошли к дереву со сломанной веткой, Хаэль заметил, что земля возле него взрыта и истоптана — как будто здесь, причем совсем недавно, резвилось множество каких-то крупных животных.

— Мне не нравится это место, Ларисса, — сказал он, покрепче сжимая в пальцах древко копья. — И мне совсем не нравятся эти следы. Может, мы поищем какую-нибудь другую поляну?

Ларисса покачала головой.

— Нет, нам нужно именно сюда. — Она медленно ступила в воду на краю болота. Взглянув вокруг, Хаэль пришел в еще большее недоумение. Конечно, он не особо разбирался в травах, но, как выглядит голубика, знал хорошо. Этой ягоды на поляне не было.

— Ларисса, я не вижу... — начал он, и тут его заставил умолкнуть раздавшийся из-за низкого кустарника громоподобный рев. Ветки раздвинулись, в стороны полетели листья, сучья, комья земли — можно было подумать, что происходит небольшое извержение вулкана. Из-за кустов протиснулось и нависло над ними страшное чудовище, чья туша была наполовину погружена в болотную трясину. Ларисса взвизгнула и отскочила назад.

— Длинношерстий! — закричал Хаэль. Разумнее всего было бы без оглядки бежать прочь, но он — бросился вперед, чтобы встать между огромной тварью и Лариссой.

Чудовище поставило на твердую почву огромную переднюю лапу, затем заскребло задними, пы-



таясь выбраться из трясины. Отчаянно визжа, Ларисса метнулась в сторону, но это не привлекло внимания длиношея. Он даже не смотрел в ее сторону — взгляд его маленьких глазок был прикован к Хаэлю. Юноша знал, что животные не могут испытывать человеческих чувств, но мог бы поклясться, что глаза этого создания глядят на него с дикой ненавистью.

Хаэль смотрел не моргая, как поднимается над водой огромное туловоище длиношея, с которого стекают потоки грязной воды. Он видел его кожу с глубокими морщинами, отмеченную множеством шрамов, гноящихся болячек и язв. У него не возникало сомнений, откуда взялись эти отметины — он сам нанес их несколько месяцев назад. Это было то самое животное, с которым они сражались во время Праздника Телят.

Длиношей навис над Хаэлем. Он смог уклониться от удара только потому, что одна из передних лап монстра была повреждена. Молодой воин и громадное чудовище будто раскачивались в ритме медленного танца. Хаэль метнул копье в шею животного, но оно не смогло пробить броню чудовищных мускулов толщиной несколько дюймов. Резкое движение головы монстра отбросило юношу назад, и он оступился, едва не выронив копье.

Хотя все силы Хаэля были напряжены в попытке спасти их с Лариссой жизни, он не мог не поразиться жуткому величию животного. Длиношей, несомненно, имел память, и, кроме того, казалось, что с этой тварью связано что-то непонятное, может быть сверхъестественное. Чудовище затаилось в болоте около деревни, пока заживали его раны, полученные в схватке. Когда же



шасинны отправились в дальний переход на юг, длинношерстий последовал за ними, ведомый злобной местью, скрываясь среди болот. И вдруг Хаэлю все стало ясно.

Он понял, почему Гасам пропадал последнее время на болотах, якобы общаясь с каким-то духом. На самом деле он искал оставленные длинношерстем следы, проверяя, идет ли животное за ними. Гасам хотел знать, где оно устроит свое логово, чтобы отомстить. Отомстить ему, Хаэлю, за Лариссу. А девушка предала его — предала ради Гасама.

Но времени для раздумий уже не оставалось. Зверь подобрался ближе, и Хаэль поймал удобный момент для удара копьем. Длинношерстий был куда менее проворен, чем в их первую встречу, — видимо, он все же не успел полностью оправиться от полученных ран.

К несчастью, юноша тоже не мог сражаться в полную силу — его сковывало ужасное напряжение, какое он не испытывал еще никогда в жизни. Хаэль знал, что исход этой схватки может решить одна секунда. Он отпрыгнул и отвел назад руку с зажатым в ней копьем.

Длинношерстий помедлил как бы в нерешительности, словно ожидая какого-то подвоха и пытаясь предугадать его дальнейшие действия. Так как Хаэль не двигался, зверь изогнулся шею, чтобы нанести последний смертельный удар. Его пасть широко раскрылась, и в этот момент Хаэль метнул копье. Древко оружия мелькнуло между рядами острых зубов, и острие, пронзив небо, попало в небольшой мозг животного.

Длинношерстий несколько секунд стоял неподвижно, сотрясаемый крупной дрожью. Затем глаза его закрылись, ноги подогнулись, и он рухнул наземь.



Громадное тело перекатилось набок, голова ударила о землю, переломив древко копья. Бока чудовища тяжело вздыхали, когти судорожно скребли по земле, словно тварь не желала расставаться с жизнью. Через некоторое время все затихло.

Хаэль не мог двинуть ни рукой, ни ногой. Ему почему-то казалось, что жуткий монстр сейчас поднимется и продолжит борьбу. С некоторым удивлением он заметил, что непроизвольно вытащил свой длинный меч, как будто это оружие могло принести какую-то пользу в схватке с громадным чудовищем. Но ведь он убил его... Юноша понадобилось некоторое время, чтобы свыкнуться с этой мыслью. Он огляделся вокруг, ища глазами Лариссу. Но ее нигде не было — несомненно, она решила, что их с Гасамом план удался и он, Хаэль, мертв.

Эти мрачные мысли не дали ему забыть о главном — как бы ни складывались дела, шасинский воин в первую очередь должен позаботиться о своем копье. Вытащить его из черепа длинношея оказалось нелегкой задачей, поскольку оружие застряло под неудобным углом. Пока Хаэль, помогая себе мечом, справился с этим делом, он взмок от пота. Потом он вытер клинок о сухую траву, надел на копье узкий чехол и перебросил его за спину. Юноша постоял еще немного, глядя на поверженное чудовище; он все еще не мог поверить, что сражение закончено, а он — жив.

— Серьезное дело, — услышал он у себя за спиной звучный глубокий голос. Хаэль медленно обернулся. Перед ним стоял Гасам. Его сопровождали десять воинов, большей частью его приспешники, с черными щитами. С ними также было около



полутора десятка женщин, пришедших на болото собирать травы для обрядов Праздника Третьей Луны.

— Где Ларисса? — спросил Хаэль.

— Ларисса? А что ей здесь делать?

— Конечно, нечего, она уже сделала все, что хотела.

— Ты говоришь ерунду, — сказал Гасам. — И ты убил длинношея — священное животное, защищенное табу! Тебе придется заплатить за это, Хаэль, иначе весь наш народ подвергнется проклятию злых духов.

Хаэль выхватил из ножен меч.

— Не раньше, чем я убью тебя, Гасам — и духи поблагодарят меня за этот поступок! Так что все придет в равновесие.

Юноша рванулся вверх по склону, однако смертельная усталость дала о себе знать: ударом меча он отбил черный щит, а мускулистые руки Гасама клемшами сжали его плечи. Для борьбы с ним у Хаэля уже не оставалось сил.

— Что вы стоите? Убейте этого преступника! — закричал Гасам.

— Это не твоя забота, — сказал кто-то из женщин — Хаэль увидел, что это была Бадира, старшая жена Минды. — Этим займутся духи.

— Да, — подтвердил один из воинов, — мы схватим мальчишку, но никто не должен причинить ему вред.

Хаэль огляделся вокруг — среди воинов не было ни одного из его братьев, но все они смотрели на него с благоговейным трепетом. Неудивительно, — подумал юноша, — ведь я убил длинношея — один, без чьей-либо помощи. Такого шасинны еще не видели! Только герои из древних легенд, обладающие



волшебным оружием, могли быть способны на такой подвиг...»

У Хаэля отобрали оружие и под конвоем нескольких воинов отправили обратно в деревню. План Гасама удался просто блестяще. Конечно, тот рассчитывал, что длинношерстий прикончит его соперника, но он ничего не терял и в противном случае. Хаэлю пришлось нарушить серьезное табу. Даже если бы он просто ранил животное и сумел уйти живым, все равно это было бы тяжелым проступком. А уж убийство...

По дороге в деревню ему не удалось сказать ни слова — едва он открыл рот, Гасам ударили его по лицу толстым концом копья, чуть не выбив зубы. Женщины сердито закричали на Гасама, но тот лишь высокомерно фыркнул в ответ. После этого Хаэль больше не пытался заговорить. Вперед послали быстроногого гонца, и когда они добрались до деревни, там уже собралось много людей. Хаэль увидел мрачные лица своих братьев по общине и Тэйта Мала, выглядевшего потрясенным и озабоченным. Лариссы он нигде не заметил. Единственным, кто радовался, был Гасам — все его попытки сохранить обычную бесстрастность оказались тщетными.

Обсуждение судьбы Хаэля продолжалось не долго — все было совершенно ясно. Минда громко спросил:

— Хаэль, младший воин из общины Ночного Кота, ты убил животное, находящееся под защищкой табу?

И Хаэль ответил:

— Да, я убил длинношерстяного.

Он не считал нужным объяснять, что защищал свою жизнь и жизнь Лариссы, не стал он упоминать и о коварном замысле Гасама. При нарушении столь



серьезного табу смягчающих обстоятельств быть не могло. Проступок считался слишком тяжелым, и духов не могли интересовать чувства, нарушившего табу человека.

— Это очень серьезное дело,— сказал Минда.— Беседующий с Духами, что говорит по этому поводу закон?

Тэйта Мал шагнул вперед. Горе и озабоченность прибавили ему десятка два лет, и сейчас он казался совсем дряхлым.

— Я не буду упоминать о человеческой злобе, которая привела Хаэля к этому проступку,— сказал он, бросив гневный взгляд на Гасама,— но факт тяжелого нарушения табу не вызывает сомнений. Хаэль убил животное, а делать этого было нельзя ни при каких обстоятельствах.— Старик глубоко вздохнул.— Он должен понести наказание. Хаэль будет изгнан из нашего племени и никогда больше не сможет жить среди шасиннов.

— Нет! — выкрикнул Гасам. Его хорошо поставленный низкий голос оратора сорвался в фальцет.— Хаэль заслужил смерть! Он специально выследил длиноносящую в его логове, чтобы уничтожить священное животное!

Тэйта Мал повернулся к юноше.

— С каких это пор младшие воины сделались толкователями ритуальных законов шасиннов? — спросил он с улыбкой, не предвещавшей ничего доброго.

— Замолчи, Гасам! — прикрикнул Минда. Старейшина повернулся к собравшимся людям.— Все будет так, как сказал Беседующий с Духами. Хаэль проведет эту ночь под стражей, а утром, с восходом Солнца, его отведут к границе пастбищ. Он навсегда уйдет с наших земель еще до того, как



Солнце пересечет зенит. Если после этого он попадется на пути кого-либо из шасиннов, тот может убить отступника и не понесет за это никакого наказания. Но пока нам не следует касаться ни его самого, ни его имущества.

Толпа начала расходиться. Многие бросали в сторону юноши взгляды, полные благоговейного ужаса. Ведь он совершил столь страшный и в то же время столь великий поступок, которому не было равных ни по героизму, ни по кощунству. Хаэля отвели к небольшой хижине, где он должен был провести время до рассвета. Сторожить его оставили двух воинов с черными щитами.

Хаэль вошел в низкий дверной проем и огляделся. Он увидел лишь голые стены и вспомнил, что старейшину, жившего в этой хижине, нашли мертвым — его укусила ядовитая змея. Никто не хотел жить в доме, где кто-то умер, поэтому хижина до сих пор пустовала, хотя была новой и прочной. Поскольку теперь он находился за пределами ритуальных законов, Хаэль решил, что вряд ли осквернит себя тем, что проведет здесь ночь. К тому же выбора у него все равно не было...

Нечеловечески тяжелая схватка с чудовищем и все последующие события настолько утомили Хаэля, что подобные мелочи его уже просто не беспокоили. Изгнание из племени было немногим лучше смертного приговора. Он сел на пол, безвольно уронив руки между коленей, — сейчас он ощущал себя скорее мертвым, чем живым.

Ночью, когда сквозь маленькое оконце в хижину проникли лучи лунного света, Хаэль увидел в нем лицо Лариссы.

— Ты пришла полюбоваться на дело рук своих? — спросил юноша.



— Ты всегда был дураком, Хаэль, им и остался. Удел дурака — страдать от своей глупости. Но я действительно не знала, что там появится длинношерстий. Гасам велел заманить тебя на болото и больше ничего мне не сказал.

— Ты исполняла приказания Гасама, — с горечью произнес Хаэль. — И какова же будет цена за твое предательство?

— Предательство? А чем я обязана тебе, что ты обвиняешь меня в предательстве? Ты просто глупый мальчишка, не лучше любого другого. Ты сколько угодно можешь мечтать обо мне, и вздыхать, и признаваться в любви, но когда какой-нибудь мерзкий старикашка пожелает сделать меня своей женой, ты будешь способен только на то, чтобы продолжать вздыхать! Конечно, ведь ты такой послушный младший воин!

Хаэль был вынужден признать справедливость ее слов.

— А ты полагаешь, Гасам смог бы поступить иначе?

— Да! Гасам не обычный воин. Он станет королем! И когда это произойдет, я буду его старшей женой, а не пятой женой какого-нибудь замшелого дурака, все достоинства которого заключаются в большом стаде каггов.

— Так вот что он тебе обещал! Гасам станет королем? Он, который способен лишь на то, чтобы воровать чужую славу? Который использует женщину, чтобы заманить своего соперника в смертельную ловушку?

К удивлению юноши, Ларисса засмеялась.

— Ты думаешь, я стала меньше ценить Гасама, когда поняла, что он умен более, чем храбр? Смешность может проявить любой дурак, и что из того?



— Длинношер мог убить и тебя,— сказал Хаэль.

— Нет! Гасам знал, что я умею быстро бегать, а длинношер ослаблен ранами. А еще он прекрасно знал, что такой дурак, как ты, обязательно встанет между длинношером и мной.

— Действительно, я вел себя как последний дурак. Но можешь быть уверена, вы дали мне хороший урок. Подобной ошибки я больше никогда не совершу. Ты еще тысячу раз пожалеешь, Ларисса, что длинношер не сожрал тебя на болоте. Поверь, это куда лучшая участь, чем стать женой Гасама — или же его игрушкой. Гасам излучает зло, и все, что находится рядом с ним, рано или поздно пострадает от этого зла.

— Неправда! — прошипела Ларисса.— Он будет великим — и я тоже! А вот ты будешь мертвецом, ну а в лучшем случае — несчастным изгоем, как те оборванные полуживотные, на которых вы совсем недавно охотились. Все, что не относится к шасинам,— ничтожно, а ты теперь не шасинн!

— Зачем тогда ты пришла и говоришь со мной? Почему тебе так хочется оправдаться? Может, чтобы убедить себя, что ты сделала правильный выбор, связав свою судьбу с Гасамом? Ведь ты немного сомневаешься в этом, не так ли, Ларисса? Или, может, тебя мучает совесть, что ты использовала мою любовь к тебе, чтобы привести меня к гибели?

Ларисса несколько мгновений молчала.

— Любовь такого дурака, как ты, ничего не стоит! — сказала она наконец, потом повернулась и ушла прочь.

Когда наступило утро, юношу вывели из хижины. К границам земель шасиннов его должны были сопровождать пять десятков воинов. Среди них не оказалось его братьев — несомненно, они сейчас



скрывались от чужих глаз в лагере. Затем он все же увидел одного Ночного Кота, что ничуть не удивило Хаэля — им был Гасам.

— Пошли, — сказал один из старших воинов.

Покидая деревню, они увидели, что у Шеста Духов, сгорбившись, сидит Тэйта Мал. Он печально помахал юноше рукой. С низкого холма, находившегося неподалеку, еще один человек взмахнул копьем, прощаясь с ним. Хаэль поднял руку — это был Данат, который пренебрег насмешками соглеменников и все-таки пришел проститься со своим навеки опозоренным чабас-фастаном. Затем они направились на восток.

Солнце еще и на две пяди не поднялось над горизонтом, когда деревня и пасущиеся вокруг нее стада исчезли из виду.

— Мы отошли достаточно далеко, — сказал старший воин. По его знаку Хаэлю вернули меч и переломленное на две части копье. Воин указал своим копьем на восток: — Иди!

Тогда Хаэль заговорил, обращаясь к Гасаму.

— Помни, — сказал он, — что когда-нибудь я вернусь и убью тебя, вероломный трус! Если бы мое копье не было сломано, я бы сделал это прямо сейчас.

— Вы слышите? — воскликнул Гасам. — Этот покрытый позором изгой имеет наглость угрожать мне! Убейте его!

Несколько воинов неохотно подняли копья. Хаэль повернулся к ним, и, встретив его свирепый взгляд, они дрогнули и опустили оружие. Он опять обратился к Гасаму:

— Ты можешь сделаться кем угодно — хоть королем, хоть несущим дикий вздор безумцем. Ты даже можешь получить власть над племенем и все-



ми его женщинами, если уж ты так этого хочешь. Но одно не достанется тебе никогда в жизни: пока ты шасинн, тебе будет известно, что это Хаэль в одиночку убил длинношея. А ты навсегда останешься коварным обманщиком, достигающим успеха только чужими поступками.— Юноша повернулся и зашагал прочь.

Странно ощущать себя вечным изгнаниником. У Хаэля не было ни пристанища, ни какого-либо ясного будущего. Всего сутки назад ему и в голову не приходило задаваться вопросом, как сложится его жизнь. Все казалось предопределенным на многие годы вперед: еще несколько лет он будет младшим воином, затем — старшим, а потом — если, конечно, сумеет дожить до этого — старейшиной. Когда-нибудь — еще очень нескоро — он должен будет жениться, потом появятся дети и, возможно, благосостояние в виде собственного стада кагтов...

Теперь все это растаяло как дым. Вместо четких картин будущего перед ним зияла пустота. Никто не мог теперь назначить его охранять кагтов, или носить воду, или дать ему, младшему воину, какое-либо поручение. Хаэль с изумлением осознал, что это новое положение было не таким уж неприятным.

Он понятия не имел, куда ему идти, а вот его ноги, похоже, это знали. Где-то около полудня Хаэль понял, что направляется к Турве, небольшой портовой деревне. Действительно, это лучшее из всего. Он не хотел больше встречаться с шасиннами, а для этого ему нужно было покинуть Остров. Сделать это несложно: кроме других островов архипелага существовал еще материк, хотя сейчас, наверное, еще слишком рано о нем думать.



Хаэль шел к Турве два дня. Проходя мимо деревень или минуя пастбища, он не раз ловил на себе взгляды, полные удивления и страха. Страха — потому что он был шасинном, и все окрестные жители побаивались теперь этого воинственного племени. А удивлялись потому, что он шел в одиночку — шасинны обычно так не поступали.

Юношу забавляло, что его принимали за шасинна — ведь он больше им не был. Более того — он даже перестал себя им ощущать. Конечно, Хаэль знал, что его внешний вид не изменился. Однако то, что делало человека шасинном, было не только в крови. Это касалось также ряда обычаев и верований, которые пронизывали каждую грань повседневной жизни. Хаэль больше не принадлежал к этому ряду, он стал человеком без рода и племени.

К вечеру первого дня путешественник проголосился. Он сбил метательной палкой прыгуна — животное, родственное ветвирогам. Половину мяса он отдал первому встретившемуся ему Земледельцу в обмен на то, что он приготовит эту тушку, а также даст ему тыкву с тлеющими внутри углами. Хаэль мог бы разделить трапезу с этим человеком, но ему хотелось побывать в одиночестве. Юноша расположился на отдых за хутором, где росло несколько деревьев, и принялся за поздний обед. Кончилось время, когда он питался молоком, смешанным с кровью каггов, и придется привыкать к другой пище, даже если она считается у шасиннов запретной. Табу для Хаэля теперь не существовало.

На следующее утро он доел мясо прыгуна и продолжил свой путь, а к полудню дошел до портевой деревни. Хаэль думал, что она находится значительно дальше — вероятно, раньше путь казался ему



длиннее, потому что он гнал кагтов. Жители деревни поглядывали на него с уже знакомым юношеским удивлением: младший воин шасиннов один и так далеко от их поселений. Хаэль спросил, не заходил ли к ним в гавань «Пожиратель волн». Ему ответили, что этот корабль ждут в ближайшее время, до перемены ветров в конце сезона.

Время сейчас мало значило для Хаэля, поскольку никакой определенной цели впереди у него не было. Однако ему могла понадобиться пища, а денег он не только не имел, но и вообще мало знал, что это такое. Тем не менее он догадался подойти к лавке менялы около пристани. Меняла был пожилым мужчиной, одетым в кильт из хорошего недомотканого полотна и короткую куртку. На голове он носил что-то вроде чалмы, а глаза этого человека смотрели сквозь пару маленьких круглых стеклышек, удерживаемых на носу каркасом из тонкой золотой проволоки.

Хаэль достал из мешка одно из своих украшений — тяжелый резной браслет из серебра, снятый им с убитого вождя асаса.

— Мне нужны деньги, — сказал он, вручая его меняле.

Старик взял браслет и, внимательно рассматривая, поднес его поближе к стеклышкам перед глазами, что оказалось необычным зрелищем для молодого человека. Хотя шасинны не пользовались изделиями из этого материала, Хаэль видел стекло и раньше: на материке — стеклянные бутылки, а в некоторых прибрежных деревнях в отверстиях крыш — пластины цветного стекла, вставленные для того, чтобы лучи солнца, попадающие в хижину, окрашивались в разные цвета. Однако чтобы через него рассматривали предметы!..



— Сколько ты хочешь получить за свой браслет? — спросил меняла.

— Не знаю, — ответил Хаэль. — Я никогда раньше не пользовался деньгами.

— Хм-м... Тебя было бы нетрудно обмануть, но разумные люди, которые дорожат своей жизнью, вряд ли решатся обмануть шасинна. Давай я тебе кое-что покажу. — Человек сел за стол, похожий на те, что Хаэль видел в таверне, и поставил на него любопытное приспособление, состоящее из стойки с перекладиной, к которой были подвешены на тонких цепочках два маленьких подноса. Он положил браслет на один из подносов, и тот опустился вниз, а поперечина стала вращаться. На другой поднос меняла стал класть небольшие грузики — одинаковой формы, но разного размера. Когда он положил последний, самый крохотный, подносы замерли на одном уровне.

— Грузы уравновешены, — объяснил меняла. — Эти грузы разных размеров точно говорят мне, сколько весит предмет на другом подносе. В нашем случае вес равен шести унциям.

— Это не так уж сложно понять, — заметил Хаэль.

— Да, несложно. Теперь смотри. — Стариk достал лист бумаги, исписанный мелкими значками. — Это таблица цен на металлы. В одной колонке, — он показал на нее тонким, как у паука, пальцем, — указывается вес, и мне нужно найти цифру «шесть». — Его палец остановился, затем медленно двинулся поперек таблицы. — А каждая из других колонок определяет стоимость этого веса в различных металлах — золоте, серебре и меди. Из этих трех металлов делаются деньги.

— А сталь? — поинтересовался Хаэль.

— Сталь слишком ценна, из нее изготавливают оружие и инструменты. Это же относится к олову,



которое входит в состав бронзы. Поэтому для монет используют другие металлы.

— Так деньги — это вес металла?

— Ты быстро соображаешь, — удовлетворенно заметил старик, — но все не так просто. Вот, посмотри, это монеты, которые, в основном, используются в торговле. — Он открыл маленький сундучок и достал три монеты. Одна из них выглядела как тонкий квадрат желтого цвета, две другие — довольно плотные диски. Края монет были обработаны частыми тонкими насечками. — Эта, — меняла указал на самую маленькую монету желтого цвета, — аурик. Она сделана из золота и равна стоимости двадцати вот таких, — он коснулся пальцем серебряной монеты, — мы называем их аргентинами. Каждый аргентин равен пятидесяти куприкам. — Меняла дотронулся до самой большой монеты из темного металла — темнее, чем бронзовый наконечник копья Хаэля. — Эти слова древнего происхождения, они означают, что монеты сделаны из золота, серебра или меди. Монеты чеканятся в Наве, правительство гарантирует чистоту металла и точный вес каждой из них. Теперь о твоем браслете: я могу дать за него пять аргентинов и двадцать куприков. Это немного меньше, чем настоящая цена в серебре. Разница — моя прибыль за услуги.

Хаэль пожал плечами.

— Вполне справедливо. Думаю, что скоро я привыкну к таким расчетам, хотя это совсем не так, как с каггами. Кагти — живые звери.

— Охранять монеты гораздо легче, чем каггов. И металлы, кроме того, не подвержен заболеваниям.

— Зато кагти приносят телят, — не сдавался Хаэль.

— Количество денег тоже может увеличиваться, если знать, как вести дело.



— Это связано с магией?

— Нет, но коротко объяснить это невозможно. Думаю, ты на самом деле быстро научишься обращаться с деньгами. Первое время проявляй осторожность, чтобы никто не запросил с тебя слишком большую цену. Рано или поздно ты поймешь истинную стоимость вещей.

— Благодарю тебя за совет. Не покажусь ли я невежливым, если спрошу, что это за штуки у тебя перед глазами?

— Ты говоришь о моих очках? — Старик снял с носа поразившее Хэзеля приспособление и взглянул на него — тот заметил, что глаза менялы сразу потускнели. — Они сделаны на юге материка, в Зоне. Мое зрение сейчас далеко не такое острое, каким было в молодые годы. Эти линзы служат для того, чтобы исправлять изъяны зрения.

— Волшебство? — спросил Хэзель, осторожно беря очки из рук старика и внимательно их разглядывая.

— Вовсе нет. Стеклу, ограненному особым способом, свойственно искажать предметы. Если твое зрение испорчено, то подходящие линзы так изменит форму предметов, что поврежденный глаз увидит их такими, какие они есть на самом деле. Это не магия, а весьма обычная на материке вещь.

Хэзель взглянул сквозь линзы, но от того, что он через них увидел, у него закружилась голова.

— Я почти ничего не вижу! — воскликнул он.

— Совершенно естественно, твое-то зрение в полном порядке.

Хэзель отправился в мастерскую плотника, поблагодарив менялу, хоть и не был твердо убежден в том, что получил истинную цену за свой браслет, но это его пока не особенно заботило. Там, отдав три



куприка, он получил рукоятку из огненного дерева для своего копья. Взяв в руки исправное копье, он почувствовал себя так, словно заново родился. Остаток дня он провел, шатаясь без цели по улицам маленького порта. На одной из них оказалась небольшая грязная таверна, похожая на ту, где он разговаривал когда-то с Малком.

Хаэль очень скоро пришел к выводу, что денег, полученных за браслет, хватит надолго, если он будет покупать на них только пищу. Он не видел смысла платить за ночлег, поскольку без особого труда мог построить где-нибудь за деревней хижину, в каких жили молодые воины его племени. Не связанный более ограничениями табу, юноша решил ознакомиться со всем разнообразием местной пищи. Он даже попробовал рыбу. Надо сказать, она ему не понравилась. Преодолеть отвращение к этому продукту оказалось непросто, хоть теперь он и не был запрещенным. В рыбе хоть узнавалось животное, с глазами и ртом, а плавники при некоторой доле воображения могли сойти за конечности. Но вот моллюски! Хаэль не мог представить себе что-либо более отвратительное. После своих экспериментов он несколько дней страдал коликами и другими расстройствами желудка, пока не привык к столь резкой смене пищи.

Однажды утром он увидел, как человек, принесший только что убитого прыгуна, получил за него от хозяина таверны деньги. Хаэль заинтересовался условиями такого соглашения. Он узнал, что в этой таверне — так же, как и в двух других, имеющихся в деревне, — покупают свежую дичь, спрос на которую повышается, когда в гавань заходят корабли. Хаэль спросил у хозяина, не нужны ли ему более крупные животные, на что тот ответил, что щедро



заплатит за любое мясо, которое он принесет. Предложение Хаэля его несколько удивило, поскольку хозяину таверны было известно, что шасинны не охотятся на дичь.

Он нашел в доках двух бездельников, которые жили тем, что время от времени помогали разгружать корабли, и предложил им участвовать в деле. На следующее утро трое мужчин отправились на холмы, раскинувшиеся за деревней, где в изобилии водилась дичь. Осторожно ступая, пригнувшись, Хаэль заметил в траве ветвирога подходящих размеров и незаметно подкрался к нему. Эти животные, если их вспугнуть, резко бросаются в сторону, чтобы нападающему на них хищнику пришлось развернуться, потеряв время. Угадав по движению рогов, в какую сторону собирается прыгнуть животное, Хаэль метнул копье, и оно вонзилось точно под лопатку ветвирога.

Пока два его помощника обвязывали убитое животное веревками, чтобы легче было нести, Хаэль бормотал под нос заклинание, успокаивающее дух зверя. У него не было уверенности, что теперь это подействует — ведь он больше не шасинн. Шагая вслед за носильщиками с перекинутым через плечо копьем, юноша почувствовал, что сможет жить в новых условиях. Он решил, что не даст восторжествовать замыслам Гасама. Он выживет, повидает мир и, когда наступит подходящее время, вернется, чтобы уничтожить Гасама. Хаэль находил этот нехитрый план более чем приятным.

Хозяин таверны очень обрадовался прекрасному большому ветвирогу и сказал Хаэлю, что будет постоянно покупать у него мясо. Юноша расплатился с носильщиками, дав им даже больше услов-



ленного, и сказал, что в следующий раз они идут на охоту завтра утром. На рассвете он обнаружил, что его помощники успели пропить свой заработок в таверне, а те пришли к выводу, что он не испытывает к их похмельным мукам ни малейшего сочувствия. Пинками и ударами копья Хаэль заставил их подняться и погнал к холмам, не обращая внимания на жалобы. Всю первую половину дня они страдали от жуткой головной боли.

Вскоре после полудня они отправились обратно в деревню — носильщики тащили привязанного к палке жирного туна, весьма довольные тем, что им предстоит еще один кутеж. Но здесь их ждало страшное разочарование — Хаэль сообщил, что не будет платить каждый раз, но только когда впереди свободный от работы день. Это им совсем не понравилось, но убедить своего начальника изменить решение они не смогли.

Так Хаэль утвердился в роли охотника, и очень скоро местные жители привыкли к странному однокому шасинну. В гавань приходили и уходили корабли, но юноша мало интересовался ими. Он ждал «Пожирателя волн» и принял решение дождаться его, сколько бы времени на это ни потребовалось. К самому концу мореходного сезона, когда ему уже казалось, что придется провести здесь еще несколько месяцев, Хаэль спускался с холмов вместе с носильщиками, которые тащили на плечах увесистого трехрога. Взгляд юноши упал на приставший к пирсу корабль. Его борта были раскрашены в желтые и черные полосы.

Когда он подошел к кораблю, то увидел знакомое лицо Малка.

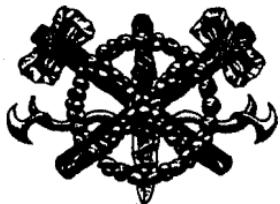
— Это ты, шасинн? — услышал он его голос. — Я слышал, что твое племя спустилось в эти края.



— Я пришел сюда потому, что надеялся встретить тебя,— сказал Хаэль.— В прошлый раз нам не хватило времени, чтобы поговорить о многих важных вещах. Мне бы хотелось продолжить нашу беседу.

— Мы сможем увидеться этим вечером в таверне. Но завтра с утренним приливом мой корабль должен отплыть. Я не очень удачно провел этот сезон и не знаю даже, успею ли добраться до материка, пока не начнутся шторма.

— У нас будет много времени для разговоров,— заверил его юноша.





Глава шестая



1

а море Хаэль всему удивлялся, тем более что до этого не имел никаких представлений о своем будущем. Шасинны почти ничего не знали о море, и сначала на юношу производили большое впечатление даже лодки Рыбаков. Жизнь Рыбаков — как, впрочем, Земледельцев и Охотников — сильно отличалась от той, что принесла у шасиннов. И до тех пор, пока



он не попал на борт «Пожирателя волн», Хаэль не мог представить жизнь более непохожую на ту, которую он знал до сих пор.

Это не шло ни в какое сравнение с неспешным, относительно беззаботным существованием пастуха. Каждый день моряки выполняли сотни обязанностей и преодолевали сотни опасностей. Дисциплина, установленная на корабле, поразила Хаэля. Но больше всего юношу удивили перемены, произошедшие с его другом Малком.

Как только «Пожиратель волн» снялся с якоря, беспечный, разговорчивый человек превратился в безжалостного жестокого тирана, который требовал и непременно добивался безоговорочного подчинения. Хаэля это даже слегка раздражало, но он быстро понял — как из разговоров со своими новыми товарищами, так и по собственным наблюдениям, — что только это и позволяло Малку успешно вести судно. Когда из виду исчезла земля, Хаэль убедился, что корабль — весьма непрочный оплот жизни среди враждебной морской стихии. Жизнь каждого моряка зависела от действий всей команды, и все они — от знаний и мастерства их капитана.

После нескольких часов плавания от бортовой качки Хаэлю сделалось худо, к тому же он обнаружил, что его страдания являются поводом для веселья у остальных моряков. Позже товарищи объяснили ему, что такое случается почти со всеми, кто впервые выходит в море, поэтому у моряков существует традиция поиздеваться над никуды негодными сухопутными крысами. Крепкий организм юноши быстро справился с недомоганием, но даже и на третий день он был не в состоянии выполнять порученные ему обязанности.



Сперва, поскольку Хаэль не имел каких-либо специальных навыков, его использовали только на тех работах, где требовалась сила. Он тянул канаты брашиля, управлялся с перекладинами мачт, помогал кормчemu поворачивать большой штурвал. Он скреб, тащил, толкал — в общем, делал все, что ему поручали. И еще он учился. На корабле моряк почти все время занят, но случается и такое, что можно ничего не делать — например, когда судно идет с попутным ветром и все, кроме рулевого и капитана, которым не избавиться от своих забот, отдыхают.

В такое время Хаэль выпытывал у моряков секреты их ремесла — как ставить парус, что должен делать морской плотник, как управлять кораблем и вообще узнавал обо всех мореходных премудростях. Он часами сидел рядом с лоцманом, обучаясь искусству промера глубины лотом. А чаще всего он беседовал с Малком, который никогда не отказывался от этого, если не был занят каким-нибудь совершенно неотложным делом. Но тон его не становился менее резким и категоричным, когда он давал Хаэлю какие-либо указания.

Среди всего прочего Малк показал ему компас — тонкий диск из белого материала, похожего на кость бивня туна, плавающий в емкости, наполненной спиртом, и заключенный в бронзовый со- суд, откуда он был виден через стеклянное окошко. В костяной диск была вставлена железная иголка, устроенная таким образом, что, как бы ни поворачивали прибор, она всегда указывала на север. Малк объяснил Хаэлю свойства магнетизма и показал, как при помощи значков, вырезанных по окружности диска, направлять корабль, а также определять его местонахождение.



Они вместе наблюдали за звездным небом. Малк показал и звезду, которая не меняла своего положения и всегда была на севере. Хаэль знал эту звезду с детства, так же, как и другие, движущиеся по неправильным, но поддающимся вычислению орбитам. Знал он и о тех небесных телах, которые ша-синны называли «маленькими лунами» — их движение казалось независимым от всех звезд, но всходили и закатывались они в одно и то же время, хотя выглядели, как и звезды, всего лишь небольшими светящимися точками.

Малк говорил с тем энтузиазмом, который появлялся обычно в его голосе, когда речь шла о древних легендах различных народов.

— Сейчас многие считают их детьми Луны, потому что путь их движения схож с лунным. А иногда утверждают, что это — творения человеческих рук. Легенды гласят, что они — маленькие миры или же отдельные сосуды. Они будто бы созданы с помощью той же магии, что сотворила огненные копья, которыми была ранена Луна. А вот как это произошло, в легендах не объясняется.

Рассматривал Хаэль и карты — причудливые рисунки на кусках тонкого пергамента, сделанного из шкур барашков. Этот пергамент был большой редкостью и дорого стоил — он не портился ни от воды, ни от соли. Когда Малк показывал контуры островов и материка, Хаэль постепенно понимал, как причудливые линии складываются в очертания земли и морских просторов. Так проходило его первое знакомство с законами графики. Оставались еще тайны письма, в которые он твердо решил впоследствии проникнуть.

Учился он и многому другому. Среди команды «Пожирателя волн» оказался человек по имени Кри-



стофо, который служил в свое время наемником в армиях нескольких стран. Он искусно владел длинным мечом и был обладателем оружия, похожего на то, которое Хаэль добыл у убитого им вождя асаса. Кристофо осмотрел меч Хаэля и сообщил, что это — оружие высочайшего класса. Когда у него выдавалась свободная минута, Кристофо давал юноше уроки владения мечом. Длинный клинок мог стать поистине непобедимым, если хорошо разбираться во всех его секретах.

— Не делай мечом выпадов, как ты привык делать копьем,— объяснял Кристофо. Они с Хаэлем стояли около мачты, а остальные матросы сидели вокруг, прислонясь спинами к панцирю и с интересом наблюдая за происходящим.— Бить надо короткими ударами сверху — причем не вкладывать в них большой силы. Тот, кто стоит рядом с твоим противником, может подвернуться тебе под руку и помешать направить удар. Об этом надо помнить в бою со сплоченной армией, где солдат всегда обязан следить за действиями своих товарищей. Вот, смотри, ты наносишь удар и быстро прячешь руку за щит, понял?

Хаэль быстро усваивал уроки. Кристофо рассказал ему о рубящих ударах, которые и делали меч смертоносным оружием. Копье шасиннов и короткий меч предназначены для того, чтобы колоть, топор — чтобы рубить, но удобнее всего наносить рубящие удары длинным мечом. Это было новостью для Хаэля — как и большинство людей, он не подозревал, что удары, нанесенные мечом и топором, подчиняются совершенно разным законам. На чучеле, набитом соломой, Кристофо показал ему, в чем состоит эта разница. Преимущество меча оказалось в его легкости, быстроте и в том, что лезвие можно



было вонзить в заранее выбранную точку, нанося страшную рану.

Кристоф сотни, если не тысячи раз заставлял юношу повторять удары и приемы. На время тренировок он давал Хаэлю маленький круглый щит, которым обычно пользовались матросы, совсем непохожий на высокие овальные щиты шасиннов.

За время путешествия к материку «Пожиратель волн» останавливался у нескольких островов, оставляя на них часть своего товара и загружая на борт новый. Острова находились не так далеко друг от друга — обычно не успевал один из них исчезнуть из виду, как на горизонте появлялся новый. Несмотря на это, Хаэля поразили расстояния, которые мог покрывать их корабль. Удивительным казалось и утверждение Малка, что этот островной архипелаг — всего лишь небольшая часть окружающего их мира, размеры которого Хаэль не мог даже вообразить. Остальные моряки в один голос утверждали, что так оно и есть.

На всех островах Хаэль видел в основном людей из знакомых ему народностей. Иногда он встречал и шасиннов. Они почти ничем не отличались от людей его племени, разве что говорили с непонятным акцентом. Почему-то он не имел большой охоты общаться с ними, хотя никто из них и не знал о его положении изгоя.

В море им встречались другие суда. Некоторые из них сильно отличались от «Пожирателя волн». Корабли, сделанные на юге, были гораздо больше. Однажды ранним вечером на горизонте показалось военное судно. Малк вынул из водонепроницаемого ящика длинную деревянную трубку, с обоих концов оправленную бронзой, и приставил ее к глазу.



— Посмотрим, кому он принадлежит... — протянул он и вскоре в недоумении опустил трубку. — Это корабль из Чивы. Странно, он забрался слишком далеко на север для этого времени года.

— Мне бы тоже хотелось посмотреть, — попросил Хаэль.

Малк протянул ему свой прибор, и юноша увидел, что он состоит из двух полых трубок, одна из которых скользила внутри другой. В оба конца были вставлены стеклянные линзы, похожие на те, что в очках у меняялы. Капитан объяснил ему, как наводить фокус, и Хаэль увидел — изображение показалось слегка необычным — чиванское судно.

— Во время сражения этот корабль маневрирует на веслах, — сказал Малк. — На палубе у них стоят метательные машины. Надеюсь, что он идет с дипломатической миссией. Какие-то дела между Чивой и Орекой. Может, сопровождает посольство или какую-нибудь королевскую особу.

Хаэль впервые услышал слово «дипломатия», и Малк рассказал, что короли разных стран обмениваются людьми, которые представляют их правительства при иностранных дворах. Он коснулся и той роли, которую играет в дипломатии устрашение — по этой причине послов часто сопровождает мощный военный корабль.

— Существует одна древняя поговорка о дипломатии — я встречал ее у очень многих народов, — сказал Малк. — Она гласит, что, договариваясь с другими странами, следует вести доброжелательные речи, однако непременно держать на виду оружие.

Молодой воин поинтересовался, только ли на море соперничают разные народы, и узнал, что у правителей есть еще мощные сухопутные войска.



Когда Малк говорил о численности армий, не в тысячи, а в десятки или даже сотни тысяч воинов, Хаэлю было сложно представить столько людей.

— Над одним из наших северных пастбищ, — сказал Хаэль, — возвышался горный пик, куда мы, мальчишки, взбирались, чтобы окинуть взглядом всю равнину. С этой высоты мы могли видеть местность на много-много дней пути, а еще оттуда мы видели много тысяч голов каггов и еще больше — диких животных. Наверное, я могу сказать, что видел тогда сто тысяч живых существ. Но такое количество людей я представить не могу. И мне не понять, как все они могут найти себе пропитание, не опустившись мгновенно запасы деревни, и как ими всеми можно управлять.

Стемнело. Корабль, подгоняемый попутным ветерком, легко скользил по волнам, и ничего, кроме вспышек отдаленных молний, не нарушало безмятежную тишину ночи.

— Армия в походе — незабываемое зрелище, — сказал Малк. — Что же касается пропитания, то если его не хватает — армия опустошает окрестные деревни. Это неизбежно при передвижении войск. Потому-то короли и собирают большие войска только тогда, когда предстоит серьезная война, а после ее окончания стараются поскорее их расформировать. В управлении же войском используется так называемая цепочка власти. Король, а иногда его главнокомандующий — это верховная власть, им подчиняются генералы, под началом каждого из которых целая армия или большая ее часть. У генералов есть свои подчиненные, они командуют тысячами или сотнями воинов — и так далее до командиров отрядов, в распоряжении которых по восемь-девять человек. Приказы передаются по этой цепочке и



очень быстро доходят до тех, кому они предназначены.

Хаэля изумил и восхитил подобный порядок. Он вопросительно взглянул на Кристофо.

— В общем, так все и происходит,— кивнул старый солдат.— На маневрах, в походе или при осаде крепостей. Но вот когда идет битва, для подобных тонкостей времени обычно не хватает. Тогда приказы передаются особыми сигналами труб, барабанов или, скажем, цимбал. А искусство военачальника на поле боя заключается в том, чтобы передвигать свои войска в нужном направлении. Каждому человеку в такое время дать разъяснения, конечно же, невозможно.

— И в этих сражениях завоевываются королевства? — затаив дыхание, спросил Хаэль.

— Иногда,— ответил Малк.— Я думаю, что большинство королей затевают войну для того, чтобы покорить своего врага, но чаще всего бывают счастливы, если в конце концов им удается отстоять собственные владения. Кроме этого, сражаются и за некоторые преимущества, например, контроль над какой-нибудь территорией или торговым путем. Результатами войн очень часто бывают голод и эпидемии.

— А они используют друг против друга магические силы?

Малк задумался.

— Некоторые утверждают, что это так,— наконец сказал он.— Мало кто из королей отправляется на войну, не устроив перед этим соответствующей торжественной церемонии, чтобы заручиться покровительством своих богов или бога — в общем, того, кому они поклоняются. Если этому правительству сопутствует успех, он может заявить потом, что



победил с их помощью. Но, потерпев поражение, редко винят в этом богов. Предпочитают утверждать, что бог отказал в победе из-за совершенных кем-то грехов или же из-за того, что не была принесена необходимая жертва. Чаще всего находится виновный в этом, он и несет неизбежное наказание.

— А разве короли не просят своих чародеев нанести какой-либо вред врагу — проклятие или злой заговор?

— Я был свидетелем того, что могло случиться из-за колдовства, — сказал Кристоффо. — Однажды, когда я служил в армии Навы, мы отправились в поход в Зону. Это очень странное место. В Зоне водятся животные, которых не встретишь ни в каком ином месте, и люди там тоже необычные. Они живут в небольших деревнях среди пустыни и не общаются друг с другом. Многие из них утверждают, что обладают магической силой. Однажды я сам в этом убедился.

— И что же там произошло? — спросил Малк.

— Мы шли вниз по реке с названием Коль. Около южного края большого озера мы наткнулись на развалины города, о котором говорят, что в стародавние времена его построило племя великанов. Армия Зоны встретила нас там, уже построенная в боевую линию. Нас было гораздо больше, и мы рассчитывали одержать легкую победу. Наш командующий выехал перед войском на своем кабо с позолоченными рогами и предложил армии Зоны сдаться. Их король должен был дать согласие платить дань правительству Навы. Он выехал на горбуне — животном, которое может существовать в безводной пустыне, весь закутанный во множество покрывал. Его голову украшала корона.



И тут вперед выбежало какое-то существо в лохмотьях. Этот человечек пронзительно завопил, потрясая в воздухе костями и амулетами. Он причитал, кружась в диком танце, и от его жутких гримас волосы у нас вставали дыбом. Но даже не это выглядело самым странным, а то, что кожа у него была синего цвета! Некоторые из моих товарищей уверяли, что это вовсе не раскраска. У народа, обитающего вверх по реке и к западу от нее, в Каньоне, синяя кожа, и он обладает могучей волшебной силой. Так вот, этот синекожий действительно владел магией. Закончив свой танец, он отбросил амулеты и принял плеваться и дико завывать, изрыгая проклятия. Потом он протянул руку, и палец его указал на нашего командующего.

— Ну, и что сделал ваш генерал? — приподняв бровь, спросил Малк.

— Генерал ничего не смог сделать, потому что свалился как подкошенный. Он был мертв! Мы не вступили в тот день в сражение. Какое-то время другие наши командующие вели переговоры с их военачальником, а потом наше войско развернулось и двинулось обратно, в Наву. И если вы мне скажете, что это не было колдовством, то, значит, я вообще не знаю, что это такое!

Малк задумчиво почесал подбородок, обрамленный густой черной бородой.

— Возможно, возможно... Я слышал, конечно, что самые могущественные чародеи обитают в Зоне, и как раз в том месте, где находится Каньон. Но ведь этому слушаю может быть и какое-то другое объяснение! Уж слишком много я видел ритуалов, которые только выдавались за магию. В конце концов, они могли спрятать где-нибудь поблизости меткого стрелка с отравленными стрелами. А ваши



солдаты приняли все за колдовство, поскольку чародей из Зоны подготовил их к этому своими завываниями, прыжками и гримасами.

— Может, и так,— нехотя протянул Кристоффо,— но мне кажется, что...

В этот момент они услышали голос впередсмотрящего: «Приближается шторм!» Малк бросился к перилам, ограждающим палубу.

— Я так и знал, что везение не будет длиться долго! — воскликнул он.— Похоже, сейчас нас хорошенько поболтает!

Капитан быстро выкрикнул слова команды, и тотчас была опущена косая рея, а к ней крепко привязан парус. На палубе надежно закреплялось все, что могло сдвинуться с места, а свободных от вахты матросов определили вычерпывать воду или помогать рулевому. Когда налетел шторм, все приготовления уже закончили.

Это был первый шторм, который довелось испытать Хаэлю, и он произвел на молодого человека совершенно жуткое впечатление. Судно бросало из стороны в сторону, словно щепку, ветер дул с ужасающей силой, наступившую темноту то и дело прорезали вспышки молний, и казалось, что вот-вот одна из них ударит прямо в корабль. Яростно хлеставшие струи дождя не давали открыть глаза, и юношу дважды чуть не смыло с палубы, но какой-то матрос протянул ему веревку. Обвязав один ее конец вокруг талии, Хаэль прицепил другой к тянувшемуся вдоль борта тросу — лишь обезопасив себя таким образом, он смог помочь другим морякам вычерпывать попадавшую в трюм воду.

Несколько раз Хаэлю казалось, что еще одно мгновение — и корабль целиком уйдет под воду, но судну удавалось выровняться. Неужели корабль



сможет долго противостоять разбушевавшейся стихии? Однако дух корабля, обитавший, как сказал когда-то Малк, в утолщенной части киля, оказался сильнее урагана — судно все-таки сумело выстоять, получив лишь небольшие повреждения.

На следующее утро они плыли уже под ясным небом, и почти ничего, кроме взбаламученных волн, не указывало на вчерашний жуткий шторм. В корабле появилось несколько трещин, сквозь них просачивалась вода, и моряки были заняты тем, что заделывали их пропитанной смолой паклей. Хаэль думал, что они выстояли в нешуточном испытании, однако другие моряки высмеяли его и сообщили, что вчерашний шторм нельзя назвать даже большим — так, средний штормишко. За сезон такие случаются несколько раз.

— Это что, но вот когда ураган несется с моря, а с подветренной стороны — скалы, тогда действительно грозит серьезная опасность и самое время просить помощи у богов, — сказал один из матросов.

— Брось трепаться, — перебил его другой. — Ветер в несколько раз сильнее этого может дуть хоть три дня напролет, и все, что он сможет сделать — это поднять громадные, величиной с высокую скалу, волны. А нашему кораблю они не страшны!

Хаэль не мог понять, говорят они серьезно или продолжают издеваться над неопытным новичком. Но Малк подтвердил, что шторм был, в общем-то, пустячным, ничего общего с ураганами разрушительной силы, которые случаются иногда в конце мореходного сезона.

— Когда бушует такой ураган, — сказал он, — лучше находиться в хорошо защищенной от ветров гавани или же далеко в море, а если ты оказался



вблизи от берега — можешь считать себя обреченным. В гавани, открытой ветрам, корабль тоже не может укрыться. Я попадал в шторма, когда волны поднимали судно не меньших размеров, чем «Пожиратель волн», и забрасывали его на крыши домов, находящихся за сотню шагов от берега.

Хээлю это казалось невероятным, но он знал, что Малк, в отличие от своих матросов, не бросает слов на ветер. Все же он пришел к выводу, что ужасающие бури, давшие свое имя этим землям, становились тем сильнее, чем дальше в море находится корабль, и это заставило его призадуматься.

Прошлой ночью он был уверен, что, как только окажется на суще, никакая сила не заставит его снова выйти в море, даже для того, чтобы, вернувшись в Гэйл, отомстить Гасаму. Теперь же, когда он находился в полной безопасности, вчерашний шторм уже не казался ему таким страшным — скорее, это было опасное, но все же захватывающее приключение. Вполне возможно, он еще какое-то время проведет на этом корабле — что плохого в том, что он повидает мир, прежде чем осесть на берегу?

На следующий день они увидели материк. Хээль так страстно жаждал этого, что сначала был даже разочарован: на первый взгляд материк не отличался от большого острова. Но корабль повернул на юг, плыл довольно долго, а берег с выступающими мысами и впадинами заливов все тянулся и тянулся по левому борту. Юноша стал понимать, насколько велика эта земля. Он спросил у Малка, как далеко материк простирается внутрь.

— Об этом тебе не сможет сказать ни один человек. Если все время плыть на юг, то можно обогнуть мыс Рика, а там береговая линия поворачивает на север. Такой путь занял бы не одну неде-



лю — земля эта на самом деле огромна, и в глубине ее еще много неизведанных мест. На материке есть и великие пустыни, и земли, которые называют Отравленными, — люди на них не селятся, потому что все живое, обитающее в Отравленных Землях, принимает странные, необычные формы. А еще джунгли, слишком густые, чтобы в них можно было проникнуть. Короли прибрежных государств время от времени отправляют для исследования внутренних земель экспедиции — для того, чтобы найти богатства или, может быть, встретить новые народы и торговаться с ними.

Хаэль подумал, что это, наверное, очень интересно — разведывать новые земли.

— А что именно они ищут? — спросил он.

— Всегда не хватает металлов. Не золота или серебра — они ведь не портятся, а железа; экспедиция, нашедшая много железа, считается очень успешной. Ты знаешь, что древние спрятали огромное количество железных пластов среди камней? Только поэтому его можно использовать до сих пор. Есть и другие ценные вещи — специи, скажем; рога, кости или перья редко встречающихся животных; особые виды почвы, которая используется при производстве стекла или керамики; красители, наконец. Продолжать можно без конца, и почти всегда на новом месте находится что-либо ценное, нужно только как следует поискать.

— А почему древние люди прятали свое железо? — поинтересовался Хаэль.

— Кое-кто думает — чтобы его сохранить, но мне так не кажется. Уж больно много усилий приходится тратить на его поиски. Но все-таки хорошо, что они так поступили — иначе мы вообще остались бы без него. Ведь залежей чистого железа



никто никогда не находил, хотя золотые самородки в природе изредка встречаются.

Корабль вошел в порт Флория, который располагался в месте, где в море впадала стекающая с гор небольшая речка. Глубокий залив окружали высокие холмы, а город раскинулся на их склонах. Хаэль никогда не видел таких больших и прочных зданий, некоторые были построены из дерева, но большинство — из камня или кирпича. Стены домов сверкали побелкой, крыши здесь выкладывали обожженной глиняной черепицей, поэтому основными цветами Флории были красный и белый.

Кроме обычных жилых домов встречались очень большие, величественного вида здания.

— Это храмы? — спросил Хаэль, указывая на группу высоких строений, расположенных на одном из холмов недалеко от порта.

— Только некоторые, — сказал Малк.

— В нижнем здании справа находится суд, а рядом с ним — рынок. Видишь крышу, покрытую дранкой?

— Мне бы хотелось увидеть храмы, — с нетерпением воскликнул Хаэль. Его по-прежнему волновали вопросы религии.

— Увидишь, куда денешься, — пообещал Малк.

Флория оказалась большим городом. Хаэля все это очень заинтересовало, потому что он не видел до сих пор поселения людей более крупного, чем прибрежные деревни Гэйла. Флория же была в сотню раз больше любой из них, что не так сильно ошеломило юношу, поскольку во время плавания его спутники часто упоминали о городах с десятками или даже сотнями тысяч жителей. Чаще всего разговор заходил о Касине, столице королевства Нава. По слухам, ее население достигало миллиона человек —



это число казалось Хаэлю огромным, и он не мог понять, что оно означает. Многие матросы тоже могли сказать лишь одно: что миллион — это огромное количество.

— На дощечке я могу написать эту цифру, — говорил Малк, держа в руках заостренную палочку, — но не думаю, что в уме у меня все получается лучше, чем у тебя. И не верь, если кто-то скажет тебе, что понимает это. Не позволяй никому, малыш, относиться к тебе как к варвару только потому, что тебя озадачивают большие числа. Самый образованный из когда-либо живших мудрецов не может представить в уме больше, чем два десятка отдельных предметов. Эти понятия абстрактны. Ты понимаешь значение этого слова?

— Мне кажется, что понимаю, — ответил Хаэль. — Но если человек способен держать в уме не более двух десятков предметов, то как же я мог взглянуть на одно из наших стад, в котором три или четыре сотни каггов, и мгновенно понять, что одного животного не хватает?

— Ты не представляешь сразу всех каггов, — сказал Малк, которого всегда привлекала возможность доказать что-либо. — Это просто работает твоя тренированная память. Когда-то ты хорошо изучил всех животных этого стада, и тебе легко понять, что одного из них не хватает. Твой мозг действует как фильтр, что используют при изготовлении пива. Он пропускает мимо то, что не имеет значения, но немедленно обращает внимание на то, что в данный момент для тебя важно. Твой глаз, который все подмечает быстрее, чем ум, может мгновенно обежать стадо, видя, что все животные на месте, а затем сказать тебе, что одно из них, с определенной формой рогов или, скажем, с каким-то особым



расположением пятен на шкуре, отсутствует. Ты даже не успеваешь об этом как следует подумать, понимаешь? А теперь,— капитан хлопнул тыльной стороной руки о ладонь другой, а это обычно означало переход к заключительной части его речи,— что бы произошло, если бы тебя неожиданно поставили следить за другим, не так хорошо знакомым тебе стадом? Смог бы ты на следующий день определить, что из него исчезло одно животное? Или даже все десять? Словом, если бы стадо немного уменьшилось — так, что это не сразу бы бросилось в глаза?

— Нет,— засмеялся Хаэль,— я бы этого не заметил. Ты, как всегда, победил. Но что такое «пиво»?

— Пощади! — воскликнул Малк, умоляюще взмахнув руками.— Ты похож на десятилетнего ребенка, который, немного узнав об окружающем мире, задает невероятное количество вопросов. Отпусти меня, Хаэль, мне нужно проследить за тем, как судно входит в гавань. Скоро мы сойдем на берег, и, возможно, ты уже сегодня узнаешь, что такое пиво.

Ответ удовлетворил юношу, который согласился немного подождать. Сейчас он был уже не тем человеком, что взошел на борт корабля Малка. Хаэль перестал раскрашивать тело, грива волос бронзового оттенка свободно спадала на его плечи — он не заплетал их больше в сотни тонких косичек, потому что теперь он не был младшим воином шасиннов. К тому же соорудить такую прическу без чужой помощи все равно невозможно. У него на родине в свободное время молодые люди часами заплетали друг другу волосы или раскрашивали лица, или совершали что-либо подобное, неразрывно связанное с воинской честью шасиннов.



Было нечто такое в этом новом понятии «цивилизация», что весьма озадачивало Хаэля. Все эти люди в огромных городах имели армии и вели между собой войны, но юноше казалось, что их нельзя считать настоящими воинами — такими, как, например, шасинны. В их несомненном умении сражаться было слишком мало чего-то личного, что и делало, по мнению Хаэля, мужчину воином.

Юноша сознавал, что рано или поздно наступит время, когда ему придется зарабатывать себе на жизнь. До сих пор он не видел для себя другого пути, кроме как стать наемным солдатом. Ведь больше он ничего делать не умел. Но вряд ли это так просто — от человека в регулярной армии требуются, наверное, особые навыки. Он должен уметь вести бой в общем строю и обращаться с оружием, как этого требует командир. Умение сражаться было лишь малой частью предъявляемых к нему требований. Следовало обратить внимание и на слова Кристофа: солдат редко успевает дожить до того момента, когда может достигнуть высокого чина или больших денег.

А вот исследовать новые земли... это звучало многообещающе! Для человека, который имеет навыки настоящего воина и чувствует себя как дома почти в любых землях и странах, да еще различает сотни животных, скорее всего, будет несложно найти место в какой-нибудь экспедиции. Когда он поймет, что пора сходить с корабля на землю, он сможет испытать себя в этом деле. Но пока время для этого еще не настало.

Когда судно Малка пристало к пирсу, на нем выставили караул, а остальных моряков отпустили на берег. Было уже слишком поздно, чтобы начинать разгрузку. В любом случае, это дело грузчи-



ков, которых нанимают в порту, но не матросов. Тщательно умывшись и одевшись во все лучшее, моряки отправились в город.

Многие тут же устремились к ближайшей таверне или веселому дому. Хаэль, однако, твердо решил разыскать один из больших храмов. Стойная, с кожей бронзового цвета фигура юноши моментально привлекла внимание жителей Флории, особенно, разумеется, женщин. Хотя он успел избавиться от некоторых привычек, присущих его народу, все же горожанам было весьма любопытно видеть на своих улицах высокого юношу, вооруженного длинным мечом и тяжелым копьем, всю одежду которого составляла набедренная повязка из шкуры ночного кота. И, конечно, его выделяла среди других необычайная красота, причем было видно, что он одновременно и сознавал ее, и не придавал ей ни малейшего значения.

Пока Хаэль поднимался вверх по холму к зданию храма, ему было сделано немало недвусмысленных предложений, которые он отвергал со всей вежливостью, на какую был способен. Его босые ноги ступали по грубо обтесанным камням, и это ощущение казалось странным и волнующим — как и те огромные строения, мимо которых он проходил. Однако за тот короткий срок, который юноша провел в изгнании, он узнал и увидел столько нового, что, пожалуй, уже не испытывал особого удивления в любых, даже самых непривычных обстоятельствах.

Через несколько минут его нагнал запыхавшийся Малк.

— Я смотрю, ты даром времени не теряешь, малыш. Решил отправиться посмотреть храмы?

— Да. А почему здесь на улицах так много народа?



— Недавно закрылись рынки, люди возвращаются домой. Ты не чувствуешь, как на тебя давит такое количество людей?

Хаэль пожал плечами.

— Это не намного страшнее большого стада животных.

В самом деле, прогулка по городу напомнила ему то время, когда он ходил среди кагтов. Людей, конечно, здесь очень много, но он был выше всех почти что на голову. Горожане носили яркие цветные одежды, головы многих женщин украшали широкополые, сплетенные из соломы шляпы, защищающие от палящих солнечных лучей их нежную светлую кожу. Одежда, которую он видел, была куда более причудливой, чем простые покрывала, какие набрасывали на плечи женщины его народа. Он тут же поправил себя: его бывшего народа.

Спутники заметили, что за ними следует, бросая подозрительные взгляды, группа стражников — их, видимо, беспокоило грозное вооружение юноши. На стражниках были короткие туники и сандалии, их тела защищали доспехи из искусно соединенных между собой тонких пластин рога или кости. На их головах красовались облегающие кожаные шапочки, один же — судя по всему, старший — носил шлем, покрытый пластинками, выпиленными из твердых, как железо, бивней туну. Их оружием были копья и короткие мечи.

— Это солдаты? — спросил Хаэль, когда стражники прошли вперед.

— Верно, — подтвердил Малк. — Возможно, стражи ворот заступают на ночную смену.

— Они мне не кажутся слишком уж грозными, — заметил юноша.



— Пятеро, может, и не производят особого впечатления, но десять тысяч солдат, выстроившись в поле, выглядят, поверь, достаточно внушительно.

— С чего мы начнем?

— Я хочу зайти в храм Аква, морского бога,— сказал Малк.— Капитаны, пристав к берегу, благодарят Аква за благополучно закончившееся путешествие. Поскольку Флория — не мой родной порт, подношение богу не будет особенно богатым, но когда я вернусь в Касин, то уж не поскуплюсь.

— Этот Акв — такой важный бог?

— Да, он особенно почитается среди народов, плавающих по морю. Вот его храм.— Они вышли на небольшую площадку перед фасадом здания с портиком и колоннадой под просмоленной крышей. Ступени, ведущие в храм, были из мрамора цвета морской волны, а колонны выложены плитками того же оттенка. Стены затененного портика покрывали стилизованные изображения волн. Здесь люди с гладко выбритыми лицами принимали подношения от посетителей храма.

Внутри тоже все напоминало о море — даже свет, падающий через витражи окон, врезанных в высокую просмоленную крышу, был синим и зеленым. В дальнем конце помещения возвышалась статуя бога, восседающего на троне в форме раковины. Малк объяснил Хаэлю, что изваяния богов сродни Шестам Духов шасиннов. Статуя была вырезана из неизвестного юноше материала и красиво раскрашена: одеяние, тело и волосы бога — синих и зеленых оттенков, фигуру его обивали водоросли. Хаэль, впервые встретивший изображение бога в виде человека, смотрел на него во все глаза. Акв выглядел красивым мужчиной в расцвете лет, с густой квадратной бородой. В одной руке он держал ост-



рогу рыбака, другая покоилась на корабельном штурвале.

На юношу произвела большое впечатление красота внутреннего убранства храма, но он почему-то не ощущал здесь присутствия каких-либо духов. Малк рассказал ему, что боги живут на далекой прекрасной земле, лишь иногда проявляя мимолетный интерес к делам людей. Хаэль удивился тому, что ремесленник мог создать такой прекрасный образ, не будучи вдохновленным присутствием бога.

Малк поговорил со жрецами — оказалось, что это люди с выбритыми подбородками, — и что-то им передал. Затем капитан бросил горсть благовоний на жаровню, которая курилась перед статуей Аква. Он сделал юноше знак следовать за ним, и они покинули храм. Когда они спускались по ступенькам, Хаэль поделился с Малком своими сомнениями относительно присутствия бога внутри храма.

— Не ты один в этом сомневаешься, — сказал капитан. — Поклонение богам часто становится простой формальностью, к тому же их жрецы порой проявляют непростительную жадность. Но людям дороги их божества, и не стоит высказывать подобные сомнения вслух.

— Мне бы и в голову не пришло! — воскликнул Хаэль.

Малк рассмеялся и хлопнул его по плечу. Миновав несколько улиц, они подошли к храму бога огня. Здесь господствовал красный цвет. Похоже, этот бог почтился горожанами меньше, чем Акв. В храме находился постоянно горевший огонь, и когда жителям было необходимо восстановить пламя своих очагов, они обращались туда.



Капитан подтвердил, что в портовых городах самым почитаемым богом, действительно, является Акв.

— Но если тебе когда-нибудь доведется побывать на Дымящихся островах, — сказал он, — ты увидишь, что их жители подносят богатые дары богу огня. В тех землях, где возможны извержения вулканов, люди боятся потоков огненной лавы, которые считают проявлением недовольства огненного бога.

— И так происходит всегда? — спросил Хаэль. — Люди просят о милости только тех богов, чья рука непосредственно влияет на их благодеяние?

Они остановились у прилавка, на котором были выставлены еда и вино.

— Не совсем так, — ответил капитан, — хотя в чем-то ты прав. Люди почитают всех богов, но особенно тех, кто может принести им наибольший вред — или, наоборот, пользу. В пустынях главными считаются боги ветра и солнца, а там, где люди занимаются земледелием — боги земли и те духи, что приносят дождь.

Малк протянул человеку за прилавком несколько монет, и тот вручил юноше вертел с насаженными на него кусками вяленого мяса.

— Но боги существуют на самом деле? — спросил Хаэль.

Капитан вонзил зубы в мясо и запил его добрым глотком кислого вина из глиняной кружки.

— Ты, мальчик, задаешь один из самых сложных вопросов, который поставил в тупик не одного мудреца. Лично я считаю, что боги настолько реальны, насколько в них верят. И образы, в которых они являются, определяются пристрастиями их почитателей. Тебя удовлетворяет такой ответ?



— Да,— сказал Хаэль.— У наших духов нет определенной формы — облик выбирают для них Беседующие с Духами. Мне кажется, здесь происходит то же самое, только Беседующих с Духами заменяет множество верующих людей.

— Еще раз напоминаю тебе, что не стоит вступать в споры с учеными мужами,— проговорил Малк.— Не исключено, что они не смогут ответить тебе должным образом, и вряд ли им это понравится. Не вызовет это одобрения и у властей, и кто знает, к чему сможет привести.

До того как окончательно стемнело, они успели посетить еще несколько храмов. Хотя Хаэль осматривал их с огромным интересом, все же они показались ему несколько однообразными. Каждый храм размещался в здании внушительных размеров, в каждом находилось величественное изображение божества, а все их украшения были связаны с образом бога-покровителя. Во Флории были храмы, посвященные богам войны и богам, управляющим явлениями природы. Храм, возведенный в честь богини любви и плодородия, несколько удивил юношу, но верующие вели себя в нем так же торжественно, как и в других.

— А еще,— заметил Малк, когда они завершили осмотр,— существуют боги, которым люди поклоняются, несмотря на то что они не имеют могущественной силы и не могут принести своим почитателям особого добра или зла.— Он привел Хаэля к небольшому храму, фасад которого украшали гирлянды цветов из стекла и керамики. Некоторые выглядели как живые — молодой человек даже дотронулся до них, чтобы убедиться в том, что они не настоящие. Внутри воздух был напоен цветочным ароматом, груды живых цветов лежали вокруг ста-

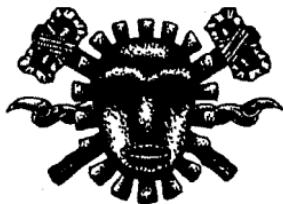


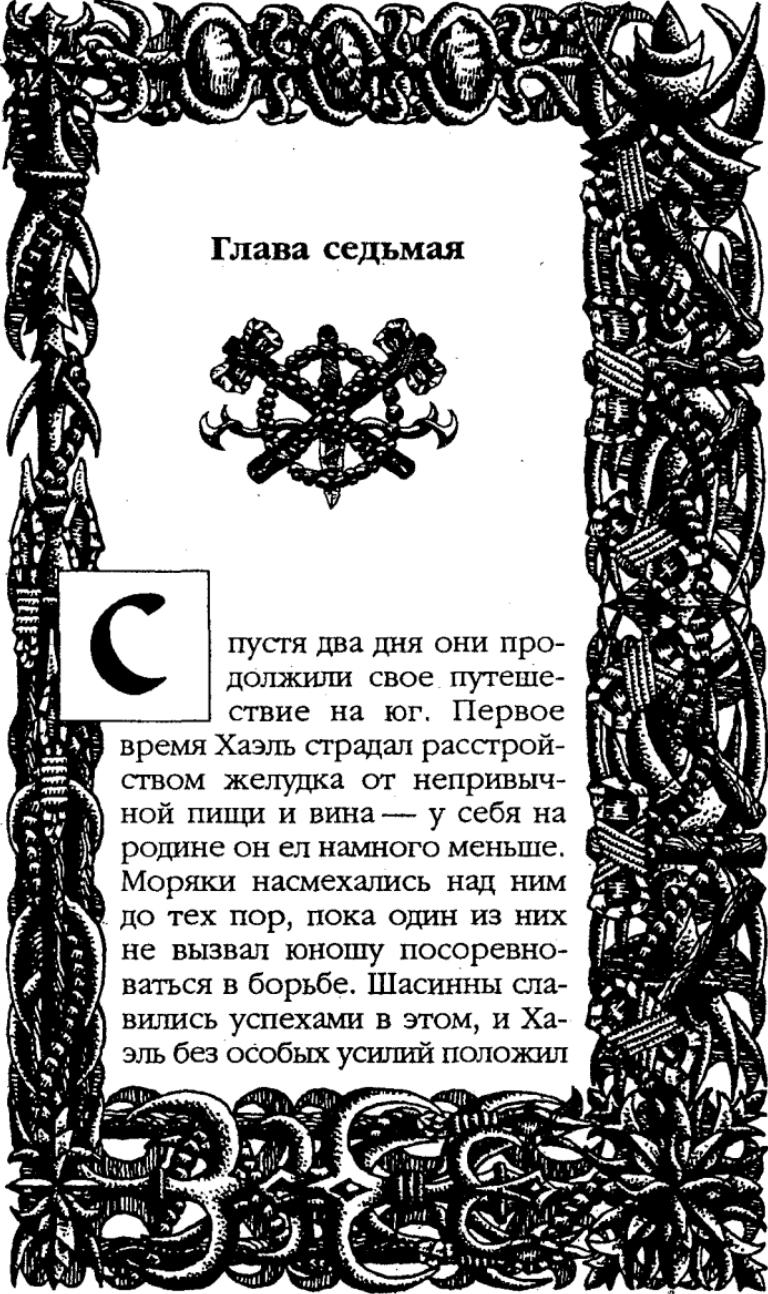
туи улыбающейся богини, которая сидела на троне, похожем на гигантский цветок.

— Флора — богиня цветов и покровительница весеннего праздника, — сказал Малк. — Неплохо, если бы все боги были столь же доброжелательны, как она.

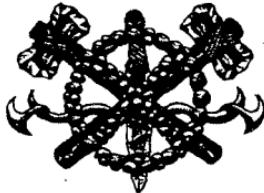
— А существуют и злые боги? — спросил юноша, когда они вышли из храма Флоры и направились обратно к гавани.

— Вообще-то, да... — несколько поколебавшись, ответил капитан. — В цивилизованных королевствах поклоняться им запрещено. О них не принято упоминать, но известно, что в глубине материка существуют культуры богов зла. Им поклоняются, исполняя мрачные и кровавые ритуалы, а их жрецы — черные маги. По крайней мере, так утверждают они сами. С этим приходится мириться, Хаэль. Но если кто-нибудь предложит отвести тебя в такой храм, умерь свое любопытство и беги оттуда со всех ног. Ну ладно, достаточно религиозных вопросов на этот вечер. Давай-ка поищем место, где можно как следует поесть и отдохнуть.





Глава седьмая



Спустя два дня они продолжили свое путешествие на юг. Первое время Хаэль страдал расстройством желудка от непривычной пищи и вина — у себя на родине он ел намного меньше. Моряки насмехались над ним до тех пор, пока один из них не вызвал юношу посоревноваться в борьбе. Шасинны славились успехами в этом, и Хаэль без особых усилий положил



на лопатки всех своих соперников — каждого по очереди. С этого момента насмешки над ним прекратились.

Их путешествие заканчивалось. Через две недели корабль должен был подойти к Касину — крупному порту, столице королевства Нава. Легендарная столица лежала в обширных низинах центральной части южного побережья. Эти места славились красивой природой и развитым сельским хозяйством.

С каждым днем прибрежная линия, вдоль которой, покачиваясь на волнах, шел корабль Малка, становилась все более зеленой. Иногда по вечерам, когда они заходили в небольшие деревенские гавани, из джунглей, подходящих почти к самому берегу, слышалось грозное рычание диких зверей. Хаэлю очень бы хотелось отправиться в эти леса, чтобы разгадать их бесчисленные тайны, но он сдерживал себя. Впереди было много времени, ему еще предстоит масса возможностей раскрыть секреты окружающего мира.

Наконец, опережая преследующий их шторм, моряки обогнули Мыс Кораблекрушений и вошли в широкое русло реки Шонга. Они прошли мимо маяка Первина, считавшегося самым высоким сооружением в мире. Хаэль с трудом мог поверить, что этот величественный маяк создан руками человека.

Его стены были выложены из белого камня, а к площадке, на которой горел огонь, вели винтовые лестницы. Рабы всю ночь напролет забирались по ним, таская вверх вязанки дров, чтобы свет маяка освещал морякам путь. Днем над этой площадкой кружились тучи пепла, оставшегося от ночного костра.

Около маяка они задержались в ожидании прилива, с которым собирались подняться вверх по



реке. Когда он начался, моряки взялись за весла и провели судно в морскую гавань — гигантский водоем, окруженный крытыми доками, где скрывались от непогоды корабли. Среди них были и военные суда.

Они успели укрыться в гавани до шторма. Яростно хлестал дождь, но ветер на защищенной стоянке был уже не страшен кораблю. Они бросили якорь и спустили реи, переместив паруса на одну сторону. Затем с большой осторожностью вынули из пазов мачту и уложили ее на пару перекладин, установленных на носу и корме. Укрепив мачту как следует, над ней натянули парус, и моряки смогли укрыться от дождя под образовавшимся шатром. В ожидании, пока повар приготовит пищу, по кругу пустили мех с вином. Команду шатало от усталости, но все были довольны тем, что успешно завершили мореходный сезон и теперь находятся в безопасной гавани. Радовало и скорое получение годового заработка.

Хаэль с нетерпением ожидал момента, когда увидит знаменитую столицу Навы. Его сердило, что из-за непогоды это событие откладывается.

— Когда начнется следующий сезон мореплавания? — спросил он у Малка.

— Четыре месяца никто не выйдет в море. Потом кое-какие горячие головы поставят паруса — только для того, чтобы первыми очутиться в отдаленных портах. Те, кого не потопят поздние шторма, получат в них более высокую цену за свои товары. А еще через месяц можно будет пуститься в плавание без особого риска.

— А когда выйдешь ты?

— Сейчас сложно сказать. Мне надо посоветоваться с владельцами корабля. Некоторые из них



придают слишком большое значение разным знаменниям и никогда не согласятся на отплытие, пока не получат добрый знак.

— Так не ты хозяин «Пожирателя волн»? — удивился Хаэль.

— Только частично. Вкладывая все свои средства в один корабль, ты можешь слишком много потерять, если он пойдет ко дну. Наша гильдия владеет несколькими судами, и каждый владелец получает часть всей прибыли. Потери распределяются так же.

— Значит, корабль общий — как имущество племени?

— Вроде того. А что собираешься делать ты, Хаэль? Мы были бы рады видеть тебя на борту, когда снова выйдем в море. Ты быстро освоил профессию матроса.

— Сначала мне бы хотелось осмотреть город, а потом — отправиться в путешествие вглубь материка. Если туда будут посыпаться экспедиции, о которых ты упоминал, то, возможно, мне удастся пойти вместе с ними. Ведь им, конечно же, понадобятся воины для охраны.

— Скорее всего, понадобятся. Это неплохая мысль, но я бы не советовал тебе поддаваться соблазну вступить в армию. Тебя будут уговаривать, обещая славу, приключения и военную добычу, но в этих словах нет ни унции правды. На самом деле новобранцев чаще всего посыпают на отдаленные посты в пустынях или джунглях, где сражения случаются редко, зато болезни уносят жизни солдат и царит смертельная скука. А если все-таки пойдешь на военную службу, выбирай флот. Условия службы на флоте куда лучше, к тому же ты сможешь побывать в таких портах, как этот, где в перерывах



между плаваниями есть чем заняться. Но вообще-то, я думаю, что военная служба не для тебя. Там всегда приходится повиноваться приказам дураков, которые могут установить дисциплину только с помощью кнута.

Хаэль улегся спать под шум дождя, гремящего о парусиновый тент, но долго не мог заснуть — голова шла кругом от открывающихся перед ним возможностей.

Небо на рассвете следующего дня было ярким и безоблачным. Хаэль выполз из шатра и плеснулся в лицо водой, потом осмотрелся вокруг. И не поверили своим глазам. Конечно, он знал, что Касин — большой город. Но никогда даже в самом смелом полете воображения он не мог представить, что город простирается вдаль, насколько хватает взгляда.

Касин находился на склонах окружавших залив холмов. Среди бесчисленных строений виднелись небольшие участки зелени, и даже издалека можно было с уверенностью сказать, что это возделанные сады, а не островки живой природы. На вершинах холмов стояли величественные храмы и какие-то высокие сооружения необычной формы — приглядевшись, Хаэль догадался, что это огромные статуи. Над многочисленными алтарями храмов, смешиваясь с утренним туманом, курился дым.

Залив был заполнен кораблями, завершившими сезон мореплавания, как и «Пожиратель волн». Одни из них стояли на якоре, другие — на берегу в укрытых длинных строениях. По каменному пирсу сновали грузчики. Над некоторыми судами возвышались деревянные приспособления для подъема тяжестей. Они приводились в движение людьми, которые, бесконечно шагая на месте по горизонтальным спицам, вращали тем самым два больших



колеса, расположенных по бокам устройства. Над пирсом реяли морские птицы. Их пронзительные крики смешивались с грохотом разгрузки и голосами людей.

Шатер по приказу Малка убрали, на корабле подняли якорь, и капитан встал за руль. Судно на веслах вошло в гавань. На берег бросили канаты. «Пожиратель волн» пришвартовался к пирсу, и матросы затянули ритмичную песню, которую обычно пели в знак того, что плавание закончено. Теперь оставалось лишь принести ритуальную жертву богам. Множество ошивающихся в порту бездельников приветствовали моряков и предлагали помочь в разгрузке. За несколько минут тюки из трюма выгрузили на берег. Появились чиновники, чтобы зарегистрировать груз и установить размер портовых налогов и пошлин.

— Теперь два или три дня я буду очень занят, Хаэль, — сказал Малк. — Но ты уже более или менее знаком с цивилизованными странами. Надеюсь, ты не пропадешь и сможешь сам подыскать себе занятие, чтобы пережить зимние месяцы. Если же с тобой что-нибудь случится, например попадешь в городскую тюрьму, то немедленно дай мне знать, и я постараюсь сделать все, чтобы помочь тебе. Связаться со мной можно через Гильдию судовладельцев. Наше здание находится напротив храма морского бога.

— Обещаю быть осторожным, — ответил юноша, собирая свои немногочисленные пожитки.

Всем матросам выдали аванс, а остальные деньги обещали на третий день после разгрузки. Первый день отводился под разгрузку, второй — на продажу грузов с аукциона, третий — на расчет с матросами.



Эти дела уже не касались Хаэля, кроме получения денег, значимость которых он еще не совсем понимал, во всяком случае, мало из-за них беспокоился. Не особо обремененный скарбом, включающим копье, длинный меч, несколько выделанных шкур ночного кота, наплечную сумку и мех для воды, юноша был готов бросить вызов цивилизованному миру. Его украшения и немного денег, сохранившиеся еще со времен Гэйла, помогут ему продержаться некоторое время, пока он не найдет себе подходящее занятие.

С пристани, поднимаясь вверх по холмам, Хаэль отправился в город. Он зашел на рынок, прилавки и палатки которого ломились от ошеломляюще разнообразного товара. Молодой человек не мог удержаться, чтобы не обойти его целиком. Его провожали любопытные взгляды, но Касин был крупным городом, и чужеземцы в нем не являлись такой уж редкостью. Хаэль принадлежал к хорошо известному здесь островному народу, но шасинны появлялись в Наве нечасто, поэтому-то юноша и привлекал к себе внимание, хотя в столице не было недостатка в высоких красивых варварам.

Хаэль решил, что лучше всего поискать удачи в центре деловой жизни Касина, именуемом Выгоном. В те дни, когда столица Навы была еще маленькой портовой деревней, на Выгоне размещалось общественное пастбище, где любой горожанин или приезжий мог оставить за плату свой скот. Когда город разросся, на месте пастбища устроили рынок, затем — площадь для собраний, теперь же здесь лепились друг к другу общественные здания вперемежку с небольшими лавками. Городские улицы беспорядочно петляли среди окружавших залив невысоких холмов. Над Выгоном возвышалась ог-



ромная статуя бога войны, которая была видна из любого района города. Это помогало Хаэлю ориентироваться в Касине.

Городские здания, в большинстве своем невысокие, строились из дерева или кирпича, несколько резиденций были сложены из крупных кусков камня. Время от времени Касин опустошали пожары. Однажды Хаэлю показалось, что у него не все в порядке с глазами — он увидел замурованные в стену куски человеческого тела. Но, приглядевшись, он успокоился — ими оказались всего-навсего разбитые куски статуй, использованные в качестве строительного материала.

Хаэль с трудом пробирался по извилистым улочкам, часто ему приходилось возвращаться, поскольку он упирался в тупики. Наконец, задав не один вопрос прохожим, которые с трудом понимали его речь, он вышел на широкую улицу, ведущую к Выгону. По ее краям тянулись полоски земли, усаженные раскидистыми деревьями. Под их кронами были разбиты ухоженные цветники. Это почему-то напомнило юноше его далекую родину. Очень часто ему встречались источники воды, около которых толпились женщины с кувшинами в руках. На узких улочках это были простые ручейки, вытекающие по небольшим глиняным трубам из какого-нибудь водоема, а на аллее — более сложные сооружения, украшенные каменными или глиняными скульптурами. Вода вырывалась из них вверх дугообразными струями, наполняющими воздух приятной прохладой. В пляшущем водяном тумане играла многоцветная радуга.

В конце аллеи Хаэль увидел статую бога войны и поразился — это был самый большой монумент, который он когда-либо видел. Многие изваяния в Ка-



сине пострадали от времени и непогоды, некоторые оказались разрушены почти полностью — видимо, из-за обрушившегося на город землетрясения.

Мимо юноши проходили толпы людей, чей вид и одежда говорили о том, что они принадлежат к самым разнообразным племенам и народам. Он видел худощавых, с ястребиными носами жителей пустынь, в чьи окладистые черные бороды были вплетены крохотные колокольчики. Они вели с собой огромных нескладных животных, именуемых горбунами. Встречались и коренастые люди из южных джунглей, с волосами, украшенными перьями неизвестных Хаэлю птиц. Рабы чаще всего ходили полугоые, в одних набедренных повязках. На шее они носили толстые медные ошейники.

Среди чужеземцев большинство составляли мужчины: видимо, женщины путешествовали редко. Высокородные местные дамы были затянуты в вычурные платья с корсетами. Этот предмет туалета почти не позволял им сгибаться и свободно двигаться, демонстрируя, что таким женщинам не приходится заниматься какой-либо работой. От лучей солнца они укрывали лица вуалими, а также большими зонтиками, которые держали над их головами рабы. При встрече дамы обменивались сложными многословными приветствиями, причем Хаэль не мог понять почти ни слова из того, что они говорили.

Юноша прошел мимо прилавка, за которым сидел человек, одетый в красную тунику из грубого полотна, с коротким мечом на поясе; на его кожаные обтягивающие штаны были нашиты медные бляшки. На земле рядом с ним лежал панцирь из костяных пластинок, покрытых красной блестящей



краской, а на прилавке красовался шлем из дубленой кожи, увенчанный султаном из длинного хвоста кагга. Человек этот с интересом взглянул на высокого, хорошо сложенного юношу, внимательно осмотрел его копье и длинный меч.

— Кажется, ты нам подойдешь, — сказал он, изобразив на лице широкую искреннюю улыбку. — Воин с Островов, я не ошибся? Здесь, в Касине, такой, как ты, вряд ли найдет себе место, но я мог бы тебе помочь. В королевской армии всегда найдется место умелым молодым парням, искателям приключений и рискованных путешествий. Кровь врагов на клинке, военная добыча — в мешке, а их женщины там, где ты захочешь их держать. Неплохо звучит, верно?

Голос и манеры этого человека напомнили юноше Гасама.

— Неужели тебе удается завлечь много новобранцев днем, когда большинство мужчин еще не напились? — спросил он.

Вербовщик нахмурил брови.

— Нет, но моя служба так или иначе начинается с утра. Ты ведь недавно приехал, да? Приходи через несколько дней, когда проголодашься и поймешь, что в цивилизованном городе не очень-то охотно предлагают работу первобытным дикарям. Несомненно, тогда ты согласишься, что вступить в армию для тебя — наилучший выход.

Хаэль подошел к статуе бога войны и остановился, опершись на копье. Совершенно непроизвольно он принял привычную позу аиста, что заставило бегающих вокруг маленьких детей хихикать и показывать на него пальцами. Он не стал обращать на них внимания, подумав, что городские жители не побеспокоились о воспитании у своих детей хоро-



ших манер. Молодой человек стоял неподвижно, глядя по сторонам и вбирая в себя все новые и новые впечатления. В его ушах грохотала какофония звуков: смесь различных языков, мычанье и блеянье животных, выкрики продавцов, предлагающих свой товар, играющая в отдалении музыка. Ноздри его щекотали столь же разнообразные запахи: готовящейся пищи и специй, вонь животных, но все перекрывал аромат благовоний, курящихся над алтарями храмов.

На западе начали собираться тучи, предвестники скорой грозы. Иногда Хаэль чувствовал присутствие духов, но очень слабо — вероятно, чувства подавляла огромная масса находящихся вокруг людей. Он подозревал, что города, будучи творением рук человека, оставляли мало места для существования чего-либо иного, кроме сотворенных ими же богов.

Внезапно раздавшийся шум заставил его обернуться. Он увидел процессию, направляющуюся вдоль широкой аллеи к Выгону. Сопровождающие ее музыканты извлекали из своих инструментов странные, ни на что не похожие звуки. Впереди шли толстые гладколицые люди, которые дули в трубы и огромные раковины. За ними шествовали женщины в легких полупрозрачных платьях, они били в барабаны и цимбалы, их длинные распущенные волосы колыхались в ритме танца. Высокие мужчины в головных уборах из перьев ударяли в длинные барабаны, издающие низкие басовитые звуки. В центре процессии силачи несли на плечах носилки — завидев их, горожане склонялись в низких поклонах.

Путь процессии пролегал мимо статуи, возле которой застыл Хаэль. Юноша не знал, нужно ли ему кланяться, как это делали все окружающие. Его народу не было свойственно гнуть перед кем-либо



спину. Когда носилки оказались рядом с ним, он пошел на компромисс и слегка наклонил голову. К его удивлению, в носилках под изумрудным шелковым балдахином на груде мягких подушек сидела молодая женщина. Когда она увидела юношу, ее глаза расширились, она не могла оторвать от него заинтересованного взгляда.

Хаэль надеялся, что его поведение никого не обидело. Это явно была какая-то важная особа, привыкшая к почтительному и подобострастному отношению. Вдруг она подумала, что легким наклоном головы он собирался ее оскорбить? Насколько Хаэль успел рассмотреть сидящую под балдахином даму, она не походила — ни платьем, ни лицом — на тех знатных женщин, которых он встречал на улице. Возможно, она принадлежала к какой-то неизвестной ему расе.

К счастью, окружающие были слишком заняты тем, чтобы выказать почтение даме, и не обращали внимания на Хаэля. За носилками шествовал ряд прислужников, ведущих на поводках великолепных животных, украшенных гирляндами цветов. Среди них юноша увидел белого красавца-кагга. Его рога были вязолочены, а на спину наброшено сетчатое покрывало из цветных нитей, окаймленное кистями и колокольчиками. Но животному столь богатое убранство не доставляло, кажется, никакого удовольствия. Кагг беспокойно озирался и то и дело пытался встать на дыбы, так что прислужники едва его удерживали, яростно стегая хлыстом. Хаэлю не понравилось столь неподобающее обращение с животным.

Когда процессия, движущаяся к одному из больших храмов, миновала Хаэля, он подошел к прилавку торговца благовониями.



— Я только что прибыл в ваш город,— сказал он.— Не можешь ли ты сказать, что это за шествие? И кто та женщина, что сидит в носилках?

Купец бросил на юношу внимательный взгляд. Он показался Хаэлю похожим на менялу из Турвы, но этот человек не имел на носу стекляшек, называемых очками.

— Эта женщина — Шазад, верховная жрица бога грозы,— наконец ответил он.— Теперь, когда наступил сезон гроз, она каждый месяц будет приносить своему богу богатые дары.

— Перед всеми жрицами полагается сгибаться в столь низком поклоне? — спросил Хаэль.

— Шазад не только жрица, но и дочь знатного нобиля Пашира, главы королевского совета и командующего армией. Поскольку дочери короля никогда не появляются на публике, она — самая влиятельная женщина, которую можно встретить на улицах города.

Хаэль не мог не признаться себе, что эта женщина очень его заинтересовала. Было что-то невероятно притягательное в ее взгляде. Юноша подошел поближе к храму бога грозы, откуда доносились звуки барабанов, цимбал и труб. На площадке перед храмом собралась толпа, хлопающая ладонями и подпевающая в такт музыке.

Когда он пробился сквозь толпу, носильщики как раз спускали со своих плеч паланкин жрицы. В этот момент разъяренный ударами белый кагг вырвался из рук погонщиков и налетел на носильщиков, сбив их с ног. Паланкин накренился и перевернулся. Закутанная в шелковое облако Шазад выпала из него на землю.

Толпа застыла, объянутая страхом перед дурным предзнаменованием. Кагг продолжал метаться сре-



ди людей, сбивая их с ног и топча копытами. Жрица пыталась подняться, но животное, налетев, снова сбило ее на землю.

Казалось, никто вокруг не мог справиться с обезумевшим каггом. Хаэль шагнул вперед. Кагг вертелся на месте, пытаясь найти лазейку, которая помогла бы ему выбраться из толпы, но бежать было некуда — со всех сторон путь преграждали человеческие тела. Тогда животное угрожающе наклонило рогатую голову — и вдруг перед ним выросла фигура высокого молодого дикаря. Кагг яростно замычал — он принял вызов.

Хаэль внимательно следил за животным. По наклону его шеи он понял, что оно привыкло бодать левым задним рогом, поэтому юноша быстро сделал шаг вправо, одновременно ударив кагга рукоятью копья между рогов. Послышался глухой звук удара, и кагг ошеломленно замотал головой. Не мешкая, Хаэль схватил его за правое ухо и, потянув на себя, ударил по передней ноге. Кагг рухнул на колени. Его попытки вскочить на ноги не привели к успеху — Хаэль зажал мертвый хваткой его ухо и заставил застыть на месте.

— Следовало держать его покрепче, — как ни в чем не бывало сказал Хаэль служителям, разинувшим в изумлении рты. Придя в себя, они бросились к упавшему паланкину, пытаясь разыскать веревку, которой можно было надежно связать животное. Когда ее наконец нашли, юноша отпустил кагга и отступил назад.

— Кто ты? — услышал он чей-то голос.

Хаэль опустил глаза — перед ним стояла жрица Шазад. Несмотря на невысокий рост — ее макушка едва достигала груди Хаэля — она была прекрасно сложена. Наряд ее совсем не походил на одеяния



местных красавиц — на женщине были зеленые шаровары и золотистый корсаж, украшенный перламутровыми створками раковин.

— Меня зовут Хаэль, — ответил юноша. — Я из племени... то есть я был... шасинном.

— Ты прибыл сюда с северо-западных Островов, не так ли? Что ты здесь делаешь, когда не сражаешься с разъяренными каттами? — Женщина потерла ушибленное плечо. Видно, она совершенно не опасалась того, что падение на глазах у всех сколько-нибудь уронило ее достоинство. Волосы жрицы были иссиня-черные, на прекрасном лице сверкали чуть раскосые темные глаза.

Хаэль улыбнулся и оперся на копье.

— Я вовсе не сражался с этим животным. Я просто заставил его успокоиться, потому что хорошо знаю повадки каттов. Сражаюсь я с дикими котами, мохнатыми змеями и длинношеями. И, конечно же, с врагами.

— Так ты и воин, не только пастух?

— В тех краях, откуда я родом, это одно и то же. А еще я немного обучился морскому делу, хотя и не думаю, что мог бы заниматься этим всю жизнь.

— Я вижу, свое дело ты знаешь хорошо. Намного лучше этих бездельников. — Внезапно Хаэль понял, что жрица очень молода, наверное, почти одинак с ним лет, хотя ее глаза, низкий голос и манеры делали ее гораздо старше.

Двое толстых мужчин в причудливых одеждах, зашахаясь, торопливо спускались вниз по ступенькам храма.

— Ты не ушиблась, моя госпожа? — спросил один из них тонким голосом.

— Еще как ушиблась, — недовольно сказала женщина.



Его спутник возмущенно воззрился на Хаэля.

— Склонись, ты, невежа! Госпоже Шазад не пристало смотреть снизу вверх на каких-то простолюдинов!

Хаэль бросил на него холодный взгляд.

— Интересно, где вы были, когда вашу госпожу пытался растоптать разъяренный кагг? Я что-то не припомню, чтобы хоть один такой упитанный, как ты, пытался ей помочь.

Лицо мужчины побагровело от ярости, но Шазад взмахом руки заставила его замолчать.

— Оставь его в покое, жрец Фулунг. Этот человек спас меня отувечья, если не от смерти. Он чужеземец, и мы не должны забывать, что ему не известны наши законы и обычаи. И разве сейчас до привычных церемоний?

— Н-но...— высоким певучим голосом заговорил другой жрец.— Ведь нынешний день специально определен...

— Взгляни на этого кагга,— сказала жрица, показывая кровоточащую ссадину на белой шкуре, оставленную копьем Хаэля.— Жертвенное животное должно быть без изъянов, и это не подойдет нашему богу — из священного стада придется выбрать другого кагга. Кроме того, некоторые из моих прислужников ранены, а в стенах храма запрещено проливать кровь. Так или иначе, придется выбрать для жертвоприношения другой день.

Жрец по имени Фулунг тяжело вздохнул.

— Боюсь, это так. Когда боги дают неблагоприятный знак, посыпая молнию, землетрясение или что-нибудь в таком роде,— нам приходится справляться со священными книгами и выбирать другой день.

— Вот и займитесь этим.— Небрежным движением руки Шазад отпустила жрецов, потом взгляну-



ла на свои носилки.— Соулис,— спросила она у одного из прислужников,— достаточно ли здесь рабов, чтобы доставить меня во дворец?

Человек в длинной белой тунике склонился перед женщиной в низком поклоне.

— Вполне достаточно, госпожа.

— Хорошо.— Она обернулась к Хаэлю.— Следуй за мной.

Шазад подошла к носилкам и уселась под балдахин, который рабы успели водрузить на место. Юноша повиновался — он все еще находился под влиянием необъяснимых чар жрицы. Он посмотрел вслед жрецам, с трудом карабкающимся по лестнице; женщина перехватила его взгляд.

— Евнухи всегда страшно недовольны, когда что-то мешает привычному течению их жизни,— сказала она.

— А кто такие евнухи? — спросил Хаэль.

— Евнухи это мужчины, у которых... Ты ведь родом с Островов, верно? Что вы делаете с самцами кагтов, когда не хотите, чтобы они размножались?

— Кастрируем их.

— То же самое делают и с евнухами.

— Звучит ужасно,— заметил Хаэль.— Но я понимаю, почему вы не хотите, чтобы люди, подобные тем двоим, размножались.

Женщина рассмеялась, прикрыв рот узкой ладошкой.

— Нет-нет, совсем не поэтому. Но у тебя еще будет достаточно времени, чтобы разобраться в этом вопросе.

— Куда мы идем? — спросил юноша.

— Во дворец. Это резиденция моего отца, один из самых прекрасных дворцов в городе, за исключением, конечно, королевского.



Хаэль понял, что дворец — это большое вместиельное жилище, где со своими семьями, имуществом и огромным количеством слуг обитают самые влиятельные и богатые горожане. Похоже, что здесь о богатстве человека судили не по числу его каггов, а по величине здания, в котором он жил.

Хаэль испытывал странное ощущение, когда шел рядом с носилками, перед которыми склонялись ниц люди. Музыканты уже не очень заботились о том, чтобы извлекать из своих инструментов стройные звуки. Вообще, судя по всему, отмена церемонии жертвоприношения повлияла на всех прислужников жрицы, и они перестали соблюдать особый порядок шествия. Даже носилки Шазад слегка кренились — почти все несшие их рабы хромали. Юноша не особенно им сочувствовал — он считал, что в такой нетрудной ситуации никто из них не проявил должного присутствия духа. Если бы не его вмешательство, многие из них могли бы умереть. Хаэль восхищался моряками, вынужденными постоянно бороться с враждебной стихией, но городские жители казались ему изнеженными и ни на что не годными.

Но это вовсе не относилось к женщине, что покачивалась рядом с ним в паланкине. Она выглядела непривычно, но не пугающе. Ее обращение с людьми было высокомерным, но никак не грубым — вероятно, в нем отражалось естественное признание разницы в общественном положении между ней, аристократкой, и остальными простолюдинами. Хаэль не представлял, что женщина может выглядеть так, как Шазад, — и тем более неотразимой казалась ее красота. Он привык считать красивыми высоких длинноногих женщин своего народа, с



кожей медного оттенка, голубыми глазами и светлыми волосами. Но миниатюрная, с пышной грудью фигура жрицы, ее густые черные волосы, раскосые темные глаза и золотистый цвет лица поражали его — он никогда не думал, что женщина с такими чертами может оказаться столь красивой. Хаэль был просто ошеломлен. Его юношескому тщеславию льстило сознание того, что к нему проявила нескрываемый интерес одна из самых знатных дам этого города. Впрочем, когда он внимательнее присмотрелся к мужчинам, заполнившим улицы Касина, это уже не показалось столь удивительным.

— Почему ты берешь меня с собой? — спросил он.

— Отчасти из благодарности, — ответила женщина. — Ты оказал мне большую услугу, и, возможно, я тоже могу быть для тебя полезной. Если ты продолжишь шататься без цели по городу, то неминуемо окажешься в армии или же закончишь свои дни горьким пьяницей, как это случается с большинством прибывающих сюда варваров. Думаю, что я смогу предложить тебе занятие, которое позволит проявить твои лучшие качества.

Это показалось Хаэлю интересным.

— Какую работу ты сможешь мне предложить?

— Сперва я должна переговорить со своими советниками. Я думаю, тебя не заинтересуют ни на чем не основанные обещания. — На этом Шазад замолчала и не произнесла ни слова до тех пор, пока они не подошли к дворцу.

Дворец, обнесенный высокой стеной, был расположен на вершине холма в южной части города. Тяжелые деревянные ворота охранялись стражником, вооруженным суковатой дубиной. Вымощенная камнем тропинка вела от ворот через парк,



среди деревьев которого вился небольшой ручей. В прудах важно плескали плавниками неизвестные Хаэлю жирные рыбы — они сразу же напомнили ему жрецов-евнухов.

Дворец представлял собой довольно беспорядочное сооружение. От центрального прямоугольного здания отходили крылья, тут и там над крышами виднелись невысокие башенки. Некоторые флигели были явно нежилыми и начинали разрушаться. Когда процессия приблизилась к главному входу, разразилась давно собиравшаяся гроза, со шквалистым ветром и вспышками молний. Среди деревьев парка, подступавшим к самому крыльцу, Хаэль услышал возгласы древесного народца — их язык немного отличался от говора этих созданий на его родном острове.

Шазад выбралась из носилок и бегом бросилась по ступенькам к крытому портику — она едва успела укрыться от первых капель дождя. Ливень хлынул через несколько секунд. Рабы и прислужники также поспешили в укрытие. Хаэль с удивлением наблюдал, как две полуобнаженные юные рабыни с полотенцами в руках побежали к жрице, чтобы осушить несколько капель воды, попавших на ее волосы. Та не обратила на их действия ни малейшего внимания, словно они были тем воздухом, которым она дышала. Из дверей вышла маленькая пятнистая кошка и тут же начала тереться о ноги хозяйки. Шазад наклонилась и подхватила на руки мурлыкающее животное. Хаэлю показалось довольно странным, что жрица не удостоила вниманием двух прекрасных юных девушек, даря его созданию, польза от которого представлялась ему более чем сомнительной. Это в очередной раз напомнило юноше, что он находится в чуждом и непонятном ему мире.



Он последовал за женщиной во внутренний дворик. Его стены украшала цветная мозаика, под ногами блестел полированный мрамор. На одной из стен изображался подводный мир, на другой — фигуры полулюдей-полуживотных. Струи дождя падали в маленький бассейн сквозь прямоугольное отверстие в крыше. На постаменте в центре бассейна возвышалась небольшая статуя, изображающая женщину неземной красоты — возможно, это была богиня.

Они прошли в другое помещение. Свет туда проникал сквозь пластины прозрачного стекла, вставленные в крышу. Сейчас по ним стучали капли дождя.

— Подожди меня здесь, — сказала Шазад и исчезла во внутреннем помещении дворца, сопровождаемая рабынями. На руках она все еще держала кошку, которая довольно мурлыкала.

В легком замешательстве Хаэль принял изучать комнату, где он очутился: стены украшены картинами, изображающими батальные сцены, на небольших деревянных сундуках — надетые на каркасы воинские доспехи, а рядом с ними — круглые стойки с мечами и копьями. Одну из стен украшали щиты, похожие издали на декоративные медальоны. Доспехи были сделаны в основном из костяных пластин, соединенных между собой и отлакированных, некоторые покрыты тонкой кожей с изящным тиснением.

Хаэлю понравилась одна великолепная кираса из чеканной бронзы. Доспехи показались ему очень красивыми, они не шли ни в какое сравнение с теми, что он видел до сих пор. Однако у него закралось сомнение, могут ли они служить надежной защитой в бою.



Во всех картинах с батальными сценами изображались поединки между воинами, армии же неясными очертаниями проступали лишь на заднем плане. Под некоторыми из фигур шли мелкие значки, в которых Хаэль признал буквы; скорее всего, они должны были означать имена бойцов. Наиболее интересными ему показались сцены, изображавшие мужчин, сражающихся верхом на спинах неизвестных ему животных — непонятно, как им это удавалось. Ребенком Хаэль, как и остальные дети шасиннов, катался верхом на квилах или каггах, но мысль о том, что на животных не только ездят, но и сражаются взрослые люди, представлялась ему совершенно невероятной.

Мечи, стоящие в стойках, в большинстве своем были дорогим оружием, напоминающим его собственный клинок, а вот копья по сравнению с великолепным оружием шасиннов — всего лишь деревянные палки с наконечниками, на которые пошло металла не больше, чем на лезвие короткого кинжала. Хаэль пришел к выводу, что мечи носили знатные воины, а копья — простые солдаты, возможно, охранники или слуги в этом дворце.

Барабанная дробь ливня по застекленной крыше прекратилась, и мозаичный пол осветили солнечные лучи. По углу их падения Хаэль понял, что находится во дворце уже больше часа. Он недоумевал, по какой причине его оставили одного, и уже подумывал, не лучше ли уйти. Может быть, жрица просто забыла о нем? Хаэлю хотелось бы узнать ее поближе, она возбуждала его жгучий интерес, поскольку была совершенно не похожа ни на одну из виденных им ранее женщин. Но он не хотел навязываться и не хотел, чтобы Шазад относилась к нему с тем пренебрежением, какое она выказывала



по отношению к своим рабам. Юноша совсем уже было решился покинуть дворец, когда услышал раздавшийся за его спиной голос.

— Я вижу, тебе понравилось выставленное здесь воинское снаряжение.— Хаэль обернулся и увидел почти такого же высокого, как он сам, человека — могучего сложения, но значительно старше его возрастом, в широкой мантии из блестящего материала, скрывавшей тело до самых лодыжек; за его пояс был заткнут кинжал в ножнах с рукояткой из резного коралла.

— Я воин,— сказал Хаэль. Он постучал костяшками пальцев по бронзовой кирасе.— Но я всегда сражался, прикрываясь только собственной кожей, а не броней.

Человек улыбнулся несколько кривой улыбкой — угол его рта был обезображен длинным шрамом, пересекающим щеку.

— Ты бы перестал сомневаться в пользе доспехов, сражаясь в большой армии. Бой в тесном строю лишает воина подвижности, как и сражение верхом. Когда на тебя тучей летят стрелы, ты не можешь уследить за всеми, чтобы увернуться.— Он подошел к кирасе и погладил ее гладкую поверхность, коснувшись пальцами окрашенного в алый цвет плюмажа на бронзовом шлеме.— Эти доспехи помогли сохранить мне жизнь не в одной схватке. У командующего армией остается еще меньше времени, чем у простого солдата, чтобы следить за летящей смертью.

Хаэль понял — этот человек принадлежал к военной аристократии, что его нисколько не удивило.

— А вот на этих картинах,— юноша показал рукой на настенные росписи,— битвы похожи на те, что происходят на моем родном Острове.



— Они изображают сцены из стародавних войн,— сказал высокий воин, с нежностью вглядываясь в картины.— Здесь мои предки. Если верить старинным легендам, тогда все войны решались поединком между двумя избранными бойцами из враждующих армий. Теперь все не так. Обычно схватки происходят в сумятице сражения, и исход битвы решают армии. Победа приходит к тому, у кого большее по числу войско, а иногда — к более талантливому или решительному полководцу.

— Думаю, меня бы не особенно привлекло такое сражение. Как человек может в нем отличиться?

— Войны не ведутся для выгоды отдельных солдат. Однако люди храбрые, сильные и одаренные умением сражаться всегда могут в них выделиться. Но я думаю, ты прав — твое великолепное копье там не особенно бы пригодилось.— Человек подошел поближе к Хаэлю, и его узкие глаза слегка расширились.— Но ты же совсем еще мальчик!

Хаэль вспыхнул и протестующе взмахнул копьем:

— На моей родине так не считали!

Человек успокаивающим жестом протянул к нему руку:

— Я не хотел тебя обидеть, мой друг. Вижу, что ты воин, но здесь, в городе, несколько по-иному смотрят на вещи. Когда моя дочь рассказала о твоем геройском поступке сегодня утром, я подумал, что ты зрелый мужчина — и ты действительно держишься, как взрослый человек. Однако тебе вряд ли больше семнадцати лет.

— Я рад, что оказался ей полезен,— сказал Хаэль,— но никогда бы не подумал, что усмирение норовистого кагга может показаться кому-нибудь геройским поступком.



Высокий человек засмеялся.

— Тем не менее моей дочери угрожала серьезная опасность, и лишь благодаря тебе можно теперь посмеяться над этим. Шазад слишком хрупка и не смогла бы противостоять полудикому животному. Кагг спокойно может забодать человека насмерть или переломать кости своими копытами. Я очень благодарен тебе, воин!

На Хаэля произвело немалое впечатление вежливое и сердечное обращение с ним этого человека. Ведь, как он позже узнал, советник Пашир, отец Шазад — знатный аристократ и, возможно, второй человек по значимости в Наве после самого короля. Вот он стоит здесь и без церемоний разговаривает с незнакомым варварам, не имеющим в этом великом городе совершенно никакого влияния. Но Хаэль тут же сказал себе, что не стоит считать человека любезным только по внешним признакам — он вспомнил льстивые манеры своего брата Гасама.

— Надо признаться, мне кажется странным, — произнес Хаэль, — что твоя дочь привела меня во дворец. То, что я сделал, совершенно незначительно, и я не искал награды за свой поступок. Пожалуй, мне лучше уйти.

— Нет-нет, останься. Ты кажешься мне многообещающим молодым воином, но ведь у тебя нет пока связей в этом городе, верно? Возможно, у меня найдется для тебя подходящее занятие. Не согласишься ли ты отправиться в путешествие — не скрою, оно может оказаться опасным, но в случае удачи принесет как тебе, так и мне несомненную выгоду. Мне кажется, что там храбрость и воинское мастерство помогут тебе показать себя.

Это звучало действительно заманчиво. Не успел Хаэль спросить, куда именно и с какой целью на-



правляется экспедиция, как Пашир вытянул руку и щелкнул пальцами. Повинуясь его знаку, в комнату вошел босой человек, одетый в короткий кильт из желтой ткани, и, не произнося ни слова, застыл, ожидая приказаний.

— Мы обсудим мое предложение чуть позже, во время обеда. Теперь же мне нужно спешить в резиденцию короля. Этот человек покажет тебе комнату, которую я отвел в твое распоряжение, если ты согласишься несколько дней побывать моим гостем. Я думаю, ты об этом не пожалеешь.

Хаэль был достаточно разумен — он не стал отказываться от столь удачно предоставившейся ему возможности.

— Я с благодарностью принимаю твоё предложение, — сказал он.

— Благодарить тебя должен я. Что ж, увидимся вечером. — Советник вышел из комнаты, и только тогда Хаэль сообразил, что он не спросил у него имени и не сказал своего. Несомненно, обычаи здешней аристократии были более чем странными.

— Я провожу тебя, — окликнул его раб, и юноша последовал за ним по длинному полутемному коридору.

— Как твоё имя? — спросил он раба.

Тот оглянулся в явном недоумении.

— Имя? Я третий номер из седьмого отряда, главное здание, дневная смена.

— Ты хочешь сказать, что у тебя нет имени?

Раб пожал плечами.

— Свободного человека оно вряд ли может заинтересовать.

Они вошли в небольшой квадратный дворик, откуда можно было попасть в несколько помещений. Комната, на которую указал раб, по сравнению



с огромными залами показалась Хаэлю маленькой, но тем не менее она была больше, чем хижины шасиннов. Там стояли стол и несколько стульев, а также предмет, в котором он не сразу распознал кровать, укрупненную резьбой и заваленную плюшевыми подушками. На стенах красовался причудливый орнамент.

Раб указал на дворик:

— Вниз по коридору и налево — уборная, а направо — ванная для гостей. Ты можешь свободно передвигаться по всему дворцу, за исключением тех мест, куда тебя не пропустит стража у дверей. Ты голоден?

Внезапно Хаэль почувствовал, что просто умирает от голода. После того, как он ранним утром сошел с корабля, произошло много событий, но вот поесть ему не привелось.

— Да, я проголодался. — Прежде чем человек успел исчезнуть, Хаэль задал волнующий его вопрос: — Скажи, почему ты раб?

Тот посмотрел на него как на безумца.

— Почему? Потому, конечно, что у меня нет выбора. — После этого он удалился.

Ответ мало что объяснил Хаэлю. У человека, считал он, всегда существует выбор — в крайнем случае, им может стать смерть. Возможно, все прислужники, которых он видел во дворце, были рождены рабами.

Он остановился около тяжелого занавеса и, отодвинув его, увидел дворик, в центре которого шелестел фонтан, а вокруг него в изобилии росли яркие цветы, над которыми с гудением роились пчелы. Над керамическими плитками поднимался легкий туман — под лучами яркого солнца на глазах испарялись лужи, оставленные прошедшим дождем.



Внимание Хаэля привлекли звуки музыки. Через раскрытую штору такой же, как у него, комнаты он увидел женщину, устроившись на подушке, брошенной на пол, она играла на арфе. Вокруг ее талии было несколько раз обернуто ожерелье из жемчужин, шею, предплечья и лодыжки украшали золотые ленты и нити из драгоценных камней, но больше на ней ничего не было, кроме тяжелого медного ожерелья, которое указывало на то, что она — рабыня. Кожа женщины, оттененная волосами цвета воронова крыла, казалась особенно белой. Хаэль не мог определить, откуда она родом. Из той комнаты он слышал также тихие голоса, но тех, кто разговаривал, видеть не мог. Хаэль отступил назад, не желая, чтобы кто-нибудь подумал, что он подслушивает. Женщина подняла на него большие серые глаза, ее пальцы продолжали привычно перебирать струны арфы.

Хаэль решил ознакомиться с теми удобствами, о которых сказал ему раб. Ванная оказалась небольших размеров и выложена прекрасной керамической плиткой, в ее полу был сделан наполненный благоухающей водой бассейн в виде раковины. Он не удержался, чтобы не насладиться этим великолепием. Сняв пояс с мечом и украшения, он спустился на несколько ступенек вниз и окунулся в бассейн. Удивление было огромным — до сих пор он ни разу не купался в горячей воде. Это новое ощущение приятно возбуждало, к тому же по поверхности воды плавал тонкий слой ароматического масла. Вода текла из спрятанных в стенах раковины кранов. Хаэль подумал, что был бы не прочь провести в таком дворце весь остаток своей жизни.

Он вернулся в свою комнату и увидел на столе подносы с хлебом, фруктами и холодным жареным



цыпленком. Там же оказался кубок с охлажденным вином. Несмотря на голод, он, по давней привычке, ел медленно и аккуратно, пытаясь представить, какова была бы реакция здешних жителей на чашу, наполненную молоком, смешанным с кровью. Наверное, это вызвало бы у них отвращение, хотя юноша до сих пор не мог понять подобного отношения к пище шасиннов. Хаэль заметил, что еда приправлена незнакомыми ему тонкими специями. Цыпленок был покрыт сверху слоем меда, хлеб приятно пах запечеными в нем мелкими семечками шафрана. Малк говорил ему об этой пряности, которая очень высоко ценилась в Наве.

Хаэль покончил с едой. Теперь у него оставалось несколько свободных часов до вечера, когда, возможно, решится его судьба. Раб сказал, что можно свободно ходить по дворцу, и юноша решил осмотреть его.

Побродив по коридорам и залам, Хаэль очень быстро устал от вида пышной обстановки и многочисленных украшений. Рабы безмолвно спешили по своим делам, в отличие от свободных прислужников — в движениях последних чувствовалась невероятная важность. Внимание юноши привлекла настенная роспись, где изображались люди, едущие верхом. Он спросил у оказавшегося рядом охранника, держат ли таких животных в поместье. Тот ответил утвердительно и показал, как пройти к строениям, которые он назвал конюшнями. Хаэль вышел из дворца на заднюю террасу, откуда по склону холма, усаженному фруктовыми деревьями, спускалась лестница.

У ее подножия начинался широкий луг, он тянулся до границ поместья, где стояла городская стена. Слева от него виднелись низкие строения и



загоны для скота — это было ясно по доносящимся оттуда звукам и характерному запаху животных.

Спустившись по лестнице, Хаэль снова с наслаждением ощутил под босыми ногами землю. Он подошел к одному из строений, где у огороженного загона стояла небольшая группа людей. Мужчины были одеты только в короткие штаны из кожи. Они не носили медных ошейников, а значит, не являлись рабами. Перед ними лежал какой-то непонятный предмет сложной конструкции — к изогнутому деревянному остову крепились полосы из кожи.

Хаэль застыл от восторга, когда в загон выпустили неизвестное ему животное. Двое мужчин вели его, держа за веревки, продетые непонятным способом через его рот. Это было самое красивое животное, которое когда-либо видел Хаэль, — грациозное и великолепно сложенное, с длинными и стройными, но в то же время сильными ногами; они заканчивались одним округлым копытом, а не двумя. Его тело ровного коричневого цвета сужалось в размерах от массивной грудной клетки к пояснице, а затем снова расширялось к могучему крупу, с которого ниспадал блестящий длинный хвост. Изящную выгнутую шею венчала удлиненная голова с маленькими ушами и прекрасными умными глазами. Небольшие рожки этого зверя загибались назад, почти смыкаясь в круг. На шее торчала короткая густая грива, а подбородок украсила борода. Когда животное подвели ближе, Хаэль увидел, что веревки, за которые его держали, прикреплены к кольцам, продетым сквозь проколотую нижнюю губу.

Не только невероятная красота этого создания потрясла Хаэля — оно излучало могучую духовную силу. Такой мощной ауры он не чувствовал даже у



длинношея. Прекрасное зрелище так увлекло его, что он не услышал шагов за спиной.

— Я вижу, ты быстро нашел самое интересное для тебя место.— Хазель узнал голос Шазад, но ему понадобилось усилие воли, чтобы оторвать взгляд от зверя и обернуться к ней.

— Я никогда не видел ничего столь прекрасного. Это животное называется кабо?

— Да. Ты никогда не видел их раньше? В это нетрудно поверить. Любая женщина почувствовала бы себя на вершине счастья, если бы ты смотрел на нее так, как на это животное.— Жрица сменила одежду и теперь была в таких же коротких кожаных штанах, как и мужчины, держащие кабо. Ее наряд отличался тем, что штаны стягивались под коленями над высокими башмаками из мягкой кожи, со шнурковкой на икрах. Еще на ней была белоснежная рубашка из блестящей материи с широкими рукавами.

— Неужели зверь такой гордой породы может позволить человеку ездить на своей спине, выполняя все его приказания?

— Этого действительно не так-то легко добиться,— сказала Шазад.— Для начала их надо приручить. Этот кабо еще не совсем приручен. Его имя Лунный Огонь, он чистокровный потомок одной из лучших пород. Эти животные используются только для охоты или войны, иногда на бегах, потому что они слишком умны, чтобы можно было просто ездить на них верхом. Есть и менее породистые кабо, но содержать любого из них могут позволить себе только очень богатые люди.

— Значит, их немного? Я подумал, что они размножаются, как кагти, и каждый может обладать этими прекрасными созданиями.



— Разведение кабо — очень сложное дело. Сначала они были гораздо меньших размеров, поэтому, чтобы они не вырождались, надо тщательно подбирать производителей. В прошлые века их впряженные в колесницы — они были слишком малы, чтобы ездить на них верхом, как делают только в последние три-четыре сотни лет. У кабо рождается по одному жеребенку, но не всегда такому, как надо. Тогда им предстоят долгие тренировки. Так что простые люди не могут этим заниматься.— Она крикнула конюхам: — Оседлайте его!

Хаэль зачарованно смотрел, как двое мужчин удерживали кабо за ремни. Остальные четверо подняли с земли приспособление из кожи и дерева, которое еще раньше привлекло его внимание. Один из них перебросил через спину кабо свернутое одеяло, двое других водрузили на него непонятную вещь, затянув ремнями под брюхом. Последний пристегнул к кольцам в губах пару кожаных ремешков с цепочками. Конюхи работали слаженно и точно. Видно было, что они проделывали все это не одну сотню раз — животное оседлали не больше чем за десять секунд.

— Все готово, госпожа, — сказал один из них. — Но учти, сегодня он раздражен и явно не в духе. Позволь мне выбить из него эти капризы перед тем, как ты сядешь на него.

— Хорошо, — согласилась Шазад. — Меня сегодня уже вывалили разок в грязи, вполне достаточно для одного дня.

Объездчик ухватился за кожаный каркас и поставил ногу в деревянную петлю, которая свисала на ремне с бока кабо, как ступенька. Потом он перебросил через спину животного вторую ногу и уселся верхом. Он подхватил короткие, оканчива-



ющиеся цепочками ремешки; длинные же ремни, проходящие сквозь кольцо в губе, висели свободно. По его знаку все отступили назад.

Кабо сначала прядал ушами и беспокойно перебирал своими длинными ногами, потом вдруг встал на дыбы и начал отчаянно брыкаться. Очень скоро кабо добился своего и сбросил с седла незадачливого наездника. Но, перелетев через шею животного, тот с привычной ловкостью приземлился на четвереньки и сразу же поднялся на ноги.

— Мне кажется, сегодня не лучший день, чтобы прокатиться на Лунном Огне, госпожа,— заметил он.— Возможно, завтра он успокоится и станет более покладистым.

— Какая жалость! — надула губки Шазад — в этот момент она походила на маленькую рассерженную девочку.

— Нельзя ли попробовать мне? — неожиданно попросил, выступая вперед, Хаэль. Ему неудержимо захотелось испытать свои силы.

Мужчины расхохотались.

— В конюшне стоят несколько пожилых мериных с кротким незлобивым характером,— крикнул тот, что вылетел из седла.— Может, один из них и позволит тебе взобраться на его спину, парень!

Женщина обернулась и окинула юношу внимательным оценивающим взглядом. Несколько мгновений, показавшихся ему очень долгими, она молчала, затем промолвила:

— Хорошо, я согласна.

Объездчик, который только что пытался оседлать кабо, запротестовал:

— Моя госпожа, ты, должно быть, шутишь? Ведь любому ясно, что этот парень никогда в жизни не ездил верхом!



На лице жрицы появилось упрямое выражение. Затем она улыбнулась:

— Но я этого хочу!

Объездчик, чувствовавший себя все более и более неловко, тем не менее не отступал.

— Госпожа, Лунный Огонь приручен лишь на половину, это очень опасное животное. Возможно, для тебя окажется хорошим развлечением наблюдать, как этот голый дикарь полетит с него вверх тормашками, но если Лунный Огонь убьет хотя бы одного человека, его дальнейшая жизнь будет загублена.

Улыбка исчезла с лица женщины, уголки губ начали странно подергиваться.

— Тебе лучше не спорить со мной,— проговорила она безразличным, как бы скучающим тоном.— То, что ты свободный человек, не означает, что я не могу спустить с тебя шкуру.

Мужчина поклонился, коснувшись лба костяшками мозолистых пальцев.

— Как пожелаешь, госпожа.— Потом он повернулся к Хаэлю: — Иди за мной, малыш.

Хаэль был слишком взволнован, чтобы обращать внимание на столь оскорбительное обращение. Перед тем как перепрыгнуть через ограду, он воткнул свое копье в землю и повесил пояс с мечом на столб. Конюхи уже вновь держали кабо под уздцы. Тот весь дрожал и нервно закатывал глаза.

— Ты ведь на самом деле никогда раньше не ездил верхом?

— Это первый кабо, которого я когда-либо видел,— признался Хаэль.

— Ну, что ж, может, ты выбрал и не самый худший способ покончить с жизнью. Ведь можно было бы умереть и под плетью. Но если ты собира-



ешься еще немного пожить, постарайся не напрягаться, когда он выбросит тебя из седла — если сумеешь расслабиться, ушибешься не так сильно. Падай, согнув руки и ноги, и если не сможешь сразу же вскочить, попробуй откатиться в сторону. Мы попытаемся удержать его, чтобы он хотя бы не затоптал тебя насмерть.

Когда они подошли к кабо, объездчик указал на деревянную ступеньку:

— Это стремя. Ставь в него ногу и вскакивай вот сюда, в седло.— Он похлопал кабо по спине.

— Не так сразу,— сказал Хаэль.— Сначала мы должны получше узнать друг друга.— Юноша поднял руку и дотронулся до густых бровей животного, медленно передвигая пальцами по его морде. Дух кабо оказался столь сильным, что Хаэль перестал ощущать все окружающие запахи.

— Осторожней,— сказал державший кабо мужчина,— они могут кусаться.

Но животное, наоборот, становилось все спокойнее и постепенно перестало дрожать. Хаэль заметил, что переменился и мерцающий от света его духа. Юноша похлопал его по морде, и вскоре кабо уже пытался ткнуться носом в его ладонь.

— Вот теперь я попытаюсь на него взобраться,— сказал Хаэль.

Конюх придержал стремя, и он поставил в него ногу. Объездчик показал ему, как опираться руками на луку седла, и, согнув ногу, Хаэль перенес другую через спину животного, вдев ее в стремя с другой стороны седла. Кожаные поводья он подхватил левой рукой. Никогда еще в жизни он не испытывал столь восхитительного ощущения. Сидеть верхом на прекрасном могучем животном, возвышаясь над всеми остальными людьми! Хаэль чувство-



вал, как под его голенями двигаются, подобно мехам, мощные легкие животного.

— Для новичка ты держишься в седле совсем неплохо, — заметил один из конюхов, видимо старший. — Теперь опусти пятки вниз. Вот так. Эти ремешки у тебя в руках — поводья. Когда ты захочешь, чтобы кабо повернул, потяни их в этом направлении и сжимай его бок коленом с противоположной стороны. Вообще-то, это все, что тебе надо знать, если бы он был полностью обезжжен. Не думаю, что ты усидишь в седле достаточно долго... Чтобы послать кабо вперед, дотронься до боков пятками. Ну, приступай!

— Я готов! — сказал Хаэль. Сердце его бешено стучало.

Конюхи отстегнули поводья от колец в губах кабо и отошли в сторону. Их широкие ухмылки несколько приутигли — кабо и не думал метаться или вставать на дыбы. Вместо этого он нетерпеливо гарцевал на месте, как будто желая рвануться вперед. Особого недовольства тем, что на его спине восседает наездник, он не выражал.

Хаэль осторожно дотронулся пятками до ребер животного. Кабо рысцой пошел вперед. Юноша неуклюже подпрыгивал в седле, не забывая направлять животное вправо, чтобы оно не врезалось в ограду.

— Расслабь спину и колени, — крикнул ему главный конюх.

Хаэль последовал его совету и вскоре смог принаоровиться к аллюру животного. Всем своим телом он ощущал его внутренние побуждения — кабо сейчас хотел бежать вперед и только бежать.

— Откройте ворота! — крикнул он конюхам. Те, озадаченные просьбой, не двигались с места.



— Делайте, как он говорит! — приказала Ша zad. Конюхи повиновались, отодвинув засов и распахнув ворота.

Хаэль не обдумывал свои действия, он инстинктивно чувствовал, что должен делать, — он отпустил поводья, и кабо плавно рванулся вперед, одним прыжком очутившись за оградой. По лугу, окружавшему загон, он помчался уже галопом. Юношу поразило то, что он и кабо — словно единое целое. Он чувствовал ликование животного — оно делало то, чего требовал его дух. Это оказалось для Хаэля столь же новым, как и плавание по морю, но куда более захватывающим. Человек и животное действительно слились в одно целое, кабо немедленно откликался на его малейшее желание, и юноше даже не приходилося пользоваться поводьями или сжимать шенкеля.

Он чувствовал, как под его ногами работают могучие мускулы. Видимо, дух животного настолько силен, что оно будет скакать до тех пор, пока не остановится сердце — если, конечно, он, Хаэль, пожелает этого. Наездник выпрямился в седле, и кабо постепенно замедлил бег, снова переходя на мелкую рысь. Слегка натянув поводья, он откинулся назад — и животное остановилось. Хаэль надавил на его бок коленом, и оно стало поворачиваться на месте, описав полный круг. Надавил другим коленом — и кабо завертелся в обратном направлении. Почему его пытались убедить в том, что животным сложно управлять? Скорее всего, подумал Хаэль, они настолько не способны понимать духовных побуждений кабо, что могут установить над ним только грубое физическое господство.

Действуя поводьями, он направил Лунного Огня в загон, где стояли, разинув от изумления рты, облез-



дчики и конюхи. Старший конюх посмотрел на него с упреком:

— Почему ты не сказал мне, что имеешь опыт верховой езды?

— Потому что это не было бы правдой, — ответил Хаэль. Он освободил ногу от стремени и скользнул на землю. Ощущив на внутренней поверхности бедер болезненные ссадины, он слегка поморщился. Похоже, в верховой езде, как и в морском плавании, невозможно обойтись без первоначальных неудобств. Юноша в последний раз погладил по морде Лунного Огня. Когда конюхи продели ремни в кольца на его губах, животное опять начало нервничать, храпеть и брыкаться.

Глаза Шазад, когда Хаэль подошел к ней, странно блестели.

— Я вижу, ты еще не один раз сможешь удивить меня, мальчик.

— Ты меня тоже поразила с первого взгляда, — сказал он, надевая пояс с мечом. — Но тогда я и представить не мог, что смогу узнать тебя поближе. Это мой первый день в большом городе, и я никогда не был знаком не то что с главной жрицей, но и вообще с какой-нибудь знатной дамой. На моей родине все по-другому.

— Мне кажется, ты быстро здесь освоился.

— Мне не остается ничего другого. Я стал изгояем, и вряд ли мне удастся повернуть остальной мир к той жизни, к которой я привык там, где вырос.

— Мудрое решение. Ты был бы удивлен, узнав, какое количество людей тратит на это все свои силы. — Женщина посмотрела в сторону загона — туда вывели другого кабо, который вел себя совершенно спокойно. — Что ж, ты успел прокатиться верхом, а мне это еще только предстоит. Увидимся



вечером за обедом, и возможно, после него у нас найдется время побеседовать.— С этими словами Шазад повернулась и пошла прочь. Хаэль поклялся про себя, что наступит день, когда эта женщина не осмелится вести себя с ним столь высокомерно.

Когда юноша вернулся в свою комнату, его мысли уже не занимала надменность Шазад. Он все еще был под впечатлением своего первого опыта езды на кабо. Он и предположить не мог, насколько увлекательным окажется это занятие. Он думал и о том, как еще можно использовать этих удивительных животных. О чем говорила Шазад? Что кабо используют здесь лишь для сражений, охоты и на скачках? Без всякого сомнения, аристократы, которые владеют кабо, просто желают сохранить для себя этих животных. И ему было не совсем понятно, что они подразумевали под понятием «негодные кабо». Негодные для чего?

Очевидно, что знати не было нужды трудиться, и им просто не приходило в голову использовать своих кабо для каких-либо иных целей, кроме войны или развлечений. А Хаэль сразу же подумал, какую пользу они могут принести пастухам. Огромное стадо кагтов могли бы пасти несколько человек верхом. Он вспомнил и долгий нелегкий путь, который проделывало его племя, переходя к новым пастбищам. Им приходилось двигаться, принаравливаясь к скорости маленьких детей, которых уже невозможно нести на руках. Насколько быстрее был бы путь, если бы люди ехали верхом, используя для перевозки скарба выночных животных!

Хаэль снова прошел в ванную и смыл с тела грязь. Вернувшись, он обнаружил в своей комнате приготовленную для него новую одежду — тунику из блестящей ткани, пояс, украшенный драгоценны-



ми камнями, и сандалии из прекрасно выделанной мягкой кожи. Он начал уже одеваться, но внезапно задумался. Была ли это просто вежливость по отношению к нему, или хозяева дворца желали сделать его одним из здешних обитателей? Юноша бросил одежду обратно на кровать и снова натянул свою набедренную повязку из шкуры ночного кота, по-рядком уже вытертую.

Солнце опустилось почти к самому горизонту, когда в комнату к Хаэлю зашла рабыня и позвала его к столу. Это была женщина с очень темной кожей, почти как у Охотников на его родном Острове, но с жесткими выщипанными волосами рыжеватого цвета. Юноша потянулся к поясу с мечом.

— О, в этом не будет необходимости, господин! — потупив глаза, сказала рабыня.

— Я воин,— коротко ответил, следя за ней, Хаэль.

Трапезная дворца освещалась масляными фитилями, горящими в шарах из дутого стекла. Когда юноша вошел, глаза всех присутствующих широко раскрылись, настолько их удивил его экзотический вид. Пашир, сидящий во главе длинного стола, не говоря ни слова, указал Хаэлю на свободное место. За каждым из стульев стоял раб, и юноша сел, вручив ему свое оружие. Шазад сидела прямо напротив него. Глаза женщины возбужденно блестели.

Пашир представил его остальным гостям. Среди них был купец по имени Шонг, невысокий крепкий человек с открытым обветренным лицом. Рядом с Шазад сидел Марах, посол из Омайи — страны, находящейся на северо-востоке от Навы. По правую руку от Хаэля оказалась жена Мараха, Мелетта — женщина необычайной красоты, но на ее лице ясно отражались порочность и распутство. Пышные гру-



ди Мелетты вздымались над низко вырезанным корсажем так, что виднелись темные полукружия скосов. Сразу было заметно, что она уже выпила много вина.

Представив Хаэля гостям, Пашир обратился к нему:

— Моя дочь рассказала мне невероятную историю о том, что произошло сегодня днем в конюшне. Признаюсь, я с трудом в нее поверил, хотя Шазад и уверяла меня, что ничего не приукрасила.

— О, я непременно должна ее услышать! — воскликнула Мелетта, кокетливо улыбнувшись Хаэлю и одарив его столь призывным взглядом, что тот удивился терпимости ее мужа. На лице Мараха по-прежнему не отражалось ничего, кроме скуки.

— Это было великолепное зрелище! — сказала Шазад. Все же несколько приукрасив, она описала присутствующим, как Хаэль, несмотря на свою неопытность, легко покорил полуприрученного Лунного Огня.

— Для того, чтобы овладеть верховой ездой, мне потребовалось множество изнурительных уроков, — заметил Пашир. — Ты на самом деле ни разу до сегодняшнего дня не видел кабо?

— Да, это так, но мое племя занимается скотоводством, и всю свою жизнь я провел рядом с животными. Возможно, кабо почувствовал это. — О том, что он был изгнан своим народом, Хаэлю не особенно хотелось рассказывать чужеземцам.

— Поразительно! — воскликнул Пашир. Когда принесли первое блюдо, он завел разговор об экспедиции, которую собирался возглавить Шонг. Этот купец был в душе авантюристом и бродягой. Он уже успел открыть для Навы множество областей, с которыми она теперь вела успешную торговлю.



Но поскольку он не мог не думать о выгоде, извлекаемой из подобных предприятий,— а эти путешествия были чрезвычайно дороги,— ему частично платили из королевской казны. Любые добытые в такой экспедиции материалы или знания были крайне ценными, даже если в коммерческом отношении она оказывалась не слишком плодотворной.

— Куда ты намереваешься идти на этот раз? — спросил Пашир.

— На северо-восток, через земли Омайи, горы, а затем вверх к высокогорной стране Дакос. Эта местность еще не исследовалась, она известна только охотникам. Уверен, там можно найти много интересного.

— С той же вероятностью она может оказаться пустынной,— вставила Шазад.

— Что бы там ни оказалось, это стоит разузнать,— возразил ее отец.— Король Омайи Оланд милостиво дал нам разрешение пересечь его земли и вернуться обратно тем же путем.

Марах улыбнулся заученной улыбкой.

— Наш государь был счастлив даровать такое разрешение, поскольку его всегда в первую очередь заботят мирные отношения между нашими народами.

Хаэль подозревал, что сердечное содружество двух этих государств помимо доброй воли обусловлено еще какими-то обстоятельствами. Его народ не был настолько наивен, чтобы ничего не знать о фальшивых улыбках и неискренних словах. В конце концов, он имел богатый опыт общения с Гасамом! Но он понимал и то, что все присутствующие считают его слишком наивным, чтобы он мог догадаться об этом. Что ж, в таком случае у него будет перед ними существенное пре-



имущество, которое, наверное, не раз сослужит ему здесь добрую службу.

— Хаэль,— обратился к нему Пашир,— я уже говорил, что собираюсь предложить тебе участвовать в предприятии, которое кажется мне подходящим для такого храброго человека со склонностью к авантюрам, каким мне кажешься ты. Что ты скажешь об экспедиции купца Шонга? В таком дальнем путешествии необходим опытный умелый воин, а твое искусство обращаться с животными будет особенно ценным. И кроме того, ты можешь оказаться полезным лично мне.

— Это звучит привлекательно,— сказал Хаэль.— Но чем я могу быть полезен для тебя?

— После возвращения ты составишь отчет о своих впечатлениях. Разные люди по-разному видят одни и те же вещи. Наш уважаемый Шонг, несмотря на наличие авантюристической жилки, в первую очередь торговец, причем редкой проницательности. Он составит мнение о товарах, которыми можно будет обмениваться с народами, обитающими на вновь открытых землях, разузнав все о местных торговцах, о правилах торговли и пошлинах, если вам встретится цивилизованное государство, о посредниках и чиновниках, с которыми нам придется иметь дело в будущем. В экспедиции примут участие королевский картограф, а также, возможно, специалист по растениям — для поиска лечебных трав и редких растений, и еще человек, разбирающийся в рудах,— он сможет обнаружить залежи минералов, о которых местное население и не догадывается. А ты, я думаю, сможешь получить полезные сведения о жизни диких земель, через которые вы пройдете, об обычаях населяющих их народов. Раньше мы



часто пренебрегали этими знаниями и теперь горько сожалеем об этом.

Хаэлю все это показалось весьма разумным.

— А как проходят эти экспедиции? — спросил он.

— Выступая отсюда, — сказал Шонг, — мы навьючиваем на нусков те товары, которые, как мы знаем, пользуются спросом во внутренних землях. Если по дороге нам встречаются пустыни, мы обмениваем нусков на горбунов. Если местность такова, что исключает использование выночных животных — как, например, джунгли ниже Мыса, приходится нанимать носильщиков из обитающих там племен. Путь значительно облегчается, если можно спускаться по реке, это экономит массу времени. Вообще-то, я не ожидаю особых результатов от этого путешествия, но все же думаю, что оно должно окупить себя. Скорее всего, нам придется зайти очень далеко вглубь материка, прежде чем мы встретим реку, которая течет на восток.

— Вы путешествуете пешком? — поинтересовался Хаэль.

— Пешком идут погонщики животных и большая часть охранников. Их командиры могут ехать верхом — если, конечно, у них есть кабо.

Хаэль взглянул на советника.

— Поскольку я буду твоим личным послаником, не сможешь ли ты предоставить мне кабо для этого путешествия? — без обиняков спросил он.

Пашир широко и, как показалось Хаэлю, искренне улыбнулся.

— Я не сомневался, что ты спросишь меня об этом. Да, я думаю, это можно будет устроить. Я позабочусь и об остальном твоем снаряжении. Тебе понадобится для путешествия куда больше, чем меч



и копье. Конечно, Лунный Огонь слишком породистое животное, чистокровных кабо никогда не используют, чтобы просто преодолевать на них расстояние, но в наших стойлах есть несколько меринов, чье время участвовать в охотах и сражениях уже прошло. Я думаю, ты без труда выберешь себе подходящее животное.

Сердце Хаэля бешено заколотилось. Конечно, ему очень хотелось еще раз поездить на Лунном Огне, но он понимал справедливость слов советника. К тому же иметь в своем распоряжении кабо — пусть и не такого породистого — это просто здорово!

— Разумеется, я в любом случае не отказался бы от столь великодушного предложения. Когда мы выступаем?

— Через восемь-девять дней, — сказал Шонг. — Когда мы доберемся до горных перевалов, они уже будут занесены снегом, и чтобы преодолеть их, нам придется перезимовать у подножия гор. Обратно нужно вернуться до того, как их снова завалит снегом.

— Тогда, — обратился к Паширу юноша, — с твоего разрешения, советник, мне бы хотелось провести какое-то время в конюшнях, чтобы знать, как ухаживать за кабо.

Мелетта спрятала улыбку в очередном стакане вина.

— Ты говоришь, как настоящий скотовод, мальчик!

— Мне бы хотелось на это надеяться, — сказал Хаэль. — У меня на родине нет более достойной похвалы.

Женщина вспыхнула, но всем остальным, включая ее мужа, казалось, очень понравился ответ юного дикаря.



— Разумеется,— сказал Пашир,— мои люди окажут тебе в этом любую помощь. Каждый достойный уважения человек должен уметь ухаживать за кабо.

Когда принесли следующее блюдо, разговор перешел к другой теме — обсуждали странности поведения некоторых аристократов, чья привязанность к кабо доходила до крайностей. Среди них, ходили слухи, был и принц, наследник королевского престола, который настаивал на том, чтобы самому чистить свои конюшни. Другой нобиль, унаследовавший огромное имение, невероятно гордился тем, что изобрел новую, очень удобную скребницу.

Когда обед закончился, Пашир проводил своих гостей, наделив каждого ценным подарком. После этого он отвел Хаэля в сторону.

— Я хотел бы сказать тебе пару слов до того, как ты удалишься, мой друг. Ты — замечательный юноша, Хаэль. И можешь поверить, я говорю это не для того, чтобы польстить тебе.

— Я тебе верю. Такому человеку, как ты, нет нужды льстить незначительному и никому не известному чужестранцу.

— Хорошо, что ты признаешь это. Поступок, который ты совершил сегодня утром, спасая мою дочь, очень меня обязал. Но, вообще-то, я думал, что передо мной предстанет расчетливый провинциал, и, достойным образом с ним расплатившись, я смогу выбросить все это из головы. Однако как только я увидел тебя, то понял, что ты не таков. То, как ты вел себя днем в конюшне, еще более усилило это впечатление. Ну, а вечером, когда ты не стушевался среди людей, которые могли бы привести в смущение куда более искушенных и знатных особ... разумеется, я не хочу сказать этим ничего обидного...



— Я понимаю, — заверил его Хаэль.

— А особенно как ты повел себя с этой шлюхой Мелеттой. Впрочем, это к делу не относится. — Разговаривая, они вышли на террасу; стражи, при виде своего господина, вытянулись во фронт. — Кстати, я заметил, что ты не желаешь расставаться с одеждой твоего племени. Может быть, кто-то и счел это пренебрежением приличиями, но только не я.

— Я не хотел никого оскорблять...

— Разумеется, — нетерпеливо перебил его Пашир, — но я не об этом. Ты наделен недюжинными способностями, мой мальчик, но не думай, что они помогут тебе возвыситься в нашем обществе. Я уже сказал, что у меня имеются личные причины отправить тебя с экспедицией Шонга. Так вот, самая главная из них — я хочу, чтобы ты как можно скорей покинул Касин. Это тебя удивляет?

Хаэль не мог вымолвить ни слова, проклиная себя за столь неподобающее воину замешательство, однако Пашир, казалось, ожидал именно такой его реакции.

— Да, это так. Без сомнения, ты довольно быстро смог бы добиться у нас успехов. Но столь же неизбежным было бы и твое падение. Для того, чтобы удержаться наверху, недостаточно ни храбрости, ни ума, ни недюжинных способностей. Для этого в первую очередь нужен опыт, а вот его-то у тебя пока нет. Столица уже сгубила массу молодых одаренных людей. Так что отправляйся с экспедицией Шонга и набирайся этого опыта. Когда ты его приобретешь — ты возвратишься сюда уже зрелым человеком. Если, конечно, сумеешь выжить. И вот тогда наступит время, когда ты добьешься настоящего успеха.



Хаэль так и не смог ничего сказать ему в ответ. Этот человек, казалось, говорил искренне. Разумеется, у него, Хаэля, не было никакого опыта жизни в цивилизованном обществе. В некоторой растерянности попрощавшись с Паширом, он отправился в отведенную для него комнату. Этот день показался ему невероятно длинным и заполненным событиями, однако он еще не закончился.

У входа в комнату его встретила рабыня, которую он не видел раньше. Она, похоже, принадлежала к тому же народу, что и девушка, играющая на арфе.

— Тебя желает видеть госпожа Шазад,— сказала она. Как и все рабы, она не поднимала глаз, когда говорила, но Хаэль все же заметил, что они серого цвета.

— Ты сможешь проводить меня? — спросил он. Усталость, которую он только что ощущал, исчезла; от мысли, что ему предоставится возможность наедине поговорить с Шазад, его переполнили жизненные силы и кипучая энергия молодости. Все же он напомнил себе, что следует быть крайне осторожным.

Залы и коридоры освещались свечами и масляными лампами. Около них находились рабы, чьей обязанностью было следить за фитилями и наличием масла в светильниках. Над небольшими жаровнями курились благовония, наполняя воздух упоительным ароматом, который отпугивалочных насекомых.

Рабыня провела его в комнату, где мерцала дюжина свечей. Это помещение оказалось раз в десять больше того, что отвели для Хаэля. Его стены были задрапированы богатыми тканями, на полу разбросано множество мягких подушек.



Внимание юноши привлекла странных очертаний скульптура, величиной в четверть человеческого роста. Приглядевшись внимательнее, он понял, что она изображает сплетенных в тесном объятии мужчину и женщину, чьи лица искажены страстью, а возможно — и болью.

— Бог Палумва и богиня Реоне создают вселенную, — услышал он голос.

Обернувшись, Хаэль увидел, что в дверях комнаты стоит Шазад. Теперь на ней было платье из столь тонкой ткани, что свечи за спиной превращали эту ткань в легкую туманную дымку, почти ничего не скрывающую. — Боги, как видишь, занимаются тем же самым, что и простые смертные.

Хаэль еще раз взглянул на статую.

— За исключением того, пожалуй, что боги кажутся мне гораздо более гибкими, чем люди.

— Ах, вовсе нет! — с улыбкой промолвила Шазад. — Эта поза используется многими последовательными приверженцами Палумвы и Реоне, хотя она, действительно, требует предварительных упражнений, которые чаще всего выполняются не парой, а группой участников.

— Я думал, что ты жрица бога грозы.

— Это лишь потому, что мой отец занимает высокое положение в обществе. — Женщина вошла в комнату. Сквозь ее полупрозрачное одеяние пропадали темные пятна сосков и лона. Зрелище невероятно возбуждало — и, без всякого сомнения, было рассчитано именно на это. — Как одна из самых знатных дам, которым позволено появляться на людях, я являюсь жрицей нескольких государственных культов.

— Например, этого? — спросил Хаэль, указывая на статую.



— О нет. Эта секта запрещена почти повсеместно.— В голосе Шазад звучало явное сожаление.— Такое совокупление — один из самых простых и невинных ее ритуалов.

— Я слышал,— пробормотал Хаэль,— что существуют боги, поклоняться которым запрещено.

— Их великое множество,— подтвердила женщина.— Большинству простых людей не достает высоты духа, чтобы понять некоторые сокровенные вещи. Но существует особый соблазн заниматься тем, что запретно.— Во взоре жрицы появился странный блеск.

— Я однажды совершил то, что запрещено,— произнес Хаэль.— И мне повезло, что я оказался вечным изгнаниником — я мог быть осужден и на смерть.

— Расскажи мне! — хрипловатым шепотом попросила Шазад. Теперь она стояла так близко, что юноша ощущал тепло ее тела.

— Не думаю, чтобы тебя это заинтересовало,— тоже понизив голос, сказал он.

Горло у него внезапно перехватило. Он понял, что пора переходить от разговоров к делу. Хаэль положил руки на талию женщины и прижал ее к себе. Она была настолько тонка, что кончики его мизинцев почти соприкасались на ее пояснице, а большие пальцы — в углублении нежного пупка. Руки Шазад скользнули по его плечам, и она прижалась к его рту жаркими влажными губами.

Их языки переплелись, и по телу Хаэля, приливая к чреслам, пробежала горячая волна. Это чувство было столь же всепоглощающим, как то, что он ощутил во время укрощения кабо.

Насытившись поцелуем, женщина, тяжело и прерывисто дыша, откинула назад голову. Она при-



коснулась дрожащими пальцами к пряжке на своем плече, и тонкое одеяние соскользнуло на пол. Хаэль всего лишь несколько мгновений любовался совершенными линиями ее миниатюрного тела — Шазад настойчиво потянула за пояс, удерживающий его набедренную повязку из шкуры ночного кота. Женщина нетерпеливо стонала, возбуждая чувства Хаэля.

Он снова притянул ее к себе и, нагнув голову, стал целовать ее отвердевшие от возбуждения соски, а Шазад требовательно водила рукой по его восставшей плоти.

Потом руки женщины вновь обвились вокруг его шеи. «Подними меня», — попросила она прерывающимся голосом. Хаэль приподнял ее, обхватив под мышками, и она стала теряться телом о его лишенную волос грудь и живот. Ноги женщины обхватили его бедра, Шазад отняла одну руку от его шеи и, опустив ее вниз, взяла в ладонь мужское достоинство Хаэля и направила в себя это орудие с криком, в котором смешались боль и наслаждение.

Шазад судорожно впивалась пальцами в его ягодицы. Движения ее тела не замедлились, пока он нес ее к груде подушек, около которой упал на колени. Голова женщины была откинута назад, рот полуоткрыт, лицо искажено страстью. Хаэль опрокинул ее на подушки, придавив всей тяжестью тела. Теперь он неистово желал довести до пика наслаждения эту безумную схватку. Женщина выкрикивала слова на языке, который он не понимал, царапала острыми ногтями его спину и ягодицы, что приводило Хаэля в еще большее неистовство.

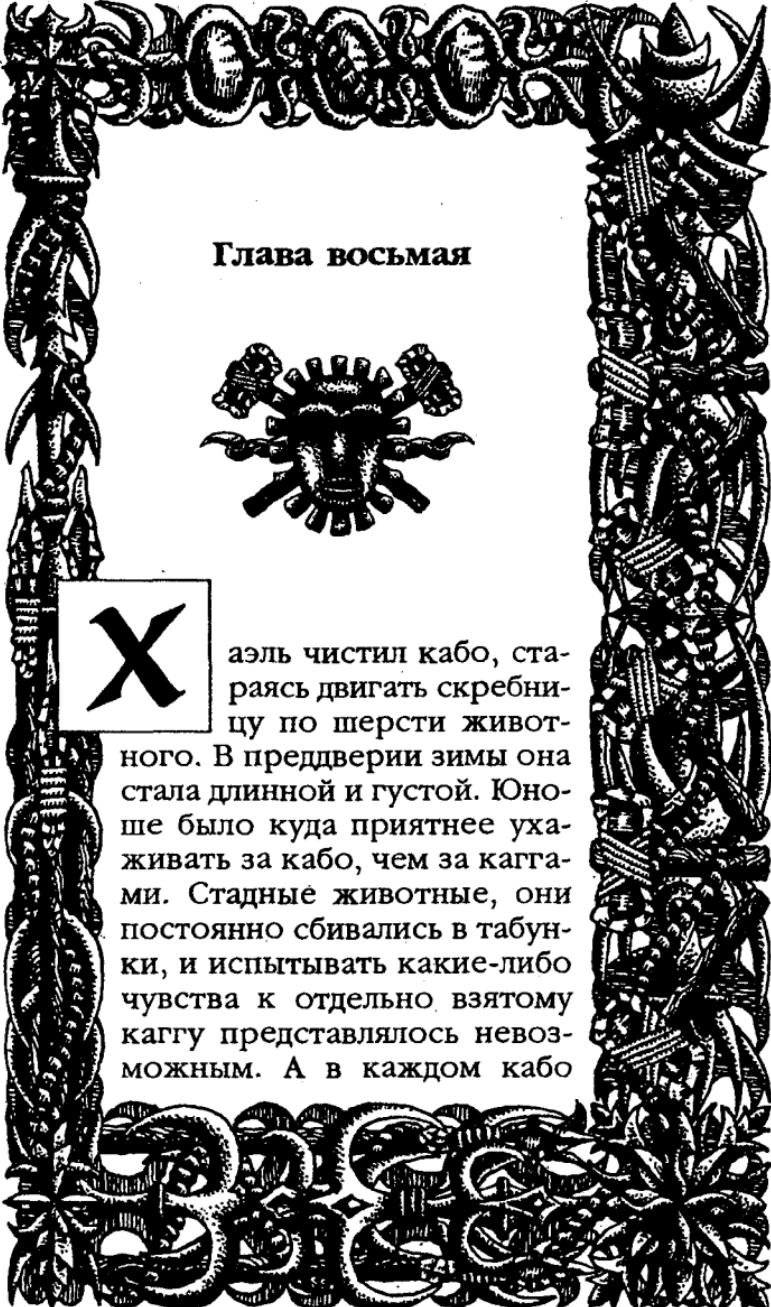
Как раз в тот момент, когда он подумал, что больше не выдержит и умрет от наслаждения, Ша-



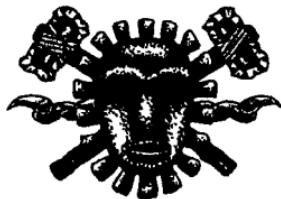
зад горянно вскрикнула — ему послышалось в этом возгласе имя бога Палумвы. Она протянула руку к тому месту, где соединялись их тела и провела пальцами по основанию его члена, потом обхватила и сжала ядра. Хаэля горячей волной захлестнуло немыслимое наслаждение, он почувствовал, будто вся сила его тела собралась внизу позвоночника, а затем выплеснулась в женщину столь мощным потоком, что, казалось, ни он, ни она не смогут перенести этого.

Когда юноша пробудился, комнату освещала одна едва теплившаяся свеча. Шазад исчезла, как будто ее здесь и не было, но Хаэль ощущал в воздухе по-животному острый запах, исходивший от ее тела. Собравшись с силами, он нащупал в темноте свою одежду и пояс с оружием, а затем, пошатываясь от слабости, добрался до отведенного ему помещения. Он чувствовал себя так, будто его полностью выпил дух, питающийся молодостью и силой, оставил ему только внешнюю оболочку. Но больше всего на свете ему хотелось еще раз испытать это необычайно острое чувство наслаждения.





Глава восьмая



аэль чистил кабо, стараясь двигать скребницу по шерсти животного. В преддверии зимы она стала длинной и густой. Юноше было куда приятнее ухаживать за кабо, чем за каггами. Стадные животные, они постоянно сбивались в табуники, и испытывать какие-либо чувства к отдельно взятому каггу представлялось невозможным. А в каждом кабо



Хаэль ощущал ярко выраженную индивидуальность.

В смирных верховых животных, оказавшихся в распоряжении Хаэля, не было неистовости Лунного Огня, но в них также чувствовалась высокая духовная сила. Иногда юноша думал, что куда легче общаться с кабо, чем со многими жителями этого города. Лишь у нескольких скотников, ухаживающих за кабо, юноша заметил нечто похожее на то чувство взаимопонимания, которое возникло между Хаэлем и этими животными. Все эти люди, подобно ему самому, оказались чужеземцами.

Юноша был доволен тем, что они скоро выступят в путь, его необычайно тянуло в дальние странствия. Но, с другой стороны, ему совсем не хотелось покидать город, несмотря на то что дворец Пашира, да и весь город в целом, казались местом, где его на каждом шагу поджидает скрытая опасность. В любом человеке Хаэлю виделся скрывающийся за приятной улыбкой угрозу враг. Эти подозрения родились не на голом месте. Не проходило и дня, чтобы случайные прохожие не находили предлога заговорить с Хаэлем, и всегда беседа заканчивалась тем, что у него пытались выведать что-либо о хозяине дворца или о его дочери. Иногда в таких разговорах проскальзывали тонкие намеки о высокой награде за интересующие их сведения. Хаэль, конечно, был довольно неопытен, но далеко не глуп. До сих пор ему удавалось давать настырным незнакомцам достойный отпор. Он рассказал об этом Малку, когда они встретились в портовой таверне.

— Послушай меня, парень, убирайся из этого проклятого богами места, и как можно скорее! — сказал ему капитан.

В его глазах явно читалась тревога.



— Но кем могут быть все эти люди? — спросил Хаэль.

Малк поднял перед собой ладонь с растопыренными пальцами. Перечисляя, он загибал пальцы.

— Во-первых, врагами Пашира, которые ищут любого доказательства его измены, чтобы тут же донести на него королю. Скажем, то, что он принимал за обедом посла Омайи, было бы неплохим для этого поводом. Во-вторых, шпионами короля — ну, эти следят за Паширом, так сказать, на общих основаниях. В-третьих, его собственными слугами — они должны проверить, не являешься ли ты шпионом, засланным сюда его врагами или, возможно, самим королем. Сам Пашир мог бы задуматься над тем фактом, что человек, разбирающийся в каггах, как в своих пяти пальцах, оказался перед храмом как раз в тот момент, когда это было столь необходимо для спасения его дочери. Возможно, он пришел к выводу, что такое совпадение было совсем нетрудно подстроить — храмовой служитель втыкает шип в крестец горячemu животному, а молодой симпатичный варвар выступает вперед и спасает красавицу-жрицу. Согласись, все это выглядит несколько подозрительным. Кстати, ты уверен, что служители храма, которые имели в тот день дело с предназначенными в жертву животными, были строго допрошены?

— Я до сих пор не могу свыкнуться с мыслью о том, как много вокруг лживых людей, — задумчиво произнес Хаэль.

— Ну, это только одна из наиболее вероятных возможностей, — сказал Малк. — Ведь твои подозрения вызвали люди, пристававшие к тебе с разговорами. Гораздо более опасны другие, которые действуют скрытно. Рабы, убирающие твою комна-



ту, скотники, охранники, стоящие у дверей молчаливыми изваяниями,— все они могут оказаться шпионами. Причем мало кто может догадаться, кто именно их послал. Так что побыстрее уезжай отсюда, Хаэль.

— Разумеется, я сделаю это так быстро, как смогу,— пообещал юноша, поднимая чашу с крепким пивом, которое так любили моряки.

Он решил ничего не говорить своему другу о Шазад. О единственной причине, заставлявшей его не так уж стремиться к немедленному отъезду. Хаэль проводил со жрицей каждую ночь, и одна только мысль о наполнявших эти часы безумствах заставляла подрагивать его колени. Шазад была ему ровесницей, но смогла научить юношу таким вещам, что знакомы лишь женщинам, чрезвычайно искусенным в сексе. Она обучала поклонника вести изощренную любовную игру, в полной мере используя губы, язык, пальцы, изменив его довольно обычные представления об отношениях мужчины и женщины. Кроме того, жрица познакомила его со множеством других тонкостей, превратив их тела в единый инструмент наслаждения — столь изысканного и острого, что иногда Хаэлю казалось, что он предпочел бы ему страдание.

Однако, чем утонченнее было получаемое удовольствие, тем большую тревогу он испытывал. Юноша понимал, что наслаждение, которое давало жрице слияние их тел, являлось для нее скорее ритуалом и не затрагивало истинных чувств женщины. В мгновения, когда казалось, что Шазад без остатка растворилась в порыве страсти, она шептала что-то на непонятном языке, причем ритм и мелодия этих слов напоминали заклинание или молитву. Было ли это колдовство или же какой-то



запрещенный религиозный обряд, он не знал. Но от этого в самый завершающий момент экстаза Хаэлю становилось не по себе. Тем не менее мысль о том, что он должен лишиться невероятных по своему великолепию ощущений, угнетала его почти в той же мере, что и перспектива навсегда оставаться во дворце советника Пашира.

Юноша обрадовался, когда чей-то оклик оторвал его от безрадостных мыслей.

— Хаэль! Иди сюда! — прокричал Шонг, торговец и любитель приключений.

Хаэль погладил по спине кабо и бросил скребок в ящик с инструментами, стоящий у дверей. Выйдя из помещения, он приветствовал своего будущего командира, привычным жестом подхватив копье, воткнутое в землю справа от дверного проема.

Уголок рта Шонга слегка приподнялся вверх.

— Знаешь, я не признал бы тебя без этой булавки! — На поясе Хаэля висел его длинный меч. Хотя возиться с животными, имея при себе оружие, было не очень-то удобно, но воин никогда не должен оставаться безоружным.

— Что ж, бывают приметы и похуже! — сказал юноша, любовно поглаживая острый стальной край своего оружия.

Он доверял Шонгу. Торговец же сначала отнесся к Хаэлю с некоторым подозрением. Он привык, что в экспедиции часто включают какого-нибудь придворного, эмигранта или ни к чему не пригодного младшего сына благородного семейства. Всех этих никчемных людей таким образом просто удаляли на время из города. Юноше пришлось приложить немало усилий, чтобы убедить Шонга не только в своем мастерстве воина, но и в удивительном



умении обращаться с любым животным. Шонг не поленился встретиться с Малком и, расспросив капитана о необычном юноше, пришел к выводу, что он не засланный в экспедицию шпион. А к тому времени купец уже и сам понял, что Хаэль не из тех обременяющих всех идиотов, которых ему обычно навязывают, желая избавиться. Сейчас эти двое были вполне довольны друг другом.

— Мы выступаем на рассвете с третьим ударом гонга, — сказал Шонг. — Подходи к Лунным воротам со всем снаряжением. Если опоздаешь, ждать тебя никто не будет, и тебе придется либо догонять нас, либо остаться на месте — на выбор.

— Я приду вовремя, — заверил Хаэль.

— Прекрасно. Теперь возвращайся к себе в комнату — думаю, ты будешь приятно удивлен. Мне шепнули, что господин Пашир неплохо позаботился о твоем снаряжении.

Озадаченный, юноша направился вверх по холму к дворцу. И во дворике перед своей комнатой обнаружил груду предметов, от вида которых у него перехватило дыхание. Седло из хорошо выделанной кожи, одежда на любую погоду, высокие сапоги, одеяла, связанные из шерсти квила, разборная палатка из плотной ткани. Действительно, было от чего прийти в восторг!

— Далеко не каждый выступает в поход столь прекрасно экипированным, — услышал он за спиной голос подошедшего Шонга.

Хаэль, однако, был не совсем уверен в своих чувствах. До сегодняшнего дня он никогда не имел никакой собственности, кроме оружия.

— Но как я смогу все это унести? — спросил он.

— Тебе не придется нести вещи на себе, для этого есть нуски.



По совету Шонга юноша приказал слугам отнести снаряжение к Лунным воротам. Закончив все приготовления к отъезду, Хаэль решил, что разумнее переночевать вместе со всеми на месте общего сбора. Он хотел попрощаться с Паширом, но советник пребывал в резиденции короля и должен был вернуться не раньше, чем через несколько дней.

Тогда Хаэль отправился на поиски Шазад. Он застал девушку сидящей перед зеркалом. Трое служанок суетились, укладывая волосы жрицы в сложную прическу. Рядом на специальной стойке висело изысканное платье, дополняли наряд драгоценности и непонятные ритуальные предметы.

— Добрый день, Хаэль, — сказала Шазад несколько рассеянно, не отрывая взгляда от зеркала. — Я сейчас занята. Этим вечером я должна исполнить первый ритуал, посвященный сбору урожая. Богиня очень требовательно относится к выбору платья и прически. Мы не могли бы поговорить с тобой завтра?

— Завтра меня здесь не будет. Экспедиция выступает в путь рано утром.

— Неужели? Так скоро? Ну, что ж, ты ведь вернешься.

Хаэль вовсе не ждал, что женщина будет сильно огорчена, он не был столь наивен, но все же надеялся на менее холодный прием.

— Ты так уверена в этом? Я ведь могу и погибнуть.

— Конечно, может случиться и так. Но если ты останешься в живых, то непременно вернешься ко мне. — Шазад ни на миг не прекратила своего занятия — с помощью тонкой кисточки она подводила черной краской глаза.



— А в том, что ты не передумаешь, ты тоже уверена? — с неожиданной требовательностью спросил юноша.

Женщина перевела взгляд на Хаэля. На ее губах блуждала странная улыбка.

— Уверена. Кроме того, я наложила на тебя чары. Твоя судьба предопределена, и моя — тоже. Они тесно связаны между собой, и тебе уже ничего с этим не сделать. Хочешь ты того или нет, ты вернешься ко мне.

Ее уверенность сводила Хаэля с ума. Он никогда не мог понять, говорила Шазад серьезно или же смеялась над ним. И уж совершенно не нравилось, что она обращалась с ним подобным образом в присутствии других. Конечно, юноша понимал, что жрица не считает прислужниц за людей — для нее рабы были лишь одушевленными предметами. И, взглянув на служанок, заметил, что те смотрят на Шазад с опаской и страхом.

В ночном городе царила тишина, однако еще до рассвета в лагере началась суета — погонщики нагружали вьючных животных, собирали мусор и сжигали его в горевших всю ночь кострах. Прозрачный утренний воздух напоминал о том, что жаркие летние дни уже минули. В портовом Касине никогда не бывало по-настоящему холодно, но на более возвышенных землях, куда они собирались отправиться, климат был совсем иной. Там они столкнутся с суровой зимой.

Первый удар гонга прозвучал, когда сторож на вершине ворот заметил, что небо на востоке начинает бледнеть. Последний вьюк уже крепко-накрепко привязали к спинам нусков. Через несколько минут раздался второй удар, к этому времени были закреплены ремни и подпруги, а те, кто собирался



ехать верхом, вскочили в седла. Третий удар прозвучал, когда начальник стражи смог разглядеть первый верстовой столб, который на этом расстоянии выглядел крохотной белой иголкой. Массивные ворота, створки которых толкали тянувшие за унывшую песню рабы, стали приоткрываться. Шонг подъехал к голове колонны. Хаэлю не терпелось двинуться в путь, он испытывал необъяснимый восторг, сидя в седле с притороченным к нему длинным кожаным чехлом, в котором хранил копье. Однако все ждали сигнала Шонга. Командир экспедиции обогнал колонну кругом, проверяя, все ли в порядке. Вполне удовлетворенный, он снова направился к стоящим впереди всадникам. Ворота полностью распахнулись, Шонг поднял вверх руку и рванул поводья. Погонщики во весь голос затянули песню, в которой просили благословения у бога, всадники движением коленей послали вперед своих скакунов.

Хаэль пустил кабо рысью, но следил за тем, чтобы не обогнать Шонга. Миновав массивный свод ворот, всадники выехали на равнину. Там стояли несколько караванов, прибывшие вчера к городским стенам после закрытия ворот. Селяне везли в город на продажу продукты и скот. Откуда-то доносились звучание одинокой флейты.

Покидая город, юноша испытывал сложные чувства, но первый глоток воздуха за городскими стенами принес с собой запах свободы. Хаэля манили обширные пространства материка, он страстно желал увидеть как можно больше новых земель.

Кабо, на котором ехал юноша, носил имя Верноног. Это имя, казалось, подходило животному, но Хаэль знал, что кабо не воспринимают кличек, данных им людьми, и не откликаются на них. Верноног



был крепким, надежным животным, прекрасно подходящим для дальнего путешествия.

Нуски, той крупной породы, что выращивалась на Островах, со спадающими на шею и плечи косматыми белыми гривами, неторопливо вышагивали, обремененные тяжелой поклажей. Их погонщиками были темнокожие люди, единственная одежда которых состояла из обернутого вокруг талии и доходящего до колен куска белой ткани. В ушах болтались большие кольца из медной проволоки, а передние зубы у всех оказались выбиты, что, видимо, являлось частью какого-то жестокого ритуала, присущего этому племени. Хаэлю сказали, что народ этот обитает в пустынных землях, на юго-востоке граничащих с Навой. Также его предупредили, что керилы — грубые и жестокие люди, и он легко этому поверил. Вожака погонщиков, высокого человека с курчавыми волосами, звали Агах. У него не хватало двух пальцев на руке и отсутствовала половина уха, а лицо и тело покрывали многочисленные шрамы.

Путь, мощенный камнем, шел до первого верстового столба, затем потянулась плотно утрамбованная колея. Ежедневные в это время года дожди не давали подниматься над дорогой клубам пыли. По сторонам простирались обширные пастбища и плотно засаженные земельные наделы. Стебли злаков клонились под весом почти созревших колосьев — через несколько дней должен был начаться сбор урожая.

Около каждого поля Хаэль видел курящиеся дымки над крохотными святилищами. Раздумывая, кого можно расспросить об этом поподробнее, юноша, обернувшись, заметил рядом с собой Чалу, королевского картографа.



— Это святыни богов воздуха и дождя, а также бога грозы,— ответил тот на вопрос Хаэля.— Сейчас земледельцы больше всего нуждаются в том, чтобы ненадолго вернулась хорошая летняя погода. За шесть дней без дождя можно успеть полностью собрать и убрать в закрома весь урожай. В некоторые годы большая часть урожая погибает из-за того, что во время сбора лютят дожди. Иногда он пропадает полностью. В последнее время это случается значительно чаще, чем сотню лет назад.

— Но почему? — поинтересовался Хаэль.— Если урожай зависит от воли богов, неужели всех этих обрядов и жертвоприношений недостаточно, чтобы обеспечить хорошую погоду?

— Это первое, что может прийти в голову, но ведь у богов может поменяться мнение... или их нужды. А иногда бывает, что один бог подчиняет себе другого. Или,— Чалуа оглянулся вокруг, проверяя, не подслушивает ли кто их разговор,— может случиться, что боги сами ничего не в силах с этим поделать.

Хаэль почесал за ушами своего кабо. Животное довольно фыркнуло.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ну...— Чалуа снова с опаской оглянулся.— Ты не видишь где-нибудь поблизости этого дурака Гилипаса? Он обучается в школе жрецов и не выносит сомнительных разговоров на религиозные темы.— Убедившись, что Гилипас, который должен был присоединиться в Омайе к наванскому посольству, находится вне пределов слышимости, он продолжал: — Многие из нас считают, что большая часть сущего мало интересует богов. Или же не интересует вообще. Оно живет по своим собственным законам, которые невозможно изменить никакими



молитвами или жертвоприношениями. Посмотри.— Картограф вытащил из бороды своего кабо тонкую веточку и подбросил ее в воздух.— Видишь?

— Что я могу видеть? Она упала,— сказал Хаэль, ожидая объяснений.

— Точно. Упала. Брошенные предметы всегда падают, если их ничто не удерживает. Падает даже легчайшая пушинка, если ее не будет гнать ветерок. И никакой воли богов здесь не требуется. Это закон природы. Разве ты можешь предположить, что где-то существует бог, который только тем и занимается, что заставляет предметы падать? Чепуха, верно?

Подобные мысли раньше не приходили Хаэлю в голову. Вещи и явления просто существовали, он не задумывался об этом.

— Ты хочешь сказать, что погода подчиняется законам, которые столь же неизменны?

— И погода, и многие другие явления природы. В действительности, таким законам подчиняется почти все, если в них не вмешивается человек. Вообще-то, когда излагаешь подобные мысли, нужно быть крайне осторожным. В таком большом городе, как Касин, конечно, есть множество мыслителей, имеющих возможность свободно высказывать свои идеи, хотя кое-кто из жрецов и выступает против этого. Но во внутренних землях люди могут оказаться столь богобоязненными, что просто убьют того, кто провозгласит не совпадающую с их верованиями мысль. Особенно опасны в этом смысле примитивные народы, где власть правителей основывается на предполагаемом благоволении богов. Если ты произнесешь при них что-либо подобное, тебя могут предать жестокой смерти.

— Я запомню это,— сказал Хаэль.



Его представления о богах со временем становились все более и более сложными. Он спрашивал о возделываемых землях, через которые они проезжали и которые столь разительно отличались от небольших участков земли при фермах на его родном Острове. Чаула оказался истинным кладезем интереснейших сведений. Когда он воодушевлялся темой беседы, остановить его было столь же трудно, как бьющий весной из-под земли родник.

— Конечно, это не ваши крохотные участки, которые обрабатывают семьи крестьян,— объявил картограф.— Наши земли называются плантациями. Крупный землевладелец может быть хозяином имения, чьи границы не обведешь и за пару дней. Некоторые плантации сдают в аренду крестьянам, на других работают рабы.

— А откуда появляются рабы? — спросил Хаэль.

— Некоторые становятся рабами с момента рождения. Во время войны в рабство обращают захваченных пленников. Крупные войны означают обилие дешевых рабов. Предприимчивый человек может скупить в такое время земли у обедневших крестьян и отправить на них огромное количество рабов. Это очень выгодно и может принести ему большое богатство.

— Если, конечно, война выиграна,— внес дополнение к его мысли юноша.

Чаула беззаботно махнул рукой.

— Неважно, какая сторона победит — кто-то так или иначе окажется в выигрыше.

За первый день пути местность изменилась не сильно. Перед закатом солнца у ручейка, близ маленькой деревушки, разбили лагерь. По привычке, оставшейся со времен его пастушества, Хаэль проехал на небольшую возвышенность и оглядел суетя-



щихся внизу людей. Кое-кто посмеялся над его попыткой заступить в караул, ведь до границ Навы оставалось еще несколько дней пути. Однако юноша считал, что имеет смысл уже сейчас установить постоянную охрану.

Кроме того, он просто чувствовал потребность побывать в одиночестве, как в те дни, когда он следил за каггами своего племени. На него обрушилось столько новых впечатлений, что необходимость разобраться в ощущениях стала непереносимой. А интуитивно он все более осознавал свое высокое предназначение. Зачем и для чего именно его избрали боги, пока было непонятно Хаэлю, но внутренний голос подсказывал, что все полученные знания немало пригодятся ему в будущем.

Первая часть пути проходила без особой спешки: люди и животные должны были постепенно привыкнуть к условиям похода, и Хаэля это устраивало. Разумеется, не потому, что его мог утомить более жесткий распорядок. Однако к концу первого дня езды верхом он чувствовал себя как после обряда обрезания, хотя болело немного в другом месте. Более опытные наездники потешались над его неприспособленностью гораздо больше, чем моряки, когда он страдал поначалу от морской болезни. Так уж, наверное, устроен мир, думал Хаэль, что люди, привыкшие к своей сложной и тяжелой работе, испытывают удовольствие, наблюдая за мучениями новичка. Он стойко перенес неприятные ощущения и пришел к выводу, что мучительна не боль, а унижение, которое при этом испытываешь. Хаэль привязал и вычистил своего кабо и, стараясь не хромать, направился к лагерному костру.

К четвертому дню путешествия его страдания закончились. Караван как раз достиг границ Навы.



Местность медленно, но неуклонно поднималась, и фермы, ранее одна за другой тянувшиеся вдоль дороги, теперь встречались значительно реже. Вокруг расстилались холмистые луга, и кроме больших стад каггов и других домашних животных теперь можно было видеть и диких зверей, которые редко встречались около больших городов.

К этому времени Шонг установилочные дежурства и порядок несения караулов. На таком удалении от столицы законы выполнялись уже не столь неукоснительно, во всяком случае, встреча с разбойничьей шайкой не была здесь редкостью. По другую сторону границы опасность еще возрастила. В Омайе не существовало централизованной власти, как в Наве. На этих землях правили многочисленные мелкие князьки, и вооруженные патрули встречались нечасто. Хаэль надеялся, что теперь своим искусством воина он полностью оправдает участие в экспедиции.

Сначала Хаэль недоумевал, как они будут добывать в дороге пропитание, потому что небольшого количества малопортиящейся пищи и сухих фруктов, которое они взяли с собой, было явно недостаточно для людей, отправившихся в долгий утомительный путь.

Однако его беспокойство оказалось напрасным. На каждой стоянке к каравану подходили местные селяне и предлагали на обмен продукты, так что у них всегда было в изобилие мясо, молоко, сыр, свежие фрукты и зелень. А если поблизости находился постоянный двор, то к ним обязательно подъезжала запряженная нусками телега, в которой привозили кувшины с вином и элем. Своими походными запасами им пользоваться почти не приходилось.



— Путь, похоже, будет не таким уж и трудным,— заметил Хаэль Шонгу, обгладывая сочное мясо с ребра кагга.

Торговец мрачно улыбнулся.

— Рано радуешься. Пока мы идем по плодородным, населенным землям, а сейчас как раз то время года, когда изобилие продуктов. Подожди, скоро достигнем гор. Там бывает, что люди бредут, оставляя на снегу кровавые следы. А получить питьевую воду можно лишь растопив снег. Но если с другой стороны гор находится пустыня, положение становится и того хуже. Тогда ты будешь безмерно счастлив, если от голодной смерти тебя отделит горсточка сушеных фруктов.

— Конечно, такое путешествие требует умения выживать в любых условиях,— согласился Хаэль.— Когда я был ребенком, случилось так, что за год не выпало ни одного дождя и суховей губил наши земли. А на следующий год каггов поразила эпидемия кровавой дизентерии. Они, и так уже ослабленные голодом, вызванным засухой, умирали как мухи. И мы тоже.

— Хорошо,— проворчал Шонг.— То есть, конечно, не то, что твой народ умирал, а хорошо то, что ты знаешь, что такое голод. Некоторые из тех, кто вырос в городе, не имеют ни малейшего представления о мире, который простирается за его стенами. Я уверен, они сразу же слопают свои пайки, а потом их хватит только на то, чтобы непрерывно жаловаться. Поверь, эти люди беспокоят меня куда больше, чем нападение разбойников.

— Разве тебе трудно избавиться от тех, кто тебя не устраивает? — удивился Хаэль.

— Совершенно не в моих силах! — Шонг воздел глаза и руки к небу.— Если это окажется кто-то из



погонщиков, еще полбеды. С ними справиться не так уж трудно — угрозой изгнания из отряда, хлыстом или, в крайнем случае, мечом. Но бесполезными нытиками чаще всего оказываются те, кто имеет связи в Касине.

Он бросил свирепый взгляд в сторону костра, вокруг которого собралась кучка подвыпивших торговых посредников и правительственные чиновников. Среди них были картограф Чайл, жрец и посол Гилипас, а также врачеватель по имени Тувас.

— Ты ожидаешь неприятностей от Чайлы? — удивился Хаэль, подспудно ему хотелось получить отрицательный ответ — этот человек юноше нравился.

— Да нет, не от него, — Шонг стряхнул с колен крошки. — Я не первый раз путешествую с Чайлой. Он может доставлять хлопоты окружающим лишь своей увлеченностью работой, то забудет о еде, то отморозит пальцы, вырисовывая свои карты. Настоящие неприятности причиняют типы вроде Гилипаса, донельзя избалованные и изнеженные, а в придачу еще и тупые, как пробки. И другие, чей опыт торговли приобретался исключительно в конторах — такие люди редко могут оказать помощь, когда ищешь новые товары и новые рынки.

Поначалу в пути не возникало никаких проблем, а новые впечатления были увлекательны и волнующи. Хаэль настолько привык к верховой езде, что невольно задавался вопросом, сможет ли он теперь путешествовать пешком. Обрабатываемые земли остались позади, а окружающая местность стала дикой и прекрасной. И вот показались горы, их вершины, устремленные ввысь, покрывал снег. Юноша решил, что они достигают неба. Однако спутники



заверили Хаэля, что по сравнению с хребтом, который они увидят через несколько дней пути, эти покажутся ему просто карликами.

Здесь, на высоких равнинах, Хаэль снова ощутил свою связь с духовной силой живых существ. И почувствовал огромное облегчение, ведь ему показалось, что он потерял эту способность в мертвом пространстве большого города. Конечно, эта жизнь в предгорьях не была ему столь понятна, как на его родном Острове. Все-таки он был рожден не в этих местах. Вокруг, куда ни кинь взгляд, паслись стада спиралерогов и ветвирогов, туну и других животных, названий которых Хаэль не знал. Появились и хищники, и пожиратели падали, всегда идущие за стадами травоядных животных.

В этих землях они встретили народ, кочевавший вслед за своими стадами. Животные напоминали полутихих каггов, правда меньших по размерам, чем те, что выращивали шасинны, но зато более диких, буйных и зловонных.

На границе с государством Омайя стояла маленькая крепость. Ее верхняя часть была надстроена из строевого леса над более старым сооружением, сделанным из прекрасно обработанного камня. На ветру слабо полоскалось знамя Омайи. Стоящие на зубчатой стене солдаты, опираясь на копья, провожали караван взглядами, полными скуки. Хаэль поежился при мысли, что и его могла ожидать подобная участь,— а сейчас он сжимает коленями бока прекрасного кабо и перед ним раскрывается весь огромный мир.

Юноша часто предпринимал попытки поговорить с погонщиками нусков, но те оказались слишком угрюмыми и ограниченными людьми, не интересующимися ничем, кроме собственных потреб-



ностей. Агах, вожак керилов, не сказал Хаэлю ни одного грубого слова, но юноша не раз ловил на себе его хитрый снисходительный взгляд. Керилы были известны как вороватый и разбойный народ, их мужчины ни на миг не расставались с заткнутыми за пояс короткими кривыми мечами. Но Хаэль быстро понял, почему остальные готовы мириться с неуживчивым характером керилов: они, как никто другой, умели обращаться с упрямыми буйными нусками. Юноша подозревал, что эти люди используют какую-то магию для приручения животных.

Нуски глядели на мир сквозь нелепо торчащие космы волос, которые почти закрывали их маленькие красные глазки. Они, казалось, сознавали собственное безобразие и были полны решимости заставить заплатить за это весь остальной мир. Однако керилам удавалось добиться от непокорных тварей абсолютного послушания. Они могли заставить животных стоять спокойно, пока на них навьючи-вали груз, монотонным пением вполголоса, и вынудить двигаться быстрее ударами гибких прутьев, причем нуски не лягали и не кусали своих погонщиков. Хаэль уже успел различить несколько мысленных команд, при помощи которых керилы управляли животными, и конечно же хотел бы понять больше. Однако догадайся об этом подозрительные керилы, они бы просто не подпустили чужеземца к своим нускам.

Какое-то время караван двигался вдоль русла реки Шелл. Ее основное течение находилось далеко на северо-востоке, за пределами Омайи, на землях которой она сильно расширялась за счет впадения бурных горных речек. Река выглядела спокойной, но Шонг объяснил, что она слишком быстрая и мелкая для судоходства. Правда, в низо-



вьях можно было плыть на плотах и лодках с низкой осадкой. Хаэль видел на реке несколько плоскодонок, гребцы на них с огромным усилием толкали судна шестами вверх по течению, и юноша решил, что путешествие верхами ему гораздо больше по вкусу.

Хаэлю очень приглянулись луга в пойме реки. Сначала он, как бывший пастух, невольно оценил состояние травы, и его взгляд скотовода не мог не восхититься бескрайними просторами. Тем более что Хаэлю рассказали о необъятности этих прерий, раскинувшихся от южных пустынь до пределов, теряющихся где-то далеко на севере. Они отделяли прибрежную равнину от гор и были то местами холмистыми, то совсем плоскими и повсюду пересекались мелкими речушками, большинство из которых легко преодолевалось вброд.

Хаэля удивило, что столь обширные равнинны никто не использует. Жители прибрежных районов почему-то считали эту местность бесплодной, ничем не лучше скалистых или песчаных пустынь на юге. Источники воды были разбросаны слишком далеко, зато банды разбойников — повсюду. Жить в прерии могли только кочевые племена, передвигающиеся со своими стадами от пастбища к пастбищу, от источника к источнику, а цивилизованные городские жители считали кочевников дикими первобытными людьми.

Хаэлю трудно было согласиться с этим мнением. Да, расстояния казались огромными, но лишь тем, кто привык передвигаться на своих собственных ногах. Племя, в распоряжении которого были кабо, могло владеть всей этой долиной. Что же касается разбойников, то воинственному народу, чьи мужчины почти с самого рождения носят ору-



жение, не пристало опасаться шаек каких-то головорезов.

Пребывая во дворце советника, Хаэль часто разговаривал с людьми, присматривающими за кабо, принадлежащими Паширу, и много узнал о том, как выращивают этих животных. Кобылы приносили по одному, очень редко по паре жеребят в год. Из этого молодняка большинство выбраковывалось. Аристократы были требовательны к экстерьеру животных. Хаэль видел на дворцовых фресках, как кабо использовали во время войны и на турнирах. Знатные всадники с пиками наперевес выезжали на поединок друг против друга. Каждый из них стремился иметь как можно более богатые доспехи и более крупного скакуна, чем у противника. Хаэлю претило, что воинская доблесть в этом случае заменялась богатством владельца и искусством скотников, сумевших вывести мощную породу кабо.

И теперь в голове Хаэля рождались далеко идущие замыслы. Ему нужно много кабо — такого размера и выносливости, чтобы переносили на своих спинах человека на большие расстояния. И оружие, которое могли бы использовать всадники прямо из седла. А еще необходимы люди, но уж с этим-то, казалось, никогда не возникнет затруднений. Юноша не делился своими мыслями с товарищами по походу. Он знал, что те, скорее всего, просто посмеются над безумным юнцом, который мечтает стать великим завоевателем. Хаэлю, однако, все задуманное представлялось вполне естественным. Он всегда резко отличался от окружающих и прекрасно понимал свою избранность. Так почему бы и его замыслам не отличаться от мелочных жалких мечтаний спутников?



Он всегда чувствовал себя отщепенцем, изгояем — даже тогда, когда жил среди своих сограждан. Ему нигде не было места, если только он не принимал на себя роль, навязанную ему обстоятельствами: то моряка, то воина, а вот теперь исследователя новых земель. Даже раба, если бы он не проявил должную осторожность. Хорошо, пока он согласен и на это, но рано или поздно ему удастся создать свой собственный образ. И если не найдется народа или племени, чтобы поддержать его и его мечту, он сам создаст такой народ.

Однажды, когда караван шел по территории Омайи, Хаэль, погруженный в свои сокровенные мысли, уехал далеко вперед. И его глазам предстало крайне необычное зрелище.

Кабо под ним неожиданно резким скачком метнулся влево. Хаэль усмехнулся, увидев, что причиной прыжка его животного оказалась птица-пыльник. Лишенное способности летать пернатое, обитающее в этих землях, внешне напоминало птицубийц, но не обладало их хищным нравом. У пыльника были длинные ноги, столь же длинная шея и похожее на луковицу туловище, покрытое черными перьями. Перья густого гребня, спускающегося на спину, отливали изумрудно-зеленым цветом.

Хаэль удивился, увидев, что пыльник убегал от неизвестно откуда появившегося человека. Вспугнувший птицу охотник сам был похож на нее коротким худым телом и невероятно длинными руками и ногами. Он бежал, высоко поднимая колени, и вертел в правой руке какой-то длинный предмет. А в левой зажимал что-то непонятное, свернутое в кольцо. На бегу мужчина закидывал назад голову с острой бородой, длиной в предплечье Хаэля. У неизвестного была темная, почти черная кожа, как



у Охотников на родном Острове юноши, однако во всем остальном он на них ничуть не походил.

Как ни странно, человек догонял быстроногую птицу. Его правая рука метнулась вперед и бросила вслед добыче петлю. Теперь Хаэль смог разглядеть, что в левой руке охотник держал смотанную длинную и тонкую веревку. Петля обвилась вокруг головы птицы и скользнула вниз по ее шее. Резко остановившись, человек дернул веревку, и пыльник свалился в траву. Одним прыжком мужчина очутился рядом с добычей и склонился над поверженным телом. Хаэль ожидал, что охотник убьет птицу, но тот ограничился тем, что оглушил пыльника, но сильные ноги пернатого продолжали дергаться, и человек набросил на них петлю из веревки, тугу затянул ее, завязав скользящим узлом. Птица затихла, и охотник, усевшись сверху на пыльника, принялся выдирать великолепные перья из его спинного гребня.

Хаэль подъехал к темнокожему человеку, намереваясь узнать, зачем он это делает. Тем временем мужчина с большой сноровкой выщипал все зеленые перья птицы и принялся за белые перышки, что росли с обратной стороны крыльев пыльника. Увидев всадника, он доброжелательно улыбнулся, сверкнув белыми зубами.

— Ты не собираешься убивать эту птицу? — спросил Хаэль.

— Зачем? — Человек продолжал улыбаться. — Ее невозможно есть — мясо жесткое, как подметка. Отпущу, она отрастит новые перья, а тогда я опять ее поймаю.

— Разумный поступок.

— Хочешь купить несколько перьев? — На человеке не было никакой одежды, только несколько



нитей бус и широкие кожаные браслеты на запястьях. Из мешка, переброшенного через плечо, охотник достал обрывки веревки и принялся связывать в пучки выдранные у пыльника перья.

Хаэль спешился и вогнал в землю копье, привязав к нему поводья. Довольный кабо тут же принялся щипать траву. Юноша склонился, чтобы взглянуть на перья, хотя, по правде говоря, намного больше его заинтересовала веревка, с помощью которой был пойман пыльник. Темнокожий человек, закончив свою работу, снянул лассо с шеи птицы.

— Не подходи к ней близко, — предупредил он Хаэля, — она сильно лягается. Может даже распороть живот.

Он дернул за скользящий узел и освободил ноги птицы. Несколько мгновений она приходила в себя, затем, шатаясь, поднялась и, оглашая окрестности пронзительными негодящими воплями, понеслась прочь, лишенная ярких перьев, но зато сохранившая голову. Когда она скрылась вдали, мужчины рассмеялись.

— Сколько? — спросил Хаэль, показывая на пучок зеленых перьев. Охотник пожал плечами.

— А сколько дашь?

Хаэль подумал, что пристала пора овладеть умением торговаться. Он подошел к кабо и, покопавшись в седельных сумках, вытащил несколько металлических украшений. Этому темнокожему охотнику, как показалось островитянину, вряд ли понадобятся деньги. Через некоторое время обе стороны пришли к соглашению. За серебряный запястный браслет Хаэль получил все зеленые перья. За два тонких медных браслета на предплечье — все белые. Хаэль не был уверен, что не продешевил, тогда как охотник казался довольным. Теперь Хаэль



решился заговорить о предмете, в котором был действительно заинтересован.

— А сколько за веревку?

— Веревку? — Охотник озадаченно нахмурил брови.

— Да, веревку. Я никогда не видел, чтобы ее использовали так, как это сделал ты. Могу я на нее взглянуть?

— Конечно. Если хочешь, я покажу, как с ней управляться.

Именно это и нужно было Хаэлю. Он пропустил удивительно легкий тонкий шнур между пальцами. Веревка оказалась сплетенной из растительного волокна, и в этом не было ничего необычного, но, кроме того, хорошенко промаслена и тугу скручена. Она выглядела весьма прочной.

Один из концов веревки завязывался петлей, через которую был пропущен другой конец.

— Как ты ее кидаешь? — спросил юноша.

Охотник забрал моток веревки у Хаэля и взял петлю в правую руку, а остальную ее часть — в левую, оставив между руками длинный свободный конец. В его ушах что-то блеснуло, и, присмотревшись, юноша понял, что внешний изгиб каждого уха охотника украшают мелкие золотые шарики. На груди мужчины виднелось множество сплетающихся друг с другом шрамов. Он пошевелил кистью, петля растянулась, и охотник стал вращать ее над собой медленными кругами. Взмахом руки он подбросил лассо вверх, отпустив, когда оно взлетело, часть веревки из левой руки. Петля затянулась вокруг засохшего стебля растения, стоявшего от них на расстоянии пятнадцати шагов. Движением запястья охотник пропустил через петлю оставшийся конец веревки, и лассо



сокользнуло со стебля, мужчина снова свернул веревку в моток.

— Я хотел бы попробовать,— сказал Хаэль.

Он попытался повторить движения охотника, но веревка пролетела всего десять шагов, причем петля на конце веревки затянулась и стала совсем крошечной. Темнокожий человек улыбнулся и показал, как правильно отпускать моток в левой руке, после чего Хаэль повторил попытку. На этот раз она оказалась успешней, однако петля пролетела далеко от цели. Охотник поправил стойку молодого человека, и Хаэль сделал еще один бросок, потом еще и еще. Где-то на десятой попытке лассо обвилось вокруг стебля. Хаэль был очень доволен, но ему потребовалось бросить лассо еще шесть раз, чтобы повторить свой успех. При последних попытках охотник заверил юношу, что тот все делает правильно, осталось только поработать над точностью броска.

Хаэль знал, что темнокожий говорит правду. Юноше показалось, что бросание лассо похоже на метание дротика. Техника броска не отличалась сложностью, ее можно было без труда обучиться. А дальше все зависело от самого Хаэля: необходимо лишь тренироваться долгие часы, пока не будет достигнута полная согласованность между телом, глазами и рукой, необходимая для точности броска.

Последовал еще один торг, и сделка была заключена. Три тонких колечка из серебра и пара серебряных серег с бирюзой и гранатами сделали Хаэля обладателем лассо. Вдруг юноша заметил, что охотник поднял голову и устремил взгляд поверх его плеча. Глаза темнокожего человека сузились, ноздри раздулись. Хаэль обернулся и увидел далеко на юго-западе приближающийся караван.



— Это всего лишь мои друзья. Не бой... — Но охотника уже не было рядом, он мчался прочь — даже быстрее, чем во время преследования пыльника. Через несколько мгновений быстроногий чернокожий скрылся из глаз.

Когда караван добрался до этого места, Хаэль подъехал к Шонгу. Он держал в руках только что обмененные вещи и заметил, что глаза торговца широко раскрылись.

— Где ты это взял? — спросил Шонг.

Хаэль рассказал ему, чем занимался в течение последних двух часов. Купец покачал головой.

— Человек, которого ты встретил, принадлежит к племениочных бегунов. Это слабый, робкий народ, самый примитивный из тех, о ком я когда-либо слышал. Время от времени они показываются на городских рынках, предлагая редкие товары. Их нужды невелики, поэтому у них нет особой необходимости вступать в общение с другими народами. Мне не очень понятно, почему он вел себя с тобой столь дружелюбно. Может быть, потому, что ты так молод и тоже из первобытного племени.

— Я совершил выгодную сделку? — спросил Хаэль, перекидывая через седло связки перьев. — Или он меня надул?

— Об этой веревке я мало что могу сказать, — ответил Шонг, поглаживая короткую бородку. — Я никогда не держал в руках ничего подобного. Вот перья — другое дело. Пыльники известны тем, что их очень трудно поймать. А уж если ловят, то неизменно убивают, что еще более увеличивает их редкость. Зеленые перья, — торговец коснулся рукой яркого пучка, — стоят в Касине больше, чем золото того же веса. Их часто используют жрецы



для ритуальных украшений, а знатные дамы очень ценят опахала из этих перьев. А на юге они стоят еще дороже, поскольку в каждой деревне вождю просто необходимо хотя бы несколько перьев для головного убора. Они придают им особое религиозное значение. А белые,— Шонг дотронулся до другой связки,— ценятся солдатами, они украшают плюмажами из этих перьев свои шлемы. Ты сможешь получить по мелкой серебряной монете за каждое перышко. Короче говоря, молодой Хаэль, ты поступил весьма предусмотрительно, когда освободился на сегодняшний день от караульных обязанностей — твой обмененный товар хорошо упакован, совсем мало весит и стоит раз в пятьдесят больше, чем ты заплатил. Понимаешь, в этом-то и состоит сущность торговли. Так что можешь считать, что совершил идеальную торговую сделку.

Хаэль был рад это услышать, но еще больше его радовало обладание чудесным лассо. В последующие дни он пользовался любой возможностью, чтобы потренироваться в бросках. Когда юноша увидел, что пешим достаточно часто попадает в цель, то стал бросать лассо, сидя в седле. Это оказалось более трудной задачей — кабо кидался в сторону каждый раз, когда лассо со свистом пролетало над его носом.

Однако вскоре животное привыкло к странным маневрам своего наездника, и Хаэль продолжал тренироваться, сначала пуская кабо шагом, а затем и рысью. Однако закончилось это предприятие весьма плачевно. Послав кабо в легкий галоп, Хаэль бросил лассо на пень большого дерева, но когда петля затянулась вокруг него, юноша замешкался и был выброшен из седла, так грохнувшись на каменистую землю, что лишился сознания.



Несколько дней Хаэлю пришлось передвигаться довольно медленно, сильно страдая от полученных ушибов. Но это дало молодому человеку прекрасную возможность поразмышлять над собственной глупостью. Разумеется, крайне неосторожно было бросать лассо с бегущего кабо на неподвижный предмет. Еще немного подумав, Хаэль пришел к выводу, что при удачном броске на шею достаточно большого и сильного животного могут возникнуть столь же неприятные последствия. Правда, животное не стояло на месте, как дерево, зато дерево не могло загрызть или насмерть затоптать упавшего человека, как это сделал бы разозленный нуск или кабо.

Время шло, ушибы постепенно перестали причинять сильную боль, а Хаэль нашел подходящее решение. По крайней мере, это предположение стоило проверить на практике. Как только им попадется на пути деревня, в которой найдутся умельые шорники, он закажет им седло с высокой, крепкой лукой. Если привязать к ней свободную часть лассо, большая часть силы рывка придется на седло, подпругу и его скакуна. Пока Хаэль обдумывал все эти тонкости, многие товарищи посмеивались над его затеей. Некоторые же говорили — причем специально так, чтобы он слышал, — что было бы лучше, если бы Хаэль сломал себе шею при падении. Одним из последних был Агах, который без всякой причины вдруг люто ненавидел юношу.

Хаэль замечал эту неприязнь и мучительно раздумывал, как ему справиться с Агахом. Этот человек не упускал ни единой возможности, чтобы задеть его и оскорбить, становясь с каждым днем все невыносимее. Погонщик даже не пытался скрыть свою враждебность и презрение и однажды зашел



так далеко, что при всех ударил Хаэля по лицу, когда тот потянулся к лежащему перед Агахом вертелу с мясом. Если бы Хаэль не чувствовал слабость из-за полученных ушибов, он, несомненно, тут же бы убил Агаха. Но, к сожалению, упустил удобный момент, и теперь его противник повел себя так, как будто Хаэль был обязан ему повиноваться.

Однажды к сидящему у костра Хаэлю подошел Чаул. Последствия падения все еще беспокоили юношу, у него продолжало болеть порванное на руке сухожилие. Картограф предложил разумное, на его взгляд, решение проблемы.

— Хаэль, друг мой, такому человеку, как ты, нет смысла мириться с подобными оскорблениеми. Обратись ко второму среди керилов — Карвасу. Он спит и видит, что займет место Агаха, и, конечно, не откажется убить его. Особенно, если ты хорошо заплатишь.

— Нет, — решительно возразил Хаэль. — Среди моего народа принято самому убивать своих врагов. — Еще слишком свежи были в его памяти болезненные воспоминания о Гасаме, Лариссе и длинношее. — Я должен убить его сам и, разумеется, сделаю это, когда поправлюсь. Однако благодарю тебя за совет.

Через несколько дней, когда его ушибы уже не причиняли ему других неудобств, кроме слабой боли, Хаэль подошел к Шонгу.

— Мне не хотелось бы беспокоить тебя по пустякам, но я боюсь, что мне придется лишить тебя нужного человека. Ты не будешь возражать, если я убью Агаха?

— Агаха? — переспросил Шонг. — Я, вообще-то, удивляюсь, что он все еще жив. Разумеется, это



твое право — прикончить негодяя. Карвас такой же мерзавец, как и Агах, и не хуже его справится с нусками. Но ты уверен, что достаточно оправился? Вожак керилов серьезный противник, он убил в ссоре не одного человека. Как ты собираешься с ним драться?

Хаэль и сам еще не знал точно.

— Как это происходит у вас? У меня на родине мы бросали врагу вызов и дрались на площадке, которую ограничивала лента, сплетенная из разрезанной шкуры кагга. Из оружия мы использовали копья или короткие мечи.

— Ну, во время похода вряд ли возможно следовать подобным тонкостям, — сказал Шонг. — Брось ему вызов, а драться вы сможете где и когда угодно. Только советую тебе не драться на кинжалах. Керилы прекрасно ими владеют, а ты к ним не привык.

Тем же вечером Хаэль, взяв копье, направился к костру, около которого сидели керилы. Они трепали языками, пуская по кругу бурдюки с вином. Многие были перевязаны грязными бинтами, поскольку частые ссоры между ними обычно кончались драками. Даже такой суровый командир каравана, как Шонг, не мог пресечь буйного поведения этих людей. Агах взглянул на приближающегося юношу. Его черты исказила злобная усмешка.

— Смотрите, кто к нам идет! Этот симпатичный дикарь с Островов! Конечно, он понимает, как нам не хватает в походе женщин, и готов оказать соответствующие услуги! Как ваш вождь, я, разумеется, воспользуюсь им первым! Снимай эту кошачью шкурку, юноша, и иди ко мне!

Остальные громогласно заржали, ожидая, чем ответит на это Хаэль.



— Агах, я не знаю, чем заслужил твою неприязнь, и мне, в общем-то, на это наплевать. Я свободный воин и не намерен больше терпеть твои оскорбления.

— И что же ты сделаешь, малыш? — Глаза Агаха забегали по сторонам, следя за реакцией своих людей.

Они, несомненно, с удовольствием предвкушали очередную драку. Только на лице Карваса, внимательно наблюдавшего за обоими, читался явный расчетливый интерес.

— Я убью тебя. Ты это заслужил, и я не собираюсь оставлять врага за своей спиной, просто поколотив его. Еще раз повторяю: мне безразлично, почему ты так ко мне относишься, но я собираюсь положить этому конец. Прямо сейчас. Вставай и защищайся.

Улыбка сбежала с лица Агаха. Очень медленно он поднялся на ноги.

— Мы будем сражаться на ножах? Настоящим мужчинам не нужны копья и длинные мечи.

Его язвительный тон не скрыл от Хаэля, что он боится этого оружия. Конечно, можно было просто вытащить меч и зарубить негодяя или проткнуть его копьем. Но если он так поступит, остальные керилы вообразят, что он опасается открытой схватки, — тогда в дороге кто-нибудь из них может повторить наглые выходки Агаха. Лучше показать им свое умение в том, что они никогда не смогут оспорить.

— Можешь выбрать себе оружие по вкусу. Мой народ вступает в поединок только с равным соперником. — Юноша воткнул древко копья в землю и снял перевязь с мечом. Безоружный, он смело приблизился к Агаху.



Тот, казалось, пребывал в замешательстве. Затем керил усмехнулся, его крупные зубы оскалились в звериной ухмылке.

— Ты умрешь так, как захочешь, малыш. А может, до того, как я перережу тебе горло, мне удастся еще попользоваться тобой.— Он вытащил кинжал и расстегнул доходящий до колен кильт. Юбка упала на землю, и Агах остался только в белой набедренной повязке. Свет костра бликами играл на его темном лоснящемся торсе. Чтобы придать своей коже блеска, керилы натирали тело жиром животных, причем их совершенно не смущало исходящее от прогорклого жира зловоние. В руке Агаха сверкнул кривой бронзовый нож.

Хаэль заранее смазал тело ароматным ореховым маслом, смешанным с цветочными лепестками.

•Если я проиграю,— думал юноша,— то не буду сожалеть после смерти, что мое мертвое тело выглядит неподобающим образом•.

Слух о предстоящем поединке быстро распространился по лагерю, и к месту схватки собрались люди от других костров и даже селяне из окрестных деревень. Их жизнь была скучна и однообразна, и теперь они радовались тому, что им предстоит стать свидетелями столь захватывающего зрелища.

Привстав на носки и передвигаясь мелкими сменяющимися шажками, Агах пошел вокруг костра, ни на мгновение не отрывая взгляда от противника. Хаэль отступал назад и чуть в сторону, так что когда керил оказался перед ним, за спиной островитянина уже не было пламени.

— Ты отступаешь, малыш? — промурлыкал Агах.

— А ты воображаешь, что меня до смерти напугают твои глупые речи? По правде говоря, ты мне ужасно надоел, керил!



— Тогда, — прошипел Агах, — я сейчас немножко тебя развлеку!

Он скользнул вперед, целясь ножом в бок Хаэля. Тот отразил нападение, ударив ладонью по предплечью противника. Разумеется, он не был настолько глуп, чтобы пытаться рукой остановить удар ножа. Юноша не торопился нападать, внимательно наблюдая за Агахом и пытаясь понять, как противник собирается вести дальнее схватку.

Агах продолжал двигаться вокруг него, как танцор, выделяя ногами причудливые коленца. Его руки, не останавливаясь, плели в воздухе замысловатый узор — видимо, он решил ошеломить врага хитростью приемов. Кое-кто из зрителей одобрилительными криками поддерживал керила, принимая вязь его движений за владение изощренной боевой техникой.

Хаэля это не волновало. Он прекрасно знал, что в смертельном бою каждое движение человека должно отвечать только двум целям: защищать себя и угрожать врагу. Молодой воин стоял в боевой стойке, слегка согнув колени, с выставленными вперед руками.

Раскрытые на уровне груди ладони были готовы ответить на любой выпад противника. Если бы нож Агаха действительно приблизился к его телу, он не упустил бы этого движения, а все призванные отвлечь его внимание жесты на Хаэля совершенно не действовали.

Издав громкий вопль, Агах сделал резкий выпад, метя в лицо соперника, а затем, внезапно изменив направление удара, попытался поразить Хаэля в живот. Юноша отклонился в сторону, и лезвие просвистело мимо. Керил попытался нанести удар из-под руки, но в этот момент Хаэль прыгнул по-



гонщику за спину и лягнул противника под правое колено. Затем, схватив Агаха за левое плечо, сильно рванул его назад и повалил на землю.

Хаэль мог завершить схватку прямо сейчас — перебить врагу глотку ударом пятки или же, оглушив, резким движением локтя в живот раздавить его внутренности. Но рука юноша соскользнула с намазанного жиром плеча, и Агах грохнулся наземь не с той силой, на какую рассчитывал Хаэль. Отбиваясь от его рук, керил изогнулся и, опираясь на свободную руку, вскочил на ноги.

Они снова стали ходить кругами друг возле друга, продолжая свой причудливый танец. Но теперь в глазах Агаха был страх, который он безуспешно пытался скрыть. Керил размахивал ножом и шипел, как разъяренный кот, готовый живьем содрать с противника шкуру.

Однако Хаэль уже успел распознать приемы соперника и пределы его возможностей и теперь готовился напасть сам. Островитянин не имел никакого опыта в поединке на ножах, но зато был искушен в борьбе — любимом развлечении шасиннов.

Безоружный, он мог использовать обе руки, что при его умении бороться почти уравнивало силы с вооруженным ножом Агахом. Хаэль решил, что лучше всего действовать на встречных приемах. Ему хотелось понять, куда противник собирается направить удар ножа. Он не спешил, намереваясь выжидать сколь угодно долго, пока Агах не выдаст себя.

Изрыгая проклятия, керил всем телом метнулся к противнику. Его нож нырнул вниз, а затем взвился вверх. Серповидное лезвие было готово вонзиться в пах юноши, распоров снизу доверху живот.



Вместо того чтобы уклониться в сторону или отступить, Хаэль шагнул вперед, скрестив перед собой ладони, чтобы удержать руку с ножом. Он почувствовал, как кончик ножа коснулся его кожи под пупком, и в этот момент с силой ударил лбом в нос Агаха.

Тот отшатнулся, из разбитого носа ручьем хлынула кровь. Хаэль подскочил вплотную и схватил за запястье руку Агаха. Юноша уперся пятками в землю и потянул противника на себя, вкладывая в рывок всю силу своего веса. Керил взвыл от боли. Его плечо вывернулось из сустава, а Хаэль, изогнувшись, перебросил его через себя. Агах тяжело шлепнулся лицом прямо в костер.

Вверх взвился огромный сноп искр, потянуло вонью паленых волос и кожи. Стоящие поблизости люди отскочили в стороны. Хаэль рванулся вперед и, схватив Агаха за волосы, вытащил из огня. От страшного удара керил потерял сознание, его руки безжизненно болтались вдоль тела.

Продолжая держать противника за волосы, Хаэль одновременно внимательно следил за окружившими их керилами, затем согнул правую руку и ребром ладони ударил Агаха по шее. Раздался резкий хруст, и тело керила безвольно рухнуло на землю около костра.

— Он сам этого хотел, — сказал островитянин, продолжая наблюдать за соплеменниками Агаха. — Все кончено? Или, может быть, кто-нибудь хочет продолжить схватку? — Произнося эти слова, он пристально взглянул на Карваса.

Воцарилась мертвая тишина. Затем Карвас сделал шаг вперед.

— Агах был нашим вождем, это так, но мало кто испытывал к нему большую любовь. У него нет



родственников, которые могли бы отомстить за его смерть. Теперь вожак керилов — я, и я заявляю, что спор между нами закончен.

Он оглядел тяжелым взглядом своих соплеменников, и те медленно, без особой охоты, но все же склонили головы в знак согласия. Карвас повернулся к Хаэлю:

— Все кончено.

Вперед выступил Шонг. Он поддел носком сапога валявшееся возле костра тело Агаха.

— Уберите эту гадость из лагеря, пока она не привлекла пожирателей падали. Исполните все необходимые обряды, чтобы дух этого мерзавца успокоился. Только имейте в виду, что лагерь должен быть собран к завтрашнему рассвету. Мы выступаем как обычно. Ты, — он обратился к чинившему подаль упряжь мальчишке, — принеси кинжал и ножны Агаха. Они теперь принадлежат Хаэлю.

Хаэль поднял с земли свое оружие. Мальчишка вручил ему кинжал Агаха, и он подвесил ножны к поясу.

— Я смотрю, скоро ты соберешь целый арсенал! — заметил Шонг, когда они шли к большому костру.

— Свой меч я тоже добыл в поединке, но то была, несомненно, куда лучшая добыча. В ней было больше чести.

— Невозможно всегда поступать, руководствуясь соображениями чести. Иногда приходится предпринимать решительные действия, чтобы сохранить свое положение. Или даже жизнь. Лучше умереть, чем позволить измываться над собой какому-нибудь подонку. Ты поступил совершенно правильно, и теперь все будут относиться к тебе с должным уважением.



— Я все же никак не могу понять, почему он постоянно напрашивался на драку. Ты не думаешь, что кто-то мог подговорить его?

— Мне приходила в голову эта мысль. Агах был хвастливым болтуном и, несомненно, убил в своей жизни не одного человека. Но я не думаю, чтобы он стал драться без расчета на выгоду. Возможно, его внимание привлекло твое великолепное оружие. Если бы он победил, оно принадлежало бы ему.

Хаэля не убедили эти слова. Конечно, человек может быть жадным, но вряд ли он станет подвергать опасности свою жизнь только для того, чтобы завладеть оружием. Скорее всего, двигала керилом не просто слепая ненависть. Агаха явно кто-то нанял. Но кто? Находится он в экспедиции, или сделка произошла еще в Касине? Об этом стоило серьезно поразмыслить.

Вечером Хаэль, сидя у костра, вдруг заметил, что остальные спутники его избегают. Видимо, они считали, что от человека со свежей кровью на руках лучше держаться подальше. Поэтому Хаэль удивился, когда к нему, держа в руках мех с вином и две чаши, подошел картограф Чаяул. Он вручил юноше одну из чаш и наполнил обе вином.

— Поздравляю тебя с победой, — сказал он.

— Победа! — Улыбка Хаэля выглядела слегка неестественной. — Не очень-то достойная победа в грязной драке против наглого мерзавца...

— Ну, тогда с тем, что остался в живых. Это, пожалуй, всегда достойно поздравления. Вот, выпей. Хорошо, что ты победил этого ублюдка. Иначе кому бы я тогда мог рассказывать о географии?

Хаэль постоянно и с удивительным упорством выспрашивал у картографа сведения об окрестных землях.



— Уж, конечно, не Агаху,— согласился юноша и поделился с Чайлой своими сомнениями насчет побуждений керила.

— Что ж, это вполне может быть правдой,— заметил картограф.— Человеку, который так не похож на других, как ты, всегда легко нажить врачов. А в Касине это происходит еще с большей легкостью, чем где-либо, да и лучшее место для обретения недоброжелателей в этом городе — дом знатного человека. Все могли видеть, насколько быстро ты приобрел уважение Пашира. Это могло уязвить честолюбивого или тщеславного человека, который годами безуспешно добивался того, чего ты достиг за несколько дней.

Хаэль не стал говорить об этом Чайл, но у него мелькнула мысль, не заплатил ли за его убийство сам Пашир. Может быть, советник узнал об отношениях юноши с Шазад? И счел его, безродного чужеземца, помехой на пути верховной жрицы. А сама Шазад? Юноша вспомнил древние истории о женщинах, которые, подобно паучихам, лишали жизни своих любовников. Поразмыслив еще немножко, Хаэль пришел к выводу, что, если он будет продолжать рассуждать в том же духе, немногие смогут избежать его подозрений. Следовало покончить с бесплодными размышлениями.

— Мне говорили, что мы довольно долго простоям у подножия гор,— снова обратился он к картографу.

— Да, зимовка продлится два или даже три месяца,— подтвердил Чайл.— Это будет довольно скучное время. В городке, где мы остановимся, нет никаких развлечений.

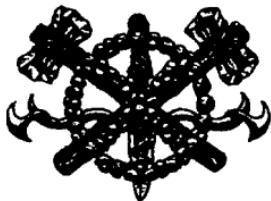
— Я бы хотел, чтобы ты кое-чему обучил меня,— попросил юноша.

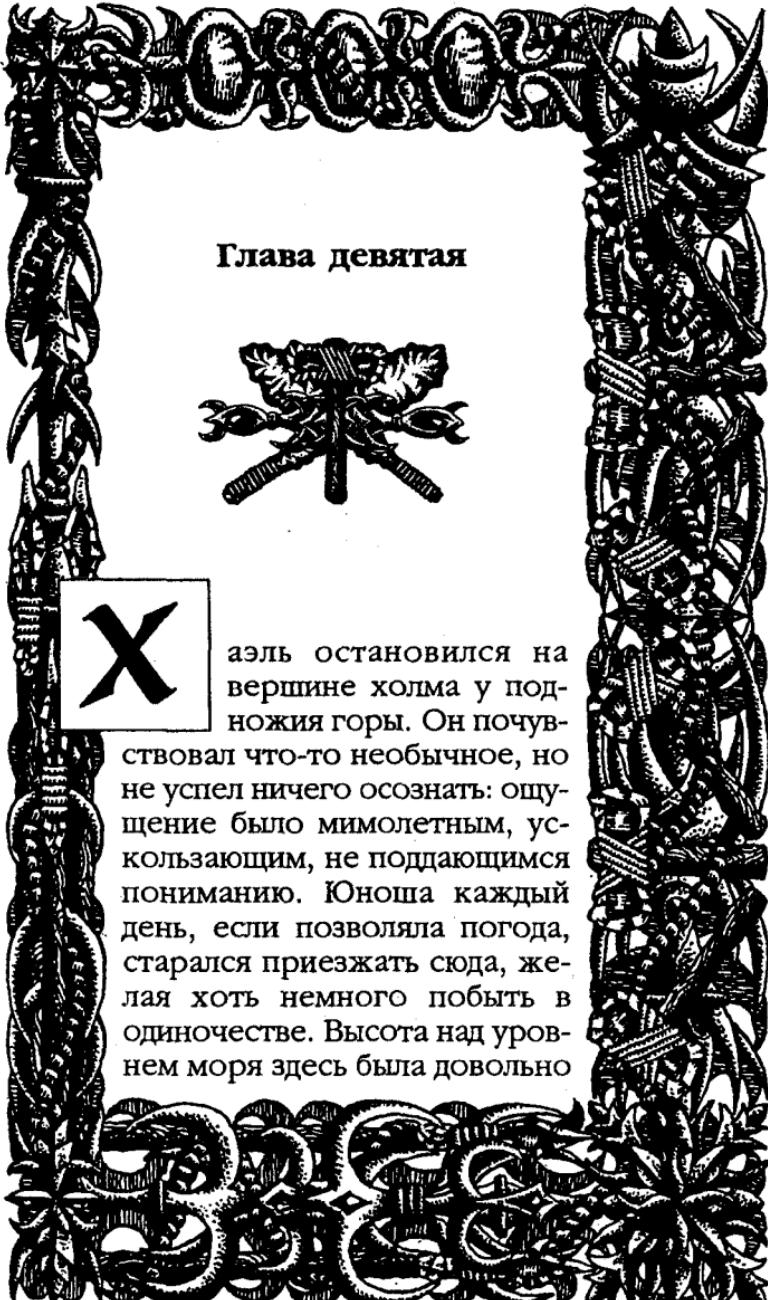


Чаула улыбнулся.

— Не сомневайся, ты научишься от меня всему, что я сам знаю о землях. И, если хочешь, я могу обучить тебя рисовать карты.

— Я хочу еще большего, — серьезно сказал Хаэль. — Мне бы хотелось, чтобы ты научил меня читать.





Глава девятая



аэль остановился на вершине холма у подножия горы. Он почувствовал что-то необычное, но не успел ничего осознать: ощущение было мимолетным, ускользающим, не поддающимся пониманию. Юноша каждый день, если позволяла погода, старался приезжать сюда, желая хоть немного побывать в одиночестве. Высота над уровнем моря здесь была довольно



значительной, а поскольку наступила зима с ее холодом и резкими ветрами, остальные члены отряда предпочитали без особой нужды не высывать носа из палаток. Погода почти все время стояла отвратительная: постоянно моросил мелкий дождь, изредка перемежающийся липким мокрым снегом.

Но в этот день небо прояснилось, ослепительные лучи солнца отражались от покрытых снегом склонов гор, заслоняющих горизонт. Горы простирались на север и юг, насколько хватало взгляда, став в это время года непреодолимым препятствием для продвижения путников на восток. Почти каждый день люди из каравана Шонга, пережидающие зимние месяцы, слышали отдаленный, напоминающий раскаты грома, гул. Это с нагорий в долины сползали огромные лавины снега. Порой, когда Хаэль забирался особенно высоко в горы, ему казалось, что он видит какие-то неясные фигуры, очертаниями отдаленно напоминающие человека. Эти создания были очень высокого роста и совершенно белые, так что детально разглядеть их на фоне покрывающего склоны снега не удавалось. Движимые лишь им ведомой целью, существа пересекали заснеженные седловины горных хребтов, безмолвные, словно призраки. Когда Хаэль спрашивал сб этом местных жителей, те лишь пожимали плечами и уходили от ответа — но в глазах людей он замечал суеверный ужас.

Юноша с неохотой возвращался обратно на стоянку — там его неизменно ожидало скучное однообразие жизни в небольшом, ничем не примечательном городишке. Городок приютился у западной оконечности одного из горных перевалов. За земляными крепостными стенами струдилось около двух



десятков небольших хижин, наполовину врытых в землю для защиты от непогоды. От крытых дерном крыш вверх поднимались кольца дыма.

Погода вынудила Хаэля смириться с необходимостью облачиться в непривычную тяжелую одежду. Теперь он носил куртку и лосины из прекрасно выдубленных шкур на меховой подкладке. Его ноги до колен защищали мягкие сапоги из такой же кожи, а плечи — плащ, сотканный из шерсти квила. Юноша впервые попал в местность, где в это время года царил по-настоящему суровый климат.

Непонятное ощущение снова возникло, но на этот раз Хаэль смог сосредоточиться и понять, что его беспокоит. Это было дуновение ветра, явно более теплое, чем окружающий воздух. Ветерок дул с юга и без сомнения являлся первым признаком прихода весны. С радостным воплем Хаэль пришпорил своего кабо и пустил его вниз по склону, направляясь к городку, где был разбит их лагерь. Наконец-то! Юноше так наскучило ожидание, что уже начинало казаться, что они больше никогда не сдвинутся с места. Когда придет весна, снега растают, освободив проход по перевалам, и их отряд двинется через горы навстречу тому неведомому, к которому он так стремился.

Однако все происходило не так быстро, как того хотелось Хаэлю. Следующие четыре недели с гор почти непрерывно сходили лавины — будто хребты вознамерились сбросить с себя все без остатка белые одежды. Когда снег растаял, горные реки превратились в бурные потоки. Участники экспедиции готовили в это время животных к трудному переходу, проверяли и чинили упряжь. Керилов в отряде уже не было — с ними давно распались, и они вернулись домой, забрав своих нусков, и



не испытывая желания зимовать у подножия гор. Были наняты новые погонщики из местных жителей, куплены другие выночные животные — косматая безрогая порода нуксов. Эти были куда более послушны, чем их собратья с равнин. Меньшие по размеру, с небольшими копытами, животные были приучены успешно преодолевать крутые узкие горные уступы.

Но вот наконец наступил день, когда Шонг отдал приказ выступать. На горных лугах уже расцвели яркие цветы, на высокогорные пастбища возвращались животные, проведшие зиму в низинах. Первые дни Хаэль едва не подпрыгивал в седле от нетерпения, когда караван неспешно шествовал вслед за местными проводниками, передвигавшимися пешком. Однако спешить сейчас было бы опасной неосторожностью — слишком узкими и обманчивыми оставались обнажившиеся от снега крутые тропинки среди обрывистых склонов. По мере того как отряд поднимался в гору, становилось холоднее, словно возвращалась зима. Тропинки были скользкими от намерзшего за ночь льда, и когда несколько людей и животных погибли, сорвавшись со склона, Хаэль перестал раздражаться из-за слишком медленного, на его взгляд, передвижения.

Каждый раз, когда караван останавливался переходнуть днем или разжечь костры для ночного привала, Хаэль доставал из-за пазухи палочку с заостренным концом и упражнялся, рисуя на мягкой земле буквы. Он давно понял, что власть, которой наделяет обладание грамотой, ничуть не меньше той, что может дать оружие или даже командование армией. Молодой человек только начинал знакомиться с тем, как можно сохранять и передавать знания, но уже в полной мере понимал, какую силу



они могут дать. Он нашел, что буквы различать совсем несложно — ведь каждая из них означала особый звук, а из звуков складывались слова. Воспринять числа оказалось куда сложнее. Здесь нужно было запомнить не только десять цифр, но и сочетания, необходимые для обозначения количеств, больших десятка. Это давалось Хаэлю труднее, и изучение арифметики обещало стать нелегким делом. Однако он не сомневался, что овладеет и этой наукой.

Когда караван достиг гребня горы, проводники, получив плату, вернулись в городок. Оставшись один на один с громадами горных массивов, путники с особой остротой ощутили свою уязвимость и незащищенность. Воздух на этой высоте был довольно сильно разрежен. Движения людей сделались вялыми, они быстро утомлялись. Часто они видели то, чего не могло происходить в действительности. Однажды, когда отряд уже перевалил через очередной гребень хребта и спускался по восточному склону горы, Хаэль заметил что-то странное. Сперва он подумал, что это галлюцинация, порожденная его мозгом от недостатка воздуха и лишений долгого изнурительного перехода через горы.

Юноше показалось, что он видит женщину. Однокая, непривычно одетая фигурка взбиралась по горной тропе, направляясь в его сторону. Разумеется, на самом деле такого быть не могло. Разве может какая-то женщина в одиночку карабкаться по горным склонам? Хаэль зажмурился и потряс головой, ожидая, что видение исчезнет. Но этого не произошло. Хаэль оглянулся, стремясь узнать, заметил ли кто-нибудь, кроме него, эту странную женщину. Но он ехал далеко впереди каравана. Хаэль вновь посмотрел вперед. Женщина все еще



была на тропе, но теперь она передвигалась заметно медленнее и с явным трудом. Через несколько минут она упала, сделала несколько слабых неудачных попыток подняться, после чего замерла без движения.

Хаэль слегка тронул пятками своего кабо, направляя его вперед. Ему было любопытно, насколько близко он сможет подойти, прежде чем видение исчезнет или примет какой-нибудь другой облик. Однако оно не исчезало. Более того, чем ближе он подходил, тем четче различал очертания фигуры неподвижно лежащей женщины. На расстоянии в десять шагов у юноши больше не осталось сомнений: перед ним не призрак. Он спешился и подбежал к упавшей женщине. Она лежала на боку, поджав, как младенец, ноги к подбородку. Завернувшаяся пола длинного плаща прикрывала ее лицо.

Юноша осторожно тронул женщину за плечо, перевернув так, чтобы она легла на спину. Голова незнакомки упала на сгиб его руки. Отведя полу плаща, он, к своему великому изумлению, увидел лицо редкостной красоты. Удлиненное, с тонкими высокими скулами, но изможденное от перенесенных страданий или просто сильной усталости. Однако даже это не портило совершенных черт. Кожа женщины была оливкового оттенка, полные губы посинели от нехватки воздуха. Пышные каштановые волосы струились по руке молодого человека, бережно поддерживавшего ее голову.

Хаэль никогда не видел таких одеяний, как те, что были на незнакомке. Одежда оказалась той яркой расцветки, которую любили на его родных Островах, но ткань была тяжелой и грубой. Ее украшали вытканные рисунки из пересекающихся линий. Еще недавно, судя по всему, наряд женщины состоял из



толстой куртки и облегающих штанов, но теперь превратился в сплошные лохмотья. Ее обувь на грубоей подошве изодрана, а сквозь многочисленные прорехи просачивались капли крови.

Ресницы женщины вдруг затрепетали и распахнулись. Глаза оказались удивительного зеленого цвета, причем радужная оболочка столь велика, что за ней почти не было видно белка. Хаэль не мог понять выражения ее лица. Возможно, подумал он, незнакомка сейчас просто ничего не чувствует. Это прекрасное создание находилось на грани смерти от усталости и истощения, а холодная земля, на которую она упала, вытягивала из ее тела последние капли тепла. Хаэль подхватил женщину на руки и удивился тому, какая она легкая. Он отнес ее к своему кабо. Тот тыкал носом в дерн и разочарованно фыркал, поскольку зеленая травка еще не успела достаточно подрасти и животное не могло ею полакомиться. Осторожно, стараясь не испугать кабо, Хаэль перекинул через его спину женщину и вскочил в седло. Приподнял незнакомку и крепко обнял рукой.

Кабо, казалось, даже не заметил, что на его спине находится двойная ноша. Женщина снова закрыла глаза. Очевидно, тепла, которое давало тело юноши, оказалось достаточно для того, чтобы, изнемогшая в неравной борьбе со стихией, она безропотно приняла его защиту. Кто была эта женщина? Откуда она пришла? Что делала одна, высоко в горах, обреченная на гибель? Ответов на эти вопросы у Хаэля не было. И, судя по состоянию женщины, похоже, на некоторое время ему придется умерить свое любопытство.

Когда он присоединился к отряду, глаза Шонга удивленно блеснули.



— Я думал, ты ищешь внизу подходящее место для лагеря,— заметил он.— Вместо этого, вижу, нашел женщину. Как это произошло?

Хаэль рассказал о том, что случилось, и Шонг кивнул.

— Мне пришло в голову,— сказал в заключение Хаэль,— что она, должно быть, от кого-то спасалась. Неплохо было бы узнать об этом до того, как мы двинемся дальше. Конечно, если у нее будут силы, чтобы говорить.

— Разумная мысль. Мне кажется, она скоро придет в себя и сможет рассказать то, что нас интересует.

Отряд продолжал спускаться вниз. Восточный склон хребта оказался более пологим, чем западный, и они уже могли различить перед собой приветливую на вид долину. Исчезли глубокие обрывы и узкие обваливающиеся тропинки, по которым они пробирались так долго. Было ясно, что если не произойдет ничего непредвиденного, они окажутся на ровной земле еще до заката.

— А если эту женщину кто-то преследует? — продолжил прерванный разговор Хаэль.

— Тогда нам придется ее отдать,— ответил Шонг.— Мы ведь, в конце концов, не военный отряд.

— Нет! — воскликнул юноша, непроизвольно крепче прижимая к груди бесчувственное тело женщины.

— О! Понимаю,— сказал купец.— Ты прекрасно усвоил правила торговли. Согласен, мы возьмем за нее выкуп.

— Я не отдаю ее,— отрезал Хаэль.

Шонг раздраженно, однако и с некоторым интересом взглянул на юношу.



— Мой юный друг, надеюсь, ты отдаешь себе отчет, что это не рыбка, которую ты выловил в пруду. Это, представь себе, женщина. И у нее может быть хозяин, а если и не хозяин, то муж. Женщины имеют обыкновение сбегать как от одних, так и от других. Я не собираюсь подвергать людей опасности из-за того, что тебе приглянулась изголодавшаяся полумертвая беглянка. — Некоторое время он помолчал, затем добавил: — Дай мне взглянуть на нее.

Хаэль откинул край плаща и приоткрыл лицо женщины, как матери показывают личико спящего младенца.

— Хм-мм... Должен признаться, она довольно мила. И ее одежда была когда-то более чем приличной, рабынь так не одевают. — Шонг вздохнул. — Мне кажется, тебя не оставляет желание совершил геройский поступок. Но предупреждаю: если найдется кто-то, кто сможет предъявить на эту красавицу свои права, и если у него будет возможность и силы напасть на караван, я не стану помогать тебе оставить ее в отряде. А ты, если собираешься совершил глупость, убедись сперва, что не впутаешь остальных в серьезные неприятности.

— Разумная мысль, — вынужден был согласиться Хаэль.

Когда отряд спустился с главного склона, солнце светило им в спину. Они двинулись дальше по холмистой возвышенности, за которой простиралась огромная равнина. Стало значительно теплее — настолько, что, когда был объявлен ночной привал, люди без промедления принялись стягивать с себя тяжелые плащи, куртки и лосины. Теплую одежду свернули и упрятали в тюки — нужда в ней отпала до следующей зимы. В этих краях весна вступила в



свои права. На лугах и холмах пестрело множество распустившихся цветов, над ними гудели пчелы. Кабо и нусков распягли, и животные с наслаждением принялись жевать свежую зеленую траву. Все они после длительного и тяжелого перехода через горы стали худыми, как скелеты. Шонгу пришлось приказать погонщикам не позволять животным есть и пить, пока отряд не разобьет лагерь.

Скоро весело затрещало пламя костров. Утомленные путники с удовольствием уселись поближе к огню, наслаждаясь долгожданным отдыхом. Несколько всадников отправились на поиски дичи. Хаэль проследил за тем, удобно ли устроили найденную им женщину, и двинулся к ближайшему ручью. Он прошел дальше того места, где утоляли жажду животные, и в нескольких минутах ходьбы вверх по течению отыскал достаточно глубокое место. Юноша стащил с себя грязную, пропахшую потом одежду. От холодной воды его тело моментально покрылось мурашками, но Хаэль, стиснув зубы, все же заставил себя зайти в ручей поглубже. Избавившись от тяжелой одежды, которую вынужден был, не снимая, носить с осени, он чувствовал себя словно заключенный, наконец-таки выпущенный из тюрьмы. Хаэль яростно тер тело песком со дна ручья и, ныряя, смывал с себя грязь.

Почувствовав себя достаточно чистым и не в силах более терпеть ледяную воду, Хаэль быстро вылез на низкий берег и обсох под последними лучами заходящего солнца. Его еще влажные темные волосы тяжелой гривой спадали с плеч на спину. Впервые за долгие месяцы юноша обмотал вокруг бедер повязку из шкуры ночного кота. Надев пояс с оружием и подхватив копье, он вновь почувствовал себя самим собой.



Когда Хаэль подошел к костру, Шонг, не вставая с места, взглянул на него снизу вверх.

— Я бы не сказал, что погода достаточно теплая для твоего одеяния,— заметил он.

— Я совсем задохнулся под всеми этими мехами и шкурами,— ответил юноша.— Лучше уж, даже если придется чуть-чуть померзнуть, понюшу свою собственную, прикрыв ее шкурой животного, покровителя моего племени. А как моя находка? Еще не подает признаков жизни?

Шонг посмотрел на лежащее у костра закутанное в одеяла тело женщины. Она еще не пришла в себя, лишь тяжело, прерывисто дышала да издавала иногда тихие стоны.

— Ей еще повезло, что она вообще осталась жива. Наверное, бедняжке пришлось карабкаться вверх несколько суток.

— Может, попробовать привести ее в чувство? Хорошо бы ее покормить, она совершенно истощена.

Купец пожал плечами.

— Лучше оставить ее в покое. Сомневаюсь, что у нее хватит сил разжевать вяленое мясо из наших запасов. А ничего другого у нас сейчас нет.

Охотники вернулись, когда еще не стемнело. Но им не повезло — они пришли без добычи. Горные прыгуны были очень осторожны и, едва завидев человека, уносились прочь длинными скачками. Больше повезло пешим носильщикам, вооруженным пращами. Они принесли несколько мелких зверьков и немного дичи. Вскоре в воздухе уже витал упоительный запах жарящегося мяса. Шонг приказал оставить немного жаркого на случай, если женщина придет в себя.

Хаэль жевал мясо, не сводя глаз со своей находки. Она как будто зачаровала юношу. В ней было



что-то загадочное помимо ее удивительной красоты и необычности обстоятельств их встречи. У Хаэля возникло ощущение, что встреча эта была предопределена.

По какой случайности она оказалась в том же самом месте, что и он? И не только это — ведь если бы он появился на горной тропе хоть немногим позже, он обнаружил бы лишь хладный труп. В этот момент женщина застонала и пошевелилась, перевернувшись на бок. Плащ соскользнул с ее тела, а задравшаяся куртка открыла выступавшие на боках ребра. Женщина настолько исхудала, что даже сквозь толстую ткань штанов отчетливо проступали бедренные кости. Если незнакомка была такой красивой даже после выпавших на ее долю тяжелых испытаний, как же ослепительно она выглядела раньше?

Через некоторое время, когда все уже поели, Хаэль вдруг почувствовал на себе ее взгляд. Посмотрев на женщину, он понял, что не ошибся. Глаза незнакомки были открыты и обращены к нему. Казалось она не испугалась непривычной обстановки, но на ее лице читалась явная настороженность.

Хаэль поднялся и взял кружку. Наполнив ее булькавшей в котелке похлебкой, он подошел к женщине. Просунув руку под плечи и чуть приподняв, он помог ей сесть. Когда юноша поднес кружку к губам незнакомки, она, не сопротивляясь, сделала несколько глотков — сперва осторожно, потом все более и более жадно, крепко сжимая ее дрожащими пальцами. Их кончики, прикоснувшись к руке Хаэля, были холодными как лед. Выпив половину кружки, она откинулась назад и покачала головой. Хаэль продолжал поддерживать ее за плечи — женщину била лихорадочная дрожь.



— Она слишком долго не ела.— Хаэль поднял голову и увидел подошедшего к ним Шонга.— Не надо пока давать ей больше.

Юноша, соглашаясь, кивнул. Он опустил женщину обратно на ложе. Через несколько секунд она уже спала. Эту ночь Хаэль провел рядом с ней. Женщина несколько раз просыпалась, и он давал ей попить немного бульона. Она что-то бормотала во сне, но Хаэль не мог разобрать ни одного слова.

Место, где они остановились, оказалось удобным во всех отношениях: вода — свежая и сладкая, трава — сочная. Шонг дал людям и животным возможность в течение двух дней отдохнуть и набраться сил. Правда, Хаэль очень скоро сообразил, что понятие начальника экспедиции об отдыхе совершенно не подразумевает наличие свободного времени. У животных нужно было не только тщательно проверить копыта, шкуру, пасть и глаза, но и подлечить их мелкие болячки. Кроме того, следовало внимательно осмотреть каждый ремень и моток веревки, а также тщательно проверить тюки с товарами.

При каждой возможности Хаэль навещал свою незнакомку. Товарищи посмеивались над его заботливостью, но помнили об осторожности. Они еще не успели забыть судьбу, постигшую Агаха. Под вечер первого дня привала он застал женщину сидящей на свернутом плаще. На одном ее колене стояла чашка с бульоном, в котором плавали мелкие кусочки мяса, на другом — кубок разбавленного водой вина.

— Наша красавица выглядит значительно лучше,— сказал подошедший Шонг,— и я велел принести ей более существенной пищи.

— Она еще ничего не говорила? — спросил Хаэль.

— Ни слова. Но я не думаю, что она нема или безумна. Скорее всего, до того, как что-нибудь



сказать, наша новая спутница просто хочет понять, куда она попала и что ее ждет.

— Прошлой ночью она говорила во сне, значит, не немая,— подтвердил Хаэль. Он сел рядом с женщиной. Та взглянула на него, но ничего не сказала.

— Как тебя зовут? — спросил Хаэль. Женщина по-прежнему молчала. Тогда он указал на себя и произнес: — Хаэль. — Потом поднес палец к ее груди и вопросительно поднял брови, надеясь, что она поймет эту нехитрую пантомиму.

Медленно, как будто это требовало от нее огромных усилий, она подняла руку и прикоснулась ладонью к углублению между выступающими ключицами.

— Диэна, — произнесла она едва слышно.

Значит, незнакомка его поняла. Хаэль протянул руку, указывая на высившиеся за ними горы и тропинку, по которой спустился их отряд.

— Грозовые Земли. Мы, — он показал на себя и своих спутников, — пришли сюда с Грозовых Земель. А ты? — И он снова прикоснулся к ее груди, приподняв брови.

Женщина нахмурилась, будто не совсем расслышав его слова. Однако в ее взгляде, вопреки опасениям Хаэля, не было непонимания. Помолчав, она повторила:

— Грозовые Земли? — Произношение было немного странным, но он смог разобрать, что она сказала.

К ним присоединился Чайлд.

— Используй простые слова и выговаривай их очень медленно, — посоветовал он. — Здесь более всего распространены северный или южный диалекты, но у этих двух языков общие корни. По



тому, как эта женщина произносит гласные, я думаю, она родом с севера.

Чаула, несомненно, был прав. Хаэль вырвал пучок травы и показал женщине.

— Трава,— сказал он.

На этот раз незнакомка кивнула.

— Трава.

Хаэль понял, что она не просто повторила за ним, но произнесла слово на своем языке. Оно звучало странно, но узнавалось довольно легко.

— Северный,— с довольным видом кивнул Чаяула.

Хаэль продолжил урок. Нескольких дюжин слов оказалось достаточно, чтобы показать, что ее язык включал много понятий из северного диалекта, на котором говорили к западу от гор. Единственным словом, которого не оказалось в языке женщины, было «нуск». Очевидно, эти животные не встречались там, откуда она была родом. К своей радости, юноша обнаружил, что ей знакомы кабо — Диэна произносила это слово как «кабио».

В перерывах между работой он старался как можно чаще общаться с Диэной, всегда заботясь о том, чтобы не утомить женщину. Врачеватель Тувас осмотрел женщину и сообщил, что здоровье ее в порядке, если не считать сильного истощения. Тувас очень интересовался различными лекарственными растениями и охотно соглашался лечить людей, даже ничего не получая за это.

На утро третьего дня, когда участники экспедиции сворачивали лагерь и собирались выступить в поход, Хаэль устроил для Диэны что-то вроде седла на спине одного из нусков. Его погонщиком был человек, с которым юноша познакомился в деревне, где они проводили зимовку,— Хаэль ему дове-



рял. Никто не сказал юноше по этому поводу ни слова — возможно, просто потому, что не осмелился.

Во время этого перехода Хаэль постоянно старался найти возможность ехать рядом с Диэнной. Между ними быстро росло взаимопонимание. Они уже могли без труда разговаривать, почти полностью понимая речь друг друга.

— Что тебя привело так высоко в горы? — спросил юноша. Перед тем как ответить, Диэна некоторое время смотрела на него испытующим взглядом, оценивая, стоит ли ему доверяться.

— Потому, — сказала она, — что я сбежала от амси. Я знаю, что они никогда не поднимаются в горы. Мне казалось, я смогу перебраться на другую сторону. Но горы оказались такими высокими...

— Тебе еще повезло, что я случайно на тебя наткнулся. Для того чтобы добраться на ту сторону, тебе пришлось бы преодолеть хребет. Такой переход крайне тяжел и занимает много дней.

Женщина зябко передернула плечами.

— У меня все равно не оставалось другого выхода.

Хаэль окинул взглядом окрестности, но не увидел ничего, кроме парящих в воздухе птиц.

— А мы можем натолкнуться на амси? — Если Диэна так отчаянно пыталась убежать от этих людей, то при встрече с ними, скорее всего, могут возникнуть серьезные проблемы.

— Вполне возможно. — Диэна выглядела озабоченной, но не испуганной. — Но вас много, и вы хорошо вооружены. Амси вряд ли осмелятся напасть. Скорее, они захотят торговать с вами.

— Нас это устроит, — сказал Хаэль. — Для этого мы и пришли сюда. Но как случилось, что ты стала



их... пленицей? — Островитянин не решился произнести слово «рабыня», опасаясь, что это может оскорбить Диэну.

Женщина подняла руку — Хаэль заметил, что пальцы ее слегка дрожат — и показала на северо-восток.

— Там живет мой народ — мэтва, Люди Большого Лука. Мы враждует с амси уже несколько поколений.

Диэне пришлось повторить последнее слово несколько раз, пока Хаэль смог сообразить, о чем она говорит. За исключением подобных редких случаев, они уже прекрасно понимали друг друга. Сложность заключалась лишь в том, чтобы разобраться в непривычном произношении и привыкнуть к легким различиям в построении фраз.

К третьему дню пути Диэна пришла в себя настолько, что ее речь стала более оживленной. Она согласилась показать им ближайшее отсюда поселение. Взамен люди Шонга должны были защитить ее, если возникнет необходимость, и доставить к народу мэтва, когда смогут найти другого проводника. Шонг понапалу долго не соглашался на это.

— Она будет нашим проводником, — настаивал Хаэль. — Значит, должна находиться под защитой отряда.

— Это полностью зависит от того, проявят ли амси желание забрать ее обратно, — не уступал Шонг.

— Если они будут утверждать, что она их сбравшая рабыня, мы просто выкупим ее, — заявил юноша. — Не думаю, чтобы они так уж дорожили Диэной.

Шонг окинул внимательным взглядом женщину, все еще не оправившуюся полностью после выпавших на ее долю суровых испытаний.



— Не сомневаюсь — но только в том случае, если они ценят рабов по весу. Однако попробуй подойти к этому вопросу разумно. Мы торговцы и исследователи в чужой стране и не можем позволить себе враждовать с местными жителями. Конечно, если амси будут настаивать, мы поторгуемся с ними, но я не смогу дать за нашу красавицу больше, чем по справедливости стоит одна истощенная женщина. Все, что они запросят сверх этого, тебе придется оплатить самому — из причитающегося тебе за участие в экспедиции. И не пытайся убедить меня, юноша, что твоими помыслами управляет лишь человеколюбие. Ты влюбился в нее по уши, это ясно и ребенку. Согласись, если бы твоя находка была стара и безобразна или, того хуже, оказалась мужского пола, ты не заботился бы столь усердно о ее безопасности и благополучии.

Хаэль понимал, что возразить ему нечего. Он с удовольствием отдал бы свою долю, лишь бы Диэне не грозила опасность. Его интересовало все, что касалось этой женщины. Хаэля привлекала не только ее красота, как справедливо намекал Шонг, но и та внутренняя сила, что помогла ей сбежать от хозяев и проделать столь трудный путь через горы. Ведь Диэна наверняка понимала, что в одиночку слабой женщине преодолеть горный хребет практически невозможно.

— Почему ты не попыталась добраться до своего народа? — спросил он у нее.

Ответ Диэны удивил юношу.

— Они бы легко меня догнали. Амси ездят верхом на таких же животных, — она показала на его кабо, — правда не таких крупных, но очень быстроногих. А в горах у них не было этого преимущества, поэтому я и побежала туда.



— А твой народ ездит верхом? — поинтересовался Хаэль.

Женщина покачала головой.

— Мэтва живут среди лесистых холмов, амси же — в лугах. Некоторые наши племена, обитающие рядом с лесами, держат кабо, используя для охоты. Но большая часть мэтва не желает иметь с верховыми животными ничего общего.

Это было довольно странно, но Хаэль давно привык не удивляться обычаям и табу других народов. Теперь он знал, что у каждого народа свои верования, свои боги, и относился к этому так же, как к законам природы, — то есть принимал как данность. Когда юноша вспоминал свою жизнь на родном Острове, казавшуюся теперь далеким прошлым, он временами изумлялся, в какие странные вещи, совершенно не задумываясь над этим, верят шасинны.

Если бы он продолжал оставаться шасинном, то, вероятно, с презрением отнесся бы к Диэне и ее племени. Ведь они пользовались луками и охотились на животных. Теперь же юноше было интересно побольше узнать о жизни других народов. Ему не терпелось встретиться и с амси, даже если это грозило опасностью ему и отряду. Этот народ ездил на кабо, а Хаэль собирался использовать всадников, реализуя свои замыслы. Еще он знал, что Диэна — тоже часть его судьбы, он понял это сразу, в тот самый момент, когда встретил в горах измученную полумертвую женщину.

Хаэль чувствовал, с какой необъяснимой силой притягивает его неведомая земля по эту сторону гор. Как будто он пришел в то место, где изначально ему суждено было жить. Кому-то эти бесконечные луга могли показаться скучными и однообраз-



ными. Но если человек сидел на спине кабо, то видел перед собой бескрайнее пространство, простирающееся до горизонта и дающее ощущение безграничной свободы. Хаэль чувствовал, что именно здесь он сможет выполнить свое предназначение, хотя подробности будущего пока не открылись перед его внутренним взором.

На четвертый день они приблизились к деревне, которая, как сказала Диэна, называлась Суровый Ветер. Недалеко от нее они встретили амси. Хаэль заметил их первым. Он, как обычно, опередил на несколько сот шагов основной отряд. Поскольку видимость на равнинных землях была прекрасная, Шонг велел, чтобы охранники, где бы они ни ехали — впереди, по флангам или сзади отряда — не исчезали из виду. По направлению к каравану двигалось, как определил юноша, около двух десятков всадников. Понимая, что он также не остался незамеченным, Хаэль развернул кабо и рысью поскакал обратно к своим товарищам. После его доклада Шонг приказал остановиться и дал сигнал приблизиться остальным охранникам.

— Не проявляйте враждебности, — предупредил Шонг, — ведите себя дружелюбно. Держите оружие наготове, но страйтесь не делать резких движений. Любой настороживший амси пустяк может привести к ссоре. Я множество раз был свидетелем того, как это происходит.

Потом он повернулся к Хаэлю.

— Хаэль, ты много разговаривал с этой женщиной, поэтому лучше других владеешь их диалектом. Чаула, ты тоже держись рядом со мной. Вступите с ними в беседу, отвечайте на вопросы, держите себя спокойно и по-дружески. Но когда буду говорить я, вы должны молчать и переводить мои слова,



если это понадобится. Надеюсь, вы меня хорошо поняли?

Хаэль кивнул. Как всегда, его приводило в восхищение, как быстро Шонг умел сориентироваться в любой самой сложной ситуации.

Через несколько минут всадники приблизились к ним. Они спокойно ехали рысью, не издавая воинственных возгласов. Хаэль воспринял это как добрый знак. Но, несмотря на отсутствие проявлений враждебности, внешность этих людей казалась устрашающей. Теперь можно было насчитать по меньшей мере три десятка всадников. Почти все они носили одежды из шкур, прекрасно выделанных и украшенных рисунками и яркой вышивкой. Головы амси прикрывали капюшоны, изготовленные из голов различных животных. Эти причудливые головные уборы венчали рога, гривы, хвосты, яркие птичьи перья, а некоторые — человеческие скальпы. Седла амси представляли собой умело сработанные легкие конструкции из дерева и шкур, и также богато украшенные. Всадники были вооружены ножами, и у каждого было длинное копье с бронзовым наконечником. Хаэль не заметил в снаряжении амси ничего металлического, кроме изделий из серебра и золота, блестевших на их руках и груди.

Всадники остановились, вытянувшись в одну линию, на расстоянии двух десятков шагов от Шонга и двух сопровождавших его людей. Затем один из них направил своего кабо вперед. Остальные амси были людьми среднего роста, но этот выглядел почти великаном, его ноги всего лишь на фут не доставали до земли. На его груди и шее сверкала масса украшений, а богато вышитая кожаная рубаха была белого цвета. Верхнюю часть лица высоченного амси прикрывала маска какого-то неизвестно-



го Хаэлю хищника с рыжим мехом, чьи острые уши стояли торчком, как будто зверь прислушивался к шагам добычи.

— Я Импаба, второй после вождя человек северо-западных амси. Кто вы, чужаки, и что вам надо на наших землях?

Шонг кивнул Хаэлю, чтобы тот отвечал.

— Мы — торговая миссия, посланная королем Навы, — сказал юноша. — У нас мирные намерения. Как вы можете видеть, нас немного, и у нас мало оружия. Это наш глава — Шонг, из Гильдии торговцев. Я — Хаэль с Островов. Я разговариваю с вами, потому что лучше других овладел вашим наречием. А это — Чаула, ученый человек.

Они заранее решили не упоминать, что Чаула — картограф, чтобы народ этой земли не заподозрил, что тайной целью торговцев является шпионаж.

Импабу, казалось, заинтересовали его слова.

— Вы пришли из-за гор? — спросил он. — Несколько дней назад мы проезжали вдоль подножия великой горы, однако не заметили никаких признаков появления чужеземцев.

— Мы перешли горы, — сказал Хаэль. — Пересякли их с западной стороны, как только весеннее солнце очистило перевалы от снега.

Импаба покачал головой, очевидно выражая свое удивление.

— Очень немногим людям удавалось переходить через горы, и чаще всего они были из этого, — он показал на погонщиков нусков, — народа, что живет на дальних склонах гор. Вы пришли из великой страны?

Хаэль раскрыл было рот, чтобы ответить, но тут вмешался Шонг, который, очевидно, пришел к вы-



воду, что теперь прекрасно сможет объясниться и сам.

— Наша страна обширна, многолюдна и могущественна.— Опытный путешественник, Шонг прекрасно знал, что никогда не мешает дать местным жителям понять, что повелитель его страны вполне способен отомстить за любой вред, причиненный его посланникам.— Мой король решил, что нам будет полезно установить связь с народами, обитающими к востоку от гор. Теперь мы знаем, что путешествие через горы не столь недоступно, как нам сперва казалось, и повелитель моей страны хотел бы установить с населением твоих земель торговые отношения. Торговля — основа дружбы между народами.

Импаба, похоже, слушал речь Шонга с большим вниманием, ему нужно было прилагать определенные усилия, чтобы понять слова, произносимые с непривычным акцентом. Судя по всему, он понял достаточно.

— Это хорошее намерение. Что вы привезли для торговли?

— У нас с собой богатый выбор товаров — ткань, линзы для очков, краски и красители, лекарства. Конечно, вы понимаете, что наша экспедиция послана для разведки. Мы должны узнать, что хотят иметь местные народы из тех товаров, которыми мы располагаем, и что можем получить взамен. Следующие караваны прибудут, нагруженные товарами, пользующимися у вас наибольшим спросом.

— Железо? — спросил Импаба.

— Мы не привезли металлов, кроме нескольких мотков железной проволоки. Но мы сами могли бы хорошо заплатить за железо, если оно у вас есть.

Импаба кивнул.



— Поговорим об этом позже. Добро пожаловать на наши земли. Здесь поблизости находится деревня Суровый Ветер. Следуйте за нами, там мы сможем взглянуть на ваши товары. После того как вы отдохнете, мы побеседуем.

Тут он прервал свою речь и искоса взглянул через плечо Хаэля. Обернувшись, юноша увидел Диэну, сидящую верхом на нуске. Глаза женщины были широко распахнуты, и хотя лицо ее оставалось бесстрастным, Хаэль понял, что она сильно испугана.

Импаба показал на женщину.

— Где вы нашли ее? Это наша добыча!

— Возможно, она была ею,— сказал Хаэль,— но теперь эта женщина с нами. Мы нашли ее в горах, и она стала проводником отряда и находится под нашей защитой.

В мгновение ока из дружелюбно настроенного человека Импаба превратился во врага.

— Она моя! Я хочу ее обратно! — Он направил было к женщине своего кабо, но Хаэль загородил ему дорогу и схватился за копье. Амси за спиной Импабы насторожились, также положив ладони на рукоятки оружия.

— Остановитесь! — разрядил напряженную обстановку спокойный голос Шонга. Это подействовало на присутствующих сильнее, чем крик. — Здесь нет предмета для споров. Если она твоя собственность, Импаба, то будет справедливо, если мы заплатим тебе за эту женщину. Давайте спокойно все обсудим, когда прибудем в деревню.

Импаба раздраженно передернул плечами, но не стал спорить.

— Да, возможно, так будет лучше. Это всего лишь женщина, к тому же она из мэтва. — Он про-



изнес это слово, словно выплевывая какую-то попавшую ему в рот гадость.— Следуйте за нами.

С этими словами Импаба развернул кабо и поехал вперед, за ним двинулись остальные амси.

— Не сказал бы, что переговоры прошли удачно,— заметил Чаула.— Ты храбрый юноша, но поступил неразумно.

Ответ Шонга чрезвычайно удивил Хаэля.

— Вовсе нет,— сказал торговец.— Конечно, вступать в драку было бы глупо, но всегда полезно уже при первой встрече дать почувствовать, что тебя невозможно запугать. Тогда никто не подумает, что какими-либо угрозами сможет заставить нас снизить цену на товары.

Шонг обернулся и знаком велел погонщику подвести к ним нуска, на котором сидела Диэна.

— Спасибо,— прошептала женщина. Ее голос слегка дрожал.

— Мы не отдадим тебя амси, если сможем это сделать, не подвергая отряд опасности,— сказал Шонг.— Но ты должна знать, что мы не можем из-за тебя поставить под угрозу срыва нашу миссию.

Диэна кивнула.

— Я понимаю.

— Кто этот человек? — спросил Шонг.— Важная персона или просто командир небольшого отряда?

Женщина задержала дыхание, потом глубоко вздохнула.

— Импаба — значительный человек среди северо-западных амси. Они не имеют постоянных жилищ, перевозя свои шатры с места на место. Мужчины собраны в шесть больших военных отрядов. Импаба — предводитель одного из них, он стал им совсем недавно.— Она вопросительно взглянула на



Шонга, не уверенная, что тот понимает ее речь так же хорошо, как Хаэль.

— Продолжай, девочка, я прекрасно тебя понимаю. Только говори чуть помедленнее.

— Пару лун назад он со своим отрядом напал на нашу деревню в холмах. Несколько моих родичей было убито, а меня с другими женщинами и детьми взяли в плен.

— Твой народ не защищался? — удивился Хаэль.

— Конечно, защищался! — возмущенно воскликнула Диэна. — Амси смертельно боятся наших луков. Но верхом на кабо они могут напасть внезапно — до того, как мы успеем приготовиться к битве. Наши воины прогнали их, но им не хватило времени отбить захваченных пленников.

— Они берут в плен женщин и детей, чтобы сделать их рабами? — спросил Шонг таким тоном, как будто речь шла о какой-то торговой операции.

— Да, — кивнула Диэна.

— А как они поступают с рабами? — продолжал расспросы торговец.

— Одних они оставляют работать на себя, других продают на юг.

Теперь в глазах Шонга читалось гораздо большее, чем мимолетный интерес.

— А что находится на юге?

Женщина пожала плечами.

— Я не была там, только слышала, что рассказывают о тех землях. Там есть богатые города, а также странные места, в которых властвует сильная магия. И еще Отравленные Земли — если человек попадет туда, он погибает. Я знаю наверняка только то, что они покупают рабов. Жители этих земель торгуют металлами — бронзой, серебром, золотом, а иногда и железом. Я слышала, что Импаба гово-



рил, что если продаст меня южанам, то получит за меня три фунта железа.

— Сейчас ему не удастся спросить за тебя такую цену, — улыбнулся Шонг.

Дизна невесело рассмеялась и подняла вверх руки, которые были тонкими, как у ребенка.

— Это было тогда, когда меня только поймали. Вам, наверно, сейчас трудно поверить, но в моей деревне меня считали толстушкой. Я отчаянно сопротивлялась, а когда мне не удалось вырваться, пыталась убить себя.

Хаэль хотел было сказать, что он думает о ее внешности, но вовремя остановился, решив, что время для комплиментов не самое удачное.

Через два часа они подъехали к деревне. Ее окружал земляной вал высотой в человеческий рост, с частоколом поверху из заостренных на концах бревен, очищенных от коры. Хаэль подивился труду, который потребовалось затратить, чтобы перетащить такое количество бревен через лишенную деревьев равнину. Потом, однако, он сообразил, что их могли сплавить по текущей вниз с северных склонов реке. Земляную стену окружала широкая канава, на дне которой тускло поблескивала покрытая илом вода.

Внутри сгрудилось множество хижин окружной формы. Их стены были выложены из квадратиков дерна и покрыты сверху тем же материалом. Вокруг деревни лежали обработанные поля, в это время года еще пустующие, слегка взрытые деревянным плугом. Очевидно, жители деревни существовали в основном за счет земледелия, хотя и держали небольшие стада квилов и карликовых, но очень толстых криворогов. Между хижинами расхаживали сотни нелетающих птиц.



Жители деревни были темнокожими, коренастыми, с приземистыми фигурами и явно принадлежали к той же расе, что и амси. И мужчины, и женщины носили юбки из шкур или полотна, ходили босиком. Дети, широко раскрыв глазенки, следили за процессией, которая, извиваясь, проходила сквозь выемку в стене. Проем закрывался тяжелыми воротами, которые приводились в движение с помощью длинного деревянного бруса.

— Что это за люди? — негромко спросил Шонг.

— Биалла, — ответила Диэна. — Они живут в деревнях и совершенно безвредны. Биалла предпочитают платить амси дань, но не сражаться с ними. — Женщина не скрывала явного пренебрежения к этому народу.

— В каком виде они платят дань? — поинтересовался торговец.

— Они отдают амси пищу, которая не портится при перевозке, а иногда и своих детей. Амси делают из них рабов. Женщины этого племени не нравятся амси, поэтому находятся в безопасности.

Эти слова Диэна произнесла с горечью.

— Такова судьба всех слабых в этом мире, — философски заметил Шонг.

Они проехали мимо печи для обжига глины, все еще излучавшей тепло. Вокруг нее стояло множество сырых горшков, довольно неуклюжих и неправильной формы.

— Хороший рынок сбыта приличной керамики, — сделал вывод торговец. — Конечно, если у них есть что-то, чтобы дать взамен.

В центре деревни располагалось открытое пространство с плотно утрамбованной землей. Здесь амси спешились. На площади быстро собирались жители деревни. Имплаба вступил в разговор с се-



довласым мужчиной, который, очевидно, был деревенским старостой. Даже Хаэль с трудом понимал, что он говорит, поэтому Диэне пришлось переводить его слова. Старик приветствовал чужеземцев и сказал, что выделяет им в пользование несколько больших хижин. Несмотря на почти рабское положение жителей деревни, человек этот держался с большим достоинством, что удивило Хаэля. Как люди могут беспрекословно подчиняться и сохранять при этом чувство собственного достоинства? Это было выше понимания юноши.

Шонг отдал приказ разгрузить нусков. Импаба приблизился к ним неуверенной походкой человека, большую часть жизни проводящего в седле. Хаэль приготовился к стычке, но предводитель амси не обратил особого внимания ни на него, ни на Диэну.

— Сейчас мы собираемся отправиться на охоту, — сказал он Шонгу. — Вернемся через два-три дня. За это время вы успеете как следует отдохнуть. Эти рабы внимательно отнесутся к любому вашему желанию. Мы поговорим обо всем после того, как я вернусь.

Не дожидаясь ответа, амси повернулся и дал знак своим спутникам. Те вскочили в седла, и через несколько минут отряд скрылся за тяжелыми воротами.

— Не сомневаюсь, отправились предупредить остальных, — заявил Шонг. — Что ж, с этим мы все равно ничего не можем поделать. В конце концов, мы пришли сюда для того, чтобы установить с ними отношения.

Отведенные им хижины оказались довольно просторными, но в них почти не проникал дневной свет. В хижинах не было окон, лишь довольно низкий дверной проем и круглое отверстие для дыма



в крыше. Всю обстановку составляли только вбитые в стены крючки для одежды и тюфяки, набитые травой. Деревенские жители щедро снабдили людей Шонга продуктами, хотя выяснилось, что у них совсем нет крепких напитков.

В первую ночь вся деревня участвовала в довольно сложной церемонии. Диэна объяснила, что это действие не устраивалось в честь прибывших, а представляло собой один из обычных ритуалов би-алла. Они облачились в затейливые одеяния, тела украсили удивительными по сложности узорами. Под музыку флейт и барабанов жители деревни исполняли сложный танец, в то время как группа мужчин изображала какие-то сцены, в которых, судя по всему, действовали как люди, так и животные, а также духи и боги. Часть танцоров искусно подражала повадкам птиц и животных, а молодые девушки изображали нечто вроде грозового ливня. Участники действия полностью отдавались танцу, было видно, что их мысли сейчас очень далеко от окружающей их действительности. Все это оказалось непонятным Хаэлю, но даже Диэна не могла ничего толком объяснить.

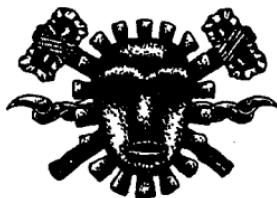
— Они земледельцы, — сказал Шонг, — поэтому вполне вероятно, что их танец связан с дождем и плодородием. Большая часть верований земледельческих племен сосредоточена вокруг погоды и почвы. Однако, мне кажется, не стоит расспрашивать их об этом, биалла сочли бы это дурным тоном.

Спутникам Хаэля довольно быстро наскучило зрелище, но юноша с интересом продолжал наблюдать за причудливым танцем. Он никогда не видел людей, столь самозабвенно увлеченных общим ритуалом. Эти порабощенные люди вели жалкое нищенское существование, однако, судя по всему, их



духовная жизнь отличалась истинным богатством, красочностью и разнообразием. Юноша решил, что как раз в этом кроется источник их внутреннего достоинства. Тяжелая повседневность не была для биалла чем-то реальным — или, по крайней мере, не главным в жизни. В духовном же мире они были один на один с величественными силами природы. И там эти люди, мало чем отличающиеся в действительности от рабов, чувствовали себя чуть ли не на равных с богами и духами. Они достигли гармонии с жизнью и миром, и, насколько Хаэль мог видеть, были по-своему счастливы. Но он так жить бы не смог, оставаясь прежде всего воином. Однако юноша прекрасно понимал всю притягательность духовной экзальтации, в которой этот народ проводил большую — и, несомненно, лучшую — часть своей жизни.

Хаэль улегся на тюфяк и заснул под звуки флейт и барабанов, все еще раздающихся в ночном воздухе.



Глава десятая



А

мси отсутствовали уже пять дней, но о них все еще не было никаких известий. Это, однако, никого не удивляло, поскольку примитивные народы особо не заботятся о времени. Шонг решил ждать, если придется, неделю, а затем отправиться на юго-восток, к следующему поселению. Несомненно, где-нибудь по пути они встретятся с амси.



Хаэль пытался разговаривать с биалла, но их язык был сложнее наречия северян, и юноша разбирал из него едва несколько слов. Чаяла предположил, что они говорят на какой-то древней разновидности южного наречия. Жители деревни пришли в восторг от товаров, привезенных караваном, но они мало что могли дать взамен. Все же Шонг за муку, сущеные бобы и несколько связок лекарственных трав, которые Тувас, осмотрев, признал ценными, отдал биалла пару рулонов яркого полотна и моток медной проволоки.

Чаяла, не зная, чем бы заняться, распаковал свой блокнот для зарисовок, страницы которого были сделаны из тонкой тюленьей шкуры, и сделал несколько удачных зарисовок деревни, людей и изготовленных дикарями вещиц. Каждый рисунок был аккуратно подписан. Предметы, производимые биалла, не отличались особым разнообразием и большей частью были примитивными и неуклюжими. За одним исключением — они делали очень красивые корзины из переплетенных сложным рисунком и раскрашенных особым образом веток и травы.

Хаэлю очень понравились эти рисунки, и он спросил Чаялу, являются ли они частью его задания.

— Разумеется,— ответил картограф,— хотя я думаю, что ученые советники Его Величества определенно будут разочарованы столь странными предметами моих зарисовок. Этот альбом, когда мы вернемся, отправится в королевский архив и станет источником сведений для участников будущих торговых или военных экспедиций в эти земли. Это,— он ткнул пальцем в изображения круглых хижин, жалких горшков и великолепных корзин,— конечно, пустяки,— но каждое знание имеет свою ценность.



— Интересно,— задумчиво произнес Хаэль,— значит, торговцы и картографы играют важную роль в делах государства?

Чаула обмакнул кисточку в воду, смешанную с чернилами, и слегка подправил рисунок, на котором был изображен домашний карликовый криворог.

— Совершенно верно. Самая сильная армия окажется слабой, если не знает досконально пути, по которому движется. Сведения о том, что ждет их впереди, совершенно необходимы, чтобы предотвратить неудачи. Каждая армия балансирует на зыбкой грани между победой и поражением. Работа, которую мы выполним в этой экспедиции,— он приподнял свой альбом,— может когда-нибудь сравняться с силой десяти тысяч солдат. Где находится вода, какие продукты пригодны для людей и животных, каковы характер и привычки местного населения, бедны они или богаты, дружелюбны или воинственны, даже их религия, обряды и тому подобное — все эти сведения могут оказаться чрезвычайно полезными.

Хаэль запомнил слова картографа, поскольку в них содержался особый для него смысл. Когда-нибудь он будет командовать могущественной армией — Хаэль рассчитывал, что это произойдет в не таком уж отдаленном будущем — и возведет эти знания в разряд основных. Не просто разведка, но тщательная, заранее продуманная подготовка, основательно, возможно на долгие годы, заложенный фундамент. Это навело его еще на одну мысль.

— Значит, когда Шонг говорит о необходимости мирных отношений и торговли, это всего лишь прикрытие для шпионажа, выведения самых ко-



ротких путей к завоеванию и всех слабых мест местных народов?

Чаула ненадолго задумался.

— Конечно, все это взаимосвязано. По правде говоря, дружба и торговля цепны и сами по себе. Что же касается завоевания этих мест, то вряд ли Его Величество намеревается заняться этим в обозримом будущем. К тому же между Навой и горами, которые мы перешли, лежит Омайя.

— Королевство, которое мы прошли от границы к границе,— заметил Хаэль,— представляется мне несерьезным препятствием для завоевателя. Если мне не изменяет память, ты и там делал кое-какие заметки.

— Да,— неохотно согласился Чаула,— торговля и война идут одними путями, это неизбежно. В настоящее время отношения между Омайей и Навой весьма дружественные. Но монархи привыкли смотреть далеко вперед. По своему опыту они прекрасно знают, что если какие-то отношения существуют, то это не значит, что они останутся таковыми навеки. В конце концов, правители обязаны учитывать интересы своих наследников. Государству нужно обеспечить наилучшую защиту на случай, если сыновья окажутся бездельниками или глупцами. Так что, хотя сейчас короли Омайи и Навы относятся друг к другу как братья, ты не увидишь, чтобы кто-нибудь из них ослабил охрану своих границ или распустил хотя бы часть армии.

Хаэль долго размышлял об услышанном. Биалла были неразговорчивыми людьми, поэтому он много времени проводил в беседах с Диэнной и Шонгом. Купец подтвердил многое из того, о чем сказал Чаула. Он был сильно озабочен вынужденной задержкой в пути. Шонг испытывал извечную потреб-



ность торговца пребывать в постоянном движении: завершить торг в одном месте и начать его в следующем. При этом постоянно надо помнить, что время года вот-вот сменится и наступит период, когда придется прекратить торговлю из-за наступившей зимы, или сезона гроз, или еще какие-нибудь обстоятельства заставят прекратить ее в этом или другом месте.

— Верно,— сказал Шонг, внимательно осматривая копыта нусков.— В любое время в том или ином районе идут военные действия, а если не ведутся, то уж обязательно замышляются. И у нас, странствующих торговцев, всегда спрашивают совета, как действовать в чужих землях. Король или местный правитель устраивают роскошный пир, куда приглашают членов какой-нибудь купеческой гильдии, и разговор там, разумеется, ведется о странах, которые они собираются захватить или которые, по сведениям их шпионов, сами собираются на них напасть. Спрашивают о многом: сколько солдат мы видели, когда были там в последний раз, в хорошем ли состоянии защитные укрепления, богат ли народ и тому подобное.

Шонг открыл пасть нуска и осмотрел его большие плоские желтые зубы.

— То, чем мы сейчас занимаемся, как ты понимаешь, слегка отличается от того, о чем я говорил. Мы являемся полуофициальной исследовательской экспедицией и не скрываем этого.— Он помолчал немного.— Правда, мы решили не говорить, что Чаяла — картограф, но это совсем другое. Ты удивился бы тому, как настороженно некоторые примитивные народы относятся к картам. Думают, что они связаны с магией, причем недоброй. Первобытные племена часто объясняют свое поражение от



армий цивилизованных стран тем, что у их командающих имелись карты. Они, конечно, правы, но причины, сам понимаешь, кроются совершенно не в колдовстве. Эти народы считают карты чем-то вроде злых заклинаний, наложенных на их землю.

— Ну и что мы уже успели обнаружить? — поинтересовался Хаэль. — Ты думаешь, советники короля найдут эти сведения важными?

— Очень небольшую их часть, — отозвался Шонг. — Но мы ведь еще только в начале своего пути. Экспедиция может продлиться около двух или даже трех лет. Мы провели совсем немного времени среди этих пустынных равнин, где нет ничего, кроме маленьких жалких деревенек. Но когда повернем на юг, окажемся в гораздо более интересных местах. Мы слышали о них очень немного, но, похоже, там могут находиться богатые города. Диэна тоже говорила об этом. Но мы можем кое-что узнать даже в этих местах, потому что отрицательные сведения тоже по-своему любопытны.

— Как это? — озадаченно спросил юноша.

Шонг широко повел рукой, причем в этом жесте сквозило некоторое презрение.

— Эти степи кажутся почти необитаемыми. Здесь живут лишь примитивные народы, одетые в шкуры охотники, дикие налетчики, совершающие набеги верхом на кабо, грязные земледельцы в нищих деревнях, окруженных частоколами. И хотя Его Величество король Навы и Его Величество король Омайи утверждают, что они — братья, однако, — он изобразил ладонью нечто вроде волны, показывая изменчивую натуру упомянутых правителей, — может наступить время, когда боги рассудят иначе. Если наш король придет к выводу, что сможет захватить соседнюю страну и выйти из этой войны



победителем, присоединив Омайю к своим владениям, ему окажется весьма полезным знать, что с северо-востока, из-за гор, опасаться вторжения не следует. Когда я вернусь, то смогу честно доложить, что в ближайшие годы с запада его не ждут неприятности серьезнее, чем возможное надувательство в торговых отношениях.

Хаэль расценивал сложившуюся ситуацию несколько по-иному, но не стал делиться этими мыслями с Шонгом. Купец посмеялся бы над его юношеским честолюбием или решил бы, что он просто не в своем уме. Для Шонга, заинтересованного преимущественно в торговых путях, рынках сбыта и природных ресурсах, эти земли представлялись, конечно, довольно бесперспективными. Для горожанина Чаулы важность, главным образом, представляли географические сведения. Однако он тут же терял к ним интерес, как только заносил их особыми значками на карты и составлял заметки относительно обитающих здесь народов и имеющихся ресурсов.

А что было важно для него, Хаэля? Он видел бескрайние, поросшие травой равнины, а каждый скотовод прекрасно понимает, что трава — это жизнь для скота, а потому — и для человека. Раньше, как истинный представитель своего племени, он думал в первую очередь о каггах. Теперь его гораздо больше интересовали кабо. Здесь он встретил представителей кочевых народов, ездащих верхом. Такие люди могут перебираться куда угодно, лишь бы там было много травы для прокорма кабо. А именно это требовалось, чтобы выполнить предназначение, выпавшее, как он теперь понял, на его долю.

Юноше очень хотелось повидать народ Диэны, мэтва. Он был уверен, что они тоже представляют собой часть его судьбы. Слабость этого народа зак-



лючалась в разобщенности на множество племен, с презрением, недоверием и враждебностью относящихся друг к другу. Познакомившись с цивилизацией, Хаэль стал понимать, какую силу представляет единство. Короли и их королевства были разделены и враждовали между собой так же, как и первобытные племена. Подобное положение вещей представлялось Хаэлю крайне неразумным. В подходящее время он серьезно поразмыслил над этой проблемой.

Сейчас, для того чтобы исполнить свое предназначение, самым важным ему представлялось найти для этой цели невиданной мощи орудие. И он почему-то ощущал непоколебимую уверенность, что в такое орудие можно превратить народы этих диких земель. Даже для забытых, вырождающихся биалла он нашел бы свою задачу.

И, как всегда, Хаэль задавал множество вопросов. Он расспрашивал Шонга о тонкостях торговых отношений между народами. От Чаулы он хотел слышать все о королевской политике, о ведении сельского хозяйства и о цивилизованном землевладении. Как и большинство увлеченных людей, эти двое могли обсуждать детали своего ремесла с кем угодно, лишь бы он проявлял интерес к их делу. Но даже они порой просили пощады под непрекращающимся градом вопросов юноши.

Не забывал Хаэль и о Диэне. Она уже почти поправилась и желала принять участие в делах своих спутников, но было ясно, что горький опыт общения с амси лишил ее веры в людей. Хаэль терпеливо пытался восстановить это доверие. Она, без сомнения, испытывала по отношению к нему исключительную благодарность — за спасение своей жизни и за то, что он не пытался ничего у нее



добиться взамен. Много раз он убеждал ее в том, что не допустит, чтобы ее вернули амси, но она, казалось, была не в силах поверить в это до тех пор, пока не вернется к своему народу.

— Вы живете в таких же деревнях, как эта? — спросил ее как-то Хаэль, стремящийся, как обычно, побольше узнать о каждом народе.

Женщина покачала головой.

— У нас есть деревни, но мы не прячемся за стенами из бревен. Наша защита — доблесть наших лучников.

— По крайней мере однажды ее оказалось мало, — не смог удержаться Хаэль. — Стрелы не уберегли тебя от плена амси.

— В жизни нет извечной определенности, — сказала Диэна. Лицо ее внезапно окаменело. — Даже храбрейших и самых сильных иногда можно застать врасплох. Амси пришли небольшим отрядом, копыта их животных были обернуты тряпками, чтобы не производить шума. Они напали на рассвете, когда мы отправились за водой. В это время люди еще полусонные, двигаются и соображают медленнее, чем обычно. Налетчики хорошо выбрали время и место, они накинулись на нас, как хищные птицы, перебросили тех, кто не успел убежать, через седла и умчались прочь. Но эта вылазка не пошла им на пользу. Двое амси были убиты стрелами из луков и еще двое — ранены. Это привело их в ярость, а вымешали они ее на нас, пленниках. — Женщина опустила глаза и больше не поднимала b[. — Я так осквернена, что, думаю, мой народ не захочет принять меня обратно...

— Не тревожься об этом, — мягко сказал ей Хаэль. — Все осталось в прошлом, ты ведь не виновата в случившемся. И о том, как отнесется к



тебе твой народ, беспокоиться не стоит. Я заставлю их уважать тебя, как ты того заслуживаешь.

Теперь Диэна подняла на него взгляд — так обычно смотрят на безумцев.

— А кто ты такой, чтобы навязывать свою волю гордому и свободному народу мэтва?

Хаэль чувствовал, что эта женщина — единственный человек, с которым он может говорить о самых сокровенных вещах.

— Я — Хаэль с Островов, и я буду королем. Я не могу, как большинство королей, наследовать власть, поэтому мне придется создать свое королевство. И я создам его здесь. — Он плавным жестом обвел простиравшуюся вокруг равнину.

Он не думал, что Диэна посмеется над его словами, и она, действительно, этого не сделала.

— Не слишком ли честолюбивые мечты для бывшего пастуха, ныне охранника торгового каравана? — В голосе женщины слышалось сомнение, но не насмешка.

— Я никогда не был таким, как другие. Даже среди моего народа я был словно изгоем. Я мог бы стать Беседующим с Духами, но обстоятельства сложились не в мою пользу. А потом меня изгнали из племени, благодаря предательству брата.

Он оглянулся на горы, видневшиеся теперь узкой голубой полоской на горизонте, — будто смотрел через них в свое прошлое.

— Меня неудержимо влечет мир духов, — продолжал он. — Еще в детстве я мог их слышать — правда, не всегда понимал, что они говорят. Но я их чувствовал — и долгое время не догадывался, что другие на это не способны. Только наш старый Беседующий с Духами знал об этой моей особенности, но он мало что мог объяснить.



Когда я приехал в цивилизованную страну, то подумал, что, может быть, ответы на мои вопросы мне смогут дать боги, которые сильнее духов. Но обнаружил, что их боги — не больше чем силы природы, олицетворенные в человеческом облике. Эти существа так далеко ушли от духов, которыми когда-то являлись, что теперь в их культурах совсем не осталось жизни, а посвященные им церемонии — всего лишь затейливые представления, рассчитанные поразить публику.

Диэна взглянула на него с удивлением.

— А теперь, когда этих богов нет рядом, ты думаешь, что можешь яснее увидеть предназначенный тебе путь?

— Моя судьба не ясна мне до конца, — признался молодой человек, — зато совершенно понятно мое предназначение.

Кажется, впервые он увидел ее улыбку. Она явно потребовала от женщины серьезного усилия, будто мышцы лица так давно не растягивали ее губы, что теперь это причиняло ей боль. Тем не менее Диэна улыбнулась и вдвое от этого похорошела.

— Что ж, — полушутя-полусерьезно сказала она, — мне ничего не остается, как вручить свою судьбу человеку, который станет когда-нибудь великим королем этих земель.

Хаэль улыбнулся в ответ.

— Согласен. Ты тоже обладаешь значительной духовной силой — я это чувствую. Если ты будешь рядом со мной, то станешь такой же великой, как и я.

Наконец-то Диэна рассмеялась.

— Мне кажется, ты сумасшедший, но я не вижу в этом дурного. Мэтва всегда почитали безумцев. Защищай меня, и ты не найдешь более верного пос-



ледователя.— Внезапно лицо женщины помрачнело.— Но Импаба и его амси все еще не отказались от своих притязаний...

— Оставь Импабу мне. Я смогу с ним разделаться. Теперь я знаю, куда ведет мое предназначение, и не позволю ни одному человеку встать у меня на пути. И уж меньше всего тому, кто проявил к тебе жестокость.

— Если ты сумеешь это сделать,— спокойно сказала Диэна,— то можешь быть уверен, что я буду твоей навеки.

* * *

Амси вернулись на шестой день. Теперь их было куда больше, чем три десятка. Хаэль, который без особой цели бродил по тропке, проложенной вдоль частокола, прикинул, что сюда направляется по крайней мере тысяча человек. Они покрыли огромное пространство равнины за пределами деревни, и горстка биалла постаралась как можно скорее распахнуть ворота. Юноше все эти предосторожности казались нелепыми — он считал, что земляная стена может быть неплохой защитой от всадников, но это нехитрое укрепление в основном защищало биалла от множества огромных свирепых хищников, в изобилии водившихся на равнине.

Подошедший к Хаэлю Шонг мрачно выругался.

— Вероломная змея! Он высматривал у меня о могуществе правителя Навы и теперь позабочился, чтобы продемонстрировать силу своего повелителя!

— Ни один народ не стоит недооценивать,— сказал Хаэль. Он был скорее восхищен величественным зрелищем огромного множества всадников, хотя прекрасно сознавал, насколько опасным



может оказаться их появление. Однако эта потрясающая картина подсказывала ему, что он может совершить, командуя таким великолепным войском.

— Впрочем,— произнес внезапно успокоившийся Шонг,— все это, скорее, лишь представление. Я даю им понять, что впечатлен должным образом. Надо сказать, мне не придется особенно притворяться...

К ним присоединился Чаула. Когда Шонг спустился по лесенке на землю, Хаэль показал на всадников, которые были уже совсем близко.

— Скажи, Чаула, сколько конников регулярной армии потребуется, чтобы выстоять против такого числа амси?

Чаула внимательно оглядел приближающееся войско.

— Выглядят довольно свирепо, но у них не очень много шансов против подчиняющейся жестким приказам кавалерии великой державы. Эти люди вооружены только легкими копьями, защищены от ударов шкурами, а их щиты сделаны из кожи. В коннице регулярной армии служат отборные воины, происходящие большей частью из благородных семей. Они сражаются в боевом порядке, испытанном во множестве битв. На них прочные доспехи, они носят тяжелые щиты. Их копья длинные и тяжелые, чаще всего с наконечниками из железа, кроме того, они вооружены мечами. В сражении дикая сила этих варваров уподобится соломе, брошенной в огонь.

Хаэль кивнул, постаравшись запомнить слова картографа. Он тоже спустился на землю и пошел к центру деревни, где Шонг уже разложил товары, привезенные караваном. Через несколько минут к площадке начали подъезжать первые амси. Торго-



вец полагал, что их будет возглавлять Импаба, но ошибся.

Первой прибыла группа людей весьма почтенногого возраста, с седеющими или совершенно седыми волосами. Они ехали верхом на невысоких, но прекрасной стати кабо с богато упражненной упряжью.

— Вожди, надо полагать,— пробормотал Шонг.

Хаэлю вспомнились слова Тэйта Мала, когда Беседующий с Духами объяснял ему, что все порядки их племени устанавливались для одной цели — сосредоточить власть, имущество и женщин в руках нескольких стариков. Юноша подозревал, что то же самое происходит и здесь — скорее всего, так принято у всех народов.

— Если прибыли их вожди, то, вероятно, драки на этот раз не будет,— несколько успокоившись, произнес Шонг.

В голове Хаэля теснились какие-то странные мысли. Его занимал вопрос, как же такое множество всадников поместится в небольшой деревне. Однако эта проблема решилась довольно просто: на деревенскую площадь въехало около четырех десятков амси, остальные расположились за пределами селения. Собравшиеся на центральной площади люди были, несомненно, богаты и пользовались уважением. Одежду из прекрасно выделанных шкур украшала богатая вышивка. Под лучами солнца ярко блестели многочисленные цепочки, браслеты и подвески из золота и серебра.

Вперед выехали трое амси, седовласые мужчины, отличающиеся благородной наружностью. С ними был и Импаба. Приняв высокомерный вид, он важно сказал:

— Это верховные вожди амси — Рэстап, Мигау и Унас.— Когда он произносил очередное имя, вождь



делал жест рукой с повернутой вниз ладонью, очерчивая на уровне груди горизонтальный круг. Выражение их лиц было суровым.— Вожди желают встретиться с чужеземцами, прибывшими в наши края с запада, из-за гор. Я говорил им о том, что вы предлагали, но они пожелали услышать это из ваших собственных уст.

— Приветствую вас, великие вожди,— произнес Шонг, оживленными жестами изображая искреннее расположение и приветливость.— Я привез с собой предложение дружбы от Его Величества короля Навы.

Поскольку амси, судя по всему, придавали большое значение ритуалу торжественных церемоний, торговец приступил к заранее заготовленному варианту официальной речи, обращая особое внимание вождей, изрядно при этом, разумеется, преувеличивая богатство и мощь своей державы, а также щедрость и могущество ее монарха.

Пока Шонг произносил свою речь, Хаэль воспользовался случаем получше рассмотреть амси, восседающих на своих кабо чуть поодаль от выступившей вперед четверки. Никто из них не спешился. Мужчины вполголоса переговаривались между собой, с явным интересом поглядывая на выставленные на обозрение товары.

Один человек резко выделялся среди остальных всадников и сразу же привлек внимание Хаэля. В отличие от остальных, у него не было не только копья, но вообще никакого оружия — во всяком случае, юноша его не видел. Одежда этого человека была причудлива, но не богата: спицита из немалого числа небольших шкур мехом наружу. На нем было множество амулетов, на плечах висело большое количество маленьких кожаных ме-



шочков. Вместо копья он держал в правой руке резной посох, украшенный по всей длине яркими перьями, мехом и тем, что при ближайшем рассмотрении оказалось человеческими скальпами. Лицо человека было разрисовано — или же татуировано — переплетающимися между собой причудливыми завитками, а головным убором ему служила кожа, снятая с головы огромной рептилии, очевидно, разновидности змея. Как ни странно, он не обращал особого внимания ни на Шонга, ни на своих вождей — его пристальный взгляд словно застыл на Хаэле.

Хаэлю, сыну почти такого же примитивного народа, что и амси, было нетрудно узнать Беседующего с Духами. Он сразу же ощутил могучую духовную силу этого человека. Не показной обман жрецов, чьему он не раз был свидетелем в Касине — без всякого сомнения, Беседующий с Духами ежедневно соприкасался с бесплотными обитателями этих земель.

Когда Шонг закончил свою речь, пригласив всадников спешиться и осмотреть выставленные товары, Беседующий с Духами выехал вперед и остановился слева от вождей. Он торжественно поднял свой посох и указал им на Хаэля.

— Кто этот человек? — громко спросил он.

Остальные вожди выглядели озадаченными — этот вопрос явно не предусматривался официальной церемонией встречи. Хаэль тоже был поражен, но не настолько, чтобы не заметить, как отреагировал на эти слова Импаба. Командир отряда воинов метнул в сторону Беседующего с Духами взгляд, полный нескрываемой ненависти.

— Если ты хочешь знать, — ответил столь же изумленный Шонг, — это Хаэль, юноша с Островов



в великом океане. Он — один из охранников моего отряда. Но почему ты спрашиваешь?

Беседующий с Духами что-то сказал своим спутникам, но слишком быстро и тихо, чтобы Хаэль мог разобрать его слова. Амси ошеломленно взирали на него — все, за исключением Импабы. Тот, судя по всему, яростно возражал. Наконец один из вождей заставил его замолчать, угрожающе подняв руку, и обратился к Шонгу. Это был Рэстап.

— Нарайя, наш Беседующий с Духами, сообщил нам странную весть. Он сказал, что этот юноша не просто избранник духов, но сам является духом в человеческом обличье.

Среди амси, стоявших за его спиной, при этих словах пронесся глухой ропот.

— Уверяю тебя, вождь Рэстап, — сказал Шонг, — мы так же удивлены, как и ты. Хаэль — обыкновенный юноша, у которого, так же как у всех нас, исключительно благие намерения относительно твоего народа. Он прекрасный воин и разведчик — но не более того.

Беседующий с Духами подъехал на несколько шагов к Хаэлю. Нарайя наклонился вперед в седле, внимательно изучая лицо молодого человека. Несколько томительных минут прошло в мертвом молчании.

— Волосы как бронза ножа, кожа как медь, в глазах — синева небес, — произнес Нарайя с напевными интонациями. — Несомненно, ты — дух. Почему ты появился среди нас? Ты из великих духов-пророков и пришел направить нас на истинную дорогу или же злой дух, что принесет нам несчастья?

— Я — Хаэль и когда-то был воином племени шасиннов. Теперь я изгнаник, блуждающий по чужим



землям. Я рожден обыкновенной смертной женщины.

— Многие духи произошли от смертных,— возразил Нарайя.— Вопрос в том, добро ты несешь или зло?

Шонг, видя, что его торговая миссия находится на грани провала из-за неожиданного вмешательства Нарайи, попробовал увести разговор в сторону.

— Великие вожди, вы видите, что...

— Все это чушь! — вскричал Импаба.— Он,— воин ткнул пальцем в Хаэля,— всего лишь негодный мальчишка, укравший у меня женщину! Она моя законная добыча, рабыня, взятая в успешном набеге, и я требую вернуть ее мне!

Шонг, внезапно обнаружив какой-то выход, снова попытался вступить в разговор:

— Я уверен, что все это можно уладить. Сколько стоит одна рабыня среди...

— Нет,— спокойно сказал Хаэль.— Она — свободная женщина и никому не принадлежит.

— Тихо! — крикнул Рэстаг. Нахмурив брови, он повернулся к Импабе.— Импаба, ты захватил эту женщину, но позволил ей сбежать. Разве чужеземцы виноваты в том, что нашли ее, когда тебе не удалось это сделать? Разве ты отдаешь прежним хозяевам рабов, которых нашел блуждающими по равнинам, не требуя с них оплаты?

Взгляд вождя был весьма выразительным. Импаба показал отсутствие единства между вождями амси, тогда как они имели намерение продемонстрировать свою сплоченность и силу.

Лицо Импабы вспыхнуло. Тем не менее он понизил голос.

— Прошу прощения, вождь. Конечно, я так не поступаю. Я позволил горячему сердцу воина во збладать над холодным разумом.



Рэстап кивнул, делая вид, что удовлетворен этим неуклюжим извинением. Теперь Хаэль хорошо понимал характер Имтабы. Если бы Гасам был амси, а не шасинном, они были бы схожи, как близнецы.

Рэстап обратился к Нарайе:

— Обсуждение дел, касающихся духов, может подождать. Ты поговоришь с этим юношем, испытаешь его и сообщишь о результатах. А нам имеет смысл продолжить беседу с этим торговцем.

— Торговцем и посланником Его Величества короля Навы,— скромно добавил Шонг.

— Вот именно — посланником! — Вождь произнес это слово со странной интонацией, будто оно было чуждым для его речи.

Шонг облегченно улыбнулся, добившись, наконец, того, что разговор свернулся в устраивающее его русло. Он обратился к Хаэлю:

— Ты должен побеседовать с этим священнослужителем, Хаэль. Попытайся убедить его, что он ошибается насчет твоего происхождения. Я уверен, он успокоится, поверив, что ты обыкновенный смертный человек.

Один из вождей что-то выкрикнул, и амси спешлились. Жители деревни поспешили подхватили под уздцы их кабо, а всадники принялись внимательно изучать разложенные товары.

Хаэль взглянул на Нарайю.

— Где бы ты хотел поговорить?

Беседующий с Духами указал подбородком в сторону ворот.

— Там, на равнине. В том месте нас могут услышать духи. У тебя есть кабо?

Юноша свистнул, и из-за хижины, которую он делил с Диэнной и несколькими другими спутниками, появился его кабо. На нем не было седла, пово-



дья лежали на спине животного. Хаэль подхватил их и ловким движением вскочил на спину кабо, не выпуская из руки копья. Теперь, когда главный вождь решительно отверг притязания Импабы, он не беспокоился о безопасности женщины.

Когда они ехали по деревне, Нарайя спросил:

— Твой народ там, на Островах, ездит верхом?
Хаэль покачал головой.

— Я впервые увидел кабо менее года назад и раньше никогда не ездил верхом ни на одном животном, кроме кагтов — да и то просто для забавы, когда был ребенком.

Нарайя кивнул, будто это подтвердило какие-то его мысли.

— Кабо прибежал на твой свист. Немногие люди могут выучить животное этому — только если приручают его с самого рождения. Кроме того, ты держишься в седле, словно вырос в нем, как амси.

— Я не такой, как другие люди, — согласился Хаэль. — И я согласен, что у духов всегда было... как бы это сказать... особое расположение ко мне. Но ведь это не значит, что я сам являюсь духом.

— Посмотрим, — проворчал Нарайя.

Миновав частокол, они проехали сквозь толпу воинов амси. Те уже спешились. Одни разводили небольшие костры и готовили пищу, другие развлекались какими-то играми, передвигая по нарисованным на земле клеткам маленькие камешки.

Увидев Нарайю в сопровождении чужеземца с волосами цвета бронзы, они проводили всадников настороженными взглядами, однако никто не заговорил с ними. Хаэль догадался, что эти люди относятся к Беседующему с Духами с суеверным ужасом, и он явно не из тех, с кем можно просто поболтать от нечего делать.



Они оставили позади лагерь амси, выехали к маленькой речке, огибающей деревню, и вскоре достигли небольшой низины, где выбивавшийся на поверхность родниковый ключ образовал небольшой пруд. По берегам росли деревья с тонкими стволами и свисающими в воду гибкими ветвями, усыпанными мелкими листьями. Вся растительность этих мест приспособилась к выживанию в землях, изобилующих постоянными сильными ветрами.

— Это священное место,— заметил Нарайя.— Любая вода свята, но стоячая вода на равнинах для нас особенно важна. Истоки рек начинаются в неподалеку отсюда, оттуда они текут в такие же неизвестные земли. А ключи служат только нам. Духи этих источников дружественны. Животные приходят сюда на водопой с равнин, поэтому их духи — и наши духи. Духи травы — тоже наши.

— Мой народ занимается скотоводством,— сказал Хаэль.— Мне кажется, я хорошо чувствую суть воды, зверей и травы. Может быть, я не полностью понимаю их духов, но я о них знаю.

— На самом деле ни один человек не понимает духов,— заявил Нарайя,— если он не является одним из них.

Они пустили своих кабо вниз к ручью и дали им напиться. Вода была такой прозрачной, что можно было различить плавающих в ней мелких рыбешек.

— Ты упоминал о духах в человеческом облике,— сказал Хаэль.— Моему народу ничего об этом не известно. Мы считаем, что духи иногда являются человеку в образе животных, но обычно это происходит во сне.

— Духи могут вселиться в человека при рождении или даже раньше. Иногда это дух того, кто уже мертв, но некогда был могучим героем. Отец или



мать никогда не говорили тебе о странных обстоятельствах, сопутствовавших твоему рождению?

— Мой отец рано погиб — я его даже не помню, — с горечью произнес Хаэль. — А мать умерла при рождении второго ребенка. Это все, что я могу сказать о своих родителях. Мой народ презирает сирот. Приемные родители никогда не считали меня каким-то особенным. Более того — когда я повзрослел настолько, чтобы жить как воин, они были рады, что наконец избавились от меня.

— Этими словами ты сказал значительно больше, чем думаешь. Если мать умирает, не исполнив все необходимые обряды для защиты своего ребенка, тот может попасть под влияние духов. Если бы ты родился среди амси, я бы очень внимательно следил за тобой.

— Единственным человеком, кто проявлял ко мне хоть какой-то интерес, был Беседующий с Духами нашего племени, Тэйта Мал. Он хотел взять меня своим учеником, но в нашем племени сироте этот путь заказан.

— Значит, он видел в тебе то же, что и я. Ты — человек-дух, обладающий могучей силой. Не из тех, кто, как я, общается с духами, ищет их благосклонности и пытается понять их волю — однако у тебя одна дорога с нами.

— Ты считаешь, моими поступками руководят духи? — спросил юноша.

— Не руководят, но неким образом делятся своей силой. Ты неразрывно связан с ними, но являешься ли ты их орудием или они — твоими, я пока сказать не могу.

— Ты упомянул о злых духах. Мы никогда не делили духов на злых и добрых — они просто были, и все. Духи могли помочь или причинить вред, но



всегда действовали по собственному усмотрению. Тэйта Мал говорил, что плохими или хорошими могут быть только люди. Звери и духи действуют так или иначе потому, что такова их природа, человек же — совершенно иное дело. Тэйта еще говорил, что духи мало интересуются жизнью людей, но мне всегда казалось, что это не совсем так. Когда я был в Наве, среди цивилизованного народа, я узнал, что есть хорошие и плохие боги, но я в них не верю.

Нарайя спешился и уселся на траву у источника, скрестив ноги. Хаэль последовал его примеру. Над поверхностью воды деловито сновали похожие на маленькие блестящие копья стрекозы. Нырнула, издав негромкий всплеск, маленькая лягушка.

— В наших южных поселениях говорят о богах, — сказал Беседующий с Духами. — Я видел их изображения — огромные безжизненные истуканы из дерева или камня. Даже злосчастные биалла не унижаются до того, чтобы поклоняться подобным существам. Биалла — народ рабов, но их духовная жизнь очень богата.

— Я заметил, — сказал юноша. — И мне кажется странным, что они не могут воспользоваться этим обстоятельством, чтобы улучшить свое положение.

— Они не считают, что живут так уж плохо, — заметил Нарайя, чем немало удивил Хаэля. — Их понятия о жизни сильно отличаются от наших, они смирились со своим рабством. Совершая обряды, биалла живут в мире духов. Они верят, что после смерти навеки соединятся с ними, и полагают, что, совершая ритуальные церемонии, держат в руках нити, управляющие течением жизни. Без них мир может рухнуть, а когда подойдет к концу земная



жизнь, они получат вознаграждение за должным образом выполненное дело.

Хаэль улыбнулся.

— Даже рабы могут считать себя властителями вселенной. Я думаю, это справедливо. Ведь в этой жизни они имеют так мало!

Нарайя тоже улыбнулся — самой загадочной из всех улыбок, на какие он был способен.

— Ты — человек- дух, я не сомневаюсь в этом. Но теперь я также уверен и в том, что в тебе нет зла.

— Ваш вождь — его имя Рэстап — сказал, что ты собираешься подвергнуть меня какому-то испытанию.

Нарайя достал из одного из своих многочисленных кожаных мешочеков маленькую косточку и бросил ее в воду. Раздался негромкий всплеск.

— Разве Рэстап хоть что-нибудь в этом смыслит? Он, конечно, не думает, что духи в человеческом обличье столь часто появляются среди нас, что мы можем придумать для них какое-то испытание — вроде того, что проводят накануне обрезания мальчиков. Рэстап просто хотел удалить нас обоих из деревни, чтобы без помех осуществить свои обязанности вождя. Хотя, по большей части, это всего-навсего бесполезная болтовня.

Хаэль обнаружил, что этот человек ему нравится. Разговор с Нарайей заставил юношу вспомнить старого Тэйта Мала. Причем этому способствовало не только сходство их занятий. Беседующий с Духами внезапно сделался серьезным.

— Нет, ты не злой духом. Но это не означает, что ты не несешь с собой никакого зла. Нам известны духи-пророки — могущественные вожди, которые нам являлись. Они пользовались покрови-



тельством сильных духов и совершили великие дела — но их появление означает также массу волнений и неприятностей. Теперь я почти уверен, что ты — один из них.

Несколько мгновений он смотрел на Хаэля из-под морды змеи, венчающей его лоб.

— Тебя это не удивляет?

Хаэль покачал головой.

— Я уже говорил: всегда знал, что отличаюсь от других. А с тех пор, как стал изгнаником, понял, что предназначен для какой-то великой, хоть и не совсем еще ясной мне цели. Согласившись участвовать в этой экспедиции, я предчувствовал, что произойдет что-то очень важное. Предчувствие усилилось, когда я нашел эту женщину мэтва, Диэну.

— Понятно. А что тебе открыли духи?

— Одни намеки, ничего больше. — Юношу несколько смущал разговор с этим человеком, но он чувствовал, что Нарайя может оказаться ему полезным. — Я увидел теперь, что мир делится на земли, населенные первобытными племенами, и цивилизованные страны. Каждый народ старается угнетать того, кто слабее, и я знаю, что это неправильно. Я ощущил это вот здесь. — И он дотронулся кончиками пальцев до своей обнаженной мускулистой груди.

— Неправильно сильному угнетать слабого? — переспросил Нарайя. — Но так ведется испокон века. Слабейшие, таким образом, не умножаются чрезмерно, а сильным это помогает избежать вырождения. Тебе хотелось бы видеть мир, в котором существуют одни биалла?

В его глазах блеснула насмешка.

— Нет, но я понял, что сила и мощь цивилизованных государств в основном показная. Они почитают себя великими захватчиками, однако ведут лишь



бесполезные, никому не нужные и не приносящие каких-либо серьезных выгод войны, а затем, чтобы увековечить свои якобы блестательные победы, воздвигают в их честь величественные монументы. Утверждают, что рабы — их военная добыча, но я обнаружил, что множество рабов родилось в неволе или же проданы в рабство родителями, которые не в силах прокормить своих детей. Большую часть времени регулярные армии скрываются за крепостными стенами, а сами солдаты немногим лучше рабов. В армиях есть отряды кавалерии, но всадники слишком кичатся своим благородным происхождением, и это мешает им должным образом проявить себя в сражении.— Хаэль презрительно махнул рукой.— И они воображают, что сильны! Если бы мы, шасинны, не были столь малочисленны, то легко покорили бы весь цивилизованный мир!

— Гордость воина заслуживает уважения,— сказал Беседующий с Духами.— Ты, конечно, прав — в южных королевствах многое происходит именно так, как ты только что описал, однако мы не можем их завоевать. Дисциплина регулярных армий дает этим странам существенное преимущество. Весьма важно также, что у них гораздо больше воинов. Потерпевшая поражение армия вновь и вновь пополняется новыми солдатами. Наши воины иногда служат в разведке и кавалерии таких армий, поэтому мы знаем об этом. Может быть, они и не могут похвастаться особым воинским искусством, но богатство их стран и многочисленность населения делают их почти непобедимыми. Иначе мы давно разбили бы их и превратили в подобие биала.

Хаэль улыбнулся.

— Именно поэтому я и пришел к вам. Я, Хаэль, человек-дух, провидец и великий вождь!



Нарайя уставился на него изумленно распахнутыми глазами. Потом тоже улыбнулся — улыбка неожиданно сменилась неудержимым смехом.

— Ого! Вот это уже интересно! Однако, мне кажется, прежде чем говорить о подобных вещах, тебе придется разобраться с Импабой. Учти, он груб, жесток и силен. И он затаил на тебя злобу.

— Верно,— сказал Хаэль.— Давай для начала поговорим об Импабе.

* * *

Когда они вернулись в деревню, оживленная торговля была в самом разгаре. Шонг сидел в кругу вождей около сваленных грудой товаров. Биалла приносили им еду и напитки. Время от времени по знаку вождя к ним подходил воин со связкой прекрасно выделанных мехов или ярких перьев. Шонг доставал свертки материи, или мотки медной проволоки, или еще какие-либо товары и совершил сделку.

Торговец взглянул на подошедшего к ним Хаэля:

— Ну как, разобрался с этой путаницей, мой юноша? Прекрасно. Тогда можешь полюбоваться на наши приобретения. У этих людей великолепные меха. Окрестные холмы и горы прямо кишат разным зверем с пушистой шкурой, и амси ставят на них ловушки. Перья тоже, надо сказать, отличные. К тому же меня заинтересовали и кое-какие странные предметы. У них есть какой-то порошок... ты не покажешь нам его еще раз, вождь Унас?

Вождь подал знак, и воин принес деревянную трубку длиной в локоть и толщиной с большой палец человека. Унас снял с ее конца крышечку и вытряс на ладонь небольшую щепотку сероватого порошка. Трубку он отдал обратно воину, а поро-



шок бросил в горящий перед ним костер. С шипением, сопровождаемым яркой вспышкой, порошок сгорел, оставив после себя огромные клубы дыма, тут же застившего глаза и проникшего в ноздри сидевших около костра.

— Удивительно, не так ли? — заметил Шонг. — Они говорят, что привозят этот порошок откуда-то с востока, с реки, которую они называют Великой. Амси клянутся, что люди там используют его силу как оружие, хотя не могут толком рассказать, как именно это происходит. Я хочу отвезти трубочку с этим порошком в Наву. Уверен, что он один оправдает всю нашу экспедицию. Особен-но если мы сможем узнать, как он изготавливается и используется.

Хаэль согласился с Шонгом, что порошок — весь-ма занятная вещь, но на уме у него было совсем другое. Вожди поглядывали на него с любопыт-ством, задаваясь, вероятно, вопросом: что за разго-вор произошел между ним и Беседующим с Духами за пределами деревни. Юноша огляделся в поисках Импабы, но того поблизости не было. Если Импаба походил на Гасама — а Хаэль был уверен, что это именно так, — он удалился куда-то со своими бли-жайшими приспешниками, обсуждая с ними свой следующий шаг, который мог решить судьбу как Хаэля, так и Диэны.

После столь многообещающего начала Шонг провозгласил, что вечером состоится пир, на кото-рый приглашаются все вожди и воины амси. Он выторговал у биалла несколько жирных криворогов, намереваясь забить их к пиршеству. Даже здесь его не подвела купеческая жилка: он велел повару обильно приправить мясо используемыми на западе специями, надеясь создать на них спрос.



— Мне сказали, что к югу отсюда находятся большие залежи соли, — сообщил купец Хаэлю. — Так что соль в эти земли нам поставлять не придется. Ну, это и к лучшему. Она слишком тяжела и неудобна для перевозок.

К ним подошел Тувас, врачеватель, держащий в руках целую охапку связанных в пучки сушеных трав. Обычно угрюмый и неразговорчивый, сейчас он прямо-таки светился от счастья.

— Вы только взгляните на это! Нога Пастуха Квилов, Черная Дама, Отмщение Бога Войны, Дрожащий Мox! Невероятно ценные лекарственные травы — а здесь их не меньше, чем у нас садовых сорняков! — Он обратился к Хаэлю, видя, что тот уже открыл рот, дабы задать один из своих неизбежных вопросов. — Два вида травы — очень сильное слабительное. Богатые люди питаются сытной тяжелой пищей, которая не позволяет им кишечникам опорожняться самостоятельно. Другая травка снимает опьянение. Когда за обильным столом обсуждаются серьезные проблемы и требуется трезвое состояние рассудка, она становится просто незаменимой. Еще одна ценится как средство от похмелья, поэтому пользуется большим спросом у аптекарей, открывающих свои лавки ранним утром.

— Недомогания обеспеченных людей могут принести массу выгод, — подтвердил Шонг.

Вечером деревню наполнили дразнящие запахи жареного мяса. Хаэль слишком нервничал, чтобы с удовольствием предвкушать пиршество. Он знал, что этой ночью неизбежно произойдет стычка с Импбай.

— Я счастлив, — заметил Шонг, обведя взглядом собравшихся вождей и воинов, — что эти люди ни-



чего не ведают о крепких напитках. Иначе они могли бы забыть, что решили с нами подружиться.

Хаэль согласился, что это было бы в самом деле прискорбно.

Вскоре приглашенные вплотную занялись поданными на столы яствами. Несколько амси достали флейты, какие-то струнные инструменты и барабаны и начали сопровождаемый гигантскими скачками дикий танец. В нем не было ничего от величественного достоинства обрядовых танцев биалла, но зато он отличался удивительной энергией и задором. Хаэль с восхищением следил за амси. Юноша еще не видел их женщин, и ему трудно было представить, как они могут выглядеть.

Хаэль невольно напрягся, когда увидел приближающегося Импабу. Его сопровождала группа воинов с грубыми злобными лицами. Их свирепый вид подчеркивала особая раскраска: полукружья под глазами затемнены, щеки испещрены длинными кроваво-красными полосами. В отличие от вождей, спокойно уделявших должное внимание остаткам мяса, которое они обгладывали с костей криворогов, эти люди были вооружены кинжалами и особыми дубинками, бывшими в ходу у всадников амси: каменный шар, приделанный к тонкой деревянной рукояти. И шар, и рукоять покрывали куском сырой шкуры, которая, высыхая, приобретала необыкновенную прочность. Упругая подвижность кожи придавала не такому уж тяжелому оружию смертоносную силу.

Один из сидевших вождей гневно обратился к Импабе, требуя объяснить их вторжение. Почему они появляются среди мирно пирующих людей, словно готовы вот-вот начать драку? Ответа не последовало.



Импаба подошел к самому большому костру, и музыка смолкла. Танцоры прекратили свои прыжки и телодвижения, недоуменно озираясь вокруг. Постепенно смолкли все разговоры, поскольку пирующие поняли, что сейчас должно произойти что-то серьезное. Всеобщее внимание обратилось к Импабе и небольшой группе его приспешников.

— Я пришел за своей женщины! — прорычал Импаба. Его черные глаза сверкали, словно раскаленные угли.

Рэстап поднялся и обратился к дерзкому приспешнику:

— Я уже принял решение! Убирайся отсюда и не возвращайся до тех пор, пока не оставишь оружия и не смоешь с себя боевую раскраску!

— Никакого решения не было! Это была лишь отсрочка. Но торг уже завершен, и вы, которые когда-то были воинами,— эти слова Импаба произнес с нескрываемым презрением,— успели установить мир с чужаками. Теперь я хочу, чтобы этот человек,— он простер руку, указывая на Хаэля,— вернул мне мою женщину!

Поднялся вождь Унас.

— Будь осторожен, Импаба! Ты вождь военного отряда и заслужил свое положение совершенными подвигами, но ты не единственный храбрый воин среди амси. Твое непристойное поведение может стоить тебе звания командира.

Импаба громко издевательски рассмеялся.

— Твои слова пусты, вождь! Я силой завоевал свое положение, и мои люди последуют за мной, потому что среди амси не найти более сильного, храброго и хитрого воина. Они не оставят своего вождя из-за ничего не значащих слов какого-то старика!



Конец перепалке положил внезапно раздавшийся громкий улюлюкающий вой. Все разом повернулись к Беседующему с Духами. Нарайя выскочил в круг, очерченный светом костра, взмахнул посохом и загремел многочисленными амулетами, которыми был обвешан с головы до ног. Он начал выкрикивать высоким, выбириющим голосом:

— Не трогайте Хаэля! Этот человек пользуется расположением духов! Он предсказан нам судьбой! Страшное несчастье ждет того, кто встанет на пути возлюбленного духами! Хаэль сделает народ амси великим! — Колдун проговорил эти слова певучим речитативом, затем продолжал обычным тоном, хотя не менее громко: — Отступи, Импаба. Твои притязания выше твоих слабых сил.

— Что ты хочешь этим сказать, старый глупец? — спросил Импаба. Он взглянул на своих людей, но смог прочитать в их глазах лишь суеверный ужас. — Этот жалкий юнец, способный лишь воровать женщины, может сделать нас великими? Мы уже и так обладаем величием!

— Он предначертан нам! — выкрикнул Нарайя. — Вы все знаете пророчество Азулы, матери всех амси. — Как многие хранители древнего знания, Нарайя сначала говорил своим слушателям, что они знают то, о чем он собирается сказать, а затем, убедившись, что никто ничего толком не помнит, принимался напоминать им. — Она предрекала, что шесть великих вождей придут к нам из неведомых земель. Каждый поведет нас к истинному величию, к каждому из них прикоснулись духи. Первым был Ван, Приручитель кабо, пришедший с юга. Он нашел нас в лесистых холмах, где мы тогда обитали, словно жалкие мэты. Он вручил нам дар, обучив езде верхом на кабо, на которых мы раньше охоти-



лись, питаясь их мясом. Ван научил нас выращивать и приручать этих животных — и каждое потомство кабо становилось сильнее, крупнее и быстрее предыдущего.

Следующим пришел Черный Мартин с востока. Он вывел нас на равнины, в безграничный мир лугов и трав и окунул нас в мир духов этих земель. Он дал нам власть над биалла, онко, окла, что живут на краю Отравленных Земель, и над всеми остальными оседлыми равнинными народами.

Теперь среди нас появился Хаэль с Островов, находящихся далеко на западе. Облик его предсказан Азулой: волосы как бронза, кожа как медь, глаза, как небо. Этот юноша не более года ездит на кабо, но делает это не хуже истинного амси, и животные слушаются его без всяких поводьев. Он обладает могучей духовной силой, он предзнаменован нам. Хаэль — третий из тех, о ком пророчествовала Азула, и он приведет нас к новому величию!

После этих слов поднялся дикий гвалт, но Нарая повелительно махнул рукой, призывая к молчанию.

— Импаба, женщина Диэна принадлежит Хаэлю. Ты откажешься от своих притязаний на нее и так же, как и мы, признаешь Хаэля своим вождем.

— Никогда! — заорал Импаба.— Женщина моя, а этот чужак-мальчишка вовсе не предсказанный нам вождь! Пусть он выйдет вперед, если у него есть мужество, и я легко это докажу! Я убью его, и это положит конец твоему идиотскому карканью!

Бросив этот вызов, Импаба воинственно выпятил грудь. Одной рукой он размахивал дубинкой с каменным шаром на конце, в другой сжимал нож.

Хаэль поднялся. Когда он подошел к костру, к нему были прикованы взгляды всех собравшихся.



Копье, меч и кинжал он оставил на том месте, где сидел.

— Смотрите! — вскричал Импаба. — Он выходит без оружия! Мальчишка не решается приблизиться ко мне с оружием в руках! Ну, что скажешь, молокосос? Верни мне мою женщину и убирайся из наших краев, тогда я подарю тебе жизнь!

Хаэль заговорил спокойным тоном, но достаточно громко, чтобы его слышали все присутствующие:

— Я действительно отмечен духами, я — человек-дух. Я пришел драться с тобой, Импаба. Я слышал, что вы, амси, отличные борцы. Люди моего племени, шасинны, также считаются лучшими борцами в мире. Я померяюсь с тобой силами без оружия. А ты, если опасаешься выйти против меня с голыми руками, можешь использовать в схватке то оружие, которое сочтешь необходимым.

Импаба от изумления разинул рот, словно животное, которое только что настиг удар жреческого топора. Среди верховных вождей завязалось яростное, хоть и негромкое, обсуждение происходящего. Хаэль легко мог догадаться, о чем они говорили. Вожди были бы рады поражению Импабы, но они видели также, что Хаэль ставит под угрозу их положение. Им не очень-то нравилась мысль о том, что чужеземец, человек другой расы, станет их предводителем, выиграв один-единственный бой. И тогда Хаэль впервые выступил в роли международного дипломата.

— Я здесь чужой, — сказал он, — и хотя утверждаю, что мое появление среди вас предопределено, не надеюсь, что вы поверите моим словам и тому, что говорит ваш Беседующий с Духами, без какого-либо доказательства. Пускай мои будущие деяния



определят, заслуживаю я этого или нет. Я сражаюсь за женщину Диэну не потому, что желаю, чтобы она принадлежала мне. Она не может принадлежать никому, и я верну Диэну ее собственному народу.

— Единственным предстоящим тебе деянием будет твоя смерть,— презрительно сплюнул Импаба.— И мне не надо оружия, чтобы убить тебя!

Он отшвырнул нож и дубинку и сбросил кожаную рубаху. Зрители взволнованно переговаривались, поскольку помимо того, что схватка могла принести с собой важные перемены в их жизни, бой между этими людьми сам по себе должен был оказаться захватывающим.

Двое мужчин выглядели совершенно по-разному. Хаэль был выше на дюйм или два, Импаба же куда крепче сложен, с массивными руками и ногами, могучей грудной клеткой, походящей на два скрепленных между собой щита. Он был столь широк в плечах, что Хаэль, стоявший рядом в защитной стойке, выглядел по сравнению с ним почти хрупким.

Зрителям однако это неравенство не казалось решающим. Хаэль был тощее в кости, но его движения выдавали опытного борца. И хотя длинные гладкие мускулистые руки юноши и его тонкая талия восхитили бы скорее утонченного неванского скульптора, чем вербовщика воинов, опытные люди понимали, что сила заключается не только в буграх мускулов, но и в пропорциональном телосложении. У Хаэля были длинные крепкие ноги с перекатывающимися под кожей сильными бедренными мышцами и выпуклыми икрами над стопами с высоким подъемом — стопами прирожденного бегуна. Ноги Импабы, хотя и бугрящиеся узлами мышц, были



тощими и кривыми из-за постоянного пребывания в седле. С массивной верхней частью тела и тонкими ногами, обликом своим он чем-то напоминал вставшего на задние лапки таракана. Каждый человек, хоть сколько-нибудь разбирающийся в борьбе — а все без исключения амси мужского пола считали себя достойными знатоками, — понимал, что ноги в борьбе имеют значение ничуть не меньшее, чем руки. Ноги отбивают удары, придают телу устойчивость, позволяют быстро передвигаться — пока борцы находятся в вертикальном положении. Когда же они падают, сцепившись, на землю, ногой можно придавить конечность противника. Ударом ноги, если борец силен и опытен, можно легко лишить противника сознания.

Борцы осторожно закружили друг возле друга, каждый терпеливо дожидался подходящего момента для нападения. Оба стремились занять такое положение, чтобы свет от костра слепил глаза противника. И поскольку оба использовали почти одинаковые приемы, довольно долго ничего не происходило.

Наконец Импаба сделал обманное движение, будто намеревался схватить соперника за шею. Хаэль на него не поддался. Мгновением позже Импаба совершил такое же движение, однако направленное уже на подлинный захват. Юноша ждал этого, и когда амси рванулся вперед, Хаэль подставил ему подножку, а сам проворно отскочил в сторону. Импаба рухнул на землю, но, падая, смог толкнуть соперника в плечо и обхватить рукой его талию.

Когда Импаба вцепился в него, Хаэль отступил назад, иначе жестокий удар мог бы парализовать движения. Но удар все равно получился сильным — таким, что чуть не вышиб из него дух. Юноша от-



чаянно рванулся, и ему удалось освободить руку. В этот момент он мог бы обрушить кулаки на шею Импабы, лишив его одним ударом не только сознания, но, возможно, и жизни. Однако шасинские правила борьбы запрещали этот прием, и Хаэль не хотел их нарушать, понимая, что такие же правила существуют и у амси.

Вместо этого юноша уперся пятками в землю, чтобы остановить движение противника вперед, и согнулся в пояссе, также обхватив Импабу за поясницу. Резким рывком он приподнял его так, что ноги амси очутились в воздухе, и, перевернув, бросил его через бедро. Сильный толчок заставил Импабу ослабить хватку, и он тяжело грохнулся спиной о землю. Если бы это было в настоящем бою, Хаэль тут же прыгнул бы на упавшего противника и пяткой разбил ему глотку или сдавил ребра коленями. Однако это был поединок, и он подождал, пока Импаба поднимется на ноги.

Амси проворно вскочил, его лицо перекосила злобная гримаса. Зубы Импабы были осколены, словно у дикого кота. Краска размазалась по лицу, и он больше, чем когда-либо, походил на хищного зверя. Теперь амси двигался быстрее гремучей змеи, и они схватились стоя, причем каждый пытался зажать рукой шею другого, одновременно старясь помешать сделать то же самое сопернику. На какой-то миг обе руки Импабы сомкнулись на шее Хаэля, но юноша воспользовался этим, чтобы приподнять соперника над землей, лишив его тем самым необходимого упора. Хватка амси ослабла, и борцы отскочили друг от друга.

Теперь Хаэль знал, что Импаба сильнее. Это было значительным, но отнюдь не решающим преимуществом. Амси, судя по всему, не знал, как пользоваться



ся ногами, так что по шасинским меркам он считался борцом лишь наполовину. Однако он был проворен, как нападающая гадюка, а руки его были сильными, словно клещи.

Но главным недостатком Импабы была бешеная неуправляемость его нрава. Он позволил ярости и досаде возобладать над холодным расчетом и хитростью. Борец в подобном состоянии духа забывает свое искусство и пытается достичь победы, используя лишь грубую силу.

Когда Импаба в очередной раз бросился вперед, Хаэль слегка отступил влево и ударил коленом в солнечное сплетение противника, одной рукой достав до спины амси, а другой схватив его за плечо. Прокрутив, юноша бросил амси вперед — инерция рывка швырнула Импабу на землю, причем упал он опять навзничь.

Теперь он поднимался на ноги медленно и осторожно. Хаэль воспользовался благоприятным моментом, чтобы в очередной раз сбить противника с ног. Падая, амси успел схватить юношу за локоть и увлек его за собой. Яростно борясь, противники катались по земле, каждый пытался мертввой хваткой вцепиться в соперника. Импаба взгромоздился на Хаэля и пытался просунуть руки, чтобы с удвоенной силой сжать сзади его шею — в случае удачи он легко мог бы ее сломать.

Хаэль с силой прижимал локти к бокам, пытаясь в то же время с помощью ладоней освободиться от сомкнувшихся вокруг его поясницы рук противника. Через несколько секунд он понял, что сделать этого ему не удастся. Он мог держать руки прижатыми к бокам только за счет мышц плеч и груди, тогда как Импаба давил на него всей своей мощью. Движением, которое показа-



лось зрителям самоубийственным, юноша раздвинул локти. В то же мгновение амси просунул руки, обвив их спереди вокруг плеч юноши, чтобы, переплетя пальцы, соединить их сзади, у основания черепа противника.

Почувствовав ужасное, ломающее шею давление, Хаэль наклонил голову вперед так, что его нижняя челюсть уперлась в грудь. Это на несколько секунд дало ему свободу действий. Рванувшись, он подогнул под себя ноги. Когда юноша почувствовал землю, он смог дотянуться сзади до головы Импабы и вцепился пальцами в его косматые лохмы. Пока все, разинув рты, смотрели, не понимая, что происходит, Хаэль вскочил на ноги.

Низко присев и собрав все силы, Хаэль прыгнул вперед и вверх, перекувырнулся в воздухе и приземлился на спину — Импаба оказался под ним. Юноша слышал тяжелое дыхание амси, с хрипом вырывавшееся из его легких. Ладони за его шеей разомкнулись. Хаэль, освободившись, откатился в сторону и вскочил на ноги, стараясь не двигать шеей, чтобы не позволить судороге охватить его шейные мышцы.

Импаба, неистово рыча, тоже поднялся на ноги. Теперь в его рыке слышалась не только ярость, но и страх. Он бросился к тому месту, где стоял до начала состязания. Когда амси выпрямился, в его правой руке была смертоносная дубинка с каменным наконечником. Он не обратил внимания на оскорбительные крики, которые послышались со всех сторон.

Хаэль предвидел, что произойдет именно так. Во время поединка у него не раз была возможность прикончить Импабу, но юноша этим не воспользовался. Его победа над амси должна быть



полной, неоспоримой и, что он также считал немаловажным,— зреющей. К этому времени молодой человек уже набрался достаточно жизненного опыта, чтобы легко распознать сущность труса, которая всегда прячется за чванливым хвастовством таких людей, как Импаба. Хаэль знал: как только его противник поймет, что ему не достичь победы в честном поединке, он схватится за оружие.

Камень, обернутый в кожу, со свистом понесся в голову Хаэля. Однако Импаба был измотан тяжелейшей схваткой, в его движениях уже не было прежней силы и точности. Юноша без труда перехватил запястье противника и поднял его руку, чтобы наблюдающие за схваткой могли видеть, что в его действиях нет никакой хитрой уловки. Вообще-то, в этом не было особой необходимости — собравшиеся успели убедиться, что стройный высокий чужеземец сильнее Импабы. Затем, вывернув запястье амси, Хаэль пригнулся его вниз, одновременно сильно пнув противника ногой под колено. Импаба рухнул на землю.

Прижав коленом ногу амси, Хаэль склонился над ним и, обхватив его шею, стал медленно сжимать пальцы. Другой рукой он продолжал сжимать запястье Импабы, безжалостно его выкручивая. Пальцы амси разжались, он выронил оружие. Послышались восторженные вопли собравшихся. Ни у кого уже не оставалось сомнений, кто вышел победителем в жестокой схватке. В наступившей затем тишине особенно четко прозвучали слова Хаэля:

— Сдавайся, Импаба!

Сейчас два сцепившихся человеческих тела неподвижностью напоминали скульптурную группу.



— Никогда! — прорычал амси, срываюсь на сдавленный визг.

Хаэль по-прежнему с нечеловеческой силой сжимал его шею. Юноша слышал в голосе соперника бессильную угрозу, но отлично понимал, что тот уже ничего не сможет сделать, и его поражение — лишь вопрос времени. А времени у него было сколько угодно — он мог ждать до тех пор, пока не вмешаются приспешники Импабы. Хаэль еще сильнее сдавил шею амси.

— Далеко не лучший способ умереть, Импаба, — проговорил он совершенно спокойно. В этот решающий момент юноша изо всех сил старался сдержать дрожь в голосе и хрюп, рвущийся из его изнуренных схваткой легких. — Пристало ли воину умирать перед толпой зевак, среди которых множество биалла? Ты знатный боец, и когда я буду командовать войском, без колебания призову тебя сражаться бок о бок с собой. Сдавайся!

— Я не желаю быть всеобщим посмешищем! — выдавил Импаба. Учитывая положение, в котором он находился, это была на редкость длинная фраза, что не могло не удивить Хаэля. Эти слова также подсказали ему, что амси, как все слабые люди, не мог сдаться, не выдумав для этого подходящего оправдания.

— Нет ничего постыдного в том, чтобы подчиниться человеку-духу, Импаба, — сказал юноша. — Более того, это честь для тебя. Ты станешь известен как человек, бросивший вызов предреченному вашему племени великому вождю. Несмотря на то, что ты потерпел поражение, я сделаю тебя первым среди своих военачальников.

Хаэль рассчитал верно: среди зрителей послышались громкие одобрительные возгласы. Особен-



но выделялся голос Нарайи. После недолгого молчания Импаба прохрипел:

— Это верно. Я сдаюсь...

Как только он проговорил эти слова, Хаэль отпустил его и отступил назад, сложив на груди руки. Нарайя выкрикнул какую-то фразу на древнем языке Беседующих с Духами, а окружавшие их воины радостно завопили. Вожди выказали несколько меньшее воодушевление, но даже они вынуждены были признать, что стали свидетелями весьма значительного события. Импаба поднялся на ноги. Он стоял, шатаясь, избитый, весь в синяках. По лицу, смешиваясь с потом и кровью, сочащейся из разбитого носа, текла смытая краска. Хаэль стоял перед ним — спокойный, безмятежный, его движения были изящны, словно у танцора, закончившего свое выступление. Потребовалось напряжение всех сил, чтобы создавать эту видимость, но юноша справедливо полагал, что эти мгновения могут стать решающими в его жизни.

Импаба взирал на него с изумлением и ужасом. Медленно, неуверенно, будто тело отказывалось ему повиноваться, он поднял руку и дотронул в приветственном жесте костяшками сжатых пальцев до лба. Не говоря ни слова, Хаэль повернулся и зашагал прочь. Диэна стояла у стены хижины, в которой жила со своими спутниками. Ее глаза странно блеснули, когда она взяла юношу за руку и знаком велела следовать за собой. Войдя в темное помещение, они опустились на тюфяк, и женщина накинула ему на плечи одеяло.

— Значит, ты им предсказан? — спросила она.

— Все говорит за это, хотя я — обыкновенный смертный человек, а не дух в человеческом обличье, как думают амси.



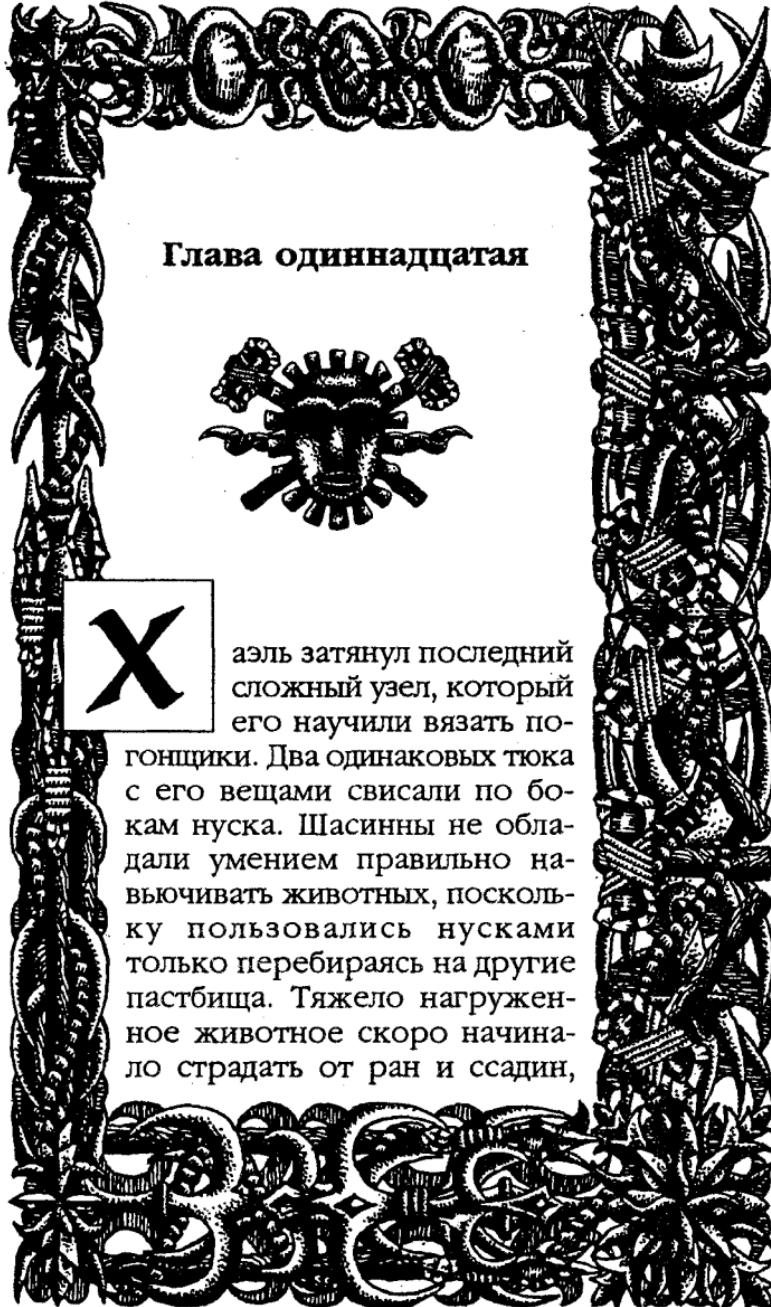
— Ты — мой человек-дух,— произнесла Диэна грудным голосом,— и я не откажусь от этого, что бы ни говорили остальные.

Она прижалась губами к его губам, и Хаэль ответил на ее поцелуй. Однако, когда она дала понять, что с радостью разделит с ним ложе, юноша мягко, но решительно отстранился.

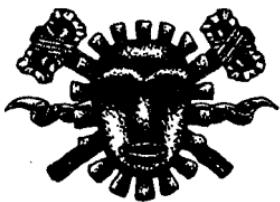
— Сейчас это не может произойти между нами. Ты еще не совсем окрепла. Кроме того, прежде чем сделать тебя своей женщиной, я должен, как обещал, вернуть тебя народу мэтва.

Диэна кивнула, она и в самом деле была еще слаба. Скоро она заснула. Хаэль бодрствовал всю эту ночь рядом со спящей женщиной. Он никогда бы не позволил себе воспользоваться ее слабостью — или же благодарностью. В этом, как и во многом другом, он отличался от прочих мужчин.





Глава одиннадцатая



аэль затянул последний сложный узел, который его научили вязать погонщики. Два одинаковых тюка с его вещами свисали по бокам нуска. Шасинны не обладали умением правильно на-вьючивать животных, поскольку пользовались нусками только перебираясь на другие пастбища. Тяжело нагруженное животное скоро начинало страдать от ран и ссадин,



вызванных небрежно привязанными тюками. Стоило ли удивляться, что нуски выказывали свой скверный характер, даже когда их навьючивали по всем правилам?

Шонг выделил юноше выночное животное. В распоряжении Хаэля был кабо, которого предоставил ему Пашир. Еще одного кабо принес в дар вождь Унас — для того чтобы по дороге к своему племени на нем ехала Диэна. Унас не был уверен до конца, что Хаэль — тот самый великий вождь, каким считал его Нарайя, но на всякий случай решил подстраховаться.

Хаэль узнал, что у амси было так много кабо, что на них ездили верхом даже малые дети. Кабо были главным богатством, подобно каггам у шасиннов. Каждый амси обладал числом животных, во много раз превосходившим его действительные потребности. Как раз это и подходило Хаэлю для осуществления его замыслов.

Шонг с одобрением взглянул на ловко затянутый узел.

— Выступаем завтра на рассвете, — сказал он. — Амси обещают нам беспрепятственный проход к южным границам их земель. После этого мы окажемся в цивилизованных странах. Не скажу, чтобы цивилизованные люди были менее вероломны, чем дики, но все же они лучше понимают преимущества мирных торговых отношений. Так что, надеюсь, нам не придется убеждать их слишком долго. Я собираюсь направиться дальше на восток, но в Отравленные Земли на этот раз мы не пойдем. Туда лучше отправляться с более тщательно подготовленной экспедицией.

— Я сожалею, что мне не придется пойти с тобой, — сказал Хаэль. — Очень хотелось взглянуть



на эти южные города. Однако, думаю, рано или поздно я это сделаю.

— Ты все-таки мог бы остаться с нами,— в очередной раз предпринял попытку переубедить его Шонг.— Брось эту свою безумную затею сделаться вождем каких-то дикарей и...

Юноша покачал головой.

— Я должен следовать предначертаниям судьбы. Она сейчас зовет меня на север, к мэтва. Я уверен, они станут тем последним, что нужно для выполнения моего предназначения.

— Боюсь, ты действительно спятил, парень,— удрученно заметил Шонг.— Но, знаешь, почему-то нормальные люди стали казаться мне теперь немного скучными. И все же я считаю, что без тебя нам будет даже спокойнее. Ты был прекрасным товарищем, правда причинившим кое-какие хлопоты, но никто не станет отрицать, что ты доставил нам массу развлечений. Так что если ты решил нас покинуть, я пожелаю тебе всего самого лучшего.

Хаэль пожал протянутую ему руку.

— И тебе удачи, Шонг. Скажи господину Паши-ру, что я помню все, что он для меня сделал и навсегда останусь его другом. Я буду поддерживать с ним связь — теперь, когда я умею писать, это будет вполне возможно. Правда, я до сих пор подозреваю, что это он подоспал ко мне Агаха, но доказательств у меня нет.

Они обнялись на прощание, и Хаэль повел своих животных к деревенским воротам. С остальными товарищами он попрощался раньше. Многие из них взирали на него с суеверным ужасом и, пожалуй, были счастливы, что он больше не их попутчик. Чаяла, естественно, не разделял это мнение. Кар-



тограф подарил юноше множество предметов для письма и вынудил дать клятвенное заверение, что как только через горные перевалы начнут постоянно ходить караваны, он будет посыпать ему подробные сведения о северных землях.

Диэна, улыбаясь, сидела у ворот, ожидая своего спутника. Биалла починили и подбили новым мехом ее одежду, так что теперь она выглядела той, кем была на самом деле — благородной молодой женщиной народа мэтва. Она быстро набирала вес, но все еще выглядела исхудавшей, и Хаэль опасался, что настороженное, затравленное выражение теперь долго не исчезнет с ее лица.

Он помог Диэне взобраться на кабо. Поначалу она ездила верхом с большим трудом, поскольку не привыкла к этому с детства. Кабо нервно заплясал, почувствовав тяжесть седока. Хаэль ласково положил ладонь ему на морду, и зверь моментально успокоился. Юноша вскочил в седло, и кабо Диэны покорно последовал за ним, словно домашнее животное. Воины амси, праздно бродившие в окрестностях деревни, шепотом переговаривались между собой, провожая его глазами. Покорность кабо была еще одним доказательством духовной силы чужеземца. Они проехали сквозь разбитый около деревни лагерь амси туда, где их ждали вожди. Рэстап, Мигау, Унас и несколько младших вождей приветствовали Хаэля и Диэну. С ними был и Импаба. Он громогласно провозгласил свою верность Хаэлю, однако юноша нисколько не сомневался, что к этому человеку не стоит лишний раз поворачиваться спиной. Подняв руку, Хаэль показал на растущее ночное светило.

— Встречайте меня здесь через три луны, — сказал он. — Приведите с собой остальных вождей амси —



тех, кого вы сможете убедить. Тогда я открою вам свои замыслы. Эта судьба предначертана вам роком, так же, как и я сам. А значит — вашему народу предстоит новая жизнь.

— Мы сделаем это, Обладающий Силой, — пообещал Рэстап.

Конечно, сомнения вождей не рассеялись полностью, однако их вера в духов была сильна, и каждый приходящий день приносил с собой все новые доказательства того, что этот необычный юноша действительно предречен им судьбой. Нарайи уже не было в деревне — он отправился в путь, чтобы встретиться с остальными Беседующими с Духами и привести их с собой на всеобщий сход амси.

Воины амси проводили Хаэля и Диэну, издавая громкие вопли и размахивая оружием. Немногие из них были свидетелями единоборства Хаэля с Импабой, но у молвы быстрые ноги, и, в общем-то, обычная схватка между двумя мужчинами, соперничающими за обладание женщиной, приобрела воистину героические черты.

Сначала спутники ехали на север медленным шагом, так как Хаэль прекрасно помнил, насколько болезненными могут быть последствия первого дня, проведенного верхом. Возможно, Диэне легче было бы ехать на нуске, но Хаэлю хотелось, чтобы ее народ увидел, как она возвращается к ним верхом на кабо. Она должна была появиться среди своих во всем величии, ничем не напоминая жалкую пленницу.

Первые несколько дней пути вокруг них простиралась холмистая равнина. Но по мере того, как они продвигались на север, ландшафт менялся: холмы становились выше, внизу они были покрыты тра-



вой, на вершинах — низким кустарником. Затем холмы перешли в невысокие горы, заросшие густым лесом. Вскоре, как сказала Диэна, они могли повстречать мэтва. Люди ее народа, скорее всего, внимательно приглядятся к путникам, прежде чем им показаться. Таков обычай мэтва. Горький опыт научил Людей Большого Лука, что большинство чужеземцев — враги. Даже если они выглядят вполне безобидно. Несмотря на то что из двоих открыто едущих всадников один явно принадлежит к их народу, путники легко могут оказаться шпионами, за спинами которых скрывается большой вооруженный отряд.

За эти дни и ночи Хаэль и Диэна все лучше узнавали друг друга. Они беседовали о многом, в основном о своих народах и прежней жизни. В их воспитании было мало общего. Хаэль был простым воином, превратившимся в изгоя, Диэна же — дочерью вождя. Мэтва жили в деревнях, раскинувшихся по склонам холмов, занимаясь охотой и земледелием, тогда как шасинны были скотоводческим народом, обитающим на равнинах. Люди народа Большого Лука строили просторные длинные дома, в которых жило по несколько семей, а шасинны — небольшие хижины. Хаэль рассказал ей о своем морском путешествии, но женщина так и не смогла представить величие морских просторов. Она никогда не видела водоема больше, чем горное озеро.

— Ты с уважением и любовью говоришь об этом человеке, Малке, — сказала она как-то. — И о Шонге тоже. Почему?

Хаэль немного подумал, прежде чем ответить.

— Общение с ними научило меня тому, что бесстрашными могут быть не только воины, а мудрыми — не только Беседующие с Духами.



Не скрыл Хаэль и своих отношений с Шазад. Диэна уверенно сказала, что эта женщина была ведьмой и наложила на него заклятие. Еще она предположила, что Агаха нанял не Пашир, а его дочь.

Диэна, в свою очередь, поведала юноше о своем пребывании в плена амси, о жалком существовании, полном постоянных унижений и оскорблений. Ей было тяжело говорить об этом. Хаэль заверил женщину, что теперь все позади и она должна забыть о перенесенных страданиях. Вскоре она станет женой великого короля и не должна будет никому подчиняться.

Однако Хаэль понимал, что забыть пережитое совсем непросто. Особенно до тех пор, пока жив Импаба. Юноша сознавал, что оставленный в живых соперник доставит еще немало хлопот. Однако он был совершенно уверен, что принял разумное решение, помогшее завоевать уважение амси.

Спутники уже пару дней двигались среди высоких холмов, когда наконец встретили первых мэтва. Они ехали по небольшой долине с довольно ровной поверхностью, вдоль русла мелкого ручья. Среди долины росло множество огромных деревьев, значительно выше тех, которые Хаэль видел на своем родном Острове. Между деревьями почти не было кустарника, но цветущие растения виднелись всюду, где разлапистые ветви пропускали хоть немного солнечного света.

Ручеек, поднимая брызги и мелодично журча, бежал по скалистому дну. Именно его шум помешал Хаэлю услышать приближение мэтва. Юноша искренне восхитился тем, что они позволили себя увидеть, только когда сами этого захотели. Мэтва



держались против ветра, так что даже чуткие кабо не смогли ощутить незнакомый запах и предупредить о появлении чужаков.

Два десятка воинов мэтва выступили из-за скрывавших их стволов деревьев. В руках они держали огромные, высотой в человеческий рост, луки. Большой частью это были высокие, сильные, но стройного телосложения люди. Среди них Хаэль не увидел ни одного черноволосого — их волосы были каштанового или различных оттенков пепельного цвета.

Один из мэтва обладал густой ярко-рыжей шевелюрой. Глаза почти у всех — голубые или серые. Одежда мэтва была спита из потертых шкур и плотной тусклово-коричневой шерстяной ткани. Одеяние для охоты, догадался юноша, поскольку вспомнил, как Диэна говорила, что ее соотечественники предпочитают яркие цвета.

Один из мэтва шагнул вперед. Высокий, стройный, сероглазый шатен, он ничем не отличался от своих товарищей.

— Оставайтесь на месте, — сказал он негромко. — Кто вы и зачем пришли на наши земли?

На Хаэля произвело впечатление спокойное достоинство этого человека. Мэтва не показались ему похожими на Охотников его родного Острова. Те были робким и скрытным народом. При встрече с незнакомым человеком они чаще всего старались укрыться в кустах и уж во всяком случае никогда не смотрели в глаза.

— Я — Хаэль с Островов, а это Диэна — женщина из благородной семьи мэтва. Я сопровождаю Диэну на родину. — Юноша с улыбкой оглядел окруживших его лучников. — Мы кажемся такими опасными?



— Вполне возможно,— невозмутимо ответил человек.— Осторожность никогда не помешает. На теплой скале может таиться ядовитая змея. Меня зовут Хонн, я и мои люди из деревни Голубого Леса. Какому роду принадлежишь ты, сестра? — обратился он к Диэне.

Хаэль знал, что последняя фраза являлась вежливым обращением к незнакомому мэтва, если было неясно его происхождение.

— Мой отец — Афрам, главный вождь деревни Широкого Листа.

Хонн кивнул.

— Мы слышали о набеге. Немногим удается вернуться обратно из низин, попав в плен.— Он снова повернулся к Хаэлю: — Почему ты привел ее обратно? Мы не выкупаем пленников.

— Я знаю,— сказал Хаэль.— Я поступил так из любви к этой женщине и для того, чтобы доказать свои добрые намерения по отношению к мэтва. Мне нужно обсудить с вашими вождями кое-что важное, а времени у нас мало. Ты должен увериться, что мы не опасны. Нас только двое, никто за нами не следует — можешь проверить, ибо не думаю, что поверишь мне на слово.

— Мы следим за вами с тех пор, как вы поднялись на холмы. У вас за спиной действительно никого нет. Если бы вы привели за собой амси, мы сейчас не вели бы здесь разговора.

— Не сомневаюсь, что мэтва — доблестные воины. Не могли бы вы дать нам проводника, чтобы Диэна поскорее добралась до своей деревни?

— Вы пойдете с нами,— сказал Хонн.— Поговорим обо всем в нашей деревне. Но мы завяжем вам глаза. Не считайте это признаком недоверия, таков наш обычай. Вам нужно спешиться и вести



своих животных в поводу. Мы никогда не прикасаемся к кабо.

— Завяжите нам глаза, — согласился Хаэль, — но позвольте остаться верхом. Мой кабо последует за вами, а кабо Диэны — за моим.

При этих словах Хонн и его товарищи переглянулись с явным изумлением. Хаэль и Диэна спешились. Им завязали глаза, затем они снова взобрались в седла. Пока они петляли среди холмов, юноша пришел к выводу, что путешествовать с завязанными глазами доставляет ему удовольствие. Совсем иначе, чем в прежние времена, когда он сторожил стадо в полной темноте, или позже, во время путешествия с отрядом Шонга. Сейчас он мог чувствовать духов земли, не отвлекаясь ни на что постороннее.

Он знал, что без труда сможет отыскать дорогу, которой их вели. Мэтва, должно быть, удивились бы, узнав, что завязанные глаза не могли помешать ему ориентироваться на местности. Отряд двигался уже больше часа, когда Хаэль удивительно ясно почувствовал присутствие множества животных справа за холмами. Он повернулся в эту сторону лицо с повязкой на глазах.

— Там, наверху, — кривороги, десятков пять или даже больше, — заметил он.

— Остановись и сойди с седла, — приказал Хонн.

Хаэль повиновался и ощущил, как чьи-то руки проверяют его повязку.

— Завязано плотно, — сказал Хонн. — Как ты узнал о стаде? Ты не мог бы увидеть его даже с открытыми глазами. Животные слишком далеко, чтобы слышать их мычание или чуять запах. Кривороги неделями идут с равнин, направляясь к северным пастбищам. Это стадо находится на высокогор-



ных лугах три или четыре дня. Как ты мог узнать о нем?

— Он не простой человек,— вступила в разговор Диэна.— Он может видеть то, что недоступно зорнию других. С ним говорят духи.

Хаэль снова вскочил в седло. Пока они двигались по лесной тропинке, он слышал, как перешептываются за его спиной мэтва. Юноша наслаждался витающим вокруг тонким ароматом цветов и звенящими птичьими трелями. Высоко в кронах слышался шорох летучих мышей, свисающих вниз головой с веток.

Примерно через час после полудня Хонн сказал, что повязки можно снять. Они находились на хребте, откуда открывался вид на лежащую внизу небольшую долину. Сперва Хаэль не заметил строений, лишь тонкие струйки дыма. Однако, проследив за ними взглядом, он увидел скопление длинных низких домов. Селение не окружал частокол, так что юноше хорошо было видно ровное открытое пространство площади для собраний. Как и все деревни мэтва, эта расположилась около водоема. К воде сбегало множество узких тропок. Хаэля поразило, насколько незаметным было это поселение — можно было спокойно пройти рядом с ним, ничего не обнаружив.

Когда они вошли в деревню, Хаэль увидел, что крыши длинных домов покрыты дерном, на котором растет мох, трава и множество цветов. Стены примерно в половину человеческого роста, остальная часть дома углублена в землю. Вокруг построек под надзором женщин, занимавшихся различными хозяйственными делами, играли дети — их одежда была столь же яркой, как и у взрослых. Рядом, в небольшом лесочке, мальчики упражнялись в стрельбе



по мишеням. Их луки были уменьшенными копиями тех, которыми пользовались взрослые мэтва. Хаэль чрезвычайно заинтересовало это оружие. Юноша подумал, что после того, как проводит Диэну домой, в первую очередь займется его освоением.

Женщины отвели Диэну в длинный дом. Хаэль оставил обоих кабо под деревьями, где их окружила группа любопытствующих ребятишек. Многие из них никогда в жизни не видели таких животных. Хаэль снял с кабо седла и ослабил подпруги.

— Ты не собираешься стреножить или привязать их? — поинтересовался Хонн.

— Они будут стоять смиро и придут по первому моему зову, — заверил его Хаэль. Он испытывал благодарность к мэтва за то, что те не отобрали у него оружие. Мужчины бросали восхищенные взгляды на его копье и длинный меч, пораженные искусством, с которым те были сработаны, а также количеством пошедшего на него металла. Сами они были вооружены только луками и ножами.

Мэтва немного занимались земледелием, но в основном жили охотой. Как и шасинны, они время от времени перебирались в новые места — это случалось, когда леса вокруг беднели дичью. Однако на одном месте они проводили довольно долгое время, поскольку через холмы каждый год во время миграции проходили большие стада животных, и тогда пищи было вдоволь. Половина женщин деревни варили или вялили мясо криворогов, остальные занимались обработкой их шкур.

Несмотря на внешнюю примитивность их жизни, Хаэль понял, что мэтва — необычайно чистоплотный и культурный народ. Так, он не обнаружил, чтобы кто-нибудь раскрашивал лицо или тело. Женщины, выделяющие шкуры, держали около себя



небольшие миски с водой, чтобы сполоскивать руки. Даже на возвишившихся в пыли детях грязи было не больше, чем можно было собрать за один день. Мэтва сильно отличались от биалла и амси — разница ощущалась не только глазами, но и носом.

Хонн провел юношу в длинный дом, и Хаэль ненадолго ослеп, пока его глаза привыкали к темноте задымленного помещения. Несмотря на горящий в углу очаг, здесь царила приятная прохлада. Земляные стены были увешаны гладкими плетеными циновками, такие же циновки покрывали пол. Свет проникал внутрь только через маленькие окошки под самой крышей строения.

Хонн знаком предложил Хаэлю сесть на скамью, стоявшую возле длинного стола. Вскоре к ним присоединилась Диэна, которую сопровождала женщина, несущая на вытянутых руках поднос с горой жареного мяса, плоскими лепешками и фруктами.

— Мы побеседуем после того, как вы подкрепитесь и отдохнете, — сказал Хонн. — Наш вождь вернется с охоты на закате.

Хаэль и Диэна насыщались с удовольствием — с тех пор, как они покинули деревню биалла, им не доводилось есть досыта. Юноша, конечно, мог бы подстрелить какую-нибудь живность, но ему не хотелось оставлять спутницу одну. И вообще, во время путешествия на север им попадалось довольно мало дичи. Женщина налила в чаши кисловатого напитка, сделанного из слегка забродившего фруктового сока.

После окончания трапезы Хонн предложил им отдохнуть, поскольку охотники еще не вернулись. По словам Диэны, днем в деревнях мэтва почти не было мужчин, иногда они отсутствовали по несколько суток. Землю обрабатывали в основном женщины.



Стариков в селениях почти не имелось, поскольку мало кто из мужчин доживал до старости. Диэна сказала также, что Хаэль попал в деревню мэтва в самое благоприятное время года, когда в лесах изобилие дичи, реки полны рыбой и поспели дикие фрукты.

Зимы же в холмистых краях были очень холодными. Случалось, что люди замерзали во время охоты или погибали под снежными обвалами. Понастоящему суровая зима, во время которой вымерзали озимые посевы, несла деревне голодную смерть. Погубить урожай могло и засушливое лето. Иногда сушь приносила смертоносные пожары, и тогда огонь за несколько часов превращал огромные участки леса в выжженное, покрытое гарью пепелище.

Суровый климат, а также постоянные набеги амси и других народов, враждующих с мэтва, приводили к тому, что лишь немногие здешние мужчины достигали преклонного возраста. Однако, несмотря на это, мэтва показались Хаэлю вполне счастливыми и довольными своей жизнью. Они были столь же горды и независимы, как шасинны, считая свободную жизнь большей ценностью, чем безопасность и покой.

— Твое племя похоже на этих людей? — спросил юноша, когда Диэна покончила с едой.

— Во всем, — ответила женщина. — Между деревнями заключается множество браков, так что каждый год у нас бывает общий праздник. Мы не стараемся отгородиться друг от друга, поэтому у нас сходные обычай.

— А где вы встречаетесь? — поинтересовался Хаэль. — В каком месте проходят ваши праздники и церемонии?



— Есть большие луга, где обычно встречаются жители различных деревень. Религиозные обряды спрятываются в рощах, а в пещерах мужчины занимаются охотничьей магией.

— У вас такие прекрасные луки, к тому же мэтва, как я смог убедиться, умеют передвигаться по лесу почти незаметно. Неужели им еще требуется какая-то магия?

— Охота — нелегкое занятие. В лесу поджидают множество опасностей, поэтому никогда не мешает заручиться благосклонностью духов.

Хаэля заинтересовала одежда, которую носили жители деревни.

— Материю для нее ткут прямо здесь, — сказала Диэна, — используя растительные волокна и краски, которые также добывают из различных растений. Более тонкую праздничную одежду мы покупаем у заезжих торговцев, приходящих с юга, обмениваем на меха и зубы туну. Иногда в ручьях мы находим золотые самородки. Однажды с юга сюда пришла странная экспедиция, которая наняла жителей одной из деревень на целое лето. Они должны были ловить обитающих в лесах птиц и животных. Им объяснили, что король страны, пославшей экспедицию, имеет богатое собрание различных животных и хочет собрать еще больше образцов живых существ. Ловцы зверей получили за свою работу невероятно щедрую оплату, однако большую ее часть пришлось потратить на закупку провизии, поскольку охотники все лето, вместо того чтобы добывать дичь, ловили различную живность для этого сумасшедшего короля.

Юноша с удивлением обнаружил, что в лесах, изобилующих дичью, почти не встречаются дикие коты. Здешние хищники в основном были родствен-



никами меховой змеи и длинношея. К счастью, гигантского длинношея, встречающегося на его родном Острове, здешние жители не ведали — самые крупные твари, водившиеся в этих местах, высотой не превышали двух человеческих. Однако они были довольно многочисленны и чрезвычайно опасны — каждый год от их лап и зубов погибало по несколько десятков человек. Встречался здесь также маленький длинношерстий, обитающий в воде. Питался он преимущественно рыбой. Хаэль понял, почему он столь явственно ощущал духовную ауру лесных животных — у всех длинношееев она была очень сильной.

Когда свет в крошечных окошках под потолком потускнел, в деревню стали возвращаться охотники. Повесив на крючки луки и колчаны со стрелами, мужчины сменили невзрачную одежду, в которой охотились, на яркие рубашки и штаны. Они с любопытством поглядывали на незнакомцев, но не глазели в открытую. Хаэля удивило, как негромко они разговаривали между собой. Он еще ни разу не слышал, чтобы кто-нибудь из мэтва повысил голос. Вскоре длинный дом заполнился мужчинами, женщинами и детьми. Так происходило каждый вечер. Днем мужчины охотились, разбредаясь по лесу, но по ночам в длинных строениях приходилось сидеть буквально друг у друга на коленях. Из всех обычавших мэтва только этот показался юноше не слишком удобным.

Последним вошел человек средних лет, носивший, в отличие от остальных, окладистую бороду. Возможно, борода отчасти восполняла отсутствие волос на его голове, украшенной обширной лысиной. Войдя, он кивнул Диэне и Хаэлю. После этого все принялись за трапезу. Вождь и несколько стар-



ших охотников уселись за длинный стол, остальные разместились, поджав ноги, на полу, среди ползающих тут же детей. Блюда с пищей по очереди передавали друг другу. За едой беседы почти не велись. Вождь настоял, чтобы гости тоже сели за стол, хотя те уверяли, что после обильной дневной трапезы не смогут проглотить и куска.

Когда все поели, вождь постучал по доскам костяшками пальцев. Со стола тут же убрали все блюда, кувшины и кружки. Посуду мыли где-то за домом. Вождь повернулся к Хаэлю.

— Мы рады приветствовать гостей. Я — Венаман, глава деревни Голубого Леса. Наверное, вы сможете рассказать нам немало интересного.

— Начну я, — сказала Диэна. Она коротко сообщила о своем пребывании в плена амси. Женщина не останавливалась подробно на перенесенных ею страданиях, но ее слова не оставили сомнений в том, что с ней обращались крайне грубо и жестоко. Закончила она рассказом о своем бегстве от Импабы в недоступные для амси горы. Во время ее речи жители деревни бросали на Диэну настороженные взгляды — видимо, они не знали, как относиться к женщине, бывшей рабыней амси.

Хаэль также довольно сжато изложил им историю своих приключений, пообещав впоследствии рассказать более подробно. Слушателям хотелось побольше узнать о том, как живут воины на его родном Острове. Они слышали раньше от торговцев о великом южном море. Мэтва изумляла сама мысль о том, как целые народы могут жить на клочке суши, окруженному со всех сторон водой. Они совершенно не представляли, как это может быть — с таким же удивлением была бы воспринята ими деревня, устроившаяся на облаке.



Когда очаг затушили на ночь, Венаман пообещал предоставить Хаэлю и его спутнице проводника, который доведет их до родной деревни Диэны.

— Вас будут ждать, — сказал он. — Когда я узнал о вашем прибытии, то сразу же послал гонца с этим известием в деревню Широкого Листа.

На следующее утро они отправились на восток. Путешествие по холмам не было столь изнурительным, как дорога среди гор. Однако им приходилось переправляться через множество мелких речушек, что отнимало много времени. Проводник снабжал их во время пути свежей дичью. Тупыми стрелами он ловко сбивал с веток птиц, не повредив тушки.

Две ночи они провели у разожженного под густыми кронами небольшого костра. Красноватый свет пламени отражался от блестящей листвы деревьев. Венаман сказал, что они доберутся до селения Широкого Листа к вечеру третьего дня, но путники встретились с жителями этой деревни даже несколько раньше. На третье утро они увидели на тропе несколько мэтва. Впереди шли уже немолодые мужчина и женщина, одетые лучше, чем остальные. Хаэль услышал сдавленный вздох Диэны, и у него не осталось сомнений, кем были эти люди. Он взглянул на спутницу и увидел, что у нее дрожат губы. Диэна сильно побледнела.

Пожилая женщина рванулась вперед и, подбежав к Диэне, стащила ее с седла, смеясь и всхлипывая. Мужчина вел себя более сдержанно, но это не скрыло его волнения. Сморгнув набежавшие на глаза слезы, он протянул Хаэлю руку.

— Ты вернул нам дочь, которую мы уже считали навеки потерянной, — сказал он просто. — Все, что у меня есть — твое. И я сделаю для тебя все, что окажется в моих силах.



Остальные с некоторой растерянностью наблюдали за разыгрывающейся перед их глазами сценой. Большинство мэтва были молодыми людьми. На их лицах читалась радость, смешанная с тревогой. Хаэль догадался, что среди них есть бывшие поклонники Диэны, радовавшиеся, что она вернулась. Однако их настораживало присутствие чужака. Возможно, в будущем у него возникнут определенные затруднения, но не это сейчас заботило юношу больше всего.

Хаэль поблагодарил проводника, и тот повернулся обратно, держа путь в свою деревню. Они же отправились в Широкий Лист. Хаэль и Диэна шли пешком, чтобы женщине было легче разговаривать со своими родителями. Кабо покорно плелись следом. Хаэль и отец Диэны, которого звали Афрамом, немного опередили остальных, чтобы без помех обменяться несколькими словами.

— Мы прибудем в деревню поздно вечером, — сообщил Афрам, обернулся и сказал что-то одному из молодых людей. Юноша кивнул и побежал вперед. — Этот человек — один из наших лучших бегунов. Он скажет в деревне, что моя дочь действительно вернулась. Нас будет ждать великолепный пир — лучший, надеюсь, из тех, на которых тебе довелось побывать когда-либо. У меня есть несколько бочонков прекрасного вина, что я берег к свадьбе дочери. Думаю, сейчас неплохой повод, чтобы открыть их. И еще, конечно, эль! Огромная бочка эля! — Афрам усмехнулся, пытаясь скрыть слезы, время от времени набегавшие на глаза.

— Счастлив, что вас обрадовало ее возвращение. Диэна опасалась, что ее могли встретить презрением.

Афрам фыркнул.



— В голове у женщин всегда какие-нибудь глупости! Что бы с ней ни сотворили эти животные, она никогда не станет менее дорога нам.— Наклонившись поближе к юноше, он вдруг спросил вполголоса: — Они случаем не сделали ей ребенка, а?

— Нет,— торжественно заверил его Хаэль.

— Ну и прекрасно. Значит, все в полном порядке. Я собственными руками прикончу того, кто осмелится заявить, что она стала хуже, чем до того, как бедняжку захватили в плен. А с женщинами разберется ее мать — у нее это всегда здорово получалось.

— Те люди, что пришли с тобой, ее поклонники? — спросил Хаэль.— Мне бы не хотелось, чтобы между мной и кем-нибудь из твоих соплеменников легла кровь.

Афрам бросил через плечо взгляд на сопровождавших его юношей.

— Эти? Конечно, почти каждый из них пытался ухаживать за Диэнной. Только я не видел, чтобы хоть кто-то преследовал амси и смог отбить пленницу. Вернул нам дочь ты. Так что, на твоем месте, я не беспокоился бы попусту.

— Если ты так считаешь...— Успокоившись, юноша перешел к наиболее волнующей его теме.— Я хотел бы побольше узнать о ваших луках.

Он показал на оружие, висевшее вместе с колчаном на плече Афрама.

— У тебя будет самый лучший лук, какой найдется в наших холмах,— пообещал ему тот.— Я сам научу тебя пользоваться им. Вообще-то, чтобы достичь истинного мастерства, стрельбе из лука надо обучаться с детства, но я сделаю из тебя настоящего стрелка, не сомневайся.



— Благодарю тебя. Мне хотелось бы поговорить с вашими вождями. Ты можешь устроить так, чтобы они собрались и выслушали меня?

Афрам остановился и с изумлением взирал на Хаэля.

— Собрать всех вождей? Но что ты можешь им сказать?

— Мне нужно сообщить им очень важные вещи, — заверил юноша. — И не хотелось бы медлить. От того, что я скажу, зависит будущее вашего народа. Я уже смог доказать мэтва, что умею совершать необычное.

— Пещерные летучие мыши тоже могут, — прорвался Афрам. — Они летают по ночам, и это, знаешь ли, очень необычно. Ты должен открыть мне больше. Моя благодарность к тебе велика, но равные мне вожди ее ведь не испытывают...

В течение двух последующих часов Хаэль рассказывал ему о своих странствиях и приключениях; о том, как он понял, что предопределено ему судьбой; о том, что он узнал в Наве, во время пребывания в экспедиции Шонга и что узнал от амси.

— Похоже, господин Пашир был прав. Я действительно могу видеть вещи, скрытые от цивилизованного человека. Более того... — Хаэль помолчал, тщательно взвешивая слова. — Я вижу неведомую для других сущность вещей, вижу скрытый смысл того, что делают люди, и каким образом в их действия вовлекаются духи. Вот поэтому я должен обратиться к вашим вождям.

Афрам некоторое время шел молча, глубоко задумавшись.

— Что ж, — проговорил он наконец. — Конечно, мне не удастся собрать всех вождей, но многие явятся хотя бы из уважения ко мне. И не сомневай-



ся — те, что придут, будут старостами самых больших наших деревень.

— Вполне достаточно, — сказал Хаэль, опираясь на копье, как на посох. — Кроме того, я хочу жениться на твоей дочери.

— Хм-м... — произнес Афрам, все еще пребывая в задумчивости. — Вот это может вызвать кое-какие трудности. Ведь ты не из нашего племени. Однако, думаю, я смогу тебе помочь. Усыновлю тебя — и тогда все проблемы исчезнут.

— Я уже был усыновлен в детстве, когда стал сиротой, — сказал юноша.

— Значит, ты не возражаешь. Прекрасно. Кстати, я считаю тебя безумцем. Но это как раз не является особой проблемой. Сумасшедшие пользуются у нас определенным уважением.

— Да, Диэна говорила мне об этом.

Остальную часть пути Афрам молчал, обдумывая услышанное. Когда они достигли деревни, уже совсем стемнело, но он и слышать не хотел, чтобы празднество было отложено на другой день. Эта деревня была похожа на деревню Голубого Леса, но из-за готовящегося праздника она совершенно преобразилась.

Длинные дома украшало множество факелов и фонарей, освещавших все вокруг ярким светом. Повсюду слышалась музыка флейт, струнных инструментов и маленьких, издающих глухие звуки барабанов.

Мать Диэны, Ревека, немедленно принялась отдавать распоряжения. Никто не собирался устраивать столпотворение в длинном доме: столы вынесли на открытое пространство, где уже распечатывали бочки с вином. Огромные костры разожгли еще тогда, когда прибыл гонец, и над ними готовились



на вертелах туши животных — повсюду витали употребительные запахи жарящегося мяса.

Афрам, Ревека и сопровождавшие их юноши, которые провели на ногах почти целые сутки, немедленно уселись за столы — несмотря на предстоящее шумное веселье, никто из них даже не помышлял об отдыхе.

Танцы мэтва Хаэль нашел довольно странными. Танцевали парами, юноша такого раньше никогда не видел. Ему показалось, что это часть ухаживания, хотя он заметил, что в развлечении принимают участие и супружеские пары.

Хаэль как герой дня был, разумеется, в центре всеобщего внимания. Мать Диэны считала своим личным долгом внимательно следить, чтобы его тарелка и кружка ни на миг не оставались пустыми. Обильное питье не позволило сохранить в памяти четких подробностей праздника. И все же на следующее утро он припомнил, что попробовал танцевать так, как это делают мэтва, и нашел их обычай просто восхитительным.

Когда Хаэль проснулся, солнце стояло уже высоко. Он подивился, поняв, что праздник в самом разгаре. Ревека попыталась накормить его еще одним блюдом, но юноша решительно отверг ее попытки, сославшись на то, что ему не терпится поскорее получить первый урок стрельбы из лука.

Афрам немедленно приказал, чтобы установили мишени — большие, набитые травой кожаные мешки с нарисованными на них кругами. Хаэля поразило великолепие огромных луков. Охотники его родного Острова пользовались маленькими слабыми луками, полагаясь более на яд, которым смазывали стрелы. В Касине юноша видел луки, из которых стреляли неванские воины. Более крепкие, они,



однако, не годились для дальней стрельбы. Маленькие бронзовые наконечники стрел пробивали лишь самые легкие доспехи. Луки мэтва высотой в человеческий рост выглядели необыкновенно изящно. Они были сделаны из легкого, но чрезвычайно прочного дерева. Концы выполнялись из рога и крепились к основной части сухожилиями.

Самые юные лучники легко попадали в мишени, установленные за две сотни шагов: вдвое дальше, чем летели стрелы неванских стрелков. Получив несколько советов — в какую позу встать, как натягивать тетиву и прицеливаться, — Хаэль выстрелил из лука, который дал ему Афрам, по самой ближней мишени. Стрела пролетела мимо, что было вполне естественно, однако всех поразило, что юноша, впервые взяв в руки лук, сумел до конца растянуть тетиву.

К концу дня Хаэль уже без промаха поражал ближние мишени. Он знал, что скоро овладеет этим прекрасным оружием. С детства он привык бессознательно рассчитывать скорость и траекторию полета копья, так что искусство стрельбы не представляло для него такой уж большой сложности. Нужно было только привыкнуть к новому оружию и натренировать необходимые для стрельбы мышцы. Уже сейчас его руки, плечи и спина не напрягались чрезмерно при натягивании мощного лука, однако пальцы, отводящие тетиву, к вечеру онемели от непривычных усилий.

С наступлением ночи деревня затихла, последние, самые стойкие участники пира наконец утомились. В этот день у Хаэля не было возможности поговорить с Диэнной — Ревека настаивала на том, что ее дочь крайне утомлена и держала ее в дальнем конце дома, отороженном занавеской, тепло



укутав и непрерывно пичкая какой-нибудь едой. Все же она позволила юноше несколько минут побывать наедине с ней, после чего неумолимо выставила прочь, заявив, что Диэна должна отдыхать. Он может вернуться, сказала Ревека, только после того, как ее дочь придет в себя и пополнеет — возможно, это произойдет только через несколько месяцев.

В последующие дни Диэну продолжали держать в заточении. Афрам рассыпал гонцов во все деревни, созывая остальных вождей мэтва. Хаэль продолжал упорно тренироваться в стрельбе из лука. Он знал, что, скорее всего, никогда не достигнет мастерства, которым обладали стрелки мэтва, поскольку те тренировались с самого детства. Однако определенные практические навыки он приобретал быстро.

Когда Хаэль освоил новое оружие, то совершил поступок, заставивший многих в очередной раз усомниться в здравости его рассудка. Он начал стрелять, сидя верхом на кабо. Сперва он заставлял кабо стоять, а когда наловчился пускать стрелы из этого положения, стал посыпать его шагом. При беге рысью поступь животного была настолько неровной, что стрельба представлялась совершенно невозможной, не говоря уже о галопе. Основное неудобство доставляла длина лука — когда требовалось стрелять с разных сторон, его приходилось перекидывать через голову кабо, едва не задевая животное по носу.

Мэтва следили за странными действиями Хаэля, разинув от удивления рты. Недоверие сменилось одобрением, когда юноша галопом проскакал мимо мишени высотой в рост человека, стреляя так быстро, как только успевал накладывать стрелы, и



попадая в мишень чаще, чем промазывая. Хаэль отметил, что мужчинам постарше сама мысль о стрельбе из седла казалась безумной, тогда как юношам, судя по всему, она привлекала. Он начал давать некоторым из них уроки верховой езды.

Афрам оказался в числе скептиков.

— Конечно, мальчишеск привлекает новизна,— сказал он как-то, когда Хаэль, утомленный длительной тренировкой, сделал небольшой перерыв, чтобы утереть обильно катящийся по лицу пот. Юноша сидел на кабо, выпуская стрелы по отдаленной мишени, тогда как его скакун смирно стоял на месте, невозмутимо пожевывая травку.— Но разве это настоящая стрельба? Готов признать, что зрелище выходит прекрасное — в основном потому, что раньше никто такого не видел. Но ведь, когда кабо движется, ты не можешь попасть в мишень, отстоящую далее трех-четырех десятков шагов.

Хаэль усмехнулся.

— Готов поспорить, что добьюсь большего. Я впервые взял в руки лук несколько дней назад, мой опыт верховой езды на кабо тоже совсем невелик. Но когда по-настоящему опытные лучники научатся ездить верхом, разве они не смогут сделать дальний, но точный выстрел? Однако, думаю, для этого придется немного укоротить ваши луки. Я прикинул, что их мощность от этого не пострадает. В конструкции нужно будет использовать больше сухожилий и деталей из рога, а также увеличить изгиб.

Афрам возмущенно фыркнул.

— Укоротить наше оружие? Опомнись! Ты что, не знаешь, что мэтва известны под именем Народа Длинного Лука? С таким же успехом ты мог бы предложить нашим мужчинам укоротить... ну, в



общем, ты понял. Люди никогда не согласятся на подобное святотатство!

— Самые молодые согласятся,— возразил Хаэль.— А восторженные мальчишки вырастут в отважных и умелых воинов.

Афрам с сомнением покачал головой.

— Ты меня не убедил. Поверь, мой юноша, я хорошо к тебе отношусь, но боюсь загадывать, как воспримут твои нововведения остальные наши старейшины.

Вожди мэтва съезжались в Широкий Лист на протяжении нескольких следующих недель. В первую очередь им демонстрировали стрельбу из лука с седла. К этому времени несколько юношей уже научились сносно стрелять со спины движущегося животного. Хаэль, разумеется, не заострял внимания на том, что этот кабо — спокойное существо преклонных лет. Самой сложной задачей было привыкнуть мэтва к мысли, что можно ездить верхом, поскольку кабо неизменно связывались в их понимании с ненавистными врагами амси. Конечно, никто не обладал сверхъестественной способностью Хаэля сливаться с животным в единое целое, однако большинство юношей, которые смогли преодолеть себя, почувствовали такую же, как он, страсть к верховой езде и теперь страстно жаждали обзавестись собственными кабо. В отличие от Афрама, их не так уж удручала мысль Хаэля укоротить луки.

Вожди, однако, отнеслись к этому совершенно иначе. Подобные идеи представлялись им безумными и совершенно чуждыми. Они соглашались, что возвращение Диэны ее народу достойно искреннего уважения, но сочли, что Афрам переборщил с благодарностью, предоставив молодому человеку возможность обратиться к старейшинам. Афраму,



который сам испытывал серьезное недоверие к новым веяниям, пришлось долго потчевать каждого вождя, щедро подливая эль и вино, чтобы убедить благожелательно выслушать Хаэля. После того как прибыл последний из них, Хаэль обратился к вождям с обстоятельной речью.

Когда он закончил, первым заговорил седобородый старейшина из деревни Вечной Зелени.

— Правильно ли я тебя понял? Ты предлагаешь нам объединиться с амси, приобрести у них этих животных, на которых ездят верхом, научиться ими управлять, а взамен обучить амси стрельбе из лука?

— Верно,— согласился Хаэль. Когда стих приглушенный ропот, он продолжил: — Если вы не прекратите вражду между собой, это приведет к гибели обоих ваших народов.

— Но почему? — спросил другой вождь.— Вот уже много поколений мы сражаемся друг с другом, и наши народы остаются столь же свирепыми и могущественными. Зачем нам учить врагов стрелять из луков, если это наша лучшая и, может быть, единственная защита против амси? Зачем амси учить нас приручать кабо и ездить на них верхом, если именно это умение дает им власть над равнинами?

Остальные вожди единодушно заявили, что тоже озадачены речью Хаэля.

— Все в мире меняется,— ответил юноша.— Я могу это утверждать, поскольку не только воин, но и провидец. Я прибыл сюда с торговым караваном. Мы на самом деле были посланы в ваши земли с мирными целями, но за этой экспедицией рано или поздно последует военное вторжение. Короли цивилизованных стран всегда заботятся об увеличении собственных территорий и распространении своего влияния. Повелитель Навы собирается заво-



евать земли своего восточного соседа, королевства Омайя. Если ему это удастся, границы его государства будут простираться до великих гор. К тому времени, когда он утвердит свою власть в Омайе, он будет знать все о землях, лежащих к востоку от хребтов — о богатстве их пастбищ и огромных стадах кабо на равнинах, о ценных пушных зверях и обильных минеральных залежах под холмами. И еще он узнает, что здешние народы делятся на племена, постоянно враждующие друг с другом.

Но это еще не все. Вы привыкли торговать с королевствами юга. Я уверен, что скоро между западом и югом начнется торговое соперничество, за которым опять же неизбежно последуют военные действия. Они, возможно, прямо против вас не выступят — скорее всего, найдут себе здесь союзников и используют воинов амси и мэтва в своих целях. Но результат все равно будет один — ваши народы окажутся перемолотыми на мельнице жестокой войны между западными и южными королевствами. Единственная возможность избежать этого — объединиться. В армиях цивилизованных стран нет ничего подобного тому, что я вам предлагаю: на обширных открытых пространствах, вдали от своих крепостных стен, они окажутся беспомощны против всадников на кабо, вооруженных мощными луками.

После этих слов Хаэля поднялся неимоверный гвалт. Вожди, перебивая друг друга, спорили с юношами, спорили между собой. Те, в ком преобладали гордость и высокомерие, отказывались поверить, что доблесть и мастерство их стрелков не смогут противостоять любой угрозе. У кого не хватало воображения, не могли представить грозящую из столь отдаленных мест опасность. Однако



Хаэль видел, что среди вождей есть люди, чьи возражения не были столь категоричны. Похоже, они серьезно задумались над его словами.

После собрания вождей был устроен пир. Среди общего веселья несколько человек, на которых Хаэль уже обратил внимание, отзовали его в сторону. Заговорил один из самых молодых вождей, одетый в кожаные штаны и яркую полосатую тунику из тонкого полотна, привезенного с юга. Его золотистые волосы с одной стороны были заплетены в косичку, завязанную сложным узлом. Рот обрамляли длинные мягкие усы. Вождь протянул юноше рог с элем, и они уселись у большого, разведенного под открытым небом костра, над которым жарилась на вертеле туша.

— Я — Эрон, глава селения Остролистных Кустов. Моя деревня находится к югу отсюда, почти на самой границе с лугами. Не падай духом из-за недоверия, проявленного стариками. Некоторые из нас, — он указал на сопровождавших его молодых вождей, — приняли твои слова близко к сердцу. Нам кажется, что в них заключена истинная мудрость.

— Рад это слышать, — сказал Хаэль. Затем добавил: — Я действительно начал падать духом. То, в чем я пытался убедить вас, кажется мне столь ясным, что я никак не могу взять в толк, почему остальные этого не понимают.

Эрон, скрестив ноги, уселился рядом с Хаэлем, другие вожди последовали его примеру.

— Ты обладаешь провидческим даром. Ты — чужеземец, но видишь то, что недоступно нашему мысленному взору. Большинство мэтва, живущие далеко среди холмов, знают амси лишь по случайным набегам. Но те, кто обитает близ границ их земель, встречаются с ними гораздо чаще. Конечно,



мы большей частью сражаемся, но, бывает, и обмениваемся какими-нибудь товарами. Иногда даже случаются смешанные браки. Кое-кто из женщин амси мечтает о спокойной оседлой жизни в наших селениях, а некоторых наших молодых мужчин привлекает возможность мчаться верхом по равнинам.

Признаюсь, я сам мальчишкой много раз с завистью следил за отрядами амси, дико и свободно проносящимися по степи,— продолжал молодой вождь.— Мне было страшно любопытно, на что это похоже — наслаждаться свободой и приводить в ужас оседлых жителей деревень. Однако большую привязанность я все же испытывал к родным холмам и лесам.

— Я узнал от амси,— сказал Хаэль,— что когда-то они жили, как и вы, в деревнях и занимались охотой. Но потом их научили приручать кабо и ездить на них верхом. Сперва амси лишь ненадолго отправлялись поохотиться на равнине, затем стали проводить там все больше времени, гоняясь за разным зверем. В конце концов они оторвались от своих деревень, и скитания по равнинам стали их образом жизни.

Слово взял еще один молодой вождь.

— Ты высказал вслух некоторые наши мысли. Но мне кажется, ты предлагаешь слишком быстрые перемены. Амси, поначалу обитавшие в холмах, вероятно, превратились в кочевников в течение многих поколений. Не так-то легко совершить этот переход в мгновение ока.

— Но это единственное, что поможет обоим народам сохранить независимость,— воскликнул Хаэль. А затем добавил уверенным тоном: — Я не предлагаю вам смешаться с амси. И не на будущий



год поведу я на битву армию, состоящую из верховых лучников. К счастью, у нас есть время, чтобы подготовиться и суметь отразить грозящую с запада опасность. Конечно, она придет не в следующем году. И не через год, и даже не через два. Но уже через два десятка лет ваши народы столкнутся с угрозой уничтожения. Это, опять же, не случится сразу, но мы уже сегодня должны принять все необходимые меры, чтобы этого не произошло.

Заговорил человек, по виду несколько старше, чем все остальные:

-- Я — Хосха, вождь Вьюнков. Ты считаешь себя обязанным возглавить те великие перемены, что должны свершиться в нашей жизни, если мы не хотим погибнуть. Это потому, что тебе кажется, что ты не только пророк, но и великий завоеватель. Ты предупреждаешь нас об опасности, грозящей со стороны королей, правящих цивилизованными странами. А не кажется ли тебе, что ты просто хочешь стать подобным же властителем?

Губы вождя тронула сардническая усмешка. У него было длинное лицо, в выразительных глазах читался ум.

— Верно,— открыто признался Хаэль.— Настает время, когда должен прийти человек, обладающий необычными дарованиями, чтобы под его рукой народ свернул с проторенной дороги на новый, неизведанный путь. Мне кажется, я и есть такой человек. Мир вступает в эпоху великих людей и грандиозного столкновения народов. Я могу убедить как отдельно взятого человека, так и целый народ изменить их образ жизни. Потому что я действительно вижу то, что ждет нас впереди. Духи этих земель открыли мне будущее. Здесь, в этой огромной стране равнин и холмов, они необыкно-



венно ясно передают мне свои мысли — такого не было даже в тех местах, где я родился. Духи говорят мне, что близится время великого народа равнин и холмов. Поэтому я был изгнан своим племенем, из-за этого я стал моряком, а затем был принят в одном из самых знатных домов Навы. Можно предположить, что все эти события произошли по чистой случайности, но это не так. Именно по этой причине меня взяли в экспедицию купца Шонга. И ради этого я встретил Диэну. Благодаря ей я сделался влиятельным человеком среди амси, благодаря ей я был благосклонно принят и выслушан вами. В этом нет никакой случайности. Это судьба. Моими устами говорят духи. И я тот человек, который спасет вас от гибели. Более того — если вы будете следовать моим указаниям, вы станете величайшим народом в мире. Я обещаю вам это!

Вожди внимательно смотрели на Хаэля, но мало кто мог выдержать его пристальный взгляд. В глазах юноши не сверкало пламя гнева, они оставались спокойными. В его голосе не слышалось свирепости, он был ровным и звучным. Но слова Хаэля обладали невероятной силой убеждения: верилось, что все произойдет именно так, как он говорил. Заяви он сейчас, что земля развернется и поглотит их всех — никто бы не удивился, став этому свидетелем.

Через некоторое время Эрон вновь поднял глаза на Хаэля.

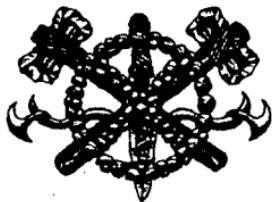
— Мы — с тобой, — произнес он торжественно. — Мы отправимся на встречу с амси. Возможно, нас ждет смерть, но мы должны это сделать. К нам, вероятно, присоединится и несколько старших вождей. Сделаем все возможное, чтобы их убедить, но, — он посмотрел на Хаэля как равный, — мы — первые



среди мэтва, безоговорочно поверившие тебе. Что бы ни случилось в будущем, мы хотим, чтобы ты помнил об этом.

Хаэль протянул руку и крепко стиснул ладонь Эрона. Остальные вожди возложили свои ладони поверх их стиснутых пальцев.

— Среди мэтва, среди всего народа, который вскоре объединится под моей рукой, вы будете первыми друзьями и соратниками,— провозгласил юноша.— Только доказанное предательство сможет заставить меня отречься от этих слов!





Глава двенадцатая



Х

аэль, сопровождаемый пятью десятками вождей и других знатных людей мэтва, стоял на вершине невысокой горы, глядя вниз на лагерь амси. На этот раз перед ними был не просто большой отряд воинов, но целое кочевое племя. Низкие палатки из войлока и шкур растянулись вдоль русла неглубокой речки на многие мили. Повсюду под охраной мальчи-



ков и молодых воинов паслись многочисленные стада нукусов и кабо. Несчастные биалла из окрестных деревень с ног сбились, стараясь угодить своим хозяевам.

Когда амси заметили Хаэля и его спутников, к ним галопом поскакала группа всадников. Юноша почувствовал, как мэтва за его спиной напряглись и затаили дыхание, завидев приближающийся отряд.

— Говорить буду я,— сказал Хаэль.— Не произносите ни слова, пока я не уверюсь, что амси обес-печат вашу безопасность.

— Здравая мысль,— сухо отозвался Хоша.— Не исключено, наши голоса могли бы дрогнуть, по-зволь ты нам сказать хоть слово.

Когда всадники подъехали ближе, у Хаэля возникло недобroe предчувствие. Он заверил своих друзей-мэтва, что имеет значительное влияние среди амси. А что, если за время его отсутствия настроение кочевников изменилось? Что ж, решил юноша, если это действительно так, времени на раскаяние просто не будет.

Хаэль позволил себе расслабиться, когда заметил среди приближающихся амси Нарайю и вождей Унаса и Рэстапа. Всадники, издав пронзительный лающий вопль, окружил спутников юноши. Лица мэтва побледнели, однако на них читалось лишь суровое спокойствие. Невзирая на несомненную опасность, сопровождавшие Хаэля воины не выглядели испуганными.

Первым заговорил Рэстап:

— Я глубоко заблуждался, думая, что тебе боль-ше не удастся удивить меня. Зачем ты привёл с собой этих рабов, обитающих в лесных чащах?

— Они мои друзья,— сказал Хаэль.— Каждый из них — глава селения мэтва. Эти люди прибыли сюда



для встречи с вождями великого народа амси. Вы можете обещать, что они будут в безопасности здесь и на обратном пути домой?

Вожди амси громко расхохотались.

— Конечно, можем,— ухмыляясь, произнес Унас.— Не такие уж они грозные, чтобы мы уничтожили их из страха за собственные шкуры. Если они прибыли с тобой, ни один человек не причинит им вреда.

Когда они направились в лагерь, к Хаэлю приблизился Нарайя.

— Здесь собрались все знатные люди северо-западных амси,— сказал он,— а также большая часть вождей других племен. И, что еще более важно, все Беседующие с Духами, которые нашли для этого силы, приехали повидаться с тобой.

— Прекрасно,— заметил Хаэль.— А где Импаба?

— Он со своим отрядом сейчас на охоте. Импаба до сих пор неустанно провозглашает себя твоим верным сторонником.

— Я окончательно поверю в это, когда он докажет свою преданность чем-нибудь, кроме слов,— пожал плечами юноша.

Многие амси выбегали из лагеря, чтобы поглазеть на него: большинство кочевников до сих пор не имела возможности лицезреть воочию знаменитого человека-духа. Хаэль понял, что Нарайя потрудился на славу. Юношу встречали громкие приветственные взгласы. Впервые он увидел женщин и детей амси — женщины были одеты в длинные платья из яркого покупного полотна, ребятишки же — только в набедренные повязки из шкур или ткани. Они взирали на Хаэля с суеверным трепетом.

Огромная толпа обступила их, как только они въехали в лагерь. Спутников Хаэля это встревожи-



ло, но вскоре они вздохнули с облегчением, увидев, что на них не обращают особого внимания. Приветственные крики сменились глубоким горловым пением. Сперва Хаэлю показалось, что напев состоит из не имеющего смысла сочетания двух слогов. Затем он понял, что амси выводят его имя: «Ха-эль! Ха-эль! Ха-эль!»

Когда они достигли центра лагеря, казалось, весь воздух уже содрогался от оглушительного распева, вскоре перешедшего в речитатив. Внезапно к этим крикам присоединились и мэтва, потрясая в такт словам сжатыми кулаками. Амси понравился этот жест, и они тут же переняли его. Толпившиеся вокруг бешено орущие люди размахивали кулаками, словно угрожая самому небу. Пожалуй, подумал юноша, его миссия окажется не столь трудной, как он предполагал.

Совет вождей амси, на котором Хаэль держал речь, проходил также чрезвычайно бурно. Довольно часто слова юноши прерывали возмущенные крики и даже угрозы. Как и мэтва, амси были немыслимо оскорблены самим предположением, что воинское искусство и отвага не смогут защитить их от грядущей угрозы вторжения. Многие вообще отказывались верить в ее существование. Но, как оглушиительно они ни кричали, сколь бурными ни были их протесты, еще громче и искреннее были приветствия амси своему новому великому герою, человеку-духу, обладающему Силой Хаэлю. Вожди амси не были единоличными правителями, как короли цивилизованных государств.

Они не обладали деспотической властью над своими людьми, а лишь выражали их волю, будучи предводителями и старшими советниками. Поэтому они прекрасно знали, что не стоит пренебрегать



столь определенно высказанной общей волей своих соплеменников.

Постепенно, крайне неохотно, по одному и по двое, вожди амси соглашались действовать так, как предлагал Хаэль. Беседующие с Духами совершенно выбились из сил, убеждая их признать Хаэля вождем, который поведет амси к грядущим значительным переменам. Юноша, со своей стороны, заверял вождей, что никоим образом не будет пытаться лишить их власти или влияния. Предводители южных амси, прибывшие на совет без сопровождения своих соплеменников, упорствовали дольше прочих. Но в конце концов и они дали свое согласие не сопротивляться воле Предреченного и не мешать его преобразованиям. Именно этого и добивался Хаэль. Он, разумеется, не надеялся сразу произвести все перемены. Юноша знал, что когда северо-западные племена примут новый образ жизни, южане, увидев все его преимущества, последуют их примеру. Если не сейчас, то уж через пару лет — обязательно. Впрочем, Хаэль был терпелив.

Когда совет завершился, он присел около палатки, наблюдая за тем, как воины амси пируют со своими новыми друзьями мэтва, словно долгие годы жили в мире и согласии друг с другом. Однако Хаэль вовсе не обольщался по этому поводу. Потребуется масса усилий, чтобы преодолеть вековую вражду, и опасность столкновения между двумя народами не исчезнет еще довольно долго. И все же начало объединению положено. Все его способности дипломата следует употребить для поддержание добрых отношений между мэтва и амси. Скоро у них появятся более серьезные враги, и тогда им будет против кого применять силу и воинское искусство.



Юноша обратился к подошедшему Нарайе:

— Я действительно верю, что предречен вашему народу. Однако совсем немногие из собравшихся здесь людей видели меня до того, как я вернулся с холмов. Но они встретили меня, выкрикивая мое имя. Я бы сказал, что амси провозгласили меня своим верховным предводителем еще до того, как я смог обратиться к их вождям. Уверен, это твоя заслуга, Нарайя.

Зловещий капюшон в виде головы рептилии дрогнул — Беседующий с Духами утвердительно склонил голову.

— Верно. Я столь тщательно подготовил своих соплеменников, что они приветствовали бы и ящерицу, если бы, указав на нее, я заявил, что это — Хаэль, предреченный им человек- дух.

— Но это лишь преходящий всплеск восторга. Долго так продлиться не может.

— Правильно. Теперь тебе своими действиями придется доказать, что ты именно тот, кто достоин повести их за собой. А потом подтверждать это вновь и вновь. Иначе нам обоим не жить.

— Мне показалось, что остальные Беседующие с Духами искренне поверили в меня.

— Поначалу они как раз сомневались более других. Но когда увидели тебя и услышали твои речи, сразу же ощутили исходящую от тебя могучую духовную силу. Поэтому они поверили в тебя так же, как я. Думаю, ты будешь всегда пользоваться их поддержкой. Однако помни: настроение толпы изменчиво, а вожди всегда завистливы к чужой славе. Тебе придется постоянно опасаться предательства. Я считаю, ты проявил излишнюю снисходительность к Импабе. Конечно, этим своим поступком ты приобрел определенное влияние, но



боюсь, наступит время, когда ты горько пожалеешь об этом. Предательство нужно безжалостно искоренять. Если позволишь изменившему не заплатить за это жизнью, предательство разрастется вокруг тебя подобно сорной траве.

— Учту, — мрачно сказал Хаэль. — Но я хочу спасти народ, а не становиться тираном.

— Это цена, которую придется заплатить. Думаю, ты взвалил на плечи тяжелейшую ношу, когда-либо выпадавшую на долю смертного. И ты не должен уклоняться от суровых обязанностей, предназначанных тебе судьбой. Помни: мудрый правитель всегда правит строго. Слабый правитель — большая опасность для своего народа, нежели тиран.

— Я знаю. И сделаю все, что должен совершить.

Хаэль оглядел громадный лагерь. Огни костров простирались насколько хватало глаз. Теперь это был его народ. Он, Хаэль, перестал быть изгоем.

— Я всегда так поступал, — закончил юноша свою речь.

* * *

Когда Хаэль вернулся в деревню Диэны, мэтва не только встретили его с искренней радостью, но и с облегчением вздохнули, узнав, что все соплеменники невредимыми вернулись из логова их давних врагов. Огромное изумление вызвало стадо в сотню голов кабо, что пригнал с собой Хаэль. Животных сопровождали несколько мальчишек-амси, изо всех сил пытавшихся скрыть беспокойство, испытываемое ими в стане противника.

— Надо будет позаботиться о выпасе животных, — сказал Афрам. — И побеспокоиться о том, куда пристроить на жительство этих мальчишек.



Он похлопал Хаэля по плечу.— А теперь пошли в мой дом. Мне кажется, кое-кто не прочь поскорее повидаться с тобой.

Хаэль не стал медлить. Бросив поводья одному из молодых мэтва, он поспешил к дому. Его копье теперь украшали роскошные ветвистые рога, перевитые гирляндами цветов. Диэна ждала его у дверей дома, и они крепко обнялись. Потом юноша несколько отстранился и оглядел женщину. Молодость и жизненные силы победили страдания и перенесенные лишения. Диэна выглядела великолепно. Она так и светилась здоровьем, а в глазах ее плясали задорные огоньки.

— Не могу поверить! — воскликнул Хаэль.— Ты стала еще прекраснее, а я думал, что это просто невозможно!

— Я так боялась, что больше никогда не увижу ни тебя, ни отца. Как все прошло?

— Даже лучше, чем я рассчитывал. День только начинается, ты не хочешь пройтись по лесу? Хватит у тебя сил на дальнюю прогулку?

Она рассмеялась.

— Я совсем поправилась еще несколько недель назад, но мать все не верила. В конце концов мне это страшно надоело, и я посоветовала ей подыскать какого-нибудь больного, если уж ей так необходимо с кем-нибудь нянчиться. Так что я просто умираю от желания прогуляться в лесу!

Юноша взял ее за руку и повел к небольшой долине, что раскинулась за холмами, на которых стояла деревня. Заметив кабо, Диэна вскрикнула от изумления — она никогда не видела такое множество этих животных в одном месте. Хаэль был тронут выражением ее лица, освещившегося радостью. Он не уставал восхищаться красотой женщины с



того времени, когда нашел ее, полумертвую, высоко в горах. Глядя на нее теперь, подивился, как прежде мог считать красавицей Шазад. Юноша мотнул головой, отгоняя воспоминания о жрице, способные легко омрачить его светлое настроение.

Идя рука об руку по узкой тропинке, петляющей среди долины, они почти не разговаривали. Ручей, звонко журча, перекатывался через камни. Мошака лениво жужжала над маленькими запрудами. Днем воздух был еще теплый, но по вечерам становилось все прохладней. Осень уже тронула желтизной края листьев.

На Диэне было длинное платье из яркой ткани в клетку, на плечи для защиты от вечернего холода наброшен плотный зеленой плащ. Она ходила босиком и там, где тропа терялась среди валунов, перепрыгивала с камня на камень с уверенностью и ревностью молодого горного криворога.

К полудню они оказались у гребня холмов в чашеобразной впадине, откуда брал начало ручей. Вытекая из расщелины в покрытых мхом скалах, он образовывал маленький пруд, переливался через край скалы и низвергался в долину. Защищенная от ветра впадина позволяла расти здесь прекрасным цветам и деревьям, что лениво погружали склоненные ветви в медленно кружашую воду. Сюда приходили на водопой лишь мелкие животные, обитавшие в основном на ветвях деревьев, и потому не стоило опасаться хищников. Когда Хаэль и Диэна подошли к берегу пруда, какая-то маленькая тень метнулась и мгновенно исчезла в зарослях кустарника.

Они присели на заросший мхом берег. Юноша обнял спутницу за плечи. Они застыли в долгом поцелуе. Затем Диэна несколько отстранилась и сказала:



— Я так долго тосковала по твоим рукам, Хаэль.

— Раньше нельзя было,— прошептал он.— В дороге, в деревне биалла и затем, по пути сюда, ты была еще не совсем здорова. А когда мы приехали в деревню, твоя мать вела себя подобно дракону, оберегающему драгоценный клад. Потом я должен был повести вождей на встречу с амси...

— Что ж,— улыбнулась женщина,— теперь все позади. Я здорова, как нуск, ты здесь, со мной, а вокруг — ни души.

Они снова прижались друг к другу, и на этот раз их поцелуй оказался более долгим и страстным. Теперь уже Хаэль смущенно оторвался от ее губ. Юношу била дрожь.

— Я весь потный и с ног до головы покрыт пылью после долгой дороги. Как ты меня терпишь?

Диэна рассмеялась.

— Ну, мне казалось, ты имел возможность убедиться, что я могу вынести многое. Кстати, против пота и пыли есть отличное средство.

Она махнула рукой в сторону воды, игравшей рябью возле их ног. Улыбнувшись, он стянул через голову рубаху.

— А ты присоединишься ко мне?

Женщина тоже поднялась на ноги.

— Прошло уже много лет с тех пор, как я в последний раз здесь купалась. Отличное место: ровное песчаное дно, и вода не слишком холодная.

Юноша прыгал на одной ноге, стягивая с другой мягкий ботинок. Когда Диэна сбросила плащ и развязала шнурок, стягивающий ворот ее платья, он застыл на месте. Она сбросила одежду и стояла, глядя, как Хаэль возится с завязками своих штанов,— его пальцы словно одеревенели, лишившись обычной ловкости и проворства.



Хаэль вспомнил храм богини любви, который видел в Наве. Великолепное тело богини казалось ему теперь безобразным по сравнению с прекрасной картиной, представшей его глазам. Тело Диэны было столь же совершенным, как и ее лицо. У нее была стройная шея и широкие плечи, выпуклые полукружия твердых грудей с торчащими розовыми сосками, колеблющимися при каждом ее вздохе. Тонкая талия плавным изгибом переходила в длинные женственные бедра. Округлая чаша живота заканчивалась золотисто-коричневым треугольником. Онемевший от восторга Хаэль не мог отвести взора от ее точеных коленей. Он никогда не думал, что его может так взволновать вид женского колена.

— Кажется, тебе нужно помочь?

Подойдя к юноше, Диэна отстринила его руки, кончиками пальцев быстро развязала шнурки, стягивающие его штаны и набедренную повязку. Когда женщина выпрямилась, ее соски коснулись его груди.

Несмотря на кажущуюся небрежность ее движений, Хаэль заметил что они напряглись от возбуждения. Шкура ночного кота скользнула вниз. Дыхание Диэны участилось. Резко повернувшись, она взяла юношу за руку и потянула к пруду.

Сперва вода показалась им холодной, но даже будь она ледяной, они бы все равно не отступили. Когда вода достигла талии женщины, Хаэль вздохнул — одновременно с разочарованием и облегчением.

— Ныряй, — сказала Диэна.

— Что?

— Я говорю: ныряй. Мне хочется, чтобы ты стал чистым.



Юноша послушно сделал глубокий вдох и погрузился в воду. Нырнув, открыл глаза. Сквозь расплывчатую дымку он видел соблазнительные изгибы ее бедер и темное пятно между ними. Хаэль, отплевываясь, вспыхнул и откинул волосы. Теперь Диэна тоже погрузилась в чистую воду. Всплыла она с полными пригоршнями речного песка. Женщина принялась тереть его плечи и грудь, счищая въевшуюся в кожу грязь. Ее прикосновения волновали и возбуждали юношу.

— Повернись, — приказала Диэна. Хаэль повиновался, и она принялась за его спину.

Ее руки порхали по всему его телу — плечам, талии, упругому животу. Потом она коснулась его ягодиц, и колени Хаэля дрогнули. Когда ладони Диэны заскользили по внутренней стороне его бедер, он обернулся и обхватил ее за талию. Юноша боялся, что вот-вот потеряет остатки самообладания. Диэна поняла это. Ее глаза шаловливо блеснули, когда он отвел ее руку.

Набрав в ладони воды, она брызнула на его волосы, потерла их и отжала, завязав в толстый бронзовый узел. Его тело было до того чистым, что кожа поскрипывала, и Диэна с удовлетворением оценила свою работу.

— Вот, — сказала она, — теперь ты можешь обнажать меня, ничего не опасаясь.

Женщина обняла Хаэля и страстно его поцеловала. На этот раз, когда их губы встретились, ее язычок скользнул в рот юноши. Он прижал ее к себе и почувствовал, как в такт бьются их сердца. Оторвавшись от губ Диэны, он провел языком по ее горлу вниз, к груди. Его губы обхватили сперва один сосок, затем другой, сжимая их нежно, но сильно.



Руки скользнули вниз по ее спине, обхватили ягодицы, наслаждаясь их упругостью. Подхватив женщину на руки, он целовал ее живот и щекотал языком нежную впадину пупка.

— На берег, любовь моя! — выдохнула Диэна.— Неси меня скорей на берег!

Сейчас она показалась Хаэлю куда более тяжелой, чем тогда, на заснеженном перевале. Юноша опустил Диэну на лежавший на земле плащ. Их руки блуждали по обнаженным телам друг друга. Ладонь Хаэля скользила между ее бедер, отыскивая влажность полураскрытых потайных губ. Женщина обхватила пальцами его мужское достоинство, отвердевшее, подобно рукояти копья. Когда он прижимал ее к себе, Диэна прерывисто стонала. Юноша безумно жаждал побыстрее соединиться с ней и в то же время желал как можно дольше продлить это чудное мгновение. Теперь Хаэль понял: то, что он испытывал когда-то к Шазад, было всего лишь инстинктом, слепым вожделением самца кагга во время спаривания. А эту женщину он любил больше всего на свете, сильнее, чем он сам мог предположить. Эта мысль неожиданно заставила юношу оторваться от Диэны.

Ее глаза раскрылись от изумления.

— Что-то не так?

Хаэль с трудом овладел дрожащим голосом.

— Диэна, любимая, я хочу тебя больше, чем ты можешь себе представить. Но мне бы не хотелось походить на легкомысленного мальчишку, берущего себе женщину на ночь. Мы должны подождать, пока не поженимся.

Женщина неожиданно рассмеялась.

— Хаэль! — воскликнула она.— Ты знаешь, когда мы сможем пожениться?



— Когда? — спросил он, несколько озадаченный ее смехом.

— На празднике середины зимы! Лишь тогда мэтва справляют все свадьбы.

— В середине зимы... — протянул юноша. — Еще несколько месяцев! Пожалуй, я был не прав. Конечно, стоило бы подождать, но столько я не вытерплю!

— Это и не нужно. Ты воображаешь, что все молодые влюбленные нашей деревни голодными глазами взирают друг на друга в ожидании этого праздника? Разумеется, они сходятся гораздо раньше. А обряд в середине зимы просто скрепляет этот союз. Так что, смотри... — Она отделила от его шевелюры густую прядь волос и смешала со своими локонами. — Вот, теперь мы женаты. И не медли, любимый, войди в меня скорее, иначе я не выдержу и умру!

Склонившись над женщиной, Хаэль снова прижался к губам Диэны. Одну руку она держала на затылке юноши, другой направляла в себя его клинок. Медленно и осторожно Хаэль начал входить в нее. Голова женщины бессильно откинулась назад, с губ сорвался хриплый стон, а бедра яростно сомкнулись, когда он погрузился в ее теплую влажную глубину. Хаэль боялся, что испытываемая страсть заставит его мгновенно закончить любовную игру, но все же нашел в себе запас самообладания, и их тела стали двигаться в едином ритме, столь естественном и гармоничном, что каждый из них лишился своего «я», слившись воедино с любимым. Юноша слышал голоса духов эти мест — они то накатывали, то отдалялись в ритме его движений.

Позже, когда взошла луна, они отдыхали на земле, закутавшись в плащ Диэны. Хаэль лежал на спи-



не, а женщина положила голову ему на грудь. Он обнимал ее за талию, волосы Диэны тяжелой волной покрывали его шею и плечо. Юноша мог видеть только ее спину, восхищаясь плавным изгибом, который от впадины на талии к округлости ягодиц переходил такой великолепной дугой, что на глаза наворачивались слезы восторга. Все линии ее гибкого сильного тела были пределом совершенства — он никогда не видел ничего более прекрасного.

Юные и полные долго сдерживаемой страсти, они еще много раз занимались любовью в ту ночь, открывая тайны друг друга глазами, руками, губами — столь трепетно и нежно, как могут лишь любовники на первом свидании.

— У тебя все происходит так быстро! — шепнула ему Диэна. — Пастух, воин, моряк, разведчик, а теперь что-то вроде короля — я думаю, даже больше, чем просто король! И все за такой короткий срок. А теперь ты ведешь себя так, словно хочешь насытиться любовью на всю оставшуюся жизнь.

Хаэль улыбнулся и погладил все еще влажные ее волосы.

— Ты не показалась мне робкой или неопытной, — заметил он.

Женщина оперлась скрещенными руками о его грудь и положила на них подбородок.

— Я поняла, что нельзя ждать, ничего не предпринимая. Когда меня захватили в плен, я думала, что погибну. Когда была рабыней, мне самой хотелось умереть. И я приняла бы жалкую смерть, если бы у меня не было надежды на спасение. Поэтому я бежала — и встретила тебя. Я могла бы погибнуть в горах — свободной, но все же погибнуть. Но ты нашел меня и вернул мне веру в жизнь. Так что просто ждать не имеет смысла.



Она встала на колени и склонилась над ним, упираясь ладонями в бедра. Ее груди слегка колыхались, их соски сейчас стали мягкими, превратившись в округлые розовые пятнышки.

— Я знаю, что ты не такой, как другие мужчины. Ты становишься часто покидать меня. Ты не будешь похож на обычных мужей, что охотятся в лесу, пока их жены работают в поле, возвращаясь к ним вечером. Поэтому, пока ты со мной, я буду принадлежать тебе всем своим существом.

Озаренные лунным светом, они вернулись в деревню. По дороге Диэна спросила, что за слова он произнес, когда поднялось ночное светило. Хаэль рассказал ей о мольбе, обращенной к Луне, способной даровать прощение. Она, в свою очередь, поведала юноше о верованиях своего народа. Когда-то, в далеком прошлом, во время Катастрофы, между Землей и Луной произошла великая битва. Земля выиграла ее, поразив Луну огненными стрелами. Мэтва верили в то, что Луна первая начала сражение, поэтому нет нужды просить у нее прощения.

Хаэль подробно рассказал ей об успехе, которого он добился на встрече амси и мэтва. Однако женщина не смогла полностью разделить его радость.

— Уж слишком все легко получилось, — сказала она, покачав головой. — В том, что эти люди восхищаются тобой, сомневаться не приходится. Хорошо, что Нарайя, который верит в тебя, смог убедить остальных Беседующих с Духами. Но вожди ревниво относятся к своей власти. Ты правильно сделал, пообещав не вмешиваться в их дела, но этого, мне кажется, будет мало.

— Я тоже так думаю, — признался Хаэль. — Невозможно ты считаешь, я так глуп, чтобы полагать,



будто восторженная встреча и добрый пир сразу же сделали меня вождем двух извечно враждующих народов?

Диэна задумалась.

— Ты должен созвать совет старейшин двух народов и провозгласить себя военным вождем. Сперва тебе не следует заниматься ничем другим. Оставь прочие заботы главам племен и всегда советуйся с ними обо всем, не относящемся к войне. Дай им понять, что ты занят войском и приготовлением к битвам и тебе просто не хватает времени для иных устремлений. Кстати, думаю, это окажется довольно близким к истине.

Хаэль взглянул на нее, приподняв бровь.

— Теперь я вижу, кто будет моим первым советником!

— Хорошо, что ты это понимаешь. Можешь всегда доверять мне, Хаэль. Может быть, я буду единственным человеком, которому ты сможешь довериться полностью.

— Знаю, — вздохнул юноша. — Я понял, что, когда стану вождем, не смогу общаться с людьми как прежде.

— Больше всего, — продолжала Диэна, — я опасаюсь Импабы. Не из-за того, что он жестоко со мной обращался. Его показное поклонение тебе — лукавое притворство, он лишь ждет благоприятного момента, чтобы исподтишка нанести удар. Ты отнял у него женщину, затем унишил поражением в честном бою на глазах у самых знатных людей его племени. Но самым жестоким оскорблением было то, что ты сохранил ему жизнь. Он никогда не простит тебе этого. Дождавшись своего времени, он самым предательским образом попытается отомстить тебе, отняв твою жизнь. Причем постарает-

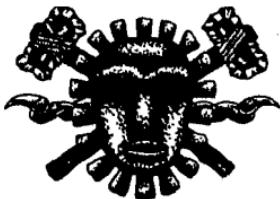


ся сделать это так, чтобы на него не упала и тень подозрения.

— Разумеется, я не доверяю этому человеку. Но в открытом бою на равных я его не боюсь, а никто из амси за ним не пойдет.

— Не знаю... Но он непременно попытается погубить тебя.

Когда они вернулись в деревню, оказалось, что их длительного отсутствия никто не заметил. Все готовились к празднику встречи вернувшихся с равнин воинов. Завтра жители других деревень сойдутся в селении, и в течение нескольких месяцев мужчины, юноши и мальчики мэтва будут учиться ездить верхом и ухаживать за кабо. Долгое и нелегкое дело, но ведь это только начало. В эти мгновения, не в силах оторвать взгляда от любимой женщины, Хаэль нисколько не страшился трудностей, ожидающих его на избранном пути.



Глава тринадцатая



сень и последовавшая за ней зима были долгими и суровыми. Кабо, привыкшие к привольной жизни на равнинах, пребывали в угрюмом настроении и часто отказывались от пищи.

Ухаживать за ними оказалось довольно рискованным делом — многие мэты заработали не один укус или ощутимый удар тяжелым копытом.



Серьезные проблемы возникли с седлами для верховых животных. Их изготовление требовало подлинного искусства. По-настоящему отличные седла делались только в городах южных королевств. До того, как смогут закупить достаточное их количество или научатся делать их сами, мэтва довольствовались кожаными попонами, которые они перекидывали через спину кабо и привязывали плетеными подпругами. Езда без седла, помимо всего прочего, давала возможность приобрести уверенную посадку.

Многие жители деревень были недовольны тем, что Хаэль отрывает молодых мужчин и юношей от чрезвычайно важного дела — добывания пищи, столь необходимой в голодные зимние месяцы. Хаэлю пришлось выдержать множество продолжительных бурных споров, во время которых он как можно более убедительно пытался доказать, что выездка кабо и обучение воинов держаться в седле — как раз и является первой жизненной необходимости.

Однако немало было и радостных мгновений. Когда появился первый приплод кабо, люди со всех окрестных деревень собрались, чтобы поглядеть на безрогих тонконогих созданий, тыкающихся влажными носами в животы матерей в поисках молока. Наблюдая это трогательное зрелище, даже самые убежденные противники Хаэля светлели лицами.

Большинство юношей, обучившихся ездить на кабо, приобрели неодолимую страсть к верховой езде. Когда пригнали новых животных, многие молодые люди не захотели вернуться в свои родные деревни и занялись обучением новичков. Мальчишки амси быстро освоились в деревнях и стали требовательными и жесткими наставниками, обучая мэтва



уходу за кабо, показывая, как их чистить, седлать, кормить, поить, лечить, передавая множество других навыков, необходимых, чтобы животные оставались здоровыми, послушными и плодовитыми.

Однажды из отдаленной деревни прибыл мастер, пожелавший увидеться с Хаэлем. Из его рук юноша получил удивительный лук, отличающийся от прежнего оружия, которым пользовались мэтва. Этот лук был длиной примерно в половину человеческого роста и очень тугой — с ослабленной тетивой он сгибался почти что в кольцо.

— Много лет назад я видел лук, похожий на этот, — сказал мастер. — Такое оружие делают далеко на севере, в Замерзших Землях. Там растут хвойные леса, а их древесина мало подходит для луков. Тамошние обитатели выходят из положения, используя множество деталей из рога. На севере умеют варить очень крепкий клей. Поскольку луки короткие, они сильней изогнуты, а концевые закругления дают стреле дополнительный толчок. Когда я услышал, какое оружие ты хочешь иметь, я попытался повторить работу северян. Этот лук очень крепкий, он предназначен для военных действий. Изгиб я сделал даже более крутым, чем на том северном луке. Первые три лука, которые я сделал, сломались или треснули, но, похоже, мне удалось в конце концов добиться нужного изгиба, к тому же я сварил подходящий клей.

— Посмотрим, на что он годен, — сказал Хаэль и велел мальчишке привести его кабо.

Остаток дня он опробовал оружие на разных аллюрах кабо, стреляя по мишениям различного размера. Натягивать короткий лук было труднее, чем длинный, но во всех остальных отношениях он гораздо лучше подходил для верхового стрелка. Не-



большая длина позволяла легко управляться с оружием, сидя в седле. Глаза Хаэля блестели от удовольствия, когда он опускал лук и видел, что стрела попадала точно в мишень.

— Это именно то, что нам нужно! — с благодарностью сказал он мастеру. — Сколько таких луков ты можешь сделать?

— Ну, работа большая, так что...

Хаэль не дал ему договорить.

— Нам придется собрать лучников со всех деревень. Ты сможешь научить остальных делать такие же луки?

— Сумею, наверное... Но, без ложной скромности скажу, что более других искусен в этом мастерстве. Правда, такие луки кое в чем похожи на те, что мы делали раньше. Может быть, через несколько лет...

— Я не могу ждать несколько лет! — Хаэль быстро что-то прикинул в уме. — Вот что: мы устроим здесь огромную мастерскую по изготовлению луков. Ты станешь главным мастером. Мы подберем все необходимые материалы, и ты возьмешь столько учеников, сколько потребуется. Ты обучишь мастеров из других деревень делать такие луки, и они смогут делать их у себя дома. Как, справишься?

— Но никто никогда... Я имею в виду... Дело в том... — Протесты мастера быстро угасли, как только он взглянул в лицо этого странного, энергично-го и целеустремленного человека. В конце концов он беспомощно пожал плечами: — Я согласен....

Хаэль хлопнул его по спине.

— Прекрасно! Мне по вкусу, когда человек приходит к верному решению, не вступая при этом в длительные занудные споры.



Перед Хаэлем стояла еще одна серьезная проблема: как оказаться наедине с Диэнной. Длинные дома мэтва всегда были полны народа, так что в деревне такой возможности не представлялось. Если они могли улучить несколько свободных часов, то отправлялись в лес. Когда похолодало, Хаэль соорудил в лесу маленькую хижину, похожую на те, что он строил в лагере шасиннов. Вскоре, однако, стало слишком холодно даже под ее крышей.

Им казалось, что праздник середины зимы никогда не наступит. Однако этот день все-таки пришел. Сопровождаемые на редкость непристойными шутками, пары нарядно одетых влюбленных събрались в длинном доме. У многих невест, украшенных лентами и гроздьями зимних ягод, под платьями заметно круглились животы. Обряд проходил на восходе солнца в самый короткий день года, распоряжался староста деревни. У мэтва было очень мало Беседующих с Духами. Они не присутствовали на свадьбах, хотя иногда нарекали младенцев именами и участвовали в похоронах.

Вождь обратился к молодым с коротким напутственным обращением. Затем замужние женщинысыпали их высушенными лепестками цветов и обрызгали молодым вином. Праздник начался, когда солнце взошло над горизонтом. Помимо того, что в этот деньправляли разом все свадьбы, праздник середины зимы был еще и прекрасным поводом уничтожить все запасы продуктов, не подлежащих долгому хранению.

Последующие месяцы были очень холодными, с пронизывающими ветрами и обильными снегопадами. Мужчины каждый день выходили на охоту, но добыча была скучной. Животных в это время года добывали скорее не для мяса, а ради пышных зим-



них шуб, которые весной меняли на различные товары. Хаэль принял решение приобрести в обмен как можно больше кабо и снова столкнулся с серьезным сопротивлением мэтва, которые по-иному намеревались воспользоваться своей добычей. Однако Хаэль настаивал, справедливо полагая, что, имея кабо, они добудут и прочие богатства.

Много труда уходило на поиски корма для животных. Отряды мэтва заходили очень далеко, расчищая огромные заснеженные поля, чтобы добыть сено. Занятие это было изнурительным, но тем не менее к концу зимы их маленькое стадо увеличилось на два десятка голов. Молодые амси были поражены тем, что почти все жеребята выжили и за суворую зиму погибло совсем немного взрослых кабо. Они объясняли это тем, что Хаэль владеет особой магией животных, причем сам он не оспаривал подобное мнение. Каждую свободную минуту он старался проводить возле своих любимцев.

Когда позволяла погода, юноша продолжал обучать мэтва стрельбе из лука со спины кабо. Из деревни Широкого Листа и нескольких окрестных селений он набрал небольшой отряд воинов, которым впоследствии предстояло обучать новичков. В нем было пять десятков лучших стрелков, овладевших верховой ездой. Хаэль был уверен, что эти люди сохранят ему преданность. Он решил: как только наступит весна, отвести их на равнину. Для этого было несколько веских причин.

Юноша хотел, чтобы мэтва приобрели опыт взаимоотношений с амси. Вся их жизнь до сих пор была неразрывно связана с деревнями, поэтому Хаэль считал полезным, чтобы они побывали в местах, не похожих на их родные холмы. Кроме того, ему все еще не хватало кабо. Естественный прирост пого-



ловья был слишком медленным. Однако амси не выказывали особого желания расставаться со значительным числом своих животных. Если бы Хаэль потребовал больше, то мог бы подорвать свою пока еще хрупкую власть над кочевниками.

Амси говорили ему, что по равнине бродят стада диких кабо. Это были в основном домашние животные, сбежавшие от хозяев и смешавшиеся с дикими стадами: выродившиеся упрямые особи. Однако амси уверяли, что через несколько поколений они станут прежних размеров и всего за пару лет их можно выдрессировать в отличных верховых животных. Хаэль предполагал отправиться со своим отрядом на охоту за дикими кабо.

Когда на вершинах холмов растаял последний снег, Хаэль велел своим людям седлать скакунов. Он выбрал из стада здоровых и сильных животных, однако не самых лучших статей. Юноша надеялся, что вернется с гораздо большим числом кабо. Некоторые воины из его отряда были вооружены новыми короткими луками. Хаэль рассчитывал, что в скором времени такие луки будут у всех его людей, но мастеров не следовало слишком торопить. Изготовление такого сложного оружия было ответственным и требующим чрезвычайной точности делом. Даже самое горячее нетерпение не заставило бы быстрее затвердевать скрепляющий детали луков клей. К следующей весне — к сожалению, не раньше — он вооружит этими луками всех своих воинов.

Когда Хаэль уже готовился вскочить в седло, появилась Диэна, которая принесла ему запасную смену одежды.

— Ты должен вернуться к концу лета, — сказала она, пока он укладывал сверток в седельную сумку.



Лицо женщины сияло, а живот под длинным платьем в красно-синюю клетку уже слегка окружился. Хаэль обнял и поцеловал жену.

— Неужели ты думаешь, что я смогу пропустить появление на свет нашего первенца? Да если потребуется, я восстану для этого из мертвых!

По ее лицу пробежала тень.

— Не говори так! Главное, чтобы ты вернулся живым и невредимым.

— Торжественно обещаю тебе это,— сказал Хаэль, припадая к ее губам в последнем поцелуе.

Он вскочил в седло. Короткий лук и стрелы в колчане были прикреплены у левой ноги, меч висел на боку, а копье — в чехле с правого бока. Копье не очень подходило для верхового боя, но юноша ни за что не хотел с ним расстаться. Только это оружие напоминало о его прежней жизни — и он не собирался от него избавляться.

Некоторые пришедшие проводить отряд жители деревни выглядели настороженно, на лицах их читалось недоверие, но большинство выкрикивало добрые напутствия и пожелания. Всадники, большей частью молодые мужчины, весело махали в ответ руками. Им уже не терпелось пуститься в путь. Хаэль тоже был рад предстоящему походу. Настроение омрачала лишь скорая разлука с Диэнной. Последние недели перед отъездом он был настолько занят самыми разнообразнейшими хлопотами, что голова у него шла кругом. Хаэль обнаружил, что ему все с большим трудом удается заставить себя жить в одном доме со множеством посторонних людей. А это было неизбежно, особенно во время сильных снегопадов, когда никто не высывал носа наружу. Эта зима показалась ему еще более тягостной, чем та, которую он провел с кара-



ваном Шонга, ожидая, когда откроются горные перевалы. В основном из-за того, что здесь его ждали неотложные дела, которыми невозможно было заняться в зимний сезон. Душа Хаэля по-прежнему тосковала по просторам его родного Острова, где люди большую часть времени проводили на открытом воздухе.

Теперь, двигаясь на кабо к открытым равнинам, он чувствовал себя как человек, выпущенный на волю из тюремной камеры. Если бы Диэна могла сопровождать его, счастье Хаэля было бы полным. Кабо тоже повеселели, когда поняли, что возвращаются обратно на равнину. Они фыркали и возбужденно вертели рогатыми головами, ловя чутками ноздрями ветер с низин.

Поскольку люди и кабо ослабли после затяжной зимы, Хаэль приказал, чтобы в первый день ехали не особенно быстро. Лагерь разбили, когда солнце еще не коснулось горизонта.

В конце первого дня похода они достигли пологого взгорья, отделявшего холмы от лугов. Разбив лагерь, мэтва выставили охрану и проверили копыта и спины своих животных, и только потом разожгли костры. Во время дневного перехода охотники добыли немного мелкой дичи, и теперь их выпотрошенные тушки жарились над огнем.

Хаэля радовала открывавшаяся его взору картина. Он считал, что такая жизнь придется по вкусу большинству юношей, и немногие из них пожелают вернуться к оседлой жизни в деревнях — заниматься охотой, ставить силки на дичь, собирать небогатый урожай на каменистых землях холмов.

Вернувшись домой, долгими зимними вечерами станут они рассказывать о своих необыкновенных приключениях. К следующей весне, без всякого



сомнения, все молодые мужчины воспользуются возможностью присоединиться к ним. А со временем... Хаэль отогнал радужные мысли. За один раз нужно делать один шаг, не более. Малк объяснил ему в свое время, что каждое морское путешествие начинается с относительного бездействия, когда устанавливается порядок повседневной жизни на корабле. Ознакомиться с судном необходимо даже опытному моряку. Теперь главной заботой Хаэля было благополучно миновать подобное время: его маленький отряд, люди и животные, должны привыкнуть друг к другу.

На третий день пути и люди, и кабо несколько окрепли. Хаэль послал нести дозор впереди отряда и по его флангам тех, кто более уверенно держался в седле, умев в то же время ориентироваться на широких просторах равнины. Эти люди должны были также добывать дичь для пропитания отряда. Хаэль объяснил, что не стоит бить тех животных, которых приходится долго разделять, чтобы приготовить. Поскольку в это время года равнины были заполнены кочующими стадами, выбор охотникам представлялся довольно широкий.

Хаэль начал понимать, что жизнь предводителя далеко не так спокойна и беззаботна, как это может показаться со стороны. Шли дни, отряд благополучно продвигался вперед, и все же у юноши имелись сотни поводов для беспокойства. Теперь он уже не мог беззаботно наслаждаться свежим ветром, колышущим зеленое море травы,— зрелище, которое всегда приводило его в восторг. Сейчас оно в первую очередь наводило на мысль, что в траве могут прятаться подкрадывающиеся к людям хищники. Приходилось помнить даже о безвредном для человека рогоносе: попади кабо копы-



том в его норку, и переломал бы себе ноги. Люди неплохо ладили друг с другом, пока между ними не возникало неизбежного соперничества и споров, которые Хаэлю пришлось бы разрешать.

Встречаясь здесь, на равнине, с мчащимися галопом отрядами амси, жители холмов замолкали в тревожном ожидании и поглядывали на своего предводителя.

Одетые в шкуры воины равнин неизменно проявляли к Хаэлю должное уважение. На их свирепых разрисованных лицах всегда держалось почтительное выражение, но вот на мэтва они поглядывали с едва скрываемым презрением и настороженностью, что не ускользало от внимания людей Хаэля. Под бесстрастными масками кочевников таилась враждебность. Юноша сообщил, что собирается искать диких кабо. Амси обещали послать гонцов, если найдут такое стадо.

Людям Хаэля нравилось в путешествии далеко не все. Их поражало обилие водящейся на равнинах дичи, которую можно было легко подстрелить со спины кабо. Однако вскоре обнаружилось, что над большими стадами вьются гигантские тучи гнуся. Еще больше неудобств доставляла нехватка топлива для костра. Вместо дерева приходилось жечь высущенный навоз кабо. Тем не менее скоро путники привыкли к этому — во всяком случае, никто не ворчал и не высказывал желания вернуться в родную деревню.

К концу третьей недели Хаэль почувствовал, что его люди прекрасно приспособились к походной жизни. Но для того чтобы превратиться в сплоченный военный отряд, им не хватало боевого опыта. Конечно, намеренно искать возможности ввязаться в какую-нибудь стычку он не собирался. Хаэль счи-



тал, что опыт — дело наживное, а сейчас вполне можно довольствоваться тем, что мэтва все увереннее держатся в седлах. Пока их силы были невелики, и, если потерять людей в первом бою, до второго, возможно, отряд и не продержится. Кроме того, врагов у них сейчас не было. Однако это положение, как прекрасно отдавал себе отчет Хаэль, могло в любой момент измениться.

Однажды утром Хаэль проснулся еще до рассвета. Дозорный подбрасывал ветки в костер. Воздух был свеж от выпавшей росы, запах дыма смешивался с запахом животных. Хаэль поднялся со своего ложа и отошел недалеко от лагеря, удостоверившись сперва, что приставленный к кабо человек аккуратно несет свою службу.

Заметив поблизости небольшую возвышенность, Хаэль поднялся на ее вершину, намереваясь осмотреть оттуда окрестности. Уже рассвело, видимость была великолепная. Лагерь лежал перед ним как на ладони и казался совсем крошечным среди бескрайнего простора равнин. Чуть дальше паслись стада ветвирогов и криворогов. Начинали свою утреннюю охоту птицы-убийцы. Далеко на западе клубились огромные тучи — отзвук сильного урагана, днем раньше взволновавшего воды западного океана.

Хаэль подумал о Малке и других моряках, плававших сейчас, быть может, по опасному морю. Когда на востоке взошло солнце, он вдруг почувствовал себя как в юности, когда присматривал за стадами своего племени. Глядя на удивительное многообразие жизни, он ощущал могучую духовную силу земли. На несколько мгновений Хаэль ощутил себя центром мироздания.

Он оторвался от воспоминаний, заметив фигуру всадника, скачущего по степи к их лагерю. Без



всякого сомнения, это был амси. Хаэль поспешил к лагерю, желая оказаться там раньше, чем этот человек. Его люди были уже на ногах. Зевая и потягиваясь, они отрезали куски жареного мяса, оставшегося после вечерней трапезы. Хаэль подозревал пятерых своих десятников.

— Сейчас сюда приедет всадник, — сказал он им. — Возможно, это гонец от амси с новостями, которых мы ждем.

Все с волнением ожидали прибытия верхового. На лице въехавшего в лагерь человека блуждала высокомерная улыбка. Взгляд его был прикован к Хаэлю. Похоже, он участвовал на своем веку не в одной битве. Лицо его было покрыто множеством шрамов, волосы росли на голове какими-то клочьями — не исключено, что в свое время он лишился скальпа. Еще у него не хватало одного уха. Когдато прекрасно выделанные шкуры его одежды теперь почернели и заскорузли от грязи, дыма и засохшей крови. Всадник натянул поводья, остановив кабо перед Хаэлем.

— Приветствуя тебя, Предреченный! — воскликнул он, поднося к глазам тыльную сторону ладони. — Меня зовут Дено, я из племени Голубой Реки южных амси. Мой отряд обнаружил в двух днях пути на юг отсюда большое стадо диких кабо в три или четыре сотни голов. Мы слышали, что вы ищете диких кабо, и мой командир послал меня, чтобы я проводил вас к этому месту.

Хаэль почувствовал небывалое воодушевление.

— Ты уверен, что эти животные нам подойдут? Дено криво улыбнулся.

— Отлично подойдут! Вожак стада очень крупных размеров. Скорее всего, это одичавший любимый скакун какого-нибудь вождя. Все его потомки



станут отличными ездовыми кабо, даже если их матерью будет коротконогая приземистая самка. Более мелких самцов,— он пожал плечами,— ты можешь кастрировать и приучить к седлу. На них удобно обучать верховой езде ребятишек.

Хаэль, широко улыбнувшись, повернулся к своим людям.

— Заканчивайте побыстрее с едой, проверьте животных и потушите костры. Мы выступаем немедленно!

Его люди быстро завершили все дела: Хаэль остался доволен их проворством. Он проследил, чтобы все костры были тщательно загашены, но этому мэтва не надо было учить. По извечной привычке лесных жителей, они всегда очень осторожно обращались с огнем. На равнинах пожар мог принести еще большую беду, чем в лесах — за несколько часов пламя выжигало огромные пространства. Амси сурово наказывали тех, кто небрежно обращался с огнем.

Когда все оказались в седлах, Дено поехал вперед. Похоже, ему не особенно нравилось общество мэтва. Рядом с Хаэлем ехал один из его десятников. Это был Хоша, вождь из деревни Вьюнков.

— Мне не нравится этот высокомерный грубиян, вождь,— заметил он, нахмурив брови.

— А вообще кто-нибудь из амси тебе нравится? — спросил Хаэль.

— По правде говоря, нет... Но этот выглядит так, словно участвовал в сотне битв — и проиграл каждую из них. Он обращается к тебе вроде бы с уважением, но за ним легко читается желание оскорбить. Не доверяй этому человеку!

— Я буду осторожен. Однако он один и не может быть опасен. Возможно, он на самом деле никчем-



ный человек, тогда понятно, почему вождь послал его к нам. Его отряд не понесет большой потери, если этим воином полакомится меховая змея.

Казалось, Хашу не слишком устроило такое объяснение, но больше он ничего не сказал.

Весь день они двигались на юг. Когда мэтва разбили на ночь лагерь, Дено отъехал в сторону и устроил стоянку отдельно от других. Хаэль нашел это весьма странным, но, возможно, этот амси просто не желал ночевать в стане своих извечных врагов.

Следующий день прошел без происшествий. На утро третьего дня Дено подъехал к Хаэлю.

— Теперь мы уже близко к цели. Сегодня найдем этих кабо.

— Отлично,— сказал Хаэль.— Мне хотелось бы поймать побольше животных.

— Это несложно,— заверил его Дено.— Главное — заарканить их вожака. Остальные пойдут за ним туда, куда ты его поведешь.

Поздним утром они увидели всадников амси. Они галопом мчались к отряду Хаэля, улюлюкая, завывая и размахивая оружием, что, несомненно, означало их мирные намерения. Дено бросил на них мрачный взгляд, но ничего не сказал.

Молодой вождь амси, одетый в роскошные белые шкуры, улыбаясь, подъехал к Хаэлю. Его волосы были заплетены множеством мелких косичек, в уши продеты кольца из золотой проволоки.

— Приветствую тебя, Обладающий Силой! — крикнул он.— Я видел твою схватку с Импабой. Мое имя — Твила, помощник вождя. Наш отряд Двух Скал из северо-западных амси. Мы слышали, что вы ищете диких кабо.

— Я помню тебя,— ответил Хаэль.



Эти амси не выказывали к его людям открытой враждебности. Он сказал Твили о том, что сообщил им Дено.

Тот нахмурился.

— Странно, мы не видели никаких кабо. И что-то раньше юго-восточные амси не забирались в это время года так далеко на север.

Дено взглянул на него, злобно осклабившись.

— В прошлом году мы добыли на юге много бронзы. Поэтому рано отправились на север, чтобы закупить лучшие зимние меха. Если вы не видели стада, так потому, что вы, племена северо-запада, больше заботитесь, как бы покрасоваться, а не о том, чтобы как следует научиться ездить верхом и охотиться.

Он бросил презрительный взгляд на богатую одежду Твили. Тот вспыхнул.

— Из уважения к Предреченному я пока оставлю без ответа твое оскорбление. Но мы еще встретимся на ярмарке в середине лета. Думаю, нам удастся продолжить спор во время поединка.

Дено усмехнулся.

— Не сомневайся, я не забуду твоего вызова! — После чего обернулся к Хаэлю: — Мы едем или нет? Если будем медлить, отыщем кабо только к вечеру.

Хаэль попрощался с молодым вождем, и они продолжили движение на юг. На сердце у юноши было неспокойно. Он предчувствовал, что его отряд может оказаться в серьезной опасности, хотя и был уверен, что никто из амси не осмелится напасть на них. Все выяснилось довольно скоро.

В жарком полуденном мареве Хаэль видел Дено, ехавшего далеко впереди дозорных. Перед ними была возвышенность — длинный хребет, понижающийся с юго-востока на северо-запад. За ним, как



сообщил Дено, равнину прорезала река. Они должны обнаружить кабо между хребтом и рекой.

Через несколько минут, когда Хаэль и основной отряд достигли вершины хребта, они увидели, что дозорные пребывают в замешательстве и недоумении. И — никаких признаков Дено.

— Куда делься этот амси? — спросил Хаэль.

— Не знаем, — растерянно ответил один из разведчиков. — Он был на расстоянии трех выстрелов от нас, когда перевалил через хребет. Но, когда мы доехали до этого места, обнаружилось, что он исчез без следа. Должно быть, пустил кабо галопом, как только скрылся с наших глаз.

Хаэль внимательно огляделся. Впереди виднелась река — узкая полоска воды на дне неглубокой долины. Течение реки во многих местах размыло почву долины, и низкие холмы были разделены небольшими заводями. Животные, привлеченные водой и растущей около нее сочной травой, водились здесь в изобилии. На болотах вдоль пойм реки было полно птиц.

— Кабо! — выкрикнул вдруг один из разведчиков, указывая рукой вдаль. Напрягая зрение, можно было различить у одного из невысоких холмов полдюжины животных.

— Они спускаются на водопой, — сказал Хаэль. — Остальное стадо, должно быть, за этим холмом. Возможно, Дено отправился туда. Будем двигаться медленно и осторожно: нельзя их спугнуть.

Отряд спустился по склону. Хаэль приготовил свой аркан, предварительно убедившись, что петля завязана надежно. В первую очередь он хотел поймать вожака, однако крупных животных среди кабо не было. Юношу не покидало чувство тревоги по поводу внезапного исчезновения Дено.



— Смотрите! — закричал Хоша.

Все увидели большой отряд всадников: они окружали холм, издавая пронзительные вопли и размахивая пиками, дубинками и топорами. Мэтва разразились проклятиями. Они слишком поздно поняли, что кабо у реки были приманкой. Подготовленная ловушка захлопнулась.

— Натягните луки! — приказал Хаэль.

Разъяренный Хоша повернулся к юноше.

— Значит, ты утверждаешь, что амси — наши друзья? Похоже, нас действительно ждет теплая встреча!

Хоша попытался натянуть тетиву лука, но первая попытка не удалась. Стрелять со спины кабо было весьма сложным делом. Хотя Хаэль изматывал своих людей длительными тренировками, волнение, испытываемое перед первым настоящим боем, лишило сейчас их руки обычной ловкости.

Хаэль был совершенно ошеломлен. Какое-то время он просто не понимал, что происходит. Как могли амси, признавшие его Предреченным вождем, повернуть против него оружие? Внимательнее приглядевшись к приближавшимся всадникам, он вдруг увидел среди них людей в туниках из легкой ткани. На некоторых были замызганные одеяния из перьев.

— Это не амси! — воскликнул Хаэль. — Во всяком случае, не только амси.

Хоша спустил наконец тетиву.

— Наверное, ты прав. Взгляни на тех двоих, — он указал зажатой в пальцах стрелой на всадников, одетых в яркие штаны и рубахи. — Они похожи на мэтва.

В его голосе слышалось такое же недоумение, какое испытывал и Хаэль. Теперь можно было раз-



глядеть, что все всадники одеты в разномастную, большей частью потрепанную одежду.

— Дикари-изгои! — определил Хаэль. — Я встречал таких на моем родном Острове. Изгнанные из своих племен в любой стране становятся разбойниками, чтобы не сдохнуть от голода.

— Кем бы они ни были, — заметил Хоша, — их вдвое больше, чем нас.

— Придержите свой пыл, — приказал Хаэль. — Не стреляйте, пока не будете уверены, что попадете. И цельтесь только в людей. Эти кабо нам еще пригодятся!

Хоша и остальные взглянули на него с изумлением.

— Ты сошел с ума? Кабо — куда более удобная цель, чем человек. Всадник беспомощен, когда животное под ним убито!

— Вы прекрасно слышали, что я сказал! — рявкнул Хаэль.

Даже естественный страх мэтва перед битвой с превосходящими силами противника отступил, когда редко повышающий голос Хаэль отдал резкий приказ.

— Мы сделаем, как ты хочешь, вождь, — склонил голову Хоша.

Налетчики уже почти достигли хребта. Мэтва растянулись широкой дугой, чтобы не мешать друг другу целиться. Теперь Хаэль разглядел, кто был предводителем нападавших. Не узнать массивную неуклюжую фигуру, высившуюся на спине кабо, было невозможно.

— Импаба! — сказал Хаэль — скорее себе, чем другим.

Несмотря на гнев, он испытывал даже что-то вроде восхищения этим мерзяцем. Импаба непло-



хо продумал свои действия! Зная, что амси никогда не осмелятся напасть на Хаэля, он притворился его верным сторонником. А сам тем временем собрал эту стаю алчных хищников и выжидал удобного случая для нападения. Хаэль сам подарил ему эту возможность, прибыв на равнины с небольшим отрядом. Если этому негодяю повезет, он, Хаэль, скоро будет мертв. И амси никогда не узнают о предательстве Импабы!

— Стреляйте! — скомандовал Хаэль.

Его люди, отступив назад, разделились на две группы, позволив нападавшим продвинуться вперед. Мэтва использовали довольно нехитрый маневр, но, поскольку нападавшие его не ожидали, он сработал. Очень быстро налетчики оказались под перекрестным огнем. На них посыпался град стрел мэтва. Разбойники, смешавшись, отступили. Хаэль отдал своим людям приказание сгруппироваться у реки. На краю болота они развернулись лицом к противнику, по-прежнему пребывавшему в замешательстве.

— Какие у нас потери? — спросил Хаэль.

Два человека были ранены дубинками с каменными шарами на конце, весьма опасными в ближнем бою. Еще одному копье пробило бедро. Все трое остались в седлах. Однако Хаэль приказал перевести раненых в тыл отряда и принялся обдумывать свои дальнейшие действия.

— У нас не очень выгодная позиция, вождь, — заметил Хоша. — За спиной река. Хотя это не помешало нам побить их, — мрачно усмехнулся он, оглядывая распростертые на земле тела разбойников и разбегающихся кабо без всадников.

— Хорошо, что среди них не так много амси, — заметил Хаэль. — Иначе они бы исхитрились и перед решающим броском оказались выше нас по



склону. К счастью, не все налетчики так искусны в верховой езде.

— Вожаком у них — твой старый приятель Импаба? — спросил Хоса.

— Он, — подтвердил Хаэль. — Однажды я имел глупость подарить ему жизнь и теперь расплачиваюсь за эту ошибку.

Импаба, рядом с которым находился Дено, что-то говорил налетчикам, сопровождая свою речь бурной жестикуляцией. Очевидно, он обещал своим людям, что неумелые всадники с холмов станут их легкой добычей, и те не были готовы к иному обороту событий. Следуя приказам вожака, разбойники разошлись широким полукругом и двинулись вперед. Приблизившись на расстояние выстрела из лука, они остановились. Хаэль мог различить устраивающее раскрашенное, покрытое шрамами лицо Импабы. Тот что-то сказал своим людям. Его слов не было слышно, но в их смысле сомневаться не приходилось. Налетчики пригнулись к шеям кабо, подняв щиты перед их мордами. На этот раз они не были столь уж удобными мишенями. По команде Импабы наступление продолжилось.

Хаэль знал, что его отряд не может легко маневрировать на мягкой болотистой почве. Когда мэтва снова натянули луки, у него вырвался крик: «Стреляйте по кабо!»

Слова показались горькими, как желчь, и возникли против его желания, но это было сейчас единственным возможным спасением.

Внезапно за спинами разбойников он заметил клубящееся облако пыли. Несколько налетчиков в ужасе развернули кабо. Снизу по склону к ним приближалась небольшая группа всадников во главе с молодым вождем, одетым в белые шкуры.



— Отставить последний приказ! — закричал Хаэль, от волнения пользуясь морским жаргоном. — Стреляйте в людей, да смотрите не попадите в кого-нибудь из амси!

Нагнавшие разбойников всадники отважно вступили в схватку с превосходящими силами дикарей-изгоев. Они теснили их под стрелы мэтва, которые не упустили прекрасную возможность стрелять по отличным мишням. Некоторые из людей Хаэля спешились, чтобы удобнее было целиться, стреляя на большое расстояние. Через несколько минут разбойники уже метались в полном беспорядке между двух огней. Амси кололи и рубили копьями и мечами, а стрелы мэтва с ужасающей быстротой опустошали ряды врага.

— Твой старый друг, похоже, пытается сбежать! — крикнул Хоша, натягивая тетиву.

Хаэль увидел, что Импаба повернул своего кабо и пустил его вдоль реки на запад.

— Я догоню его, — бросил юноша. — Собери людей и кончай с этим сбродом. Я скоро вернусь.

Мэтва проводили своего вождя громкими подбадривающими воплями. Он слышал за спиной затихающие звуки битвы, но мысли сейчас были сосредоточены на одном: догнать и убить человека, предавшего его и жестоко обошедшегося с Диэнной. На этот раз Импабе не будет пощады.

Беглец обернулся через плечо и увидел нагонявшего его Хаэля. Импаба скакал на отличном кабо, но амси был гораздо массивнее юноши, и животное, неся на спине тяжелого всадника, не могло долго выдержать стремительный бег. На всем скаку Хаэль натянул лук и выпустил стрелу, пронзившую около уха Импабы. Юноша проклял



свою неумелость: будь на его месте амсй, он легко попал бы в незащищенную шею скачущего впереди всадника. Хаэль наложил на тетиву вторую стрелу.

Импаба пригнулся к холке скакуна и забросил за спину кожаный щит. Теперь он стал крайне неудобной мишенью, к тому же легко можно было попасть в животное. В неуемном желании сохранить каждого кабо Хаэль часто доходил до крайности. Он спрятал стрелу в колчан и достал привязанное к седлу лассо.

Мало-помалу юноша настигал Импабу. Когда расстояние между ними не превышало полусотни шагов, Хаэль сделал на лассо широкую петлю и принялся вращать его над головой. Импаба низко пригибался к шее кабо, поэтому пришлось заарканиТЬ животное. Петля затянулась, и скакун повалился набок. Амси, перевернувшись в воздухе, тяжело ударился о землю. Однако он быстро вскочил на ноги, прикрываясь щитом и зажав в руке дубинку с камнем на конце.

Хаэль схватил свой маленький круглый щит и спешился, держа в правой руке копье. Ему, конечно, не хотелось терять преимущества всадника перед пешим воином, но он знал, что Импаба одним ударом может раздробить череп его кабо. Не было смысла использовать и лук — на таком расстоянии вряд ли удастся выпустить стрелу.

— Ну, иди ко мне, мальчиш, — негромко промурлыкал Импаба. — Разорвать на мелкие кусочки твое стройное тело будет даже приятнее, чем иметь твою женщину. Разумеется, она рассказывала, как все было?

— Считай себя мертвецом, Импаба, — сказал Хаэль. — Однажды я уже победил тебя. С тех пор



твоя жизнь — в моей власти. Сейчас я пришел забрать ее.

Гримаса страха исказила покрытое шрамами лицо Импабы.

— Нет у тебя никакой магической силы! Я здесь, потому что ты был настолько глуп, что не отнял у меня жизнь, когда можно было! А теперь я убью тебя!

— Будешь болтать или драться? — насмешливо спросил Хаэль.

Зарычав, Импаба бросился вперед, размахивая смертоносной дубинкой. Каждый раз, когда он наносил удар по щиту Хаэля, волна боли прокатывалась по руке юноши, почти парализуя ее. В разгар этой бешеной атаки Хаэль сделал несколько коротких выпадов копьем, заставив амси отскочить в сторону.

Юноше не удалось нанести Импабе серьезной раны, но дважды он задел противника острым стальным наконечником. Во всяком случае, из этих царипин будет течь кровь, ослабляя Импабу. Вновь опустилась ужасная дубинка. Хаэль поднял, защищаясь, щит. Однако он недооценил кнутовообразной гибкости оружия противника: дубинка изогнулась, и каменный наконечник со страшной силой ударил его в плечо.

В глазах юноши потемнело от боли. С побледневшим, как мел, лицом Хаэль отпрыгнул назад. Импаба, торжествующе оскалившись, ринулся на него, размахивая оружием. Он знал, что теперь противник почти не может пользоваться левой рукой. Жестокий град ударов заставил Хаэля согнуться почти пополам, прикрывшись небольшим щитом. Неожиданно Импаба нанес круговой горизонтальный удар, и головка его боевой дубинки задела правый край



щита Хаэля. Резко рванув, амси выбил щит из рук юноши. Довольная ухмылка пробежала по его лицу. Каменный наконечник, со свистом рассекая воздух, понесся в голову Хаэля.

Хаэль схватил копье обеими руками, словно посох, и, взмахнув длинным бронзовым острием, ударил по опускающемуся локтю Импабы, раздробив кость. Амси заорал от боли и, согнувшись, рухнул на спину. Его глаза расширились от ужаса, когда он увидел, что Хаэль склонился над ним, сжимая копье побелевшими пальцами. Длинный сверкающий наконечник ударил, словно жало змеи. Лицо Импабы исказила предсмертная судорога, потом оно застыло, превратившись в безжизненную маску.

Когда Хаэль вернулся к месту недавней стычки, его встретили громкие приветственные возгласы. Он ехал верхом на своем кабо, ведя в поводу скакуна Импабы. Амси и мэтва уже обобрали тела убитых разбойников и заканчивали перевязывать своих раненых. Кабо дикарей-изгоев согнали на берег реки.

Хаэль спешился возле Твилы и крепко пожал ей руку.

— Я никогда не забуду того, что ты для нас сделал!

Молодой вождь улыбнулся.

— Ты уже скрылся из виду, когда я вспомнил, где видел того неотесанного грубияна.— Он указал рукой на изрубленное тело Дено.— Это было три года назад на ярмарке. Ему отрезали ухо за то, что он обманул соплеменника в торговой сделке. Я знал, что его народ никогда не примет его после такого позора. Поэтому, чтобы не умереть с голоду, он подался в разбойники.



— Ты окончательно разобрался с Импабой? — спросил подошедший Хоша, любуясь захваченным в бою прекрасным мечом.

— Да, — коротко ответил Хаэль и вновь обратился к Твиле: — Здесь встречается много разбойничьих шаек?

— Видимо-невидимо, — ответил молодой вождь. — Сегодня примерно четырем десяткам подонков удалось от нас удрать. Они, скорее всего, присоединятся к другой шайке еще до новой луны.

— Почему вы не преследуете этих негодяев? — спросил Хоша.

— Убить разбойника немного чести, — ответил Твиле. — Воины, ищущие славы, предпочитают сражаться с врагами племени, нежели с его отбросами. Да они хуже летучей мыши, пожирающей падаль! Разбойники слишком слабы и трусливы, чтобы противостоять сильному отряду воинов. Так что им ничего не остается, как грабить деревни и проезжающих торговцев. Мы убиваем их, только если кто-нибудь настолько обезумеет, что приблизится к нашим лагерям или стадам.

У Хаэля даже перехватило дух, когда он понял, какое великолепное поле деятельности открывается перед ними. Это как раз то, что ему нужно! Он видел амси и мэтва, объединенных совместным делом: тщательно обшаривая тела налетчиков, они совершенно забыли о своей давней вражде. К тому же они только что отважно сражались против общего неприятеля.

Хаэль не хотел ждать иноземного вторжения, позволившего бы новым силам верховых лучников обрести боевой опыт, и вот теперь ему не придется терять годы, чтобы превратить отряды амси и мэтва в слаженное войско! Он опасался потратить много



времени впустую, отчаяя бывших врагов при всяком удобном случае перерезать друг другу глотки,— теперь перед ними стояла достойная общая задача. Выполнив ее, они принесут много пользы народу амси и вместе с тем добудут так необходимые мэтва кабо.

— Твила,— заговорил юноша,— что ты и твои люди собираетесь делать летом?

Вождь пожал плечами.

— Да как обычно. Охота, немного торговли, немного набегов. Ну, и конечно, девушки. До того, как соберемся осенью в деревнях, мы по существу предоставлены сами себе. Среди нас нет женатых, так что некому следить за тем, как мы проводим свободное время. Можно славно повеселиться, конечно, если не будет войны. Но если тебе что-нибудь нужно от нас, мы к твоим услугам, Предреченный!

— Прекрасно,— сказал Хаэль.

Наклонившись с седла, он сорвал пучок травы и принялся тщательно счищать кровь, запятнавшую длинный наконечник его копья.

— Твила, как ты посмотришь на то, чтобы отправиться со своими парнями на отлов кабо? Только не диких, а хорошо обученных — тех, что разбойники когда-то у вас угнали? Конечно, будут и драки. Из тех, что не приносят особой чести воинам, и все же можно будет стирать кровь с оружия, сознавая, что сделал все возможное, чтобы жизнь стала лучше. Как ты к этому отнесешься?

Твила улыбнулся.

— Звучит неплохо,— сказал он.— Я думал, у нас достаточно кабо, но с тобой, Предреченный, мы поедем куда угодно и сразимся с любым врагом. Даже с тем, смерть которого не принесет много славы.



* * *

Когда они вернулись в холмы, жители выбежали из деревни поглязеть на великолепное зрелище. Всадники во главе с Хаэлем не были похожи на тех людей, что уезжали отсюда ранней весной. Многие из них носили теперь кожаную одежду, как амси, и заплетали, как они, свои светлые волосы в косы. Их было меньше, чем пять десятков,— четверо обрели вечный покой в могилах на равнине. Однако за лето в холмах иногда погибало и больше людей.

Всеобщее внимание привлекал не только вид всадников. Они привели с собой огромное, больше тысячи голов, стадо отличных ездовых кабо, а также несколько сотен более мелких полудиких животных, на которых удобно учить ездить верхом ребятишек. Чтобы помочь приручить животных, вместе с отрядом прибыли около трех десятков амси. Люди двух народов прекрасно чувствовали себя вместе. Им пришлось преодолеть множество предрассудков, но, сражаясь бок о бок, они забыли, что когда-то были врагами.

Хаэль предполагал продолжить дело, предназначеннное ему судьбой. Он уже представлял великую нацию, которую сможет выковать из двух сильных воинственных народов. Каждое лето отряды мэтва под его предводительством будут рыскать вместе с амси по равнинам до тех пор, пока не выжгут последнее гнездо разбойников. Это предприятие позволит добыть кабо для мэтва, а также заслужить благодарность и уважение амси. Из двух объединенных народов выйдет прекрасное войско. Амси выразили желание обучиться стрелять из коротких луков. На следующий год мэтва станут учить амси стрелять, а те, в свою очередь, научат их обращаться с пиками для ближнего боя. Все идет так, как он



и предвидел. Хаэль знал, что не свернет с предназначенного ему пути, как корабль, влекомый к берегу волнами прилива. Но в какую гавань занесет его этот прилив, куда приведет — он не знал.

Но, как только они въехали в деревню Широкого Листа, он позабыл обо всех своих великих планах. Забыл обо всем, увидев женщину, встречавшую его на мостице через ручей. Она стояла, опираясь на перила, и живот туго натягивал ее платье. Хаэль спрыгнул с седла. Власть над народами, могущественные армии, победоносные походы — все отошло куда-то на задний план. Он забыл кабо и лук, забыл меч и копье, бережно обнимая жену, носившую под сердцем их будущего первенца.



СОДЕРЖАНИЕ

А. Лидин. Меч, магия и этнография 5

ОСТРОВИЯНИН

Глава первая	31
Глава вторая	65
Глава третья	92
Глава четвертая	116
Глава пятая	152
Глава шестая	183
Глава седьмая	209
Глава восьмая	261
Глава девятая	301
Глава десятая	332
Глава одиннадцатая	375
Глава двенадцатая	409
Глава тринадцатая	427

Литературно-художественное издание

РОБЕРТС ДЖОН МЭДДОКС
ОСТРОВИТИЯНИН

Перевод с английского *Татьяны Темкиной*

Ответственный редактор *Наталья Баулина*
Выпускающий редактор *Наталья Памфилова*

Главный художник *Сергей Шикин*

Художественный редактор *Елена Иванова*

Шрифтовой дизайн *Дмитрия Вяземского*

Художники *Владислав Асадуллин, Кирилл Рожков*

Верстка *Елены Посадовой*

Корректор *Вера Чаленко*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 04.01.99.
Формат 84×108¹/32. Бумага типографская. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 24,36. Тираж 5000 экз. Заказ 1917.

Издательство «Северо-Запад».

Лицензия ЛР № 071380 от 20.01.1997 г.

194352, Санкт-Петербург, ул. Кустодиева, д. 16, корп. 3.

Для писем: 197110, Санкт-Петербург, а/я 171.

E-mail: sevzap@infopro.spb.su.

При участии ООО «Харвест». Лицензия АВ № 32 от 27.08.97.
220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35—305.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
в типографии издательства «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

fantasy

Издательство «Северо-Запад»
представляет серию
«fantasy»

Каждая новая книга этой серии —
волшебное полотно, на котором
чудесными нитями мифов выткано
повествование о борьбе с силами
Хаоса и Тьмы.

В серии «fantasy» вышли книги:

С. Ланье «Иеро не забыт»

Т. Свани «День Минотавра»

М.Муркок «Город в осенних звездах»



Готовятся к выходу книги:

Р. Сильверберг «Книга Черепов»

Г. Бир «Концерт бесконечности»

Б. Ламли «Воин древнего мира»

Впервые в России!

**ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ**

МАСТЕРА ФЭНТЕЗИ,
СОЗДАТЕЛЯ «САГИ О КОНАНЕ»

РОБЕРТА ГОВАРДА



**вышли в свет
следующие тома:**

- Черный камень•
- Ночь волка•
- Гончие смерти•
- Проклятие океана•
- Клинок судьбы•
- Железный кулак•



В СЕРИИ
«САГА О КОНАНЕ»

ВЫШЛИ СЛЕДУЮЩИЕ ТОМА:

1. Конан и четыре стихии
2. Конан и боги тьмы
3. Конан и меч колдуна
4. Конан бросает вызов
5. Конан и повелители пещер
6. Конан и песня снегов
7. Конан и Небесная Секира
8. Конан на Дороге Королей
9. Конан принимает бой
10. Конан и карусель богов
11. Конан и дар Митры
12. Конан и Ночные Клинки
13. Конан и грот Дайомы
14. Конан и Зеркало Грядущего
15. Конан и Время Жалящих Стрел
18. Конан и бич Нергала
19. Конан и город плененных душ
20. Конан и Источник Судеб
21. Конан и сердце Аrimана
22. Конан и Багровое Око
23. Конан и призраки прошлого
24. Конан и воинство мрака
25. Конан, варвар из Киммерии
26. Конан и Рыжий Ястреб
28. Конан и заговор теней
29. Конан и копье Крома
30. Конан и врата вечности
31. Конан и алмазный лабиринт
32. Конан и расколотый идол
33. Конан и чаща бессмертия
34. Конан и ледяной страж
35. Конан и торговцы грезами
36. Конан и алтарь победы
37. Конан и битва бессмертных
38. Конан и пожиратели плоти
39. Конан и Берег проклятых
40. Конан и оковы безмолвия
41. Конан и Владычица Небес
42. Конан и Древо Миров
43. Конан и кольцо власти
44. Конан и зов Древних

Хроники Ричарда Блейда

ЧИТАЙТЕ

ПЕРВЫЕ ДВЕНАДЦАТЬ ТОМОВ СЕРИАЛА
«ХРОНИКИ РИЧАРДА БЛЕЙДА»

ТОМ 1
«Миддорский оборотень»

ТОМ 2
«Нефритовая страна»

ТОМ 3
«Стальное сердце»

ТОМ 4
«Ветры Катраза»

ТОМ 5
«Раб Сармы»

ТОМ 6
«Тварь в лабиринте»

ТОМ 7
«Край Вечных Снов»

ТОМ 8
«Золотой скакун»

ТОМ 9
«Мятежник»

ТОМ 10
«Проигравший — умирает»

ТОМ 11
«Погибший мир»

ТОМ 12
«Корнуэльский кровосос»

СЕКУМ

«Сага о Кулле»

Тех, кто любит увлекательные приключения Конана и хорошо знакомы с Хайборийской эрой — удивительной предысторией нашего мира, ждет встреча с далеким предком варвара-киммерийца, легендарным правителем Валузии.

**КУЛЛ
И ТРОИ ВЛУВИИ**

**КУЛЛ
И ЗМЕИНОЕ КОРОЛЕВСТВО**



•Северо-Запад®

"SCIENCE FICTION"

Издательство «Северо-Запад»
представляет
**лучшие книги
зарубежной научной фантастики**

Вас ждут встречи
с загадками исчезнувших цивилизаций,
удивительными научными открытиями,
неведомыми мирами далеких галактик.

**Вышло уже 40 томов.
Не пропустите новые книги!**



Готовятся к выходу книги:

С.Дилени «Драгоценности Эптора»
Б.Олдисс «Река обреченных»
Г.Бир «Туннель миров», «Зов вечности»
Э.Ф.Рассел «Безумный мир»
К.Керр и Дж.Крейгбаум «Дворец»

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ
"SCIENCE FICTION"

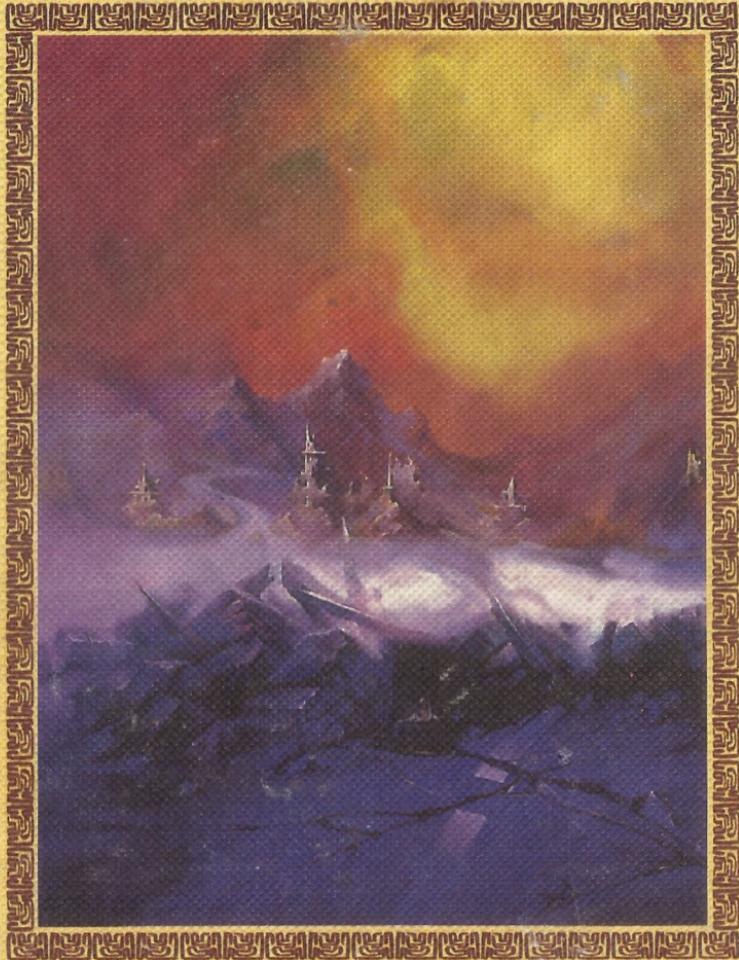


Поэтичность и изысканность стиля – вот визитная карточка этого классика
американской «новой волны» в научной фантастике.
Герои романа поглядывают на поиски загадочного грависамира в постильерийский мир,
полный странных существ и сверхъестественных слов...



СЭМЮЭЛ
ДИЛЕНДИ
ДРАГОЦЕННОСТИ
ЭПТОРА

fantasy



•Северо-Запад•®

ISBN 5-7906-0059-X



9 785790 600593